

p 38

pn

113305

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

СОЧИНЕНІЯ

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

8917-3

П Р У Д Ъ

РОМАНЪ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ИЗД. „СИПОВНИКЪ“ СПБ.

45

P 38 + русск.

Типографія товарищества
«Екатери́нгофское Печатное Дѣло».
СПБ., Екатери́нгофскій, пр., 10.

ПОСВЯЩАЮ

С. П. РЕМИЗОВОЙ—ДОВГЕЛЛО

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

П Р У Д Ъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Домъ братьевъ Огорѣлышевыхъ.

Отъ Камушка до Чугунно-литейнаго завода и отъ Колобовскаго сада до Синички тянется огромный дворъ, огороженный высокимъ, краснымъ заборомъ, часто утыканнымъ изогнутыми, ржавыми костылями. Къ Синичкѣ примыкаетъ прудъ, густо заросшій со всѣхъ краевъ старыми веслами, на концѣ котораго шипить и трясется бумаго-прядильная фабрика съ черной, закопченной трубой. За фабрикой, поверхъ оранжереи и цвѣтника, выглядываетъ исподлобья неуклюжій бѣлый домина — домъ Братьевъ Огорѣлышевыхъ.

На противоположномъ концѣ пруда, на заднемъ дворѣ — красный флигель съ мезониномъ.

А тамъ, отъ краснаго флигеля до самого бѣлаго дома, вдоль двора фабричныя корпуса — спальни, дрова и амбары.

Еще не померкла тѣнь дѣда, Николая Огорѣлышева, и много темныхъ исторій ходитъ кругомъ, отъ Камушка до Чугунно-литейнаго завода и отъ Колобовскаго сада до Синички.

Скрюченный, желтый кощей съ лукаво-острыми глазами, помахивая своей зеленой бородой Черномора, наводилъ старикъ на всякаго, съ кѣмъ сталкивался, неимовѣрный ужасъ. Старики же крѣпко дежрались своего старшины, гордясь умомъ и упорствомъ, съ которыми вель кощей свою линію: Николай не выдастъ!

Въ семейной жизни слылъ Огорѣлышевъ столпомъ. Женился рано. Правда, безъ любви, женился только потому, что Евфросинія затворницей была, въ монастырь итти собиралась: красавица, съ скитскою поволокой темныхъ, глубокихъ глазъ подвижницы, съ тонкимъ разрѣзомъ губъ сладостно-тихо улыбающейся мученицы. Скоро она надоѣла ему и принуждена была хорониться въ дѣтской, вынося смиренно жизнь свою.

— Евфросинія преподобная, угодница Божія,—приступалъ, бывало, старикъ,—на кухнѣ тамъ дѣвочка стоитъ, зябленькая сироточка... Пригрѣй ты ее!—а самъ трясется весь, губа ходуномъ ходитъ, отмачивается.

Крѣпкій былъ старикъ, девяносто лѣтъ на бѣломъ свѣтѣ жилъ, и пожилъ не мало,—не смотри, что скрюченный! — и сдѣлалъ для города много. дай Богъ всякому столько сдѣлать.

Послѣ смерти старика дѣло и капиталы перешли къ сыновьямъ, изъ которыхъ быстрѣ всѣхъ выдвинулся старшій, Арсеній. Въ городѣ открылся банкъ, на Кавказѣ — керосинное дѣло. въ Средней Азіи — хлопокъ, и вездѣ во главѣ стоялъ Арсеній.

Умирая, старикъ сказалъ сыну:

— Смотри, Арсеній, не будетъ меня, запрячь тебя за языкъ твой!

Да, языкъ у Арсенія свой былъ—такого не переспоришь, такой все на своемъ поставить.

И ужъ скоро оцѣнили его,—Арсеній не только въ отца понелъ, онъ отца обогналъ и умомъ и дѣловитостью, и

предпримчивостью—и купечество выбрало его своимъ предсѣдителемъ.

Съ этихъ поръ и началась его настоящая дѣятельность, а съ нею пошла слава, которая увѣковѣчила имя Огорѣлышевыхъ. Сталъ извѣстенъ въ самомъ высшемъ перербургскомъ кругѣ и пользовался полнымъ довѣріемъ. Вся финансовая машина понемногу очутилась въ его рукахъ и онъ крѣпко держалъ ее. Онъ проводилъ и останавливалъ законы. Сталъ извѣстенъ на всю Россію.

И этого маленькаго, юркаго человѣка, отказавшагося отъ всякихъ чиновъ, слушались, ненавидѣли, льстили. Начинать борьбу съ Арсеніемъ стало вѣрнымъ проигрышемъ. Все сильное и смышленное держало руку Огорѣлышева: Огорѣлышевъ былъ одинъ, только одинъ онъ съ своимъ языкомъ умѣлъ вѣско и крѣпко постоять за сословіе. Русское купечество, выраставшее подъ его охраной, въ правѣ было гордиться своимъ предсѣдателемъ.

— Достойный человѣкъ Арсеній Николаевичъ!—говорили и враги и свои.

Въ дѣтствѣ Арсенія баловали: Ареньку къ ранней обѣднѣ не будили, Аренькъ покушать давалось самое лучшее.

— Икорку-то Аренькъ оставьте!—ныла мать, Евфросинія препоподобная, перенесшая свои васильковыя скитскія слезы съ Лучезарнаго Жениха на любимаго первенца.

Сгорбленный, съ сведенными крючковатыми пальцами, заросшій весъ, нечесанный весъ, Арсеній не ходилъ по-людски, а какъ-то странно шмыгалъ, будто ноги были сами по себѣ, чѣмъ-то слабымъ, земнымъ и ничтожнымъ, за плечами же развѣвались тончайшія крылья, неумоимо разсѣкавшія воздухъ, несшія его по его волѣ.

— Антихристъ, честное слово,—говаривали фабричные про своего хозяина—и ходить-то путно не можетъ, летаетъ дьяволъ, сатана рогатая!

Правда, что-то зудѣло въ воздухѣ, когда шелъ онъ, а сѣрые глаза его кололи пронырливыми остріями, огорѣлышевскіе глаза непроницаемые, и, кажется, расцарапать способные всю душу.

Возиться съ отцовской фабрикой Арсенію не было времени да и дѣло не такое было значительное, чтобы тратить ему свои большія силы, и все управление понемногу перешло въ руки второго Огорѣлышева, Игнатія Николаевича.

Игнатій молодость свою прожилъ въ Англіи, знакомясь и изучая тамошніе фабричные порядки. Красавецъ, теперь сѣдой, съ грустящею улыбкой, ничему не удивлявшійся,—такимъ долженъ быть подъ старость сѣдой Д о н ъ Ж у а н ъ,—оставался онъ холостякомъ, развлекаясь садоводствомъ и благотворительностью. Управление фабрикой занимало такъ мало времени: все было налажено и съ англійской строгостью втиснуто въ крѣпкую огорѣлышевскую оправу.

Третій Огорѣлышевъ Никита,—Ника, восхищавшій весь городъ своею утонченностью и пріятностью, рано женился на сосѣдкѣ—милліонершѣ Колобовой, числился директоромъ Колобовскихъ фабрикъ и заводовъ и, въ противоположность Арсенію, дѣла никакого не дѣлалъ, но всегда былъ занятъ.

Когда его о чемъ-нибудь просили,—изъ всѣхъ Огорѣлышевыхъ только Нику можно было еще просить,—Ника капризно морщился и, изящно отмахиваясь выхоленными бѣлыми руками, постоянно ссылаясь то на колобовскихъ рабочихъ, которыхъ будто-бы то и дѣло умирять приходилось, то на всесильнаго князя.

— Опять ѣхать умирять этихъ негодяевъ,—говорилъ Ника, по-дѣтски картавая,—потомъ на вечеръ къ князю, ахъ, право мнѣ нѣкогда.

Ника жилъ отдѣльно отъ братьевъ въ Колобовскомъ дворцѣ, доставшемся ему за женою въ приданое. И кругъ знакомыхъ у Ники не похожъ былъ на Огорѣлышевскій: дѣловые люди къ нему рѣдко заглядывали, а терлась около

него всякая знатная шантропа — промотавшиеся аристократики, военные вертопрахи, ловкие адвокаты, у которыхъ часто за душою оставалось всего на всего одно святое имячко — легкій нравъ.

Если Арсеній устраивалъ русское купечество, вытягивая его изъ купчихъ, которыхъ смѣлъ безнаказанно лягнуть всякій барскій холопъ, то Ника, по его собственнымъ словамъ, игралъ видную роль въ слияніи сословій. Но больше знали и больше цѣнили Нику за границей, гдѣ славился онъ покровителемъ парижскихъ и лондонскихъ тайныхъ притоновъ.

Такіе всѣ трое разные: Арсеній, Игнатій, Никита, и всѣ трое похожіе въ одномъ, — всѣхъ ихъ объединяла одна черта, выражавшаяся наиболѣе ярко въ старшемъ Арсеніи. Огорѣлышевы умѣли улыбаться по-своему, по огорѣлышевски: гдѣ-то въ окаменѣвшей улыбкѣ хоронилось затаенное желаніе взять что-нибудь, достать что-нибудь и не только потому, что нужно имъ для дѣла ихъ или для бездѣлья — для развлеченія, а часто потому, что, казалось бы, по просту нельзя этого взять, не хорошо, грѣхомъ считается.

Единственная сестра Огорѣлышевыхъ — Варенька. Варенька — младшая, двойникъ матери Евфросиніи преподобной, такая же, какъ мать, съ скитскою поволокой темныхъ глубокихъ глазъ подвижницы, такъ же, какъ мать, съ тонкимъ разрѣзомъ губъ сладостно-улыбающейся мученицы.

Варенька воспитывалась дома. Ходили учителя и нѣмцы, французы и англичанка. Росла Варенька смышленная и пытливая съ огорѣлышевской закваской. Глядѣли за ней мало. Ходила Варенька по субботамъ ко всенощной въ приходскую церковь къ Покрову, вывозили ее на балы, въ симфоническія собранія, а великимъ постомъ въ итальянскую оперу. И все въ кругу родственниковъ, съ родственниками, но были у ней и еще знакомства, о которыхъ знала одна Варенька.

Попался въ домъ такой учитель, познакомилъ Вареньку съ студентами. Стали студенты ей книжки давать. Конечно, все тайно, какъ тайное, все, какъ самое запретное. Варенькъ понравилось. Варенька собиралась въ народъ итти...

Какъ-то въ свѣтлую звѣздную ночь у Огорѣлышевыхъ необычайно засуuetились, а потомъ жутко примолкли. Варенька сидѣла въ кабинетѣ Арсенія, Арсеній ее допрашивалъ: онъ метался, какъ ужаленный, топалъ ногами и, подбѣгая къ столу, тыкалъ въ свертокъ съ книгами, листками и письмами, — все это самъ онъ отобралъ у Вареньки. Варенька молчала.

— Не скажешь?—какъ-то по-кошачьи, словно мяукалъ Арсеній,—кто тебѣ далъ? Кто? Не скажешь?—и вдругъ, не раздвигая густыхъ щетинистыхъ бровей, улыбнулся своею огорѣлышевскою каменной улыбкой.

Нашла коса на камень. Кто разобьется: коса или камень?

Варенька молчала, бѣлая, мертвѣла вся, а темные глаза заволакивались: темные, ничего не скажутъ они, закроются, захлопнутся—не жди, не будетъ отвѣта.

— Такъ пошла вонъ!—и взбѣсившійся голосъ Арсенія разбился на тысячу рѣжущихъ криковъ, разсѣкъ трепетавшее затишье и ожиданіе комнатъ бѣлаго дома.

Черезъ недѣлю объявлена была Варенькина свадьба.

Почему Варенька на улицу не сбѣжала? Такъ бы, кажется, и бѣжать ей изъ дому безъ оглядки, бѣжать куда угодно, ну, къ учителю тому, ну, къ студентамъ своимъ революціонерамъ, только въ домѣ не оставаться больше, ни одной минуты—еще одна минута и пропадетъ все ея дѣло, сгинетъ вся ея свобода, вся душа прихлопнется. Или ужъ петлю бы на шею да въ петлю, чтобы сразу конецъ. Все бы тогда сразу кончилось безъ всякихъ терзаній и мукъ и жалобъ и слезъ. Или была какая надежда? Да на что она могла надѣяться? Будущаго мужа своего она совсѣмъ не любила.

Наканунѣ свадьбы позднимъ вечеромъ Варенька вышла изъ дому. Торопилась она, не сказавшись, вышла, но у воротъ повернула назадъ, пошла по двору, миновала фабрику, отворила калитку въ садъ, пошла по саду, прямо по снѣгу вокругъ пруда, вышла на прудъ и долго бродила по сугробамъ, подходила къ проруби, заглядывала въ черную дымящуюся прорубь и вернулась домой опять въ бѣлый домъ.

Вернулась Варенька въ свой бѣлый домъ,—никто ее ни о чемъ не спросилъ, и сама она ни съ кѣмъ слова не сказала, молча прошла къ себѣ въ комнату. Сѣла у стола безъ огня и сидѣла въ темнотѣ, жмурилась: кололо глаза — это слезы кололи глаза, не проливаясь, словно сжигались слезы гдѣ-то въ самыхъ глазахъ.

— Все сорвалось, — шептала она, — нѣтъ надежды и думать не о чемъ и ждать нечего, все сорвалось.

И вдругъ улыбнулась она, какъ Арсеній, каменной огорѣлышевской улыбкой, встала и твердо, не хоронясь, твердыми шагами спустилась въ столовую. Въ столовой ни души не было. Она отворила буфетъ и выпила простой водки.

Какъ горячо ей по сердцу пошло, какъ горячо! И ужъ въ кровати она заплакала, — никто ее не слышалъ, никому не услышать было послѣднихъ ея, отчаянныхъ слезъ, — и плакала до безумія.

Стало свѣтать, и чуть увидѣла она свѣтъ, живо, твердо поднялась на ноги.

Начался день ея свадьбы. Что будетъ дальше? Будетъ ли она счастлива?

— Боже мой, подкрѣпи меня! — шептала Варенька.

Свадьба прошла благополучно и не весело, но все, какъ заведено, по всѣмъ правиламъ. Только въ началѣ бѣда — лошадь карету съ Варенькой не повезла: домъ Огорѣлышевыхъ въ котловинѣ, къ воротамъ — горка, какъ подниматься къ воротамъ, лошади и стали, и пришлось Варенькѣ вылѣ-

затѣ и въ бѣломъ своемъ платьѣ, въ бѣлыхъ туфелькахъ пѣшкомъ йти.

— Не бывать барышнѣ нашей счастья въ замужествѣ, — охали по двору фабричныя бабы, — лошадь не повезла.

И началась для Вареньки новая жизнь — будни съ чужимъ у чужихъ въ дикомъ, облупляющемъ Финогеновскомъ домѣ, далеко отъ Синички и Камушка, на другомъ концѣ города за Большой рѣкой.

Елисей Финогеновъ старше Вареньки лѣтъ на двадцать, вдовецъ съ кучей дѣтей, любилъ онъ Вареньку, но пустымъ затѣямъ ея не хотѣлъ потакать, не могъ примириться.

— Пожили бѣ вы, какъ я жилъ, погнули бѣ хребты, не то бы заговорили, театры-то эти выбросили бы изъ головы, однѣ пустыя траты, — ворчалъ Елисей вечерами, вернувшись изъ города изъ своихъ магазиновъ, и позѣвывалъ.

Жизнь Елисею выпала нелегкая. Нелегко ему было въ люди пробиться. Изголодавшійся мужикъ — отецъ его, Степанъ Финогеновъ, привелъ въ городъ своего Елеську, почернѣвшаго и шелудиваго отъ сѣрой, деревенской нужды, и опредѣлилъ въ лавку Толокова мальчишкой.

Извѣстно, мальчишка въ лавкѣ: наука не мудренная, а мозги затрещать.

Елеська за кипяткомъ бѣгалъ, тычка получалъ, ситцы таскалъ, да такіе куски, большому не унести, инда кровь носомъ хлестала. А выровнялся, подростъ мальчишка и сметливымъ оказался, — наука въ прокъ пошла. Хозяинъ безъ него и шагу не ступить: шустрый и угодливый, — и все съ нимъ будто прибыльнѣе идетъ; и цѣлый день копается, безъ дѣла не посидитъ, — и все съ нимъ будто и порядка больше, счета какіе-то выдумалъ, прибыльные. На пятнадцатомъ году произвели Елеську въ приказчики. Прибаутчикомъ да насмѣшникомъ прослылъ Елисей и лихо на гармонь игралъ и съ душою пѣсни пѣлъ: голосъ нѣжный, такъ въ душу и просится. Хозяинъ, старухъ Толоковой, очень Елисей за набож-

ность свою по душѣ пришелся: какъ сынъ, души въ немъ старуха не чаяла. Скоро довели Елисея въ главные Главнымъ толоковскимъ приказчикомъ сдѣлался Елисей, и вѣдь изъ ничего, изъ простыхъ мальчишекъ вышелъ, своимъ трудомъ. И теперь ужъ не Елеська, не Елесей, а Елисей Степановичъ Финогеновъ — такъ стали величать Елисея. Разъѣзжалъ Елисей по городамъ за товарами, бывалъ по хозяйскому дѣлу и за границей, вездѣ присматривался. Пошли деньги и уваженіе. Чего еще? Да мало ли чего,—семьей обзавестись пора. Женился Елисей. А тутъ умираетъ Толоковъ и вся торговля переходитъ въ руки Финогенова. Старуха Толокова сдѣлала Елисея довѣреннымъ, и до самой смерти старухи служилъ Елисей у Толоковыхъ довѣреннымъ. А умерла старуха, отошелъ онъ отъ Толоковыхъ и свое дѣло открылъ.

Толоковское дѣло кончилось, началось Финогеновское.

Хаживалъ Елисей на биржу, понравился Арсенію.

— Елисей—человѣкъ вѣрный,—говорилъ Арсеній про Финогенова,—безъ мыла куда хочешь влѣзешь.

А Елисей овдовѣлъ и подумывалъ о новой семьѣ: еще и не старъ онъ, и дѣти на рукахъ—порядокъ надобенъ.

Когда отдали за него Вареньку, онъ по положенію своему поднимался все выше и выше, вровень съ богатыми зарѣчными купцами. И все было хорошо, одно мучило: дѣти не въ отца пошли. Хотъ и пристроилъ онъ сыновей по магазинамъ въ своемъ же дѣлѣ, да толку мало: нерасторопность какая-то, небрежность, да и погуливали. Дочь Людмилу замужъ выдалъ, и тоже не удачно: зять ненадежный, того и гляди промотается.

Пять лѣтъ прожила Варенька съ мужемъ въ дикомъ Финогеновскомъ домѣ. Никто у нихъ не бывалъ, и они никуда не въѣзжали, кромѣ ярмарки въ Нижній да къ Огарѣ-лышевымъ въ праздникъ.

Что за эти годы—за пять-то страдных лѣтъ вытерпѣла она, какія рождались и умирали желанія въ ея изболѣвшемъ, покорившемся, но еще живомъ бунтующемъ сердцѣ, какъ узнаешь? Никому ни полслова, да и себѣ, должно быть, ясно не сказала она, а то бы все по-другому стало: ужъ давно бы нашла выходъ.

Цѣлыми днями молча ходила Варенька по высокимъ, нелюдимымъ чужимъ комнатамъ дикаго Финогеновскаго дома, а вечеръ придетъ, сядетъ въ углу гдѣ-нибудь и сидитъ впотѣмахъ.

Въ дѣтской колыбельки поскрипываютъ,—тамъ няньки, дѣтей баюкаютъ, въ приказчицей—гармонья чуть слышная, кажется, черезъ полъ идутъ звуки, ползутъ по полу и срываются, снуютъ вокругъ въ темнотѣ такіе надоѣдливые, не отмахнешься, ничѣмъ не заглушишь, на половинѣ другихъ дѣтей—пасынковъ, если дома они и гости у нихъ,—тамъ смѣхъ, вскрики, разговоры. Слушаетъ Варенька и не помнитъ, когда такъ сама она разговаривала? А вѣдь она тоже когда-то разговаривала и беззаботно и весело, тогда—въ праздникъ свой съ тѣми студентами да и съ подругами.

Зачѣмъ она покорилась? Во имя чего взяла на себя такой большой, такой тяжелый, такой непосильный крестъ? Мать ея—Евфросинія, проливавшая васильковыя слезы свои передъ Женихомъ Лучезарнымъ, тоже покорилась и, покорная, несла крестъ свой безропотно ради своего первенца. И ужъ все могла вынести и до конца все вынесла. Но Варенька несла свой крестъ совсѣмъ по-другому, несла она крестъ не ради самого спасительнаго крестнаго бремени: вынесешь до конца, и земля потрясется и солнце померкнетъ и звѣзды попадаютъ съ неба, и ужъ новая другая земля ляжетъ подъ тобой, и другое новое солнце и другія новыя звѣзды загорятся на новомъ небѣ. Крестъ ея подымался передъ ней висѣлицей и силкомъ, хотѣла она, не хотѣла, тащили ее къ этой смертной висѣлицѣ. Упира-

лась она, но ее пересиливали и кто-то подымалъ на воздухъ, закидывалъ петлю на шею, и петля душила ее, и молотокъ постукивалъ,—пригвождали ей руки, рвалась она, не вырвешься,—гвозди вонзались.

Сброситься бы ей внизъ на землю съ ея висѣлицы-креста, сбросить съ себя тяжелый, ненужный, какой-то безцѣльный, проклятый крестъ, уйти изъ этой финогеновской покорной жизни! Куда уйти?—Да куда глаза глядятъ, только вонъ изъ чужого дикаго дома, сейчасъ же, сію минуту—еще одна минута и оборвется сердце, оставить ее послѣднія силы, затянется петля, гвоздями пробьются руки, раздробятся кости и тогда ужъ поздно.—Уйти ей? Хорошо, уйдетъ она, а какъ же дѣти? У ней четыре сына, какъ же съ дѣтьми-то? Они еще маленькіе?—И дѣтей пусть бросить. Зачѣмъ они ей? Что ей съ дѣтьми? Любить она ихъ? Пусть любить, но есть у нея и еще лкбовь и большая, чѣмъ къ дѣтямъ, важнѣе всякой материнской любви, любовь ея къ своей покорившейся, но и еще живой, еще не прихлопнутой, еще бунтующей душѣ, которая покоя не находитъ себѣ, примириться не можетъ, все мучается... Или въ жертву принести себя хочетъ? Но жертва только добровольная угодна, недобровольная же худшее изъ проклятій. Вотъ она сидитъ тутъ въ комнатѣ впотмахъ, а тамъ дѣтей ея няньки няньчаютъ, она одна сидитъ, не идетъ вѣдь въ дѣтскую и не можетъ итти. И пусть совсѣмъ ихъ бросить—и домъ и дѣтей, все позади оставить, Богъ съ ними. Проклянетъ вѣдь она ихъ, свою жизнь проклянетъ и дѣтей, проклянетъ вмѣстѣ съ домомъ, вмѣстѣ съ своею покорностью и крестомъ своимъ.

— Боже мой, подкрѣпи меня!—шептала Варенька.

Такъ проходили ея будни въ Финогеновскомъ домѣ за Большой рѣкой.

Измучается она, истерзается вся, да обезсиленная, тихая отъ грызущей тоски, пойдетъ къ мужу.

Чуялъ ли онъ бѣду въ ея порывистыхъ и какихъ-то отчаянныхъ ласкахъ?

Елисей любилъ жену.

— Я съ тобой Варенька,—говорилъ онъ ей,—я люблю тебя, дѣти есть у насъ, наши дѣти!—вотъ и все.

Да чего же еще? Елисей любилъ ее, по-своему, конечно, но любилъ по всей правдѣ, и все, что казалось ему нужнымъ, все дѣлалъ для нея: были у Вареньки и платья всякія и драгоценностей, сколько угодно, и кромѣ добра онъ другого не хотѣлъ для нея.

Какъ-то и совсѣмъ по пустякамъ старшій пасынокъ, Василій, что-то рѣзкое, не такъ сказалъ мачихѣ, а, можетъ быть, вовсе и не рѣзкое, а ей такъ показалось тогда, только Варенька, не дожидаясь мужа, собрала дѣтей и прямо на Камушекъ къ братьямъ въ бѣлый Огорѣлышевскій домъ.

Веселая ночь была, звѣздная, шумно-весенняя.

Въ бѣломъ домѣ засуетились, какъ пять лѣтъ назадъ, на первые заморозки, а молчаніе наступило еще страшнѣе того. Варенька сидѣла въ кабинетѣ Арсенія. Оба кричали... Нашла коса на камень. Кто разобьется, коса или камень? А вышли оба тихіе, будто примиренные. Темные глаза Вареньки словно посѣдѣли. Арсеній мертвецомъ смотрѣлъ, горло у него болѣло и шея была завязана бѣлымъ платкомъ, изъ подъ платка вата торчала.

Арсеній не выгналъ Вареньку, Арсеній уступилъ. Варенька не вернется въ Финогеновскій домъ, Варенька останется жить у Огорѣлышевыхъ, ей дадутъ уголь.

Рѣшеніе Огорѣлышева—законъ, больше чѣмъ законъ, и если онъ самъ уступилъ, такъ и быть тому.

Очень огорчился Елисей, умолялъ Вареньку вернуться—позоръ-то какой: жена сбѣжала!—въ ноги ей кланялся,—и развѣ онъ какой-нибудь пьянчужка или онъ истязалъ ее, какъ ему теперь въ городъ-то показаться и на ярмаркѣ въ Нижнемъ?—но такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ. И забывшись, въ

огорченіи своемъ попробовалъ было съ Арсеніемъ поговорить, да лучше бы и не начинать. Елисея вызвали къ князю и князь съ мѣста пригрозилъ выслать его изъ города въ двадцать четыре часа, если онъ хоть что-нибудь предприметь къ законному возвращенію жены. Елисей перекрестился и подписалъ разводъ.

Лѣто прожила Варенька съ дѣтьми на дачѣ, а къ зимѣ въ красный флигель переѣхала, на Огорѣлышевскій задній дворъ. Огорѣлышевы положили выдавать ей на жизнь небольшую часть процентовъ съ ея приданого, а приданое въ дѣло отобрали.

Рѣшиться такъ круто разорвать съ мужемъ, уйти изъ Финогеновскаго дома, рѣшиться вернуться къ Огорѣлышевымъ, остаться у Огорѣлышевыхъ — это на такую высоту броситься, гдѣ духъ захватываетъ. И вотъ все кончено. И послѣ всѣхъ своихъ дѣлъ Варенька сразу затихла, словно тамъ, въ душѣ ея съ ея желаніями, въ этой пучинѣ извиляющихся простертыхъ рукъ, оборвалось что-то, смѣшалось и кануло. Остались жалобы, жалобой переполнилось все ея сердце, а на мѣстѣ воли открылись большія жалкія слезы — жалобный плачъ.

Фабричный огорѣлышевскій свистокъ да колокольный звонъ въ Боголюбовомъ монастырѣ, возвышавшемся за пустыремъ — огородами надъ Синичкой, сторожили ея тягучую, какую-то проклятую жизнь.

Изрѣдка ходила Варенька въ гости, еще рѣже ѣздила въ театръ и больше всего оставалась одна въ своей комнатѣ, выходившей въ красный заборъ.

Арсеній и Игнатій заходили къ сестрѣ только въ ея именины, а Ника за недосугомъ коробку конфетъ присылалъ, самыхъ дорогихъ конфетъ и такихъ вкусныхъ — по особому заказу.

Гостей у Вареньки не бывало, кромѣ забѣгавшей Па-

лагей Семеновны Красавиной, дальней родственницы ея и старой пріятельницы.

Елисей Степановичъ пріѣзжалъ къ Варенькѣ каждое воскресенье обѣдать. И всегда къ обѣду была лапша и черная каша—любимыя кушанья Финогенова. Послѣ обѣда финогеновскій кучеръ Гаврила каталъ дѣтей съ нянькой по городу, пили чай, но ужъ въ самомъ началѣ вечера Елисей уѣзжалъ къ себѣ за рѣку.

Пять лѣтъ, не пропуская ни одного воскресенья, пріѣзжалъ Елисей въ красный огорѣлышевскій флигель. Дѣтямъ нравилось кататься по городу и они ждали воскресенья. Младшему Колѣ наступалъ шестой годъ, когда умеръ отецъ. Елисей умеръ, прохворавъ весь постъ и Пасху: на масленицѣ простудился, сдѣлалось воспаленіе легкихъ, не выдержало сердце,—конецъ. По духовному завѣщанію всѣмъ дѣтямъ отказанъ былъ большой капиталъ, но еще большій капиталъ завѣщалъ Елисей на колоколь въ село, откуда привелъ его когда-то отецъ его Степанъ Финогеновъ, такой колоколь отлить, чтобы, какъ ударятъ ко всенощной, стѣ села до самой Москвы хватало. Опекунами назначены были Варенька и пріятель Елисея Холостовъ. Холостовъ оказался человѣкъ ловкій и прожого. Говорили, что, если бы вступился самъ Огорѣлышевъ, можно было бы, устранивъ Холостова, еще спасти дѣло. Но Арсенія, какъ видно, не занимали финогеновскіе капиталы, и даже чудодѣйственный колоколь, мысль о которомъ очень понравилась Огорѣлышеву, все-таки не тронулъ его. Дѣло съ наслѣдствомъ затягивалось, деньги куда-то тратились. И выходило такъ, что дѣло пропашее: ни капитала не будетъ, ни колокола. Да такъ оно и вышло.

Когда дѣти чуть подросли, открылась передъ ними улица—фабричный дворъ съ его острой борьбой за нищенскую жизнь, съ безобразнымъ разгуломъ и смертью увѣчной и безпощадною.

Фабричные любили Вареньку, а по ней и дѣтямъ ея честь шла. И дѣти не чуждались фабричныхъ. Ихъ тянула та ласковость, съ которой обходились съ ними всѣ эти простые люди. Они бѣгали въ сторожку, въ каморки, въ будку и тамъ пили фабричный чай, жиденькій въ прикуску, и ѣли кнѣдишку и тѣю съ мелко-накрошеннымъ лукомъ и солдатскій черный хлѣбъ: кислый, верхняя корочка плесенью покрыта—очень вкусный. Фабричныя ребятишки и подростки ходились съ ними: дрались и играли, рассказывали о пинкахъ и оплеухахъ, и какъ ихъ штрафуютъ и порютъ.

Финогеновы называли своихъ дядей по фабричному Коляева, и повторяли фабричныя прозвища: Арсеній-антихристъ, Игнатій-змѣя, Никита-скусный, стариковъ же фабричныхъ, всѣхъ этихъ Никифоровъ, Демьяновъ, Ивановъ, величали дяденьками и дѣдушками.

Ихъ было четверо сыновъ, четыре мальчика Финогеновыхъ: Саша, Петя, Женья, Коля,—всѣ погодки. Огорѣлышницы—подъ такой кличкой скоро стали извѣстны они за свое безпримѣрное озарство и озарная слава шла о нихъ по городу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Подъ диваномъ.

Зимнія сумерки снѣжныя и тихія.

Маленькій курносенькій Коля лежитъ на полу подъ диваномъ и смотритъ сквозь пустую звѣздочку, прожженную папиресой на обокъ дивана.

Коля лежитъ въ гостиной на полу подъ диваномъ, скорчившись и неловко, какъ связанные телята на возу-лоткѣ, когда везутъ ихъ на бойню за Боголюбовъ монастырь,—почти всякій день медленно и томительно тянутся такіе возы мимо краснаго флигеля Огорѣлышевскаго дома, и всегда Коля бѣжитъ къ окну смотрѣть на болтающіеся телячьи языки и мягкое, полуживое ихъ вздрагивающее тѣло.

Надъ Колей, прямо надъ головой вплотную спускается сидѣнье дивана, тяжелое и темное, въ паутинѣ,—провалится оно, и тѣльце его расплющится, какъ лягушка, которую раздавилъ осенью на дорожкѣ у пруда дворникъ Кузьма своимъ огромнымъ, явлочнымъ сапогомъ.

Пыль забирается Колѣ въ носъ, душитъ, а глазамъ такъ больно.

На диванѣ сидитъ Палагея Семеновна Красавина и Варенька. Палагея Семеновна болтаетъ ногой и, захлебываясь, рассказываетъ Варенькѣ всякія городскія новости и семейныя событія.

Коля привыкъ къ рассказамъ Палагеи Семеновны, много чего переслушалъ онъ съ осени, когда впервые залѣзъ подъ диванъ и наострилъ уши.

Колѣ восемь лѣтъ, на Ивана Купала девятый пошелъ. Онъ ужъ гимназистъ приготовишка,—нынѣшнимъ лѣтомъ тѣ гимназію его отдали. Съ нынѣшняго лѣта началась для Коли новая жизнь: сталъ онъ вспоминать что-то хорошее, что будто бы когда-то третьяго года было, сталъ и скучать, а раньше ничего такого не чувствовалъ. Прошлой весной умеръ отецъ, Коля вспоминалъ отца: ему представлялся большой человекъ и почему-то непременно въ бѣлой майской парѣ, съ драгоценнымъ перстнемъ на волосатомъ пальцѣ, черные, большіе усы, колючіе, когда поцѣлуется.

Какъ хорошо было, когда въ воскресенье приѣзжалъ отецъ и въ кухнѣ появлялся Гаврила кучеръ, а на дворѣ вздрагивали сытныя черныя кони, какъ хорошо было кататься въ коляскѣ!

Приѣздъ отца только по воскресеньямъ нисколько не удивлялъ Колю. Можетъ быть, такъ все и нужно было, такъ и вездѣ дѣлается, почему онъ зналъ? Одинъ только разъ онъ замѣтилъ, что Варенька какъ-то особенно, съ какимъ-то захлебываніемъ плакала и сидѣла въ гостиной, а отецъ ходилъ по залѣ, и тогда же почувствовалъ, что между отцомъ и матерью есть что-то, чего, можетъ, и не нужно, и не такъ вездѣ бываетъ, а только ихъ, финогеновское. Коля помнить, какъ возили ихъ прощаться съ отцомъ. Варенька такъ и сказала тогда: „Поѣдьте прощаться“. И онъ въ первый разъ увидѣлъ дикій Финогеновскій домъ и комнату, гдѣ онъ родился, и отца увидѣлъ не въ бѣлой майской парѣ, а въ сѣромъ мышинномъ халатѣ, только чулки на немъ были

бѣлые, шерстяные вязаные — отецъ сидѣлъ въ креслѣ и задыхался, посѣдѣвшій и не бритый. Принесли икону Спасителя съ золотымъ краснымъ голубкомъ на сіяніи и отецъ благословилъ ихъ и потомъ далъ Колѣ яичко, въ яичкѣ — змѣйка, и фторфороваго сѣраго медвѣдюшку. Медвѣдюшка цѣль — это его единственная игрушка, а змѣйка пропала. Коля помнить, какъ, вернувшись домой, онъ вдругъ расплакался, и самъ не знаетъ, почему такъ горько расплакался, онъ влѣзъ къ нянкѣ на колѣни, обнялъ старуху и чувствовалъ, какъ горячи его щеки, и бѣгутъ слезы. За годъ до этого, когда горѣлъ Чугунно-литейный заводъ и Колю разбудили и онъ увидѣлъ въ окно страшный огонь, онъ также горько заплакалъ. А вскорѣ послѣ прощанья съ отцомъ, Варенька сказала, что отецъ умеръ, и портниха Даша въ столовой торопилась шить черныя курточки и черныя штанишки. А на слѣдующій день опять ѣздили въ Финогеновскій домъ: отца въ гробъ клали. Коля помнить, какъ, положивъ въ гробъ, послѣ панихиды опять вынули отца и стали надѣвать на него атласный лиловый халатъ и трудно было наряжать покойника, — подняли ему руку и рука поднялась высоко до самаго потолка, да такъ и осталась, и ужъ сколько ни старались, рука и послѣ все торчала изъ гроба. Въ третій разъ поѣхали въ домъ, въ каретѣ поѣхали на похороны. На похоронахъ, когда стали прощаться, всѣ плакали — и Саша, и Петя, и Женя, и Варенька, но Коля совсѣмъ не плакалъ. У покойника пошла изъ носу сукровица и это такъ поразило Колю, что онъ только это и видѣлъ: водянистая кровь струйкой бѣжала изъ носу, пропадала въ усахъ и текла по выбритой бородѣ. Въ день похоронъ отца у Финогеновыхъ бабки украли, а Женю на поминкахъ напоили водкой. А какъ было досадно, что бабки украли! Коля помнить, что старшій пасынокъ Василій послѣ поминокъ, прощаясь, далъ Варенькѣ перстень отца и обѣщаль пріѣзжать по воскресеньямъ. Варенька перстень взяла,

а отъ посѣщеній отказалась. Много Коля помнить и всякихъ мелочей: и какой день былъ пасмурный, и только, когда звонили, проглянуло солнце, и какъ на Финогеновскомъ дворѣ у конюшни трава была такая зеленая, больше ужъ никогда онъ не видѣлъ такой зеленой травы.

Шустрый и живой, Коля—памятливый, а близорукіе темные глаза его съ поволокой, какъ жучки, таращились и искали все, высматривали. Огорѣлышевскій прудъ — вода проточная и два ключа, купаться можно. Финогеновы рано начали купаться. Плавать ихъ учила горничная Маша. Коля быстро научился, но долгое время притворялся неумѣлымъ: ему было пріятно, когда Маша брала его къ себѣ на руки и сама улыбалась, такъ что зубы были видны бѣлые, такіе острые. Среди игръ, въ которыхъ Коля занималъ особенное мѣсто, отличаясь своимъ озорствомъ и плутнями, была одна игра тайная, называлась она стручки продавать. Играли въ нее за дровами у забора Колобовскаго сада, да на покатои, зазеленѣвшей отъ ветхости, крышѣ курятника—мѣстахъ скрытыхъ отъ взрослыхъ: неловко же было, если увидятъ. Садились Финогеновы въ кружокъ и играли.

Коля зналъ много сказокъ, но больше неприличныхъ. Вечерами дѣти торчали за воротами. За ворота же вечеромъ выходили посидѣть фабричные. Тутъ ужъ чего не слушаешься. Падокъ былъ Коля на всякій разговоръ и прилипчивъ ко всякому.

Вотъ почему онъ такъ зорко смотритъ и чутко слушаетъ, и, хоть не очень-то легко ему, и мало онъ понимаетъ чего, но изъ своей засады—изъ подъ дивана онъ не выльзетъ, будетъ слушать рассказы Палагеи Семеновны.

Палагея Семеновна послѣ долгаго перерыва беременна, она очень боится за себя: Сергій Аркадьевичъ—докторъ сказалъ ей, что роды будутъ тяжелые, пожалуй, понадобится операція.

Колѣ страшно захотѣлось чихнуть, даже глаза заколоу и забѣгали по лицу мелкія, щекочущія мурашки. И хорошо бы покашлять ему громко и нѣсколько разъ! Но онъ дѣлаетъ невѣроятное усиліе и сдерживается.

— Покойный Елисей Степановичъ,—звенить голосъ Палагеи Семеновны,—послѣ вашего развода, Варенька, сошелся съ горничной Сашей. Ну, помнишь тощя такая и ямка между бровей. Теперь съ ней живетъ Василій. Просто ужасъ! Отъ отца перешла къ сыну! Хорошее наслѣдство! Да, вчера мнѣ рассказывали, Варенька! Въ Пасажѣ я встрѣтила А., очень хорошей юристъ, онъ посвященъ во всѣ ваши дѣла. Отъ вашего наслѣдства ничего не останется: домъ продаютъ, Василій и Степанъ кутятъ, въ магазинѣ ихъ никогда не видно. Я не могу представить, Варенька, какъ ты могла прожить съ ними! А Людмилу, знаешь, на бульварѣ видѣли съ кавалерами! Прямо неприлично...—и Палагея Семеновна зашептала что-то о Людмилѣ.

Коля перестаетъ дышать.

— Выкидышъ... вытравлили... желтый билетъ...—доходить до него отдѣльныя слова, больше онъ ничего не разбираетъ.

Ножки стола и креселъ почернѣли, словно копать легла на нихъ, и стали онѣ толще. Коверъ разбухъ и вздыбился, будто шкура невиданнаго звѣря лубочной картинки,—такая картинка виситъ въ столовой: левъ, она виситъ между красноснымъ бенедиктинцемъ монахомъ — рекламою и священнымъ коронованіемъ.

Палагея Семеновна кашлянула, достала платокъ и примолка.

Запахло духами.

А цвѣты на коврѣ вдругъ стали яркими и большими, мѣдныя ножки креселъ заблестѣли, какъ подсвѣчники.

Это—Маша, горничная принесла лампу и поставила ее на столъ.

У Маши ботинки на высокихъ каблукахъ, а не стучать,—Филиппокъ ей сдѣлалъ, Степаниды кухарки сынъ. Современемъ, конечно, и у Коли такіе сапоги будутъ, а ему очень хочется, чтобы не стучали,—теперешніе его грубые и скрипучіе.

— Готовъ ли чай?—говорить Варенька, — поторопись, Маша, пожалуйста.

Коля осторожно перевертывается. Лѣвая нога у него затекла, въ ней будто песокъ, и кажется она такой огромной, чужой.

Шелковые юбки снова зашуршали.

— Вчера у П. П. былъ вечеръ,—затараторила Палагея Семеновна, словно чему-то обрадовалась,—пѣли итальянцы. И вдругъ вижу, входитъ К. Ѳ. Мы были поражены: П. П. на прошлой пятницѣ прозрачно намекнулъ ему при Лизочкѣ, что ихъ отношенія для него не тайна. А Лизочка, право, такая наивная! Это ужасный человѣкъ, Варенька, представь себѣ, отъ него всѣ безъ ума: Люся, Муся, Нина, и теперь Лизочка. Да! на рожденіе Тани, Ника взялъ Катю на руки и при всѣхъ,—мы только-что вышли изъ залы, они фокусника приглашали, чудный фокусникъ!—понимаешь, Варенька, при всѣхъ, показываетъ на Д. Е.: „Посмотри, говорить, Катя, вонъ твой настоящій папа“. Бѣдненькая Ксенька не знала, что ей и дѣлать. Д. Е. поблѣднѣлъ, какъ полотно. Словомъ, сплошная нетактичность. Мы просто не знали, куда дѣваться...

— А ты видѣла Арестовыхъ?—спросила Варенька.

— Ахъ, совсѣмъ и забыла. Я ихъ встрѣтила у А. М. Знаешь, Варенька, мѣсяца нѣтъ какъ они обвѣнчались, а Тука мнѣ рассказываетъ...—и Палагея Семеновна шепчетъ, не передохнуть.

Коля прислушивается, напрягаетъ всѣ силы, чтобы хоть что-нибудь понять, а понять ничего не можетъ. Среди мудреныхъ словъ прыгаютъ начальныя буквы именъ и фами-

лій, вытянутыя, съ завитками, а въ спину колетъ, словно булавкой.

Вдругъ маленькое сердце его сжалось камушкомъ и застыло: на полъ что-то уронили.

— Не безпокойся, оставь, Варенька, я сама!—рука Палагеи Семеновны, пухлая, въ кольцахъ, шмыгнула, какъ мышъ, около самого носа Коли.

Въ другое время Коля непримѣнно бы тянулъ ее за палець, но теперь что-то горяче-колкое разливается по всему тѣлу и душить его, онъ больше не можетъ удержаться, сопить.

— Чтой-то у васъ, Варенька, мыши?

— Пѣтъ. Наумка—котъ вѣчно подъ диваномъ трется. Палагея Семеновна опасливо подбираетъ юбки.

— Я кошекъ не люблю.

— Барыня, чай готовъ!—говорить Маша.

Встаетъ Варенька, за нею Палагея Семеновна. Палагея Семеновна заглядываетъ въ трюмо, прихорашивается. И Варенька, и Палагея Семеновна выходятъ изъ гостиной въ залу.

Когда бываютъ гости, чай пьютъ въ залѣ. Безъ гостей—въ столовой. Въ залѣ двѣ лампы съ яркими горѣлками-молніями, очень много цвѣтовъ, и въ горшкахъ, и на окнахъ, и по угламъ въ корзинахъ; между цвѣтовъ банка съ аксалотомъ, „который можетъ ничего не ѣсть“; въ углу у дверей рояль, и ломберный столикъ между оконъ. Печка въ залѣ всегда очень горячая; впрочемъ, всѣ печки горячія—дрова у Финогеновыхъ огорѣлышевскія!

Въ залѣ на красномъ кругломъ раздвигающемся столѣ шипитъ красный бронзовый самоваръ.

Стучать блюдами.

Коля приподнялъ оборку дивана, насторожился... И вдругъ шорохъ, будто съ дивана и еще кто-то всталъ.

Коля быстро опустил обorkу и затихъ. Ему слышно, какъ мѣшаютъ ложечкой сахаръ. Упала ложка.

— Дама будеть,—Варенька подняла ложку.

— Понимаешь, Варенька, просто невѣроятно...—и понеслась Палагея Семеновна, вспомнивъ что-то очень интересное и, можетъ быть, самое любопытное.

Коля проползъ до дверей Варенькиной комнаты — спальни, поднялся на цыпочки и пошелъ.

Высокій темный кіотъ, освѣщенный красной лампадкой, строго провожаетъ его всѣми лицами и гнѣвными и скорбящими, они осуждаютъ Колю: зачѣмъ онъ подъ диваномъ сидитъ и подслушиваетъ, будутъ ему немилосердныя муки, въ адъ преисподній посадятъ его, будетъ онъ горѣть въ негасимомъ прелютомъ огнѣ.

Не дыша, проходитъ Коля спальню и сосѣднюю узкую комнату—гардеробную, гдѣ стоятъ высокіе шкапы и устюжскій, покрытый бѣлою жестью, сундукъ съ замкомъ—музыкою. А изъ гардеробной онъ ужъ пускается бѣгомъ и, цѣпляясь за шаткія перила лѣстницы, подымается наверхъ въ дѣтскую.

На верху—въ дѣтской двѣ комнаты: комната прямо съ лѣстницы, она выходитъ къ пруду, и изъ нея видна фабрика и Чугунно-литейный заводъ; въ этой комнатѣ двѣ кровати, Сашина и Петина, и маленькая дверь на чердакъ; другая комната, соединенная съ первой дверями, выходитъ на улицу, изъ нея виденъ пустырь—огороды, Силичка и Боголюбовъ монастырь, въ этой комнатѣ спитъ Женья, Коля и нянька Прасковья, здѣсь же стоитъ комодъ и всякіе клопінные сундучки и виситъ высокое зеркало, — большая и очень заставленная комната.

Дорогой до дѣтской Коля никого не встрѣтилъ—пронесло благополучно, но въ дѣтской онъ наткнулся прямо на няньку Прасковью-Пискуню.

Прасковья сидѣла у стола, гдѣ обыкновенно Саша и Петя учатъ уроки, и штопала рванные чулки. Чулокъ лежала передъ ней цѣлая гора, и казалось,—такъ на лицѣ у ней было написано,—сколько ни штопай, всего не перештопаешь: заштопаешь десятокъ, завтра же дюжина рваныхъ прибудетъ.

— Гдѣ это ты, Колюшка, пропадалъ?—Прасковья подслѣповато, устало всматривается черезъ огромные мѣдные очки,—ишь завозилъ курточку-то, будто мѣшки таскалъ. Дай-ка я тебя, дѣвушка, почищу!

— Такъ, няня, животъ у меня болитъ!—Коля всегда все на животъ сваливаетъ.

— Покушалъ, знать, лишняго, онъ у тебя и разболѣлся. Горчичникъ поставимъ уютко.

„Ну, горчичникъ-то не поставимъ, горчичникъ больно щиплется!“—думаетъ Коля, а все-таки ему надо больнымъ представиться, какъ-ни-какъ, а могутъ хватиться, гдѣ пропадалъ такъ долго, и онъ ложится на Сашину кровать.

— Или поставить бутылку, горячую бутылку хорошо,—нянька передернула спину,—повѣтріе нынче ходить: напущено, знать, нечистымъ, согрѣшишь грѣшный.

„Ну, горячую бутылку можно!“—думаетъ Коля, ему на кровати лежать хорошо, спину не колетъ, и дышать онъ можетъ сколько угодно.

По лѣстницѣ наверхъ кто-то подымался.

Коля зажмурился.

— Колечка,—вдругъ услышалъ онъ такой знакомый голосъ съ ласкающей оттяжкой, это звала Маша,—Колечка, чай кушать ступайте!

Коля обрадовался, вскочилъ, и неловко ему, что такъ обрадовался, сунется.

А Маша ужъ на порогѣ и идетъ къ нянькѣ, будто на работу посмотрѣть, а сама: амъ!—поймала Колю, затере-

била его, зацѣловала его и въ носикъ, и въ ушко, и въ глазки.

— Красавчикъ ты мой, рѣчистый ты мой черноглазенькій, ма-а-ленькій!

— Ну чего, лупоглазая, чего развозилась,—ворчить Прасковья,—мальчикъ хворый: что ни часъ новая болѣзнь открывается, а она лѣзетъ. Да и подъ руку толкаешь...

Маша оставила Колю. Маша стоитъ, смотритъ на Колю и смѣется, будто и знаетъ что, да не скажетъ. А какая она высокая, какая она—больше нѣтъ такой, такъ бы и бросился къ ней: взобраться бы къ ней на колѣни, обнять ея шею, чтобы взяла она къ себѣ на руки,—щеки у ней всегда горячія.

Но Коля говорить, не глядя:

— У меня, Маша, животъ болитъ.

— Ужинать-то скоро?—Прасковья кладетъ спицы въ грудь рваныхъ чулокъ,—всю-то, дѣвушка, разломило, поясница гудеть... И когда этотъ колокольчикъ, прости Господи, сгинетъ!.. перекусить что-ли.

Нянька и Маша уходятъ изъ дѣтской внизъ. Маша успѣла въ окно заглянуть и догнала Прасковью и перегнала старуху. По лѣстницѣ медленно шлепаетъ нянька, но и ея старушачьи шаги затихаютъ.

Коля опять ложится на Сашину кровать: ему надо еще немного выдержать и тогда онъ можетъ итти пить чай,—а то еще не повѣрятъ!

„Мальчикъ хворый: что ни часъ новая болѣзнь открывается!“—вспоминаетъ Коля слова няньки и смѣется: у него губки пухлыя и ровные бѣлые зубы, какъ молоко, бѣлые.

Конечно, никакой новой болѣзни у Коли не открывалось. Съ тѣхъ поръ, какъ на третьемъ году была у него скарлатина, осложнившаяся водянкой, когда онъ и вправду помиралъ и никакія ванны изъ трухи не помогали, да вскорѣ затѣмъ корь, онъ не хворалъ ни разу.

Вообще, все дѣти отличались крѣпкимъ здоровьемъ, несмотря на все свои финогеновскія продѣлки: для озорства и удали ѣли снѣгъ и выбѣгали въ однѣхъ рубашкахъ въ холодныя сѣни, глотали большихъ мухъ, чтобы мутило и не идти въ гимназію, а чтобы грозы не бояться, ѣли черствыя заплѣсневѣлыя просвирки—бабушкино наущеніе!—и всегда на пруду—кувыркались въ прорубь. И все съ рукъ сходило, вреда особеннаго не замѣчалось. Исключеніемъ былъ Женя. Женя, послѣ всѣхъ болѣзней Коли, прохворавъ скарлатиной и корью, получилъ еще дифтеритъ и одно время ослѣпъ. Зрѣніе вернулось, но постоянно на глаза онъ жаловался. Какая-то была у него сильная невралгія. Не глаза болѣли, а гдѣ-то надъ бровями въ вискахъ: схватить и мучаетъ,—и свѣту тогда ужъ не видитъ, и плачетъ убито, такъ плачутъ только безпомощныя дѣти, не плачетъ, а гудитъ. И лунатикъ онъ былъ: по ночамъ сонный продѣлывалъ диковинныя вещи,—вылѣзалъ на крышу, ходилъ по карнизу. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, когда у него были припадки, клали его на мощи, и у Вареньки у образовъ въ кіотѣ вмѣстѣ съ вѣнчальными свѣчами хранились бархатныя рукавички и шапочки съ мощей,—святыню къ глазамъ прикладывали. Водила его Прасковья въ Боголюбовъ монастырь къ схимнику о. Глѣбу на молитву о изгнаніи бѣса, будто и полегчало. Глаза у Жени такіе были грустные, и забіякой не слылъ онъ, а все же разойдется—маху не дастъ.

„Кто жъ ихъ разберетъ, — говорила Прасковья, — все они, и большіе и маленькіе, на одну колодку, разбойники сущіе“.

Большими назывались Саша и Петя, маленькими, мелюзгой—Женя и Коля.

Коля подымается съ кровати и, прежде чѣмъ идти внизъ, растворяетъ дверь въ смежную комнату.

Въ комнатѣ темно. Чуть живетъ изнывающій мутный лучъ лампадки передъ образомъ Трифона Мученика.

Коля вытягиваетъ руки, чтобы не споткнуться. Ему не очень страшно, но все-таки впотьмахъ онъ боится.

Въ его всматривающихся близорукихъ глазахъ, не потухая, плыветъ лиловый кружокъ съ серебрянымъ ободкомъ. Лиловый кружокъ съ серебрянымъ ободкомъ постоянно плыветъ передъ глазами, если Коля долго жмурится и попадаетъ изъ свѣта въ темноту. Ему пріятно видѣть этотъ лиловый кружокъ.

И вдругъ, не рассчитавъ шага, Коля оступился, заколотилось сердечко.

— Господи Владыко, что ты, Коко, неосторожный какой!

— Бабушка!

Бабушка Анна Ивановна — старая старуха изъ богатыльни, старуху всѣ у Финогеновыхъ бабушкой называютъ.

Откуда появилась бабушка къ Финогеновымъ, объ этомъ никто никогда не спрашивалъ. Просто сама пришла. У ней нѣтъ ни души въ городѣ, да и не только въ городѣ, а и нигдѣ нѣтъ ни родственниковъ, ни знакомыхъ, одни покойники. Варенька давала ей рубль въ мѣсяцъ, и бабушка подолгу жила у Финогеновыхъ.

— У, вертопрахъ,—охаетъ бабушка, поднимаясь, она разстелилась было на полу вздремнуть до ужина,—всѣ то ноги отдалить, прости Господи! И куда это ты запропастился: днемъ съ огнемъ не сыщешь. Ходила я на прудъ, всѣ дѣти развлекаются, горку строить, а тебя нѣтъ-какъ-нѣтъ.

Сказать бабушкѣ о животѣ: животъ болитъ,—животомъ бабушку не возьмешь.

— Бабушка,—подлащивается Коля,—дай, бабушка, мнѣ, понюхать табачку немножечко?

— Изволь, душа моя, изволь, — бабушка съ удовольствіемъ вынимаетъ табакерку,—Бахрамеевскій табакъ свѣжій.

Всѣхъ нашихъ старухъ намереніи подбивала, Юдишна хвалила, самъ Александръ Петровичъ Отважный отвѣдалъ. Александръ Петровичъ—старичекъ отважный!

Бабушка и сама понюхала и Колѣ понюхать дала. Табакъ забористый.

— А я тебѣ, бабушка, духовъ подолью, хочешь?

Бабушка довольна.

А Коля выхватываетъ табакерку и опрометью бѣжитъ по лѣстницѣ внизъ и черезъ черныя сѣни, черезъ кухню, мимо Маши, Степаниды, Прасковьи прямо въ столовую и трясется весь: вотъ расхохочется, — глаза прелукавые. Тамъ влѣзаетъ онъ на шкафъ, достаетъ изъ стекляннаго буфета толченаго перцу, подсыпаетъ перцу въ бабушкину табакерку, потомъ плюетъ и все размѣшиваетъ.

Наперченная табакерка въ карманѣ, глаза потускнѣли, ловко построена кислая рожица, — медленно идетъ Коля въ залъ: онъ, вѣдь, боленъ, у него животъ болитъ!

— Жарокъ небольшой есть, — Палагея Семеновна дотрагивается своими пухлыми пальцами до Колинаго высокаго лба, — покажи, Коля, язычекъ... И, какой красный!

— Завтра дома посидишь, — замѣчаетъ Варенька, — и Женя отдохнетъ немного.

— А мой-то, мой-то! Представь, мой Ванечка третью недѣлю не выходитъ. Ванечка такой слабенькій. Былъ Поморцевъ, говоритъ: коклюшъ. Удивительный докторъ! Да, напомни мнѣ, Варенька, сказать что-то... Замѣчательный докторъ.

Въ сѣняхъ, съ чернаго хода, слышались крики, потомъ все притихло и опять закричали.

Казалось, всѣ двѣнадцать разбойниковъ вломились въ домъ. Въ кухнѣ шлепнулся кто-то и закувыркался.

Это Саша, Петя и Женя вернулись съ пруда домой.

— Подрались, сладу съ ними нѣтъ! — поднялась Ва-

ренька, и въ голозѣ ея столько раздраженія, будто напесли ей смертельную обиду.

Палагея Семеновна опустила глаза и, самодовольно улыбаясь, принялась доѣдать варенье—ложка ея поддѣвала послѣднія ягодки, словно вылизывала блюдечко.

Коля исподлобья слѣдить за Палагеей Семеновной. Онъ сразу надулся, ему на все досадно: и на прудъ не ходилъ, а на пруду безъ него горку строили, да и горчичникъ впереди, горчичникъ больно щиплется!

Ему досадно на Палагею Семеновну, изъ-за нея онъ подъ диваномъ сидѣлъ и гулять не пошелъ. И зачѣмъ она такъ улыбается и ложечкой выскабливаетъ блюдечко?

Лѣтомъ привела Палагея Семеновна своего Ванечку къ Финогеновымъ съ дѣтьми поиграть. А дѣти взяли да и намазали Ванечку навозомъ, накормили его куринымъ пометомъ, а потомъ затащили въ лодку и стали лодку раскачивать — волненіе устроили. Съ Ванечкой сдѣлалось дурно. Гувернантка такъ и ахнула, едва освободила его да скорѣе къ мамочкѣ, а онъ мамочкѣ бухъ самое непристойное слово,—Финогеновы научили.

„Къ такимъ уличнымъ мальчишкамъ нельзя порядочныхъ дѣтей пускать, такіе и убить могутъ!—возмущалась тогда Палагея Семеновна,—я къ тебѣ, Варенька, чаще захожу буду, я займусь ихъ воспитаніемъ. Посмотри, мой какой: просто пая“.

„И не нуждаемся,—говорить себѣ Коля, и глядитъ ужъ со злостью на Палагею Семеновну, вспоминая слова ея, ихъ онъ какъ-то слышалъ подъ диваномъ, — а съ вашимъ Ванечкой мы и не то еще сдѣлаемъ... фискала“!

Гуськомъ-пинкаясь, входятъ остальные дѣти: впереди Фаша, за Сашей Петя, за Петей Женья. Они раскраснѣлись съ мороза, и уши горятъ. Они такіе же, какъ и Коля, въ царапинахъ и съ линяющими вчерашними синяками на ску-

лахъ и подъ глазами. И одѣты рвано: курточки на нихъ и штаны подштопаны и въ заплатяхъ.

Саша рослый, остролицый, съ длинными руками, лобастый, какъ Коля, глаза сѣрые огорѣлышевскіе.

Петя—губошлепъ, мордочка розовенькая съ синими глазами.

Женя смотритъ букой, будто никогда не улыбнется.

— Какъ твои успѣхи, Саша? — жеманно подобрать губы, спрашиваетъ Палагея Семеновна.

— Ничего,—смѣло и громко отвѣчаетъ Саша,—четверку по-латински схватилъ, экстемпоралѣ писали, цѣлыхъ пять страницъ.

— Такъ много?

-- А въ восьмомъ классѣ пишутъ и десять, бываетъ и двадцать.

— Ай, ай, ай! У васъ новый директоръ?

— Стерляевъ Александръ Ѳедоровичъ, — Саша рѣчисто и бойко рассказываетъ—сочиняетъ, безъ этого онъ не можетъ, онъ всегда сочиняетъ: ихъ новый директоръ Стерляевъ будто во время уроковъ садится у классной двери и слѣдитъ въ подзорную трубку черезъ матовое окошко; сегодня Саша попросился выйти и наткнулся на директора; директоръ, увидѣвъ Сашу, очень смутился, спросилъ фамилію и потрепалъ его по головкѣ,—съ учителями въ учительской директоръ разговариваетъ не иначе, какъ по-гречески, только на совѣтъ изрѣдка по-латински, такъ, слова два...

— Ай, ай, ай!—перебиваетъ Палагея Семеновна: ей это все пригодится, будетъ что поразсказать и удивить.

— Въ восьмомъ классѣ показывали яйцо страуса въ шестьдесятъ пудовъ,—Саша начинаетъ захлебываться, безпокойно вертитъ руками, ударяетъ по столу, тербитъ ремень и загрызаетъ ногти,—Петръ Васильевичъ, физикъ, едва дотащилъ. Вотъ какое!

— Ай, ай, ай!

Петя ни слова, его будто и въ комнатѣ нѣтъ.

Входя въ залу, Петя соорудилъ передъ самымъ Колинымъ носомъ фигурку: пригнулъ пальцы къ ладошкамъ, большіе оттопырилъ рогами и скоро-скоро зашмыгалъ мускуликами: „кузить-музить-букъ-сосалъ“. Коля огрызнулся, но Петя, усѣвшись за чай, больше ужъ не отвѣтилъ, не отплатилъ.

Петя мечтаетъ. Онъ влюбленъ въ гимназистку Варечку! Варечка—барышня сѣренькая и пухленькая, исподтишка наигрывающая съ Финогеновыми за всенощной. Каждый разъ, когда Варечка выходитъ изъ церкви, Финогеновы съ фирканьемъ кидаютъ въ нее воскромъ, норовя ей прямо въ глаза,—финогеновская ласка!

Сегодня Петя нашелъ у себя въ шинели обрывышекъ бумажки, на бумажкѣ крупнымъ твердымъ почеркомъ, очень напоминающимъ руку Саши, было написано: „Милый Петя, я тебя очень люблю. Варечка.“

Петя мечтаетъ. Петя женится на Варечкѣ. Варечка старше его, но это не важно. Онъ твердо рѣшилъ жениться на Варечкѣ.

„Милый Петя, я тебя очень люблю!“—повторяетъ Петя любовныя слова любовной записочки.

Саша продолжаетъ свои гимназическіе рассказы — сочиненія. Родись Саша не въ городѣ, а гдѣ-нибудь въ деревнѣ, вышелъ бы изъ него хорошій охотникъ.

Женя налилъ полное блюдо, уткнулся въ чай, дуется и тянетъ.

Палагея Семеновна доѣла всѣ свои ягодки и подымается къ роялю. На пюпитрѣ появляется истрепанная и замуслеванная красная тетрадка съ нотами—Гусельки. И начинается пѣніе.

Дѣти любятъ пѣніе. Готовы всегда пѣть и съ удовольствіемъ. Въ дѣтскіе голоса врывается истошный голосъ

Палагеи Семеновны. Палагея Семеновна закатывает глаза и томно ударяет о клавиши.

Лучше всёхъ поетъ Петя: у него нѣжный, какой-то молитвенный дискантъ. И когда онъ поетъ, глаза его голубѣютъ. Петя въ гимназiи пѣвчимъ, этимъ только и беретъ, а то бѣда—лѣнтѣй отчаянный.

Саша баситъ. Саша вытягиваетъ катушкою губы, какъ знаменитый соборный протодьяконъ, у котораго не голосъ, а рыкъ.

Женя подтягиваетъ пресѣкающимся, безцвѣтнымъ голоскомъ, и не застѣнчиво, а какъ-то безразлично.

Одинъ Коля ни звука. Сидитъ Коля и упорно молчитъ: досада еще не прошла. А у него альтъ, онъ орало-мученикъ, какъ окрестилъ лѣчившій его докторъ Михайлъ Васильевичъ, и постоянно Коля мурлычить.

А пѣть-то какъ ему хочется: всталъ бы вотъ такъ и громко-громко, на всю залу! И вотъ ни гу-гу. И слезы подступаютъ къ глазамъ.

„И не буду, и не стану!“—мучается Коля, и вдругъ вспоминаетъ о табакеркѣ, вскакиваетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, скорѣе на верхъ черезъ прихожую, черезъ столовую, черезъ кухню мимо Маши, Степаниды, Прасковьи, черезъ черныя сѣни по лѣстницѣ наверхъ къ бабушкѣ.

— Подлилъ, бабушка, много подлилъ: черезъ край полилось! Вотъ твоя табакерка!

— Ахъ, Коко, Коко, а мнѣ и невдомекъ: всё мышинья норки перебрала, нигдѣ нѣтъ. Думаю себѣ, не обронила ли грѣшнымъ дѣломъ? Ну, мэрси тебѣ. И чудесный же ты у меня, Колюшка, курнопятка ты проворная. Дай я тебя поцѣлую!—бабушка наклоняетъ свою сѣдую голову и тонкими лиловыми губами цѣлуетъ Колю, а бабушкина бородавка съ длиннымъ сѣдымъ волосомъ, завитымъ, какъ серпъ, щекочетъ Колину щеку.

Бабушка очень старая, память у ней зашибаетъ: дать такъ Колѣ табакерку и забудеть.

Коля частенько пользуется забывчивостью бабушки или просто стащить у ней табакерку и спрятеть. Придетъ время, захочется бабушкѣ табачку понюхать, схватится, нѣтъ нигдѣ табакерки. А онъ ходитъ, смотритъ, какъ старуха томится, да, насмотрѣвшись, вдругъ, будто случайно, и нашелъ: „Вотъ твоя табакерка!“

Проголодавшись, бабушка раскрываетъ табакерку, беретъ большую щепотку и со свистомъ нюхаетъ—и хорошъ же табакъ вышелъ, душистый! И Коля понюхалъ: перцу не слышно, хорошъ табакъ и душистый, пахнетъ, какъ отъ палаченицы.

Коля чихаетъ и бѣжитъ обратно въ залу.

А въ залѣ ужъ пропѣты всѣ Гусельки, начали новую пѣсню изъ новой зеленой тетрадки:

— „Грустила зеленая ива, грустила, Богъ знаетъ о чемъ“.

Всѣ поютъ и только одинъ Коля молчитъ. И ужъ прежней досады нѣтъ у него: онъ не долженъ представляться больнымъ, и совсѣмъ ему не важно, что безъ него на пруду горку соорили, и не боится онъ горчичника, если поставить ему на ночь горчичникъ, и все-таки ни звука, какъ свѣтъ, такъ и сидитъ, губы сжаты.

Колѣ вдругъ стало жалко, всѣхъ стало жалко, И Палагею Семеновну жалко ему, — „операция, кишку будутъ рѣзать, больно!“ И бабушку Анну Ивановну жалко ему, напоминаетъ онъ, какъ другой разъ Варенька разсердится на бабушку—бабушка все къ мѣсту прибираетъ, такъ что и найти послѣ ея уборки ничего невозможно, да и мало ли еще за что, просто такъ разсердится Варенька и выгонитъ ее изъ дому, соберетъ бабушка свой узелокъ табачный, попрощается съ дѣтьми, съ Машей, съ Прасковьей, съ Степанидою и пойдетъ съ своимъ узелкомъ табачнымъ, безъ

денегъ, старая, пѣшкомъ на другой конецъ города. И мать ему жалко—Вареньку: какъ она плачетъ и не ѣстъ ничего, и лицо у ней такое красное становится... и ужъ самъ себѣ боится Коля договорить, почему ему жалко Вареньку и какъ-то страшно. И няньку ему жалко Прасковью—Пискуню, у ней сынъ—Митя, въ половыхъ служитъ въ трактирѣ, Митя запиваетъ, а Прасковью на конюшнѣ пороли, когда крѣпостною была. А изъ братьевъ жалко ему только Женю: какъ убивается Женя, когда ему глаза больно! А когда ослѣпъ Женя, заставили его пилюли глотать—пилюли горькія, одну онъ раскусилъ и двѣ проглотилъ, а всѣ остальные Коля тогда себѣ взялъ и въ прудъ бросилъ.

И вспоминается Колѣ, какъ однажды за его проказы обвинили во всемъ Женю. Учились они до гимназіи у Покровскаго дьякона Ѳедора Ивановича. Ѳедоръ Ивановичъ—справедливый и кроткій, дѣти его любили. Коля разъ влѣзъ на столъ птичку въ клѣткѣ посмотрѣть и задѣлъ ногой за чернильницу, чернильница опрокинулась и весь столъ залило чернилами, попало и на полъ. Пришелъ дьяконъ, спрашиваетъ: „Кто разлилъ?“ А Женя вдругъ и заплакалъ. „Я, говоритъ Коля, я разлилъ!“ „Неправда,—не повѣрилъ дьяконъ,—разлилъ Женя!“ А Женя все плачетъ. Дьяконъ пробралъ Женю за то, что не сознался, а Колю укорять сталъ, что вину чужую на себя беретъ. „Братъ на себя вину—гордость, за это Богъ накажетъ!“ сказалъ дьяконъ. А Женя все плакалъ. Такъ и ушли: Коля виновный невиннымъ, а, стало быть, хорошимъ,—Ѳедоръ Ивановичъ, прощаясь, по головкѣ его погладилъ, Женя невинный виноватымъ, а, стало быть, дурнымъ,—Ѳедоръ Ивановичъ еще разъ ему замѣтилъ, что въ нехорошихъ поступкахъ своихъ сознаваться надо, а то Богъ накажетъ. Вспомнивъ пролитую чернильницу и дьякона, и плачущаго тогда Женю, и себя такимъ обѣленнымъ, хорошимъ, невиннымъ, Коля чувствуетъ, какъ на мѣсто жалости подымается въ немъ жгучая досада на себя: зачѣмъ

онъ тогда голову себѣ о стѣнку не прошибъ, не отрѣзалъ пальца, чтобы увѣрить, доказать Федору Ивановичу, что онъ одинъ, только онъ одинъ разлилъ чернила, а Женя совсѣмъ не приче́мъ, или кричать бы ему, кричать бы тогда до потери голоса, и почему онъ никогда не можетъ дѣлать то, что хочетъ, вотъ ему пѣть хочется, а онъ не поетъ?..

Все время молчавшая Варенька встала изъ-за стола и быстро, шмыгая, какъ самъ Огорѣлышевъ Арсеній, пошла къ себѣ въ спальню.

— „Грустила зеленая ива, грустила, Богъ знаетъ о чемъ...“—еще разъ повторили пѣсню.

Палагея Семеновна сложила ноты и собирается домой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Оглашенные.

День на день не приходится, часъ на часъ не похожъ. Не всякій вечеръ лежать Колѣ подъ диваномъ, смотрѣть въ пустую, папироской прожженную звѣздочку на оборкѣ, да прислушиваться. Палагея Семеновна не бабушка—не Анна Ивановна,—бываетъ, что и по недѣлямъ не слышно ея колокольчика у Финогеновыхъ въ гостиной, бываютъ и другіе вечера—будни.

Долгій вечеръ, какихъ много. Чуть вняты напѣвы ворчливаго вѣтра. Вѣтеръ ворчитъ и въ трубѣ, и на чердакѣ.

Саша и Петя учатъ уроки, поскрипываетъ перо, не хуже вѣтра бормочать, уроковъ много.

Женя и Коля съ бабушкой въ потемкахъ. Лампадка теплится передъ Трифономъ Мученикомъ. Бабушка разстелилась на полу. Съ бабушкой, Женей и Колей лежитъ окотившаяся Маруська и шесть котятковъ, и тутъ же шелудивый котъ Наумка,—Колинъ любимецъ.

— Бабушка, завтра первый декабрь! — вспоминаетъ Коля,—завтра Наумка именинникъ!

Бабушка гладить по брюшку Маруську, творить молитву.

— Что ты, нагрѣшникъ!—спохватывается старуха,—развѣ тварь именинница? Тварь—парь. А его, паскудника, надо палитанью вымазать: истаскался весь, шатавшися.

Женя дремлетъ: утомила его гимназія. Котятки перебираютъ лапками, сосутъ Маруську,—ужинаютъ. Наумка пригрѣлся, разнѣжился, сладко зѣвнулъ и загѣлъ.

И начинается бабушка сказку.

— Жилъ-былъ въ тридевятомъ царствѣ, въ подсолнушномъ государствѣ...

— Про Ивана-царевича?

— Про него самого, душа моя, про царевича и сѣраго волка.

Слушаетъ Коля сказку, видится ему сѣрый волкъ, такъ ясно видитъ онъ волчью, шершавую мордочку. Вотъ входитъ волкъ къ Ивану-царевичу, весь его хвостъ въ жемчугахъ, улыбается волкъ, а языкъ-то красный и острый страшно, и глаза горятъ. „Ну, говорить, спасъ я тебя, выручилъ, живи и царствуй, а наградъ твоихъ не нужно мнѣ, пойду я въ дремучій лѣсъ“. „Спасибо, отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ, спасибо тебѣ, сѣрый волкъ, во вѣкъ не забуду: не случись тебя, лежать бы мнѣ на сырой землѣ“.

„Буду большимъ, — мечтаетъ Коля, — богатыремъ сдѣлаюсь, буду, какъ сѣрый волкъ“!

И кончилась сказка: бабушка тоже была на пиру у Ивана-царевича — медъ тамъ вкусный-превкусный, соты-меды, только ей въ ротъ не попало. Бабушка поднялась, зажгла свѣчку, а за бабушкой Женя и Коля, а за Колей Наумка.

Входятъ въ комнату Саша и Петя. Уроковъ они не выучили, но тетрадки и книги побросали въ лысые ранцы, будто все готово и въ исправности.

На столѣ передъ зеркаломъ появляется старое евангеліе въ черномъ кожаномъ переплетѣ съ оборванными застѣжками.

— О страстях Господних! — объявляет бабушка и начинает нараспѣвъ истово любимое свое евангеліе о страстях:— „И взявъ съ Собою Петра и обоихъ сыновей Заведеевыхъ, началъ скорбѣть и тосковать“...

Слушаетъ Коля евангеліе, видится ему Христосъ: „Отче Мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія; впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты“. А ученики спятъ. А вѣдь Онъ просилъ ихъ бодрствовать съ нимъ, но они заснули. И опять молится и опять находитъ учениковъ спящими. И часъ приблизился, вотъ входитъ Іуда и множество народа съ нимъ. Если бы захотѣлъ Христосъ, ангелы спасли бы его, но такъ надлежало быть. Видитъ Коля, какъ ведутъ Христа, и дворъ видитъ, гдѣ Петръ остался, и слышитъ, какъ клянется Петръ и божится, что не знаетъ Христа, и поетъ пѣтухъ.

— „И вспомнилъ Петръ слово, сказанное ему Іисусомъ: прежде нежели пропоетъ пѣтухъ, трижды отречешься отъ Меня. И вышелъ вонъ, плакалъ горько“! — бабушка молитвенно замолкаетъ.

Присосѣдившіяся къ бабушкѣ дѣти замерли. Лишь слышно баюканье вѣтра, и не потухаетъ горькое слово: „И вышелъ вонъ, плакалъ горько“.

„Будь я Петромъ, — мечтаетъ Коля, — я никогда бы не отрекся! А что если опять придетъ Христосъ? Поскорѣ бы Пасха, а тамъ и на лѣто распустиятъ. Господи, я никогда бы Тебя не предалъ и не отрекся!“

Саша и Петя тоже мечтаютъ, тоже загадываются. только по-своему.

Женя прижался къ бабушкѣ, тычется головой къ колѣнямъ, и надъ нимъ шевелятся концы коричневаго горшкомъ платка.

Морозъ ли на пруду ударилъ, вѣтеръ ли полосой прошелъ отъ Боголюбова, кто-то постучалъ въ окно.

— Ангелъ! — встала бабушка.

И всё дѣти встали и заплѣли Богородицу. И проплѣли Богородицу, и долго не трогались съ мѣста, словно боялись спугнуть ангела: ангель тутъ близко леталъ около дома, около пруда, ангель постучалъ имъ въ окно,—не постучить ли еще?

— А отчего звѣзды падаютъ? — спрашиваетъ Коля.

— Ангелы незримые, ангелы падшіе! — строго отвѣчаетъ бабушка и вдругъ оживляется: — Саня, душа моя, принеси и почитай моего любимаго Пушкина. Что-нибудь чудесное...

Евангеліе складывается, тушится свѣчка, зажигается лампа.

Саша приноситъ изодранную Капитанскую дочку, откашливается и начинаетъ бойко любимую повѣсть.

Подъ конецъ повѣсти, на томъ мѣстѣ, гдѣ Гриневъ прощается: „Прощайте, Марья Ивановна! — Прощайте, Петръ Андреевичъ!“ — бабушка съ Петей тихонько плачутъ.

Да и какъ имъ не плакать!

Въ субботу за всенощной Петя подбросилъ Варечкѣ записку съ своимъ собственнымъ стихотвореніемъ:

Ваша очи страстны,
А коса — руно,
Развѣ вы не властны
Ялику сбить дно?

Вотъ какой акростихъ сочинилъ онъ для своей Варечки.

А когда за обѣдней, проходя мимо нея съ кружкой, онъ взглянулъ на нее, полный ожиданія, она только повела своимъ носикомъ.

„Въ Сашу влюбилась, конечно, въ Сашу! И письмо это Саша писалъ: „Милый Петя, я тебя очень люблю!“ Вотъ она какая! Нѣтъ, помереть бы, одинъ конецъ!“

— Эхъ, душа моя, — вытираетъ бабушка табачнымъ платкомъ свои табачныя слезы, — какая я была въ молодости!

Лицо у меня было лосное, польское, самъ графъ Паскевичъ Иванъ Ѳедоровичъ засматривался.

Растроганная воспоминаніями, рассказываетъ бабушка о крѣпостномъ времени—о своихъ прошлыхъ годахъ, и незамѣтно переходитъ къ богадѣльнѣ, къ табачной богадѣленной жизни, къ старухамъ, къ старостихѣ Юдишнѣ. И ужъ не графъ Паскевичъ Иванъ Ѳедоровичъ, а старикъ Александръ Петровичъ Отважный ходитъ-крутитъ вокругъ бабушки, засматривается на ея позеленѣвшее, когда-то лосное польское лицо.

— Бабушка, а бабушка!—лукаво прерываетъ Коля бабушку.

— Что тебѣ, дружокъ?

— А все же мы тебя, бабушка, изъ членовъ Святѣйшаго Синода вычеркнемъ!

— Вычеркнемъ, вычеркнемъ! — подхватываютъ хоромъ за Колей и Саша, и Петя, и Женья.

— Не имѣешь права, будетъ ужъ: времена не тѣ!—сѣдой бабушкинъ волосъ на бородавку трясется: въ чемъ тутъ дѣло съ Синодомъ, бабушка сообразить не можетъ, только чувствуетъ она насмѣшку какую-то и, пригорюнившись, замолкаетъ.

— Ну, ладно,—сдается, наконецъ, Коля,—подождетъ.. пока.

— Ахъ, Коко, Коко, и всегда-то озорной ты былъ, задира сушая. Кормилицу тебѣ наняли, мѣсяцъ не прожила, вытурили: съ желтымъ билетомъ объявилась, гулящая. Поступила Евгенія и жизни не взвидѣла. Бывало, ревмяреветъ: какъ вцѣпишься, ни за какія блага оторвать невозможно, всю-то норовишь поискусать. А какъ сталъ ножками ходить, рано сталъ ты ножками ходить, годочку тебѣ не было, жили мы тогда на дачѣ, на кругъ гулять ходили, и повадился ты на кругу цѣловаться. Какъ сейчасъ помню, Колюшка, впился ты губками въ Валю,—дѣвочка съ

тобой играла, Валя, насилу оттащили, а носикъ-то ей все-таки перекусилъ. Потомъ и себя изуродовалъ: Господь Богъ покаралъ. Варимъ мы крыжовникъ съ покойницей Настасьей, царство ей небесное, обходительная, чудесная была женщина, мамашу выходила, ну, и слышимъ крикъ. Побѣжали наверхъ, а ты, Колюшка, лежишь, закатился, синій весь, а кровь такъ и хлещетъ, тутъ же и печка игрушечная валяется. Залѣзъ ты на этотъ самый комодъ, сковырнулся и прямо на печку окаянную. Съ того самого времени ты и курносый, задира сущая.

Бабушка, а также нянька Прасковья любятъ вспоминать, какъ Колю покаралъ Богъ,—сдѣлалъ его курносымъ. Но Коля и самъ безъ всякихъ разсказовъ и напоминаній помнить, какъ упалъ онъ съ комода на игрушечную жестяную печку, только не помнить, зачѣмъ ему понадобилось на комодъ взбираться. И не тогда, какъ перекусилъ онъ, цѣлуя, носъ какой-то дѣвочки Валѣ, а только съ того дня, какъ переломилъ себѣ носъ, начался его первый день, и словно впервые у него открылись глаза: онъ помнить и видеть себя на полу, а вокругъ кровь—во рту кровь, на губахъ кровь, всѣ руки измазаны кровью, все платице.

Бьетъ восемь.

Дѣти вскакиваютъ отъ бабушки и подъ часы, и тамъ, подъ часами, подпрыгиваютъ, топчутъ, стучать, кричать—мышей топчутъ. Такой ужъ обычай у Финогеновыхъ: когда бьетъ восемь—передъ ужиномъ топотать подъ часами.

— Ну, Коко, похвальный листъ тебѣ,—нюхаетъ бабушка, одобряетъ Колю, — другую недѣлю твои духи держатся, удружилъ: табакъ чудесный, мягкій.

Дѣти тянутся съ щепотками къ табакеркѣ, нюхаютъ, потомъ чихаютъ и внизъ изъ дѣтской въ столовую ужинать.

На лѣстницѣ сцѣпились. Коля далъ тумака Петѣ, Петя оскользнулся, задѣлъ Женю, а Саша захотѣлъ пофорсить—

взять всѣхъ на лѣвую и ударилъ Колю подѣ душку, Коля задохнулся, укусилъ Сашу за палець.

Съ покраснѣвшими глазами, дуясь, толкуются дѣти въ кухнѣ.

— Оглашенные вы и лицемѣрные,—ворчитъ Прасковья,— не будетъ вамъ ужотко гостинцевъ. Только мамашино здорověе разстраиываете.

Степанида, иконописная кухарка, повязанная по-старовѣрски, въ темномъ платкѣ изловила здоровенную рыжую крысу—матку.

Начинается крысиная расправа.

Мышеловку ставить на табуретку и потихоньку лютуютъ кипятокъ на крысу. Крыса визжитъ и мечется, а кипятокъ все лютуетъ и лютуетъ на нее. Съ хвоста у ошпаренной крысы слѣзаетъ шкурка, и хвостъ становится розовымъ и нѣжнымъ, хвостъ дрыгаетъ. Дается отдыхъ. Передохнула крыса, берутъ лучинки и тыкаютъ крысу лучинками, то лузинками, то поганымъ ножомъ. Снова появляется кипятокъ, снова лютуютъ кипяткомъ, норовя на глаза ей. Крыса судорожно умывается лапкой и кричитъ, кричитъ, какъ человѣкъ.

Шелудивый Наумка, курлыча, тутъ же трется съ возбужденными, злыми глазами...

Покончивъ съ крысой, дѣти переходятъ изъ кухни въ столовую, но ужинаютъ нехотя, ѣдятъ—давятся. И, поужинавъ, на верхъ не идутъ, а лазаютъ за занавѣску на кровать Маши, разсматриваютъ ярко-намалеванныя лубочныя картинки: Льва, Бенедиктинскаго монаха и Священное коронованіе, поддѣлываютъ хвостики и рожки, и, только послѣ долгихъ уговариваній и многихъ угрозъ Прасковьи, Степаниды, бабушки, отправляются спать.

Гурьбой подходятъ къ гардеробной къ Варенькиной комнатѣ—къ спальнѣ прощаться. Стучать къ Варенькѣ. И безъ толку.

Варенька часто запрется съ вечера въ своей комнатѣ и не выходитъ, и, хоть дверь ломай, не откликнется.

— Тише, вы,—останавливаетъ нянька,—мамаша заперлись: нездоровы... У, неутомонные! И когда-то Господь васъ на умъ-разумъ наставитъ!

Долго и шумно укладываются дѣти: ждутъ гостинцевъ. Гостинцы—лакомства: либо по кусочку яблока, либо по часточкѣ апельсина или финикъ или черносливъ полагается дѣтямъ послѣ ужина и дается въ кроватяхъ, чтобы скорѣе утомонились. Съѣдятъ эти гостинцы и затихнутъ.

Затихло въ дѣтской наверху, только Коля не спитъ. Коля долго не засыпаетъ, все прислушивается.

Изъ кухни доносится чавканье: въ кухнѣ ужинаютъ.

— Наѣздили вы на мнѣ, — рассказываетъ Степанида о своемъ постыломъ,—рожать Филиппка время пришло, бросилъ постылый: со стервой-сукой своей связался.

— А Юдишна говорить,—слышится голосъ бабушки,—околдовали вы, говорить, Анна Ивановна, старичка отважнаго Александра Петровича: не спроста онъ хмелемъ околдовалъ васъ увивается. Какъ бы смотритель не замѣтилъ.

— И не шляйся ты, хухора, съ журавлевскимъ приказчикомъ, — поучаетъ Степанида Машу, — не висни ты у Ѳедора на шеѣ: онъ тебя загадитъ всю, а опосля кинетъ. Куда брюхатой?

— Трудно, дѣвушка, пока-то устроишься, духъ вонъ и лапы кверху.

Маша хихикаетъ.

Коля прислушивается. И, какъ подъ диваномъ, лежитъ онъ, не шелохнется, и, какъ подъ диваномъ, многое не разбираетъ, и о чемъ разговоръ идетъ и на что всѣ жалуются и отчего Маша такъ смѣется-хихикаетъ? Ждетъ Коля, когда поужинаютъ, ждетъ бабушку. Вызвался онъ бабушкѣ постель постелить и постелилъ: подъ засаленный, просѣтившійся ватонный подстильникъ полѣньевъ накласть и все

это сдѣлать чисто, совсѣмъ незамѣтно. Вотъ какъ-то она теперь на полѣнья уляжется, вотъ чего ждетъ Коля, и сна ему нѣтъ.

Въ кухнѣ сначала перемываютъ посуду, потомъ гасятъ лампы и шлепаютъ по лѣстницѣ—идетъ наверхъ бабушка, за бабушкой Прасковья.

Коля завернулся съ головкой, только носъ торчитъ.

Нянька тычется по угламъ, шарить:

— Куда это я, дѣвушка, ватюшную вещь задѣвала, не сыщешь.

Коля смѣется, не открывая рта: знаетъ онъ, гдѣ нянькина ватюшная вещь—набрюшникъ, ну да пускай себѣ ищетъ!

— Колюшка молодецъ у меня, лучше всѣхъ дѣтей: и постель мнѣ, старухѣ, постелилъ и въ табакъ духовъ налилъ.

— Мочи моей нѣту, дѣвушка, измаялась я: день-то денской шатавшись, ноги отваливаются.

Почесываются, сначала легонько, потомъ со скребомъ.

— Господи, Владыко!—вздыхаетъ бабушка.

— Митя-то сызнова, дѣвушка, въ золоторотцахъ. Изъ трактира погнали: запой, знать.

— Напущено!—бабушка всунула голову въ воротъ рубашки, засвѣтила тамъ огарокъ и ищется, не бабушка—Коза—Береза.

— Спрашивала я батюшку, отца-то Глѣба, батюшка молитву далъ запойную. Знать, Богу такъ угодно... Эхъ, дѣвушка, по пятому годочку Митя въ трактирѣ-то: несмышленнаго, махонькаго опредѣлила. Думаешь, дѣвушка, должность чистая, а вотъ поди жъ ты, можетъ, и напущено. Сердце материно изболѣлось, глядѣвши... Закопытили его сердешнаго!..

Тихо въ комнатѣ, только часы ходятъ, маятникъ качается.

Почесались, поискались и за молитву: молится бабушка, молится Прасковья.

— Скорбящая Матерь Божія, помилуй!

— Троеручица, Владычица моя матушка, сохрани!

— Горы Афонскія, согрѣшилиъ вечеславный, во дни и ны пощи!

— Богородица, присно Дѣва, радуйся!

— Окаянная, словомъ еже дѣломъ, помысломъ несквернымъ...

— И отъ блуда всякаго сохрани и помилуй!

— Митрія, раба Твоего, помилуй и сестру Арину!

Коля слушаетъ, какъ молятся, и вспоминается ему Митя, сынъ Прасковьи, длинный и сѣрый весь, съ крысыными хвостиками-усами, въ коричневой визиткѣ, и въ штиблетяхъ безъ стука.

— Но избави насъ отъ лукаваго!—оканчиваетъ бабушка молитву, окрещиваетъ воздухъ вокругъ себя, еще разъ крестится и опускается на полъ, на постель свою, плюхъ прямо на полѣнья,—чтобъ тебѣ!—вырывается ея сдавленно-негодующій вопль,—курносая пятка, курнофейка окаянная, уродина паршивая, скажу мамашѣ. На старости лѣтъ, Господи! За что это, Господи!

Шлепаются полѣна, раскидываетъ ихъ бабушка по комнатѣ, куда ни попало.

И, раздирая свой красненькій ротикъ, пищитъ придавленный котенокъ.

— Оглашенные!—ворчитъ Прасковья, укладываясь безъ своей ватшной вещи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Духъ вонъ, лапы кверху.

Сонный свистъ и храпъ и бормотаніе наполнили комнату, заснула дѣтская.

Не спится Колѣ, брзаетъ онъ, разбѣгаются мысли.

Обидѣлъ Коля бабушку, ни за что обидѣлъ. Лежитъ она теперь съ скорбно-сложенными лиловыми губами, снятая ей проклятыя полѣна, падающія, прихлопывающія ее, какъ крышка гроба съ черными гвоздями. И жалко ему бабушку, жалко ему Митю,—„Митю закопытили!“—вспоминаются ему нянькины слова, и няньку Прасковью жалко, ее самое копытили вѣкъ ея вѣчный,—„Пороли насъ больно на конюшнѣ, дѣвушка, лупили за всякую малость“...

Мутно-кровавый глазъ лампадки отъ Трифона Мученика хмуρο защурился. Завыло въ трубѣ. И съ воемъ приползло въ комнату тайное, что окутывало Финогеновскій домъ, а въ взбудораженныхъ мысляхъ у Коли замелькала тайная жизнь Вареньки, а въ растравленной жалостью душѣ его поднялись отдѣльные жуткіе дни и часы и минуты жуткой, тайной жизни матери.

„Барышня несчастная!“—вспомнилось Колѣ, такъ по двору называли фабричныя Вареньку, и тутъ же вспомнилось, какъ сказалъ какъ-то дворникъ Кузьма: „За сороковкой барынѣ!“, а Прасковья на него:—„Цыцъ ты кудластый, чего галдишь, дѣти услышать, мало што!“—и еще вспомнились слова бабушки: „Пьяницы не гниютъ, только чернѣютъ!“ Да, чернѣютъ, слесарь Самсонъ какъ почернѣлъ, Коля Самсона видѣлъ, и потому почернѣлъ Самсонъ, что пилъ много, и Варенька почернѣетъ—„барышня несчастная!“

Варенька пьетъ, какъ пилъ слесарь Самсонъ, Коля объ этомъ знаетъ. И всякій разъ, когда Варенька запирается въ своей комнатѣ, она пьетъ, Коля и объ этомъ знаетъ. Но почему Варенька пьетъ, и такъ мало ѣстъ, а только пьетъ водку, Коля можетъ только гадать.

„Отъ скуки, вотъ отчего, скучно ей, все книги читаетъ и журналы: книги и журналы такіе скучныя! И почему вчера въ театръ не поѣхала?—спрашиваетъ себя Коля,—разодѣлась въ свое дорогое зеленое бархатное платье, напудрилась, брошку приколола золотую съ брилліантами, и осталась дома сидѣть?“

Коля не знаетъ, что отвѣтить, ему всегда бываетъ досадно, когда Варенька почему-то остается дома сидѣть, онъ любитъ, когда она разряженная передъ отъѣздомъ прощается съ ними—даетъ руку поцѣловать и въ лобъ цѣлуетъ cadaго. И вдругъ вспоминаются ему слова Палагеи Семеновны, онъ ихъ недавно подъ диваномъ слышалъ:

„Ты только подумай, Варенька, что про тебя скажутъ? Нельзя тебѣ ѣхать съ З., и такъ ужъ говорить о васъ. Вѣдь я должна предупредить тебя: если хочешь сохранить свое доброе имя...“

Коля такъ ясно слышалъ голосъ Палагеи Семеновны, и представилось ему, будто лежитъ онъ въ гостиной на полу подъ диваномъ, весь онъ скорчился, и неловко ему, и душить пылъ, а голосъ Палагеи Семеновны острыми игол-

ками колетъ его въ грудь, и плачетъ Варенька. вся разряженная въ своемъ дорогомъ зеленомъ бархатномъ платьѣ, плачетъ такъ жалостно. Вотъ выскакиваетъ онъ изъ подъ дивана, бросается на Палагею Семеновну, цапается за платье, но Палагея Семеновна подымается на цыпочки, вырастаетъ, ужъ въ потолокъ головой упирается. скалитъ свои острые желтые зубы, а подбородокъ у ней трясется—перекатывается мягкій и жирный, какъ индюшка. И хочется Колѣ орать во все горло. разбить новый стеклянный колпакъ, разодрать альбомъ съ карточками, И в у, сорвать скатерть, исковеркать столъ, а къ губамъ его пристаётъ что-то липкое и соленое, какъ тогда, когда упалъ онъ съ комода на желѣзную печку и расшибъ себѣ носъ, и красныя, густыя, кровавыя пятна выплываютъ изъ угловъ. плывутъ на него. Онъ свернулся въ клубочекъ, кружится, мечется, какъ ошпаренная крыса въ мышеловкѣ. Хочетъ проскользнуть въ спальню, а ноги не слушаются, ноги къ землѣ прирастаютъ...

— Няня! няня!!!—и сердце перестукиваетъ, и губы вздрагиваютъ, и голосъ надрывается.

Но въ отвѣтъ ему только вѣтеръ воетъ. Что же, нянька не слышитъ? Спитъ Прасковья—закопытили ее, и бабушка спитъ—и ее закопытили. И словно вымеръ весь домъ, ни души живой, ни слова въ отвѣтъ, только вѣтеръ. вѣтеръ воетъ.

— „Когда буду большимъ,—успокаиваясь, перестукиваетъ сердце,—буду все дѣлать, захочу—пѣть буду. Никола, угодникъ Божій!—молится Коля.—Ангель мой Божій! Завтра, завтра... сѣрымъ волкомъ буду“...

И ударили въ Боголюбовомъ монастырѣ, зазвонили къ заутренѣ, и отъ звона стекла вздрогнули, а часы, подъ которыми въ восемь Финогеновы топчутъ мышей, съ оттяжкой пропѣли свои три часа. И засвистѣлъ на дворѣ фабричный свистокъ, долгій, словно встрепенувшійся со сна.

И почему-то вспомнился Колѣ фабричный мальчишка Егорка, попавшій въ маховое колесо. Сталъ Егорка передъ глазами и, подлетая и улетаѣ куда-то за спицы, взвивался, мелькалъ на маховомъ колесѣ, и ужъ не Егорка, а кровавый кусокъ говядины, его синіе сплюснутые лепешечками пальцы хватались за воздухъ; синія, красныя, черныя, желтыя, сѣрыя дранки отцеплялись отъ его тѣла, и только мѣдный изогнутый крестикъ все трепыхался на проломленной исполсованной груди.

— А! а! ахъ!!! Душать!—не своимъ голосомъ заорала Прасковья: видно, ей опять черти приснились.

„Ходятъ они по ночамъ за мной,—часто слышалъ Коля, какъ жаловалась нянька,—будто такъ комната—спальня, а они черненькіе, въ курточкахъ крадутся...“

Кто-то неслышно подошелъ къ кровати, провелъ по одѣялу руками.

Коля обомлѣлъ отъ страха.

Да это Женья. Это Женья во снѣ всталъ и бродить!

Женья постоялъ-постоялъ и пошелъ къ своей кровати.

„Порченный! Женья—порченный!—мелькнуло у Коли,—порченная дѣвочка въ Боголюбовомъ подняла за обѣдной подоломъ, да прямо въ крестъ о. Глѣбу!..“—и начинаетъ самъ кощунствовать, и хотѣлъ бы остановиться, да не можетъ, все новыя кощунства осаждаютъ его: онъ и самъ плюетъ въ крестъ и, Богъ знаетъ, что дѣлаетъ съ крестомъ, какъ та порченная.

— Господи, Господи,—кается Коля, мечется на постели, шепчетъ,—прости меня: съ Ваней Финиковымъ въ алтарѣ подрался, я садился на престолъ, и на мѣхахъ, кадило раздувая, чортиковъ рисовалъ, Никола, угодникъ Божій, ангелъ мой Божій, прости меня!

А въ отвѣтъ Колѣ какъ запищать котятъ, всѣ семь котятковъ Маруськиныхъ, да такъ неистово, бабушку съ пола подняли.

— Окаянные! треклятые!—застонала бабушка, отдирая отъ себя вцѣпившихся и въ волосы и въ рубашку она-лѣвшихъ котятъ, вся вытянулась, костлявая, взлохмаченная, сѣдой, трясущійся хвостикъ на бородавку загнулся серпомъ, выпученные, зеленые глаза, не бабушка—злая Баба-Яга.

Коля зажмурился, не дыхнетъ, не пошевелится: духъ вонъ и лапы кверху. Подушка—огонь горячая. И что-то будто темное огромное плывмя плыветъ на него, оно вотъ - вотъ раздавить, сплющить его маленькое тѣльце, и душа его вылетитъ.—конецъ его. Коля скрестилъ кулачки:

— Ангель мой, Хранитель мой!

Но сонъ беретъ свое—тихій сонъ закрылъ ему глаза и успокоилъ встревоженное сердце и унесъ испугъ, оставивъ сладкій покой и тишину.

И все затихло, все заснуло наверху въ дѣтской.

Варенька задула свѣчку и, шатаясь, повалилась на кровать, такъ полураздѣтая съ какими-то подплясывающими назойливыми мыслями, будто заостренными зеленоватыми крестиками въ глубинѣ ея воспаленнаго мозга. Заломила она руки, разметалась. И ослабѣвшая свинцовая голова ея, и переизнывшее сердце погрузились въ чадный сонъ неминуемыхъ бѣдъ и дразнящаго хмельного несбыточья: ей такъ много хочется, такъ много всякихъ желаній у ней, и все будто само приходитъ, приходитъ готовое исполниться, и сразу сжигается, не утоляя. Если бы ей совсѣмъ-совсѣмъ никогда и ничего не хотѣть!

И въ бѣломъ Огорѣлышевскомъ домѣ пришелъ тихій часъ. Тамъ въ окнѣ у Арсенія вздохнула матово-зеленая лампа и померкла, и зазмѣлся желтый огонекъ свѣчи, поигралъ и уползъ. Вздрагивая и отъ утомленія и отъ табаку, оторвавшись, наконецъ, отъ дѣлъ, которыхъ всегда такъ много, а часы такъ кратки, прошелъ Арсеній въ спальню, гдѣ лежитъ болѣзненная жена, состарѣвшаяся, выцвѣтшая

и советѣмъ чужая. И ему вспоминается новенькая банковская машинистка въ кудряшкахъ, и онъ дрожить, нечаянно встрѣтивъ себя въ высокомъ, закачавшемся трюмо. И какая-то горечь пьетъ сердце. Знаетъ онъ, что, не дѣлая своихъ дѣлъ, онъ не можетъ жить, и вся жизнь его въ борьбѣ и побѣдахъ—онъ всегда побѣждаетъ, но зачѣмъ ему эти побѣды и зачѣмъ дѣла? Для того, чтобы сдѣлать все по-своему, разрушить и построить, расчислить мѣсто и построить, какъ хочется, создать свое по-своему, по-новому, по-другому. И дѣлъ такъ много, и часы такъ кратки, успѣетъ ли онъ? И жизнь проходитъ, и какъ быстро проходитъ! А онъ все еще уторопливаетъ.

И на дворѣ начинается новая смѣна, послѣ краткой ночи наступаетъ рабочій день.

Въ заплѣсненно-гноящихся, спертыхъ фабричныхъ корпусахъ и въ душныхъ каморкахъ, несладко потягиваясь и ослепленно раздирая рты судорожной зѣвотой, крестясь и ругаясь, поднимаются фабричные. Осоловѣлыя, недоспавшія фабричныя дѣти тычутся по угламъ, и отъ подзатыльниковъ и щипковъ хнычутъ.

Распластавшіяся по нарамъ и койкамъ, женщины и дѣвушки съ полуразинутыми слипающимися ртами, борются съ одолеваяющимъ искушеніемъ ночи и съ замеревшимъ сердцемъ опускаютъ горячія ноги на холодный, липкій, захарканный полъ, наскоро запахивая и стягивая взбунтовавшуюся грудь.

Смѣняется ночной сторожъ Аверьянычъ и, обезсиленный болями, съ иѣной на подгнивающихъ губахъ, сквернословя и нецотребствуя, валится въ уголъ сторожки, а на его мѣсто становится дворникъ Кузьма.

Тянутся въ Боголюбовъ монастырь вереницы порченныхъ, разслабленныхъ, помутившихся въ умѣ и бѣсноватыхъ съ мертвенно-изможденными лицами, измученные и голодные,—у однихъ закушенные языки, у другихъ губы

растрескавшійся, синія безъ кровинки, съ застывшею странной улыбкой.

И о. Глѣба, укрощающаго бѣсовъ, ослѣпленнаго схимника, ведетъ подь-руку изъ бѣлой башенки-кели въ церковь къ бѣсноватымъ дылда-послушникъ, отплеывающійся отъ сивушной перегари полуночной попойки.

И въ промозгломъ, заиндевѣвшемъ склепѣ Огорѣлышевыхъ послѣдній жадный червякъ точить послѣднюю еще живую кость дѣда Огорѣлышевыхъ, Николая.

А тамъ, за выюжнымъ, а тамъ за безвъзднымъ небомъ, нехотя пробуждается зимнее сѣрое утро и сдавленнымъ, озябшимъ крикомъ тупо кричитъ въ Финногеновскомъ пѣтухѣ, очнувшемся на самой верхней жерди.

Кружится, кружится — падаетъ снѣгъ, кружится, падаетъ снѣгъ на замерзшую землю и хоронитъ ее такую непонятную, съ ея неразгаданной непостижимой жизнью.

А тамъ, на скользкой высокой горкѣ, запорошенной пушистымъ снѣгомъ, тамъ что-то огонькомъ мелкало — одинъ изъ бѣсовъ, бѣсенокъ съ ликомъ неподкупной и негодующей человѣческой честности и справедливости, поскошачьи длинно вытянувъ вверхъ ногу, горько и криво смѣялся закрытыми губами.

Онъ-то зналъ, и зачѣмъ-надо было самому дѣду Николаю на свѣтъ родиться, а отъ Николая Арсенію и Варенькѣ, зачѣмъ Арсенію свои дѣла дѣлать, а Варенькѣ горькую пить, и зачѣмъ Колѣ подъ диваномъ сидѣть и все замѣчать и ко всему прислушиваться, и про бабушку зналъ и про няньку и про Митю, зачѣмъ вѣкъ ихъ вѣчный копытать и будутъ копытить, онъ зналъ поименно всѣхъ порченныхъ и бѣсноватыхъ, ожидающихъ схимника о. Глѣба, и зачѣмъ одни, не доспавъ, должны вставать на фабричный свистокъ, а другіе снять, и почему такъ складывается, однимъ одна жизнь, а другимъ другая, однимъ легкая и удачная, другимъ трудная и несчастная. Да зналъ ли онъ? И кто онъ—

демонъ, одинъ ли изъ бѣсовъ или просто бѣсенокъ? И демонъ, и бѣсъ, и бѣсенокъ, онъ зналъ и горько и криво смѣлся съ сжатыми губами.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Олаборники.

Какъ пришла весна, пришла громкая съ пѣнными ручьями, пѣвучими, съ голубымъ ласковымъ небомъ, съ теплымъ, лучистымъ солнцемъ, и почернѣлъ садъ, растружились гнѣзда, зажелтѣлся ледъ на пруду, и сталъ прудъ сѣрымъ,—всѣми лежалъ онъ покинутый, съ одинокими брошенными льдинами, съ темной, какъ проломленный глазъ, прорубью, и запѣлъ Боголюбовскій колоколъ по весеннему звонче и переливчатѣе часы свои, о своемъ полднѣ и о своей полночи, и ужъ цѣлыми днями, только придутъ изъ гимназіи Финогеновы, и прямо на дворъ за работу: колятъ, рубятъ, метутъ, чтобы къ Пасхѣ ни одной зимней снѣжинки не удержалось.

Вечерами же на верху играютъ не по-зимнему, играютъ въ священники—въ большіе и въ маленькіе. Строятъ изъ столовъ и стульевъ престолъ и царскія двери, облачаются въ цвѣтные платки и разныя тряпки, служатъ всенощную, обѣдную, а больше пасхальныя службы—такъ въ большихъ священникахъ, въ маленькихъ же все

дѣло просто въ деревянныхъ кубикахъ: изъ кубиковъ строить церковь со всѣми придѣлами, теплыми и холодными, какъ въ церкви у Покрова, кубики же ходятъ и за священника, и за дьякона, и за весь причтъ церковный. И опять правятъ всякія службы, но больше пасхальныя.

Финогеновы не пропускали ни одной службы и по охотѣ и по неволѣ. Иногда такъ не хотѣлось, особенно къ ранней обѣднѣ.

— Дрыхалы, оглашенные, — подымала дѣтей Просковья, — что васъ не добудишься, будто напущено.

А было еще такъ рано, только къ часамъ перезванивали, и хоть бы минутку еще поспать, одну минутку!

Когда они возвращались изъ церкви, они при всякихъ уверткахъ не могли миновать Арсенія: Арсеній, для котораго не было ни праздниковъ, ни воскресенья, вставалъ рано и ужъ сидѣлъ въ кабинетѣ за дѣлами, и въ окно ему видно было, кто по двору шелъ. Онъ окликалъ Финогеновыхъ и всегда, находя какую-нибудь неисправность, выговаривалъ. Особенно попадало постомъ на Страстной недѣлѣ. И все-таки какъ хорошо и весело бывало на Страстной!

Покровскій пономарь Матвѣй Григорьевъ, черный, что нечистый, то и дѣло выходилъ, бывало, на церковный дворъ унимать Финогеновыхъ.

— Олаборники, — брюзжалъ пономарь, — батюшка увидитъ.

А Покровскій батюшка такой старый, едва ноги передвигаетъ, поидетъ онъ смотрѣть! — объ этомъ Финогеновымъ хорошо извѣстно, и они не слушались и продолжали свое.

Пономарь только рукой махалъ:

— Останавливай-не-оставливай, ничѣмъ не проймешь.

На церковномъ дворѣ около колокольни стояла будка. Когда перестраивали церковь, иконописцы, озорничая, изо-

бразили въ будкѣ на потолокѣ соблазнительную картинку: мужчину и женщину. Тутъ-то подъ этой картинкой и вытворялось Финогеновыми нѣчто, уму непостижимое. А пріѣдлась будка, надоѣдала, вламывались въ церковь. И церковь словно оживала.

На Благовѣщеніе Ванѣ Финикову, сыну просвирни, Агафьи Михайловны, читавшему въ первый разъ на амвонѣ шестопсалміе—Слава въ вышнихъ Богу, и облаченному по такому торжественному случаю въ семинарскую казенную чуйку, кто-то изъ Финогеновыхъ прищипилъ сзади къ этой финиковой чуйкѣ красный фланелевый хвостикъ.

Въ Вербное воскресенье за всенощной, когда стали раздавать освященную вербу, Финогеновы хлестали вербой не только другъ друга, но и постороннихъ, и не ребятишекъ, а взрослыхъ.

— Верба хлесь—бей до слезъ!

Въ Великую Среду за шѣніемъ іермосовъ Сѣченная сѣчется, Коля такое сотворилъ и при томъ въ самой же церкви, до самага батюшки дошло, и сырая шляпа Вани Финикова по рукамъ ходила. Охали и ахали богомольцы, трогая несчастную финиковскую шляпу.

— Ахъ ты, дьявольскій сынокъ, не будетъ тебѣ ужотко причастія,—пригрозилъ батюшка и велѣлъ Колѣ у Креста стать, поклоны класть.

И Коля стоялъ у Креста на колѣняхъ, выкладывалъ положенные сорокъ поклоновъ, еле удерживая слезы, но не столько отъ стыда, сколько отъ душившего хохота: этакъ вѣдь, штуку какую выкинулъ! И тутъ опять сплутовалъ,—не сорокъ, дай Богъ двадцать поклоновъ отмѣривъ, улизнулъ отъ Креста.

— Ахъ ты, дьявольскій сынокъ! — пугалъ батюшка Колю, оставивъ его послѣ поклоновъ стоять въ алтарѣ.

Изъ алтаря ужъ трудно было уйти, и, дѣлая видъ, что молится, Коля страшно скучалъ. Да и какъ было не скучать!—Саша, Петя и Женья возились на колокольнѣ, пускаясь на всѣ выдумки. И вотъ совсѣмъ не по уставу вдругъ зазвонилъ большой колоколъ, и богомольцы напуганнымъ стадомъ шарахнулись къ паперти.

— Дойдетъ до благочиннаго, ни черта путнаго, олаборники!—брюзжалъ пономарь Матвѣй Григорьевъ, сгоняя Финогеновыхъ съ колокольни.

Въ Великій Четвергъ на двѣнадцать евангеліевъ, выходя съ горящими свѣчами, Финогеновы тушили огни у особенно ревностныхъ покровскихъ прихожанъ, къ великому негодованію ихъ и обидѣ.

— Душа моя, Коко, — наставляла послѣ бабушка, — Богъ тебя накажетъ за это, и нешто въ законѣ Божьемъ сказано, чтобы страстной огонь тушить? Іуда ты и Варее-ломей, Искаріотъ, помолись ангелу своему и покайся, ни росту, ничего не дасть тебѣ Владыко Господь, и останешься ты курносымъ до скончанія вѣковъ, до самаго свѣтопреставленія!

А Колѣ непремѣнно хотѣлось быть высокимъ—большимъ, большимъ, и чтобы носъ былъ, какъ у любимаго учителя француза, и ну какъ не будетъ ему ни росту, и ничего до самаго свѣтопреставленія?

Прикладываясь къ Плащеницѣ, Коля каялся, но какъ-то не такъ все выходило, словно поклоны клалъ за шляпу передъ Крестомъ: очень ужъ было задорно тогда тушить свѣчки — страстной огонь, слышать злющее шипѣніе испостившихся злюкъ и ужасъ видѣть на ихъ передернутыхъ негодованіемъ лицахъ.

Наступалъ Свѣтлый День—Пасха.

И все забывалось. И плохенькія одеженки показывались новыми и нарядными. Кажется, вся жизнь Финогеновыхъ была въ пасхальной заутренѣ, они ждали ее весь

годъ и, что бы ни дѣлали, что бы ни дѣлалось, всегда помнили, будетъ Пасха, вотъ Пасха придетъ!

И какая радость и какая мука! Послѣ обѣдни, выходя изъ церкви на паперть, Коля постоянно чувствуетъ, какъ жгучій стыдъ заливаешь ему сердце: на паперти со всѣхъ сторонъ тянутся къ нему дрожащія руки:

— Колечка, дай копѣчку!

— Колечка, Христосъ воскресъ!

И навязчиво идетъ запахъ гнили и промозглаго немываго тѣла, а всѣ эти лохмотья вздрагиваютъ отъ утренника.

— Колечка, дай копѣчку!

— Колечка, Христосъ воскресъ!

А онъ такой нарядный,—ему кажется такъ, что онъ нарядный, и идетъ онъ домой разговляться! Какая мука и какъ ему жутко, что всѣ они такіе: нѣтъ у нихъ дома, нѣтъ у нихъ и пасхи бѣлой съ яркими красными цвѣтами. И какъ хотѣлъ бы онъ быть съ ними нищимъ! И до боли ярко онъ ужъ видитъ себя тутъ, на паперти, среди нищенской рвани въ лохмотьяхъ, безъ дома и безъ пасхи.

— Воистину, воистину воскресъ!—онъ вынимаетъ изъ курточки всѣ свои новенькія копѣйки, подаренныя Варенькой на Пасху, и суешь въ закорузлыя, ловащія руки. А копѣекъ такъ мало.

Мглистое утро съ собирающимся снѣгомъ переключается одинокимъ колокольнымъ переключкомъ запоздалыхъ и растянутыхъ усердныхъ обѣденъ.

Прямо изъ церкви Финогеновы шли поздравлять Огорѣлышевыхъ: Арсенія и Игнатія. Не безъ страха, теряя голосъ, вступали они въ бѣлый огорѣлышевскій домъ.

Обыкновенно на Прощенное Воскресенье, когда, бухаясь каждому въ ноги, они положенно приговаривали: „Простите, дядюшка, ради Христа!“—бывала большая проборка, и за

дѣло и для острастки—на будущее. И на Пасху надо было ждать бѣды.

Между Огорѣлышевыми и Финогеновыми лада не было. Озорство Финогеновыхъ раздражало Арсенія, а кромѣ того Варенька подливала масла въ огонь. Нерѣдко въ свои отчаянныя минуты, желая, должно быть, сердце сорвать, Варенька посылала письма Арсенію, и въ письмахъ описывала ему Богъ знаетъ что о дѣтяхъ, и всякій разъ просила брата сдѣлать имъ внушеніе, такъ какъ силъ ея нѣтъ, и одна она не можетъ съ ними справиться, проклятыми. И Арсеній принималъ мѣры.

Особенно доставалось Колѣ и Петѣ. Съ Колей началось очень давно, когда еще былъ онъ совсѣмъ-совсѣмъ маленькій. Вела его какъ-то Прасковья по двору гулять, встрѣтился Арсеній, Коля и протяни ему руку. „Ты, мальчишка, смѣешь мнѣ первый подавать руку! Забываешь, кто ты: на нашъ счетъ живешь!“—бѣленился Арсеній, и въ голосъ его звучало что-то кошачье: было такъ, будто кошка, долго и пристально насмотрѣвшись въ глаза другой кошке, отпрыгнула вдругъ, оцетинилась и взвизгнула. А у Коли тогда губы дрожали, но рука не опускалась.

Робко прокравшись по парадной лѣстницѣ, Финогеновы входили въ кабинетъ къ Арсенію, и каждый еле слышно произносилъ затверженное:

— Поздравляю васъ, дядюшка, Христосъ Воскресъ!

— Болваны!—не глядя, обрывалъ Арсеній,—чаще драть васъ, вотъ что! И ты! и ты! Лѣнтяи, дармоѣды. Тебя, Петька, выдеру, призову рабочихъ и выдеру: ты у меня забудешь трубку курить. А ты, курносая гадина, чего ротъ разинулъ? И ты дуракъ, туда же,—Арсеній потеревилъ бумагами: праздники для него ножъ острый, Пасха въ особенности, какъ-ни-какъ, а отрываться отъ дѣла ему придется,—ну, маршъ, отправляйтесь!

Кубаремъ скатываются Финогеновы съ парадной огорѣлышевской лѣстницы, да вирипрыжку по двору мимо фабрики, мимо фабричныхъ корпусовъ къ себѣ въ красный флигель, гдѣ ихъ ждетъ-дожидается и бабушка и Маша и нянька. И дома въ одиночку и хоромъ славятъ Христа, кричать на весь домъ и христосуются съ бабушкой, съ нянькой, а съ Машей несчетно разъ.

Въ первый день послѣ вечерни приходитъ Покровскій батюшка съ крестомъ.

Пономарь Матвѣй Григорьевъ, нахристосовавшись, едва держится на ногахъ.

— Пушокъ у меня не на животѣ, а на спинѣ этакъ!— толкуетъ онъ каждому и, весь изгибаясь, посмѣивается. не открывая рта.

За чаемъ батюшка пробираетъ Петю за трубку.

— Дьявольскій ты сынокъ!—говорить батюшка,—накажетъ тебя Богъ!

Всѣ Финогеновы курили, и курили до зеленыхъ круговъ и тошноты. Но трубка Петина: Петя главный курильщикъ. Они еще не научились воровать, ихъ деньги—копѣйки, и на копѣйки, перепадавшія имъ отъ Вареньки, съѣдалось мороженное и покупались на великомъ посту гречники, и волей-неволей приходилось курить тотъ самый табакъ—листья, которыми перекладывалось зимнее платье.

— Ну, Христосъ съ вами. Пресвятая Владычица, малыши вы, неразумные!—батюшка гладилъ дѣтей по головкѣ, вставая изъ-за стола.

А Варенька плакала, загрызала ногти,—ногти всѣ были изгрызаны, загрызала мясо у ногтей, Варенька жаловалась.

— Потерпите, несите крестъ!—наставлялъ батюшка.

— Да они, онъ... они... жизнь мою... я...,—глотаая слезы, бормотала Варенька.

— Пупокъ у меня не на животѣ, а на спинѣ этакъ!— толковалъ Матвѣй Григорьевъ на прощанье и, весь изгибаясь, посмѣивался, не открывая рта.

Подъ ночь въ Пасху бывало грустно: жалко было, что прошелъ Свѣтлый день.

„Если бы всегда была Пасха!—мечталъ Коля.—только въ раю. должно быть, всегда Пасха. и умереть, говорятъ, хорошо на Пасху, прямо въ праведники. Дѣдушка на третій день издохъ...“—И вдругъ вспоминались ему нищіе на паперти съ протянутой рукой.

А въ крышу постукивалъ теплый дождь, зеленую крапивою траву и черный берегъ оттаявшаго пруда.

И лягушки, выпучивъ сонныя бѣлья и растарачивъ лапки, въ первый разъ послѣ зимняго сна. безтолково квакали. И подъ дождемъ земля расправлялась и тучнѣла, и всѣ сѣмена жизни зрѣть стали, наливаясь, изнемогая въ своей любовной жаждѣ.

Зарею первыя нѣжныя травинки, первые голубые подснежники, будто хоръ дѣвочекъ—благовѣстницъ грядущихъ вѣсть, выглянули на восходящее солнце Христова дня, на Христа воскресшаго.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Семи-винтовое зеркальце.

Бесна началась не на шутку. Съ каждымъ днемъ становилось теплѣе. Благополучно прошли экзамены. И скоро о зимѣ забыли. Передъ Финогеновскимъ домомъ на огородѣ зацвѣли яблони и вишни. Бѣло-алыя дождевики яблонова и вишневаго цвѣта, осыпаясь съ деревьевъ, залетали въ комнату Вареньки.

Съ самаго утра Финогеновы на огородѣ, въ землѣ копаются. Рубашки и штаны испачканы, лица и руки въ грязи,—чертенята маленькіе.

— Эй, плотнички лихіе, работай!—покрикиваетъ Петя.

— Стеннѣть, за досками пойдемте: шалашъ надо строить, безъ шалаша намъ никакъ нельзя, — Сана, какъ заправскій землекопъ, поплевываетъ себѣ на руки, — или берлогу выкопаемъ въ двадцать сажень, тамъ чай пить будемъ и кровать поставимъ. У Сухоплатовыхъ вонъ берлога на дворѣ сдѣлана въ пятьсотъ сажень, Васька Сухоплатовъ рассказывалъ, музыка у нихъ въ берлогѣ играетъ.

— Свой прудъ выроемъ!—поддакиваетъ Коля.

— На той сторонѣ кизельникъ зацвѣлъ! — объявляетъ Женя.

Той стороной называлась часть огорѣлышевскаго сада къ Синичкѣ: тамъ росли старыя яблони, которыми особенно дорожилъ Игнатій, вкусный кизельникъ и дикая малина.

И хотя караулъ ставился крѣпкій и всякій день изъ другого огорѣлышевскаго маленькаго фруктоваго сада присылали Финогеновымъ по корзинѣ всякой падали: ѣшь до отвала, — все равно, наѣдаясь до отвала, до холеры огорѣлышевой падалью, Финогеновы не оставляли къ Ильину дню ни яблочка, ни ягодки. Обыкновенно позднимъ вечеромъ Финогеновы шелушили деревья, а чтобы запугать сторожей, хлопали въ ладоши, будто водяной тѣшится.

„И садъ и прудъ проклятые, — шла молва, — нечистый ходитъ! Пошелъ намедни въ караулъ Егоръ-Смѣхота, — рассказывали потерпѣвшіе отъ огорѣлышевскаго нечистаго, — а изъ пруда ему рожа, да какъ загогочетъ, инда яблоки попадали. Подобралъ Егоръ полы, да лататы. Душка-Анисья, богоявленской кропила, насилу отходился. А Егоръ-то, вѣдь, во, — смѣхота!“

— Палевый вчера улетѣлъ, остался одинъ чернопѣгій. И подеѣву нѣтъ, — вспоминаетъ о голубяхъ Коля, онъ работаетъ лѣнливо, и не такъ пачкается, какъ другія дѣти, онъ любитъ, чтобы чисто все было, какъ стеклышко.

Голуби — общіе Финогеновскіе, но Коля чувствуетъ къ голубямъ особенную нѣжность. Онъ и тайники и всякія приманки выдумываетъ.

Петя гоняетъ голубей: его дѣло — залѣзть съ шестомъ на крышу и посвистывать.

Въ воскресенье и въ праздники Финогеновы, забравъ голубей, ходили на дальній бульваръ, гдѣ открывался птичій базаръ, на базарѣ они приторговывали новыхъ или обмѣнивали своихъ или просто слонялись, вступая съ тор-

говцами въ препирательства, задирая бахвальствомъ своимъ и плутнями. Огорѣлышевцевъ въ весь базаръ зналъ.

Къ голубямъ пристрастилъ Финогеновыхъ огорѣлышевскій приказчикъ, Михаилъ Ивановичъ.

За старостью лѣтъ, жилъ Михаилъ Ивановичъ на покой на дворѣ у амбаровъ въ старой конторѣ, дѣла у него хозяйскаго никакого не было, развѣ вечерами, когда вызоветъ его къ себѣ Арсеній въ шашки поиграть, но это бывало такъ рѣдко. Все свое время проводилъ Михаилъ Ивановичъ съ птицами. Страстный любитель птицъ онъ только ими и жилъ. Занимали птицы всю его квартиру, не было уголка безъ клѣтки. Птицы чахли, гадили, а пѣть мало пѣли.

Финогеновы часто забѣгали къ старику, любопытствовали, а Михаилъ Ивановичъ, не торопясь, отщипывая не хуже бабушки понюшку за понюшкой, рассказывалъ имъ о каждой птичьей породѣ, и представлялъ голоса, и ставилъ примѣрные силки и западни, и нерѣдко случалъ пичушекъ въ надеждѣ имѣть яички: ужъ очень хотѣлось старику маленькихъ птенчиковъ повидать, выходить птичекъ.—авось запюютъ!

Къ великому удивленію и огорченію Михаила Ивановича послѣ Финогеновскаго посѣщенія клѣтки какъ-то сами собою открывались и, несмотря на двойныя рамы круглый годъ не отворяемыхъ оконъ, птицы вылетали на волю. Думать на Финогеновыхъ онъ никакъ не могъ,—Михаилъ Ивановичъ былъ мужъ дальнихъ замысловъ, и всегда охотно принималъ дѣтей и съ удовольствіемъ показывалъ имъ свое пѣвчее пернатое царство.

Любовь Михаила Ивановича къ птицамъ и охота за ними очень увлекла Финогеновыхъ. Когда гостившая у Степаниды дочь ея, Авдотья-Свистуха, собиралась уѣзжать въ деревню, Коля написалъ ей большой списокъ, чего Авдотья привезти должна, когда въ слѣдующій разъ къ Степанидѣ въ гости пріѣдетъ. И чего-чего въ запискѣ этой не

было: и соловей, и жаворонокъ, и кукушка, и филинъ, и аистъ, и журавль, и орелъ, и даже самъ павлинъ, а изъ звѣрей— медвѣдь съ медвѣжатами, заяцъ, лисица, волкъ и слонъ. Авдотья рассказывала Колѣ, что въ ихъ деревнѣ водится всякій звѣрь и птица, Коля и задумалъ Авдотьиныхъ звѣрей на огорѣлышевскій дворъ пустить, и просилъ онъ не такъ ужъ много, всего по одной штукѣ. Авдотья записку въ платокъ себѣ завязала съ паспортомъ, а звѣрей такъ и не дождался Коля.

— Весь звѣрь нынче перевелся по грѣхамъ нашимъ,— оправдывала Степанида дочь свою Авдотью,—одинъ воробей остался, да и то птица непутевая!

Благодаря Михаилу Ивановичу, была у Финогеновыхъ такая голубятня, всѣмъ голубятникамъ на зависть. Теперь совсѣмъ ужъ не то, сломали у нихъ голубятню.

И все изъ-за Палагеи Семеновны. Узнала она о голубяхъ, вознегодовала: какъ можно, вѣдь гонять голубей значить быть голубятникомъ, а быть голубятникомъ—неприлично и безправственно.

И желая разяснить дѣтямъ ихъ дурной поступокъ, назвалась голубятню посмотрѣть, чтобы тамъ на мѣстѣ наставленіе свое сдѣлать.

Финогеновы согласились, подставили лѣстницу.

Высоко задирая юбки и вскрикивая, взобралась Палагея Семеновна по трясущейся крутой лѣстницѣ подъ самую крышу къ слуховому окошку мезонина и, наступая на теплый пометъ, приготовилась наставлять, но дѣтей на голубятнѣ не оказалось, хоть бы одинъ кто-нибудь, никого не было, да не только дѣтей, и лѣстницы — лѣстницу они оставили. И натерпѣлась же она страха, наморили они ее, паоралась вдосталь. Узналъ Арсеній, и была послѣ потасовка, а голубятню сломали. А какая была голубятня! Теперь совсѣмъ не то.

Солнце, осмотрѣвъ всё закоулки двора и тѣнистый берегъ пруда, вышло на самую серединку грѣть старыхъ огорѣлышевскихъ сазановъ и палить ледяные ключи.

Финогеновы бросаютъ лопаты и съ огорода домой обѣдать.

По праздникамъ послѣ обѣда приходитъ Филиппокъ, сынъ Степаниды, коренастый и черномазый, взъерошенный мальчишка-сапожникъ. Филиппокъ большой искусникъ: ловкачъ мастерилъ изъ разноцвѣтной кожи оружіе, ордена и всякія медали.

Съ приходомъ Филиппка начинались разбойничьи игры и война.

Что ни попадетъ подъ руку, все летитъ вверхъ тормашками: стекла и куры, скамейки и цвѣты, дрова и собаки,—не попадайся! Тамъ, глядишь, кто-нибудь и въ прудъ бултыхнется. И не ходить, а словно на коняхъ несутся въ бумажныхъ и кожаныхъ орденахъ, съ подбитыми глазами, исцарапанные.

— Вольница, удержу на васъ нѣтъ, оглашенные! — ходитъ Прасковья, собираетъ черенки.

А война въ самомъ разгарѣ, — такую войну и самый настоящій театр не представитъ.

Вотъ будто пожаръ, весь городъ въ огнѣ. Осажденные, озвѣрѣлые отъ голода и тревогъ, мечутся люди, рвутся подъ бьющей бѣдой, стеная и проклиная. Вотъ буря, корабли тонутъ въ волнахъ, а надъ головой свищутъ пули.

Вотъ бѣгутъ, — по пятамъ черный дымъ и грохотъ. впереди топъ крови.

Вотъ лопнетъ сердце, вотъ духъ захватить.

И крикъ взрываетъ садъ, и, кажется, изъ фабричной огорѣлышевой трубы, выпыхивающей клубы сѣдого дыма, кричитъ этотъ крикъ неумолимо-рѣзкій и страшный:

— Бей! бей! бей!

И вдругъ острые, какъ клещи, пальцы огорѣлышевскаго управляющаго Андрея Филимоновича вонзаются въ ухо кому-нибудь изъ Финогеновыхъ и больно выворачиваютъ мягкій хрящъ:

— Дяденькѣ пожалуемся!

— Андрей-воробей!—Андрей-воробей! — дѣти, поддразнивая, кричатъ всѣ за разъ, кружатся, а ихъ проворныя руки то и дѣло сальютъ Филимонича съ крючковатымъ носомъ, на которомъ торчитъ сухой конскій волосъ.

Согнувшись, проходитъ Филимоничъ къ фабричному корпусу, наводя страхъ и порядокъ.

„Со свѣту сжилъ, дьяволъ, — ропшутъ по двору на управляющаго, — лизунъ огорѣлышевскій, шпионъ подхвостники! Найдеть полоса, хлебнешь изъ пруда!“

Кончилась разбойничья игра, прошла потѣшная война, скрылся управляющій, и Финогеновы въ купальню — купаться. До дрожи, до тошноты ныряютъ они и плаваютъ, ни сухого мѣстечка въ купальнѣ, а забрызганная одежда ихъ свертывается, какъ выполощенное бѣлье.

Послѣ купанья—на навозъ, на ту сторону сада къ липамъ.

Навозъ складывается около забора, отдѣляющаго огорѣлышевскій садъ отъ берега Синички. Въ навозъ водятся необыкновенно жирные бѣлые черви. Финогеновы разрыываютъ навозъ, чтобы выкопать этихъ жирныхъ бѣлыхъ червей, и, набравъ полныя горсти, раздавливаютъ червей по дорожкамъ.

А надоѣдаютъ черви, идутъ Финогеновы ловить лягушекъ. Ловятъ и пускаютъ въ кадушку.

Кадушка — подъ желобомъ у дома. Наберутъ полную кадушку и за игру въ лягушки: отрываютъ лапки у лягушекъ, выкалываютъ глаза, распарываютъ брюшко, чтобы кишки поглядѣть. А лягушки квакаютъ, захлебываясь, квакаютъ во всю лягушину глотку по-человѣчьи.

— Ай! нагрѣшники!— слыхватывается Степанида,— всю то мнѣ воду опоганили!—и долго возится съ кадушкой, вылавливаетъ лѣвой рукой скользкія лягушинныя внутренности и лапки.

Отъ этихъ лягушекъ, — такъ были все увѣрены, — пальцы у Финогеновыхъ обростали за лѣто бородавками.

„Это отъ ихнихъ соковъ поганныхъ“, — объясняла Прасковья, и бабушка, и Степанида, и даже Маша.

За то какое удовольствіе послѣ каникулъ сводить бородавки! Пальцы мазали теплыми куриными кишками, кишки зарывались въ землю, а когда кишки сгнивали въ землѣ, бородавки пропадали.

Бросая Финогеновы лягушекъ, и на качели, качаться.

Выпачканные въ навозѣ, липкіе отъ раздавленныхъ червей и распотрошенныхъ лягушекъ, они качаются-подмываютъ до замиранія сердца, они взлетаютъ за фонарь до маковки старой березы,—вотъ, вотъ перелетитъ доска за перекладину... А вѣдь этого имъ только и хочется, чтобы доска перелетѣла за перекладину. Накачавшись всласть, Финогеновы лазаютъ по качельнымъ канатамъ. Лазить по качельнымъ канатамъ особенное удовольствіе. И долго они лазаютъ, жмурясь и вздрагивая отъ захватывающаго чувства сжимать ногами упругую, щекочущую веревку. И, добираясь до самаго края, вверху у кольцо задерживаются и висятъ, какъ маленькія обезьянки.

Вечерѣтъ. Вечеръ раскаляетъ за Боголюбовымъ монастыремъ закатныя красныя тучи, и черныя длинныя тѣни сонно проплываютъ по пруду. Начинается вечерняя игра.

Подымаютъ Финогеновы свои знамена и хоругви—шесты, обитые вверху разноцвѣтными тряпками, и трогается крестный ходъ: избіеніе младенцевъ.

Сажей и кирпичемъ вымазаны лица и руки у хоругвеносцевъ.

Впереди всѣхъ Коля въ бѣлой простынѣ на длиннѣйшихъ ходуляхъ. А жертва — Машка Пашкова, дѣвченка, дочь слесаря, мечется и визжитъ.

— Машка Пашкова! Машка Пашкова! — сначала тихо, потомъ все громче, гнусаво, говоркомъ, изводяще гнусаво поетъ хоръ, по пятамъ гоняясь за дѣвчонкой, пока она не выбьется изъ послѣднихъ силъ.

Затравленная Машка камушкомъ влетаетъ въ каморку къ отцу, бросается въ колѣни къ отцу, дрожить, какъ листикъ.

Отца Машки, Павла Пашкова, Финогеновы боялись. Трезвый онъ былъ не страшенъ, но когда наступалъ запой, въ запоѣ Павелъ Пашковъ свирѣпѣлъ. Блѣдный, словно мукою обсыпанный, съ впалую грудью, задыхаясь, бѣгалъ слесарь съ ножомъ по двору, искалъ зарѣзать огорѣлышевцевъ. И въ такіе дни Финогеновы обыкновенно прятались въ самыя засадныя мѣста, и только, когда Пашковъ, обезсилѣвъ, съ окровавленными руками, съ слипшеюся прядью бурыхъ волосъ на закопченной головѣ, валился гдѣ-нибудь у помойки, они выходили изъ своихъ потайныхъ норъ.

— Машка Пашкова, Машка Пашкова! — сначала тихо, потомъ все громче, гнусаво, говоркомъ, изводяще гнусаво, поетъ зловѣщій хоръ.

Сложить хоругви за террасу и въ бабки играть. Финогеновы играютъ въ бабки по разному: въ бабки-салки, въ конъ-за-конъ, въ ѣздоки и въ плочки.

Вмѣсто бабокъ иногда играли они въ Палочку - вьручалочку, въ казаки-разбойники или въ мирную игру — въ разнозчиковъ, представляя старика разнозчика Анисима, доставлявшаго Финогеновымъ телятину бѣлую, какъ пищащая бумага, и раковъ, — Варенька только и ѣла раковъ.

И за бабками непременно подерутся. Да и какъ не

подрались: тутъ каждый другъ передъ другомъ соперничаетъ. Финогеновы лупили другъ друга чѣмъ ни попало.

Въ Боголюбовомъ бьютъ часы восемь.

Въ садъ выходитъ гулять Игнатій съ книжкой и биноклемъ.

Хоронясь отъ Игнатія, чтобы не попасться ему на глаза, забираются Финогеновы подъ террасу и на корточкахъ въ темнотѣ и сырости слушаютъ рассказы Филиппка.

Филиппокъ начинаетъ съ своего хозяина-сапожника, рассказываетъ о мастерахъ сапожныхъ и подмастерьяхъ, потомъ переходитъ къ сказкѣ. И всегда рассказываетъ онъ одну и ту же сказку о семи-винтовомъ зеркальцѣ, — непечатная сказка, затѣйливая, запутанная, такая забористая, и слушать ее, хоть сто разъ прослушаешь, никогда не надоѣстъ. Другой Филиппокъ не знаетъ.

Спадаетъ жара. Убирается Филиппокъ восвояси. И выходитъ теплая, темная ночь, — темный ли саванъ на ней, черныя ли кудри вьются? — она идетъ, теплая, темная ночь, въ полыхающихъ слѣпыхъ зарницахъ, въ зоркихъ звѣздочкахъ, и замираетъ жизнь отъ Камушка до Чугунно-литейнаго завода и отъ Колобовскаго сада до Синички.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Мертвая грамота.

На Казанскую въ ночь къ Финогеновымъ воръ залѣзъ, украсть ничего не укралъ, а шуму надѣлалъ много. Какъ могъ проникнуть воръ къ Финогеновымъ, сказать мудрено. Внизу, во всѣхъ окнахъ и въ залѣ и въ гостиной на лѣто вставлялись деревянныя рѣшетки, только одно окно въ комнатѣ Вареньки—въ спальнѣ, у кіота, было безъ рѣшетки, но зато оно и не выставлялось. Влѣзъ ли воръ въ форточку—форточку Варенька держала на ночь открытой, или, забывшись еще наканунѣ подъ диванъ въ гостиной и пролежавъ тамъ весь вечеръ, ночью онъ вышелъ и прямо къ Варенькѣ? Одни говорили, въ форточку влѣзъ, другіе, изъ-подъ дивана вылѣзъ, а кто былъ правъ—и то и другое возможно. Одинъ только Сѣма печникъ, работавшій когда-то у Огорѣлышевыхъ, юродивый, шатавшійся по околодку въ своей шапкѣ, сдѣланной изъ игрушечнаго барабана съ бубенцами, головой своей барабаномъ потряхивалъ, не соглашаясь ни съ тѣми, ни съ другими: не принималъ юродивый ни форточку, ни диванъ.

Сама все бормотала о какой-то грамотѣ, о какой-то о мертвой грамотѣ, и больше отъ него нельзя было ничего добиться. И огорѣлышевскіе мудрецы въ родѣ Душки и Анисьи, огорѣлышевской прачки, толковали и перетолковывали непонятныя слова юродиваго о мертвой грамотѣ. По ихъ толкованію выходило такъ, что, хоть воръ и былъ, но воръ не настоящій, и приходилъ этотъ не настоящій воръ съ грамотой приносилъ воръ мертвую грамоту — смертный приговоръ. Но кому приносилъ воръ смертный приговоръ: всему ли бѣлому огорѣлышевскому дому или только красному финогеновскому флигелю, самому ли Арсенію или только Варенькѣ, объ этомъ судить не брались, а юродивый все бормоталъ да головой своей барабаномъ потряхивалъ.

Ночью Варенька вдругъ проснулась. Около ея кровати лицомъ къ шифоньеркѣ, гдѣ прятала она деньги, водку и шоколадныя лепешки, стоялъ здоровый парень въ красной кумачной рубахѣ. Красная кумачная рубаха отъ лампадки казалась страшно кровавой, и перепуганная Варенька, вскрикнувъ, схватила его за рубашку, но онъ рванулся, бросилъ на полъ ключи и въ дверь — въ гостиную. Съ крикомъ выскочила Варенька изъ комнаты въ кухню, изъ кухни во дворъ, она кричала, что воръ въ красной рубахѣ, она кричала, чтобы держали вора въ красной рубахѣ. Лѣтомъ фабричныя спали не въ корпусахъ, а на дворѣ и всюду по двору пестрѣли ихъ красныя рубахи. На крикъ они повскакали, бросились ловить вора и со сна ловили другъ друга.

Ночная тревога взбаламутила Финогеновыхъ. Остатокъ ночи въ домѣ никто не спалъ. А день начался жаркій и душный. Для Коли это былъ особенный день: Колю пороли. Еще наканунѣ, поспоривъ изъ-за бабокъ, Коля хватилъ Петю свинчаткой по головѣ да такъ, чуть голову не прошибъ, а въ Казанскую, копаясь съ Женей въ песокъ, тоже изъ-за чего-то повздорилъ, набралъ песку пригоршню и бросилъ ему въ глаза. А кромѣ того, помогая катать бѣлье, такъ

быстро сталъ вертѣть колесо, что вмѣстѣ съ какой-то простыней между валиками попали и пальцы Пети. Пальцы защемило до черноты, а Петя повалился безъ памяти. Вотъ за все. за это и рѣшено было выпороть Колю. И взяли его обманомъ. Позвала Прасковья Колю въ комнату Вареньки, будто новые штаны помѣрять. Обрадовался Коля—Коля большой щеголь, побѣждалъ онъ вприпрыжку, быстро стацилъ съ себя старенькія заплатанныя штанишки.

— Нагнись, дѣвушка!—сказала Прасковья, ставъ подъ кютомъ.

Коля, ничего не подозрѣвая, нагнулся. А какъ Коля нагнулся, тутъ-то и началось; держалъ Кузьма дворникъ, а нянька съ Варенькой ремешкомъ хлестали.

— Будешь, дѣвушка?—приговаривала нянька.

— Буду!—не сдавался Коля.

— Такъ вотъ тебѣ, дѣвушка!—хлестала нянька.

— Гадина, паршивая, гадина, выродокъ проклятый!—подхлестывала Варенька.

Такъ и выдрали. И Коля ни разу не вскрикнулъ, молча, не глядя, надѣлъ онъ свои старенькія заплатанныя штанишки и пошелъ на верхъ въ дѣтскую.

Къ вечеру собралась гроза. Огромная грозовая туча вышла изъ-за Боголюбова монастыря и шла прямо, огромная, на финогеновскій флигель.

Грозовая жуткая темь пробиралась сквозь стекла закрытыхъ оконъ, ползла на верхъ въ дѣтскую. Нагорая, колыхалась—плыла передъ образомъ Трифона Мученика крещенская свѣча. А гдѣ-то надъ потолкомъ, высоко надъ крышей, въ рѣдкихъ дрожащихъ капляхъ дождя ворчало что-то, перекачивалось, будто какое-то страхъ-страшное, безглазое чудовище,—погрохатывалъ громъ.

Стоналъ Петя, ерзая отъ боли: на головѣ тяжелая повязка, расплющенные черные пальцы крѣпко бинтомъ замотаны.

Женя, уткнувшись лицомъ въ подушку, не переставая, плакалъ: схватила его всегдашняя боль, нестерпимо болѣло гдѣ-то надъ бровями въ вискахъ.

Заглядывала въ дѣтскую Прасковья и опять внизъ уходила. Поджатая, поблекшія губы шептали молитву. Въ Варенькиной комнатѣ—въ спальнѣ хлопала форточка: хлопнетъ, вѣтромъ закроется и опять хлопнетъ.

Сжавшись, сидѣлъ на верху у окна Коля. Его до крови искусанныя губы вздрагивали, сухимъ блескомъ горѣли темные съ поволокой глаза. Онъ какъ сѣлъ у окна послѣ порки, такъ и сидѣлъ, не оглядывался, все на одномъ мѣстѣ. Надъ Боголюбовымъ монастыремъ распахнется, и мгновенно закроется огненная полоса, будто яркая, ярко-бѣлая, до бѣла раскаленная пасть какого-то страхъ-страшнаго безглазаго чудовища.

Коля вспоминаетъ, какъ его пороли въ спальнѣ передъ кіотомъ, какъ обманули его новыми штанами, и гдѣ-то въ сердцѣ, на самомъ днѣ сердца что-то словно бурлитъ—закипаютъ слезы и не могутъ подняться, не слезы—расплавленное олово слезное.

Петя вскрикнулъ, заерзалъ на кровати и затихъ, будто обмеръ.

И растопырились передъ Колей расплющенные черные петины пальцы, и онъ увидѣлъ такъ ясно передъ собой Петю, какъ отъ боли тогда у Пети глаза закатились и какъ ткнулся Петя въ катокъ, весь бѣлый.

Вдругъ бѣлыя стрѣлки забороздили темь. И ударилъ громъ, словно сорвалась чугунная гора, грохнулась, разсѣкла полнеба и раскатилась надъ самой головой глухозвучащими, желѣзными шариками.

Зачѣмъ Коля такъ обидѣлъ Женю? Развѣ не зналъ онъ, что у Жени глаза больные? Полную горсть бросилъ, всѣ глаза засыпалъ. А вѣдь только-что передъ этимъ Женя сказалъ Колѣ, что трогать его не будетъ, пусть и Коля

его не трогаетъ. А Коля взялъ песку да въ глаза ему, всё глаза засыпаль.

— „Я тебя, Коля, трогать не буду, я тебѣ служить буду!“—повторяетъ Коля слова Жени, и надрывается сердце.

Коля потихоньку пріотворилъ окно: пускай его громъ разразить! И высунулся въ окно, тянется подъ тучу, подъ молнію.

— Пускай меня громъ разразить!—шепчетъ онъ грому, грозѣ, тучамъ.

Но не жжетъ молнія, не ударяетъ громъ, только деревья перешептываются, свистятъ, и листь къ листу ластится, точно хоронится.

И вдругъ онѣмѣлъ Коля отъ отчаянія — его и громъ не беретъ!—и въ отчаяніи закусилъ себѣ палець, крѣпко до крови, и почувствовалъ, какъ что-то тяжелое—какая-то огромная синяя свинчатка ударила его въ грудь, а красный, заревной свѣтъ хлещетъ его по ногамъ, хлещетъ по лицу и уходитъ въ голову и тамъ крутится, и, закрутившись, расплывается легко и мягко.

Коля выпустилъ изъ рта палець и упалъ на полъ. И лежалъ на полу въ глубокомъ обморокѣ, пока не пришла Прасковья.

Прасковья и Саша, кропя богоявленской водой, подняли Колю на руки и уложили въ кровать. И отъ окна до кровати покраснѣла дорожка густо-красныхъ капелекъ крови.

Коля очнулся ночью: тикаютъ—ходятъ часы, и кто-то маленькимъ пальцемъ все стучить въ окно.

Ангелъ ли Божій стучалъ въ окно, злой ли демонъ, одинъ ли изъ бѣсовъ или просто бѣсенокъ, съ вѣстью ли благовѣстною или съ мертвой грамотой—и зачѣмъ она и кому она? Ангелъ ли Божій, злой ли демонъ, одинъ ли изъ бѣсовъ или просто бѣсенокъ, кто-то маленькимъ пальцемъ все стучалъ въ окно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Огорьлышевы.

Въ дѣтской душѣ скоро все забывается, такъ ужъ Богомъ она устроена. Поджили расплющенные пальцы у Пети, и забылъ Петя о своихъ пальцахъ, вылизала языкомъ Душка - Анисья у Жени въ глазахъ всѣ песчинки, поболѣли глаза, поправились, и Женя забылъ о глазахъ, и Коля забылъ, какъ пороли его передъ кіотомъ. А вотъ о ворѣ, забравшемся къ Финогеновымъ въ ночь на Казанскую, долго помнили: не годъ, а цѣлыхъ два года вспоминали о ворѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ приходилъ воръ, у Вареньки стали пропадать деньги. Куда могли пропадать деньги изъ запертой шифоньерки, никто не догадывался. И зналъ только Петя и Коля: Петя и Коля не хуже заправскаго вора влѣзали черезъ форточку въ спальню, отпирали шифоньерку и, не трогая водки, ѣли шоколадныя лепешечки и брали мелочь. Крупное—бумажки они оставляли въ покоѣ и только всего разъ или два былъ случай. Однажды, вернувшись изъ гимназія, Петя показывалъ десять рублей—онъ ихъ нашелъ на дорогѣ, такъ объяснялъ Петя. На эти деньги

Петя купилъ себѣ на Камушкѣ у старьевщика серебряные часы, а вскорѣ и у Коля появились часы—луковица. Какъ же было Финогеновымъ не вспоминать вора!

Въ городѣ среди купечества произошло важное событіе. По мысли Арсенія открылось новое коммерческое училище. Основать образцовое коммерческое училище было давнишней мечтой Арсенія, и подъ покровительствомъ всемогущаго князя онъ успѣшно осуществилъ ее, и въ награду за это, кромѣ всякихъ благодарностей, получилъ онъ изъ Петербурга звѣзду, какой и у самого князя не было. Старались высокіе друзья, надъ которыми Огорѣлышевъ, презирая ихъ втайнѣ, не мало смѣялся.

Въ новое коммерческое училище и перевели изъ гимназіи Женю и Колю. Женю перевели, потому что онъ хворый и въ коммерческомъ ему легче будетъ учиться, Колю просто такъ, за одно, чтобы Женѣ не было скучно. Женя числился на огорѣлышевской стипендіи, за Колю платить Никита Николаевичъ-Ника Огорѣлышевъ.

Первое время въ училищѣ все шло хорошо. Женя и Коля перешли изъ класса въ классъ съ наградами: Коля получилъ награду первой степени, Женя второй. Но ужъ во второмъ классѣ начались нелады, и въ третій классъ перевели Финогеновыхъ не только безъ всякихъ похвальныхъ листовъ, а съ предупрежденіемъ оставить на второй годъ и не столько за лѣнтяйство, сколько за поведеніе.

На домъ задавали диктантъ. Петя, ужъ зачитывавшійся романами, диктовалъ Женѣ и Колѣ, диктовалъ, выбирая изъ своихъ книгъ самыя интересныя мѣста. Книги доставалъ Петя изъ библіотеки на билетъ Вареньки, а также читалъ и тѣ книги, которыя читала Варенька. Палагея Семеновна снабжала Вареньку новинками, о которыхъ много говорили. Такъ попала въ руки Пети Крейцеровъ соната. Петя продиктовалъ Женѣ и Колѣ и изъ Крейцеровой сонаты. Учитель русскаго языка, Викторъ Викторовичъ

Лыковъ—Селедка, учитель очень добрый и мечтательный, заставлявшій учениковъ заучивать всевозможные стихи и просматривавшій, походя, домашнія диктовки, тутъ обратилъ свое вниманіе, отобралъ себѣ Финогеновскія тетрадки и представилъ ихъ на учительскомъ совѣтѣ. А совѣтъ донесъ самому Арсенію, и иначе поступить не могли: узнай Арсеній самъ безъ доноса,—тетрадь ему всегда могла попасть въ руки, и непременно ужъ прогнать бы учителя и всему совѣту попало бы. Поведеніе Финогеновымъ сбавили, а отъ Арсенія большая была нахлобучка.

Колѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ, Женѣ тринадцать, Петѣ четырнадцать, Санѣ пятнадцать.

Лѣто принесло Финогеновымъ новую жизнь.

Двоюродный братъ Финогеновыхъ Сеня, единственный сынъ Арсенія, закончилъ свое образованіе, прицѣпилъ къ жилеткѣ золотую медаль, поступилъ въ Огорѣлышевскій банкъ и задумался о развлеченіяхъ. А пока что остановился на кегляхъ: огорѣлышевскіе плотинки выстроили за сараемъ, недалеко отъ дровъ, подъ Колобовскимъ заборомъ, кегель-банъ.

Играть въ кегли въ одиночку—лучше сидѣть сложа руки и мухъ считать. Сеня пригласилъ Финогеновыхъ и на кегель-банъ произошло сближеніе между двоюродными братьями. Это сближеніе для Сени не прошло даромъ. Съ одной стороны оно было принято съ большимъ неудовольствіемъ и Арсеніемъ, и Игнатіемъ, дрожавшимъ надъ своимъ любимымъ племянникомъ, какъ надъ роднымъ сыномъ, а съ другой стороны Сеня изъ Сеньки—Гордецова, какъ прозвали по двору фабричные Огорѣлышева, превратился наравнѣ съ Финогеновыми просто-на-просто въ огорѣлышевца, и сталъ уже не хозяйскимъ сыномъ, а своимъ, Финогеновымъ. Раньше Сеня, пробѣгая по двору, ни передъ кѣмъ не ломалъ шапку, теперь его можно было встрѣтить

и за воротами въ кругу фабричныхъ и въ фабричныхъ корпусахъ.

Кегель-банъ открывался вечеромъ. Женя и Коля ставили кегли. Сеня, Саша и Петя играли.

Первыя партіи прошли подъ сухую: увлекала новость и неизвѣстность самой игры. А когда вся кегельная мудрость была усвоена, пришлось подмазать: сначала появилось пиво, а за пивомъ шампанское.

По окончаніи игры въ кегли огорѣлышевцы забирали кульки съ виномъ и конфетами и перелѣзали черезъ заборъ въ Колобовскій садъ. Въ Колобовскій садъ, принадлежавшій Никѣ, была калитка, но огорѣлышевцы калиткой пренебрегали. И въ саду начиналась другая игра.

Ника, жившій лѣто въ своемъ подгороднемъ имѣніи, сосѣдямъ разрѣшалъ гулять въ своемъ огромномъ саду. И по вечерамъ лѣтомъ въ садъ набирались гуляющіе. Ухаживать за сосѣдками и поднаивать ихъ, вотъ въ чемъ заключалась огорѣлышевская игра въ Колобовскомъ саду.

Варечка, гимназистка, въ которую когда-то былъ влюбленъ Петя, и ея подруги, особенно Сашенька-казакъ и Вѣрочка, пользовались наибольшими симпатіями огорѣлышевцевъ.

Сеня и Саша, урывками Петя коноводили. Женя и Коля, семена вокругъ старшихъ, только надоѣдали и мѣшали.

Кромѣ всегдашняго любопытства, Колю мучила ревность.

Коля влюбленъ былъ въ Вѣрочку. Коля влюбленъ былъ и въ горничную Машу, но онъ не зналъ, что онъ любитъ Машу,—просто она радовала его, когда онъ видѣлъ ее, когда она брала его за руку, когда разговаривала съ нимъ и смѣялась, а о Вѣрочкѣ Коля зналъ, что влюбился въ нее, и себѣ втайнѣ, только себѣ одному назвалъ свое чувство. Машу онъ видѣлъ близко, Маша, играя, обнимала его и цѣ-

ловала его, съ Машей онъ прежде купался, онъ видѣлъ ее обнаженную, среди бѣлаго дня, при солнцѣ, и чувствовалъ, зналъ теплоту ея тѣла и чувствовалъ, зналъ здоровый парной запахъ ея молодого здорового тѣла, Вѣрочку же онъ видѣлъ только вечеромъ, съ Вѣрочкой онъ ни разу не здоровался за руку, никогда не подходилъ къ ней близко, онъ слышалъ только ея голосъ, она какая-то воздушная проходила мимо его. И первая его любовная мука, первая его любовная тоска связалась въ душѣ его не съ Машей, а съ Вѣрочкой.

По примѣру Пети, который съ годъ ужъ велъ дневникъ, записывая въ тетради всякія финогеновскія событія и свои стихи, Коля тоже завелъ себѣ тетрадку, но въ отличіе отъ Петиной маленькую.

Какъ чтеніе книгъ казалось Колѣ какой-то каторгой и онъ ничего не читалъ, такъ и писаніе было для него невыносимо скучнымъ, и онъ представить себѣ не могъ, какъ бы это онъ писать сталъ, а теперь за мѣсяць онъ исписалъ всю свою тетрадку. Цѣлая тетрадка дневника наполнена была горькою жалобой нераздѣленного чувства—Вѣрочка на Колю не обращала никакого вниманія, и каждая страница посвящена была Вѣрочкѣ, и не было строчки безъ ея имени, дорогого и страшнаго, перваго имени.

Когда пріѣзжали въ городъ изъ имѣнія дѣти Никиты Николаевича, гулянья прекращались, и сосѣдки сидѣли дома, но огорѣлышевы не пропускали часа и вторгались въ Колотовскій садъ.

Безъ барышень было свое развлеченіе.

Начинали съ Пушкина, читали стихи громко, во все горло,—на весь садъ, а когда показывалась въ саду тетка—Ксенечка Огорѣлышева, жена Ники, съ Палагесей Семеновной, пріятельницей своей, и другіе двоюродные братья съ боннами и гувернантками, Пушкинъ складывался, и трогался куриныи крестный ходъ.

Впереди шелъ Коля, несъ на головѣ глиняный красный изъ-подъ кваса кувшинъ съ отбитымъ носкомъ, за Колей Сеня, Саша и Петя, а заключалъ Женя съ шестомъ въ рукахъ, на маковкѣ котораго насажена была червивая, дохлая курица, и при этомъ видъ у всѣхъ наглый и дерзкій—огорѣлышевскій, кланяться—здороваться съ теткой, съ двоюродными братьями и Палагеей Семеновной не полагалось.

И въ ужасѣ бонны талчили дѣтей назадъ въ комнаты, и слышались охи и ахи: вѣдь перовень часъ,—отъ одного вида огорѣлышевцевъ дѣти могли испортиться.

О куриномъ крестномъ ходѣ скоро стало извѣстно Арсенію. Финогеновымъ была проборка, а Сенѣ предупрежденіе.

— Вотъ что, Семень,—дергаясь, грызъ ногти Арсеній, возвышая голосъ,—я предупреждаю, понимаешь, до добра это не доведетъ: съ этими связаться, понимаешь, и не тому еще научатъ. Я говорю тебѣ!

Кто могъ наслетничать Арсенію?—Конечно, Палагея Семеновна! Это она, никто другой. И нѣсколько вечеровъ огорѣлышевы придумывали мщеніе. Остановились на некрологѣ.

Некрологъ открывался картинкой—изображенъ былъ колокольчикъ, что означало слетню. Колокольчикъ нарисовалъ Саша,—въ гимназіи Саша первый по рисованію. Содержаніе некролога было выдуманно всѣми. Какія только не перечислялись въ немъ заслуги! И финогеновская разрушенная голубятня, на которой наставляла Палагея Семеновна, не была забыта. Переписалъ некрологъ Коля,—Коля въ училищѣ первый по чистописанію. Когда все было готово, уложили некрологъ въ огромный самодѣльный конвертъ изъ синей бумаги для дѣлѣ, запечатали печатками—орлами съ екатерининскихъ пятачковъ и послали Кузьму передать прямо въ руки Палагеи Семеновны.

Должно быть, очень обидѣлась Палагея Семеновна, получивъ такой подарокъ, но ничѣмъ не показала обиду свою,

только у Финогеновыхъ съ тѣхъ поръ, къ большому огорченію Вареньки, ни разу ужъ ноги ея не бывало. Да и какъ могла она показать еще обиду свою, кому жаловаться, когда участіе въ этомъ некрологѣ Сени Огорѣлышева и дураку было ясно. А противъ Сени гдѣ же управа?

Послѣ кегель съ пивомъ или съ шампанскимъ, послѣ Колобовскаго сада, послѣ всякихъ ухаживаній, стиховъ и курнаго крестнаго хода, вечеръ обычно заканчивался весело, по-огорѣлышевски. Выходили огорѣлышевы изъ главныхъ огорѣлышевскихъ воротъ и шли по середкѣ улицы черезъ мостъ мимо Чугунно-литейнаго завода. Сеня и Саша басами читали париміи, подымая голосъ, какъ знаменитый соборный протодьяконъ. И когда париміи подходили къ концу, къ послѣднимъ заключительнымъ словамъ—И приложатся ему лѣта живота—хоромъ, общимъ выкрикомъ кричали на всю улицу:

— И приложатся ему лѣта живота-а-а!!!

И лошади шарахались въ сторону, и прохожіе крестились и ахали, а остановить никто не рѣшался: ни городовые, ни окологородные.

— Огорѣлышевы, свяжешься: нагорить еще!—только рукой махали и городовые, и окологородные.

Обогнувъ Синичку и перейдя банный мостъ, возвращались огорѣлышевы домой, но съ другого конца—къ заднему двору, къ краснымъ воротамъ краснаго Финогеновскаго флигеля.

Тутъ у воротъ разсаживаются огорѣлышевы на лавочкѣ отдохнуть. За ворота выходятъ посидѣть и фабричные. И начинаются всякія розказы о житьѣ-бытьѣ, о житіи дѣдушки Огорѣлышевыхъ—Николаѣ, а отъ были и дѣяній переходятъ къ сказкамъ.

— Покойный дѣдушка вашъ,—начиналъ свой розказъ старый огорѣлышевскій кузнецъ Иванъ Даниловъ,—передъ кончиной живота своего призвалъ меня и говоритъ: „Сынъ

ты, говорить, сучій, стлупи ты, говорить, мнѣ напоследяхъ какой ни на есть охальный разсказъ, али повѣсть материную!“ а самъ ужъ едва дышаетъ, расцарапай ему кошка хрѣнѣ. Такъ-то вотъ. Ну, о пчелѣ что ли?

— О пчелѣ! о пчелѣ! — отъ нетерпѣнія тряслась вся лавочка, такъ хороша была кузнецова сказка о чудесной пчелѣ.

И начиналась сказка о чудесной пчелѣ съ тремя ульями. Расходился кузнецъ, загибалъ словцо, инда небу жарко.

Кузнеца смѣнялъ городской Максимчукъ хохлатскими, а на загладку ночной сторожъ Аверьянычъ, расползающийся старикашка съ трясущимися ногами, умиленно и благодушно, какъ молитву какую, изрыгалъ сквернословіе-прибаутки.

И чутко изъ ночи глядитъ Боголюбѣвъ монастырь своими бѣлыми башенками. Выплываетъ изъ-за колокольной теплая ясная луна и въ тишинѣ ея хода поютъ монастырскіе старые часы, и гдѣ-то за прудомъ гроыхаетъ сторожевая чугунная доска, и гдѣ-то за прудомъ Трезоръ и Полканъ мечутся на рыкалѣ.

Самъ дьяволъ заслушался! Онь ли это синій лѣниво раскинулъ свои синія крылья среди млѣющихъ звѣздочекъ отъ края до края по тихому небу, или это теплая, тихая лунная ночь раскрыла свои звѣздами переливающіеся глаза и замерла, затаилась въ слухъ огорѣлышевцевъ?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ангелы земные—небесные челоѣки.

Осенню кегель-банъ закрылся: и темно и неловко —и свѣтъ зажигать не позволяютъ, и дождемъ промочены доски. Ходить въ Колобовскій садъ — скучно: встрѣчаться съ теткой радость не большая, да и некогда—началось ученье.

Рѣже видѣлись Финогеновы съ Сеней, только по субботамъ у Покрова за всенощной да въ воскресенье на пруду горку и катокъ вмѣстѣ дѣлали. А послѣ Рождества Сеня уѣхалъ за-границу. Такъ все и кончилось.

Игнатій настаивалъ, чтобы Сеня ѣхалъ въ Англію, Арсеній посылалъ его въ Бельгію, а вышло и то и другое и даже третье: Сеня поѣхалъ сначала въ Лондонъ, изъ Лондона долженъ былъ проѣхать въ Бельгію, а отъ себя сочинилъ поѣздку въ Италію, и это было тайной, которую онъ сообщилъ только Финогеновымъ, обѣщая когда-нибудь взять ихъ съ собою.

Съ отъѣздомъ Сени нечего было и думать о кегляхъ и, конечно, о Колобовскомъ садѣ. Куда было дѣваться однимъ Финогеновымъ? И скоро, однако, нашлось дѣло, и

дѣло и развлеченіе—Боголюбовъ монастырь. Правда, и раньше ходили Финогеновы въ монастырь къ поздней обѣднѣ да въ поминальные дни на могилу дѣда—Николая Огорѣлышева, но теперь ихъ походы участились.

За пустыремъ—огородами надъ Синичкою, высоко на крутомъ обрывистомъ холмѣ стоялъ Боголюбовъ монастырь, окруженный крѣпкою бѣлою стѣной съ бѣлыми башенками. Кажется, не было въ монастырѣ камня, не затаившаго въ себѣ слѣдовъ далекаго прошлаго и грознаго времени:

Вонъ къ подножію остроконечной башенки съ каменнымъ мѣшкомъ—кельи схимника, укротителя бѣсовъ о. Глѣба, упирается обрубокъ камня, каменная пузатая лягушка съ растопыренными лапами—дьяволъ, проклятый боголюбовскимъ угодникомъ.

Какая пестрая толпа всякій праздникъ окружаетъ лягушку, сколько ртовъ плюютъ, норовя ей въ самую морду!

А вонъ на золотомъ шпичѣ пѣтушокъ съ отсѣченнымъ клювомъ,—кто и за что, за какую хулу отсѣкъ клювъ пѣтушку, все позабыто. А вонъ пужной набатный колоколъ съ вырваннымъ сердцемъ—безъ языка, а вонъ слѣды бурхъ нестираемыхъ пятенъ пролитой крови.

Монастырь—первоклассный: мощи подъ спудомъ, архіерей и огромные вклады.

Покойники въ монастырѣ все богатые, смиренные, лежатъ себѣ подъ крестами и памятниками, смиренно гниютъ и истлѣваютъ. Правда, о. Никодимъ—Гнида рассказывалъ какъ-то за всенощной, будто дѣдъ, Огорѣлышевъ Николай, изъ склепа выходитъ весь бѣлый и съ ножомъ бѣгаетъ, ну, то Огорѣлышевъ!

Братіи монастырской немного, — процентовъ на всѣхъ хватаетъ.

Экономъ воруетъ, казначей ужуливаетъ. Поигрываютъ въ карты, выпиваютъ, заводятъ шашни, путаются и за стѣною и въ кельяхъ. Кружка, халтура, проценты,

лампадка,—всѣ помыслы, всѣ разговоры вокругъ этихъ доходовъ, и много изъ-за нихъ ссоры, драки и побоевъ.

Монастырскія ворота запираются въ девять. Привратникъ—кривой монашекъ о. Алфѣй — Сосокъ. За каждый неурочный часъ беретъ Сосокъ по таксѣ: вернешься до двѣнадцати—подавай серебра, послѣ двѣнадцати—и рублемъ не обойдешься, на то онъ и Сосокъ—привратникъ.

И все идетъ хорошо, благолѣпно, какъ по уставу писано.

Финогеновыхъ встрѣтили въ монастырѣ очень радушно. Еще бы: племянники Огорѣлышева! И у кого не мелькнула надежда черезъ Финогеновыхъ проникнуть къ самому Огорѣлышеву и получить себѣ Огорѣлышевскую лампадку. Ходить за лампадкой въ склепахъ — доходъ большой и вѣрный, какъ проценты съ вкладовъ, вѣрнѣе непостоянной церковной кружки и халтуры—сбора очереднымъ монахамъ въ ихъ служебную недѣлю.

А Финогеновымъ монастырская жизнь и братія припились по душѣ. Особенно полюбились двое: іеромонахъ о. Іосифъ—Блоха и іеродіаконъ о. Гавріиль — Дубовыя крны.

О. Іосифъ-Блоха—черный продувной цыганъ, примабилъ къ себѣ Финогеновыхъ лакомствами и непристойными анекдотами.

Когда сапожникъ, мальчишка—Филиппокъ, сидя подъ террасой, рассказывалъ свою единственную сказку о семи-винтовомъ зеркальцѣ, онъ рассказывалъ ее необыкновенно просто и наивно, и вся непечатность сказки только и заключалась въ непечатности словъ и выраженій. Какъ-то въ зоологическій садъ привезли дикихъ. Финогеновы пошли смотрѣть дикихъ. Дикимъ Финогеновы очень понравились, и дикіе стали показывать имъ свои украшенія и какіе-то подозрительные кабаньи хвосты, которыми увѣшаны были ихъ руки, а потомъ поднимали свои кокосовые пояса и

названіе при этомъ сказали и такъ серьезно, такъ наивно, что никому стыдно не стало и никто не хихикнулъ, — такъ и Филиппокъ свою сказку рассказывалъ. И когда кузнецъ Иванъ Даниловъ ночью за воротами принимался за свою пчелу, онъ рассказывалъ ее, словно молотомъ выковывая слова, крѣпко, мертвецъ зашевелится. А когда рассказывалъ свои анекдоты о. Іосифъ, все выходило съ медкомъ, да съ патокой, да съ масломъ и въ концѣ концовъ тошно становилось.

О. Іосифъ любилъ въ карты поиграть — въ стуколку, а пить не пилъ, но вино держалъ для гостей. На медовый первый Спасъ къ меду съ огурцами поднесъ онъ Финогеновымъ, забѣжавшимъ къ нему послѣ обѣдни, такой наливки—смѣсь когора, пива, запеканки, Коля ползкомъ выползъ, да и остальные не тверды были. Это было первое Колино опьяненіе до потери сознанія: онъ не помнилъ, какъ приползъ, только помнилъ, что не шелъ, а ползъ.

Разсчитывалъ о. Іосифъ на огорѣлышевскую лампадку, навязался къ Финогеновымъ въ гости и повадился. Приходилъ о. Іосифъ не одинъ, приводилъ подручныхъ монаховъ, чаще волосатаго іеродіакона о. Михаила — Шагало. Эти подручные о. Іосифа, которыхъ онъ таскалъ за собой, обыкновенно глуповатые, надобились ему для зубоскальства.

Сядутъ у Финогеновыхъ за самоваръ, выпьютъ одинъ, выпьютъ другой—съ монахами пили Финогеновы на споръ: кто больше стакановъ выпьетъ. Станетъ седьмой потъ прошибать, тутъ и начнетъ о. Іосифъ свои анекдоты медовые и всякія подтруниванія надъ подручнымъ — надъ тѣмъ же о. Михаиломъ.

О. Іосифъ, хоть и пьетъ стаканъ за стаканомъ и такъ, чтобы много выпить, да мѣру все-таки знаетъ. О. Михаилъ мѣры никакой не знаетъ, онъ пьетъ съ какой-то жадностью, безъ передышки, и доходитъ до того, что совсѣмъ оболдѣваетъ, а ему все подливаютъ.

— О. Михаилъ, ну еще стаканчикъ! — лукаво предлагаетъ Коля: Колю хлѣбомъ не корми, любитъ онъ такія штуки.

— Достаточно, — отмахивается о. Михаилъ и опрокидываетъ стаканъ, облапивъ его крѣпко волосатой рукой, — достаточно: неспособенъ...

— Неспособенъ, говоришь?—скокомъ подхватываетъ о. ося фъ-Блоха, — а какъ же пололка!?

— Чего пололка?

— Аниска пололка... айда неспособенъ!—фыркаетъ о. Іосифъ, — ты же, вѣдь, капусту на огородѣ вытопталъ?

— Какую капусту?

— А такую!—и пойдеть, и до того доведеть бѣднягу, что тотъ просто языка лишится и отъ смущенія что-нибудь такое выкинетъ, хоть караулъ кричи!

У о. Іосифа — языкъ острый, съ такимъ языкомъ не только огорѣлышевскую лампадку достанешь, а пожалуй, и звѣзды съ неба хватать начнешь. И досталъ таки о. Іосифъ лампадку, а ему только того и надо было.

Другой финогеновскій избранникъ, о. Гавріилъ — Дубовые кирлы, тучный и рослый, во всю щеку румянецъ, голосъ писклявый съ пригнуской, добродушіе необыкновенное и глупость непроходимая, взялъ Финогеновыхъ своею потѣшностью.

О. Гавріилъ занималъ въ монастырѣ особенное мѣсто и былъ въ нѣкоторомъ родѣ монастырской достопримѣчательностью, нисколько не уступавшей каменной лягушкѣ — проклятому дьяволу, ржавому пѣтушку съ отсѣченнымъ клювомъ и пужному колоколу. Единственный изъ всей боголюбовской братіи о. Гавріилъ оставался непорочнымъ, на что не безъ гордости указывали всякому богомольцу.

— Я, душечка, сохраняю за слѣпотою!—простодушно объяснялъ о. Гавріилъ любопытствующимъ и добивающимся

причины такого необычнаго явленія, о которомъ только въ писаніи упоминается.

— Слѣпой!—и тутъ скокомъ подхватывалъ о. Іосифъ— Блоха на свой языкъ острый,—а сдѣлай надъ тобой обрѣзаніе и былъ бы ты человѣкомъ!—ну и добавлялъ сейчасъ же всякую всячину съ медомъ, съ патокой и съ масломъ.

Келья о. Гавріила — не келья, а свалка. Чего только нѣтъ въ его кельѣ, чего не сложено въ этой свалкѣ: тутъ и сломанная клѣтка, облѣпленная пометомъ, и продырявленные ширмы, и какая-нибудь засиженная мухами, въ масляныхъ пятнахъ занавѣска, и истоптанныя никуда негодныя штиблеты, и рыжіе, промякшіе отъ безсмѣнной носки, сапоги, и заплѣсневѣвшія опорки, и заржавленные перья, и изгрызанныя побурѣвшія зубочистки, и всякіе лоскутья, и тряпки, и до дыръ изношенныя рясы, и худое бѣлье, и сломанные часы безъ стрѣлокъ, и зазубренные ножи безъ рукоятки, и рукоятки безъ клинка.

О. Гавріиль, по собственному его выраженію, ничѣмъ не гнушался. Но зачѣмъ надо ему было безъ всякаго разбора всякую дрянъ собирать и загромождать и безъ того свою крохотную келью, самъ онъ ничего не зналъ,—просто ничѣмъ не гнушался и только. И не дорожилъ онъ, не тряся надъ своею рухлядью — кто хотѣлъ, пользовался: бери, сдѣлай милость!

Всякое воскресенье, всякій праздникъ съ нѣкоторыхъ поръ обѣдалъ о. Гавріиль у Финогеновыхъ. Сколько бы ни ѣлъ о. Гавріиль, все ему мало, а ѣлъ онъ удивительно много. И отъ водки не отказывался, но ужъ послѣ третьей хмелѣлъ. Послѣ третьей лицо его пылало жаромъ и лоснилось такимъ рыбимъ жиромъ, инда сало проступало.

Финогеновы обыкновенно ѣли быстро, о. Гавріиль копался. И не доѣвъ еще своей тарелки, когда другіе ужъ кончали, онъ сливалъ къ себѣ остатки изъ другихъ тарелокъ. Если же ему предлагали подлить свѣжаго супу или

щей, или хотѣли въ кухню унести начатыя тарелки, онъ обижался.

— Я тебя, — пищаль о. Гавріиль, какъ-то растягивая слова съ пригнуской,—я тебя, душечка, объѣлъ, я тебя, Сашечка, объѣлъ?

Финогеновы знали такую повадку о. Гавріила и всякій разъ хоромъ отвѣчали ему, повторяя по нѣскольку разъ:

— Ты меня не объѣлъ! Ты меня не объѣлъ!

А онъ, еще больше раззадоренный, тянулъ свое, обращаясь то къ тому, то къ другому:

— Я тебя, Колечка, объѣлъ? Я тебя, Женечка, объѣлъ? Я тебя, Петечка, объѣлъ?

— Ты меня не объѣлъ! Ты меня не объѣлъ!—одинъ былъ отвѣтъ.

Не унимался о. Гавріиль и, увѣшанный капустой, лапшой, хлѣбными крошками, соловья, растопыривалъ онъ жирные лоснящіеся пальцы и надъ своей, и надъ чужими тарелками.

— У-у, пчелочка-заноза, Колечка! пожрутъ онѣ тебя.. тысячи... Мартынъ Задека, Женечка... Я тебя объѣлъ, я тебя объѣлъ?

— Ты меня не объѣлъ! Ты меня не объѣлъ!—на своемъ стояли и Коля—пчелочка-заноза, и Женя—Мартынъ Задека, и Петя, и Саша, не обращая вниманія, что онѣ, т. е. женщины пожрутъ ихъ.

Возрастъ Финогеновыхъ не ахти какой, только одному Сашѣ пятнадцать, но о. Гавріиль, отъ непорочности ли своей, или еще отъ чего, за дѣтей беспокоился: ему постоянно за обѣдомъ и ужиномъ мерещились женщины,—тысячи миллионы женщинъ, которыя вотъ пожрутъ и исосутъ Финогеновыхъ, а можетъ быть, ужъ пожираютъ и сосутъ.

Послѣ обѣда на ужинъ, послѣ ужина на завтракъ уносить о. Гавріиль отъ Финогеновыхъ къ себѣ въ монастырь

полный судокъ, куда сливалась ботвинья и супъ, и уха, и щи, и торчала обглоданная ножка курицы, и мокли разбухшіе куски хлѣба.

По понедѣльникамъ черезъ недѣлю Финогеновы ходили въ баню. Теперь они ходили въ баню съ о. Гавріиломъ. Въ банѣ занимался номеръ. И творилось тамъ такое, самъ чортъ шею сломить.

О. Гавріилъ признавалъ только горячую воду и, сколько ты его не проси, все равно нальетъ въ шайку горячей, и пока-то привыкнешь и притерпишься, наорешься, сколько угодно. Отъ горячей воды шуму и крику было не мало. Кромѣ того, самого о. Гавріила мыли Финогеновы всѣмъ соборомъ, какъ выражался о. Гавріилъ. А отъ этого мытья крику было еще больше.

Мытья полагалось въ номерѣ всего одинъ часъ. И часъ проходилъ, и другой ужъ кончался, а Финогеновы и не думали выходить. За дверью сначала очень вѣжливо напоминали и просили честью, потомъ начинали угрожать—требовали немедленно очистить номеръ.

Не тутъ-то было!

И лишь на отчаянный стукъ, который постоянно слѣдовалъ за просьбами и угрозами, о. Гавріилъ выскакивалъ нагишомъ въ коридоръ и, извиняясь передъ ожидающими, что является безъ галстука, просилъ повременить.

— Дѣточки не готовы еще, не вымыты!

И проходитъ еще часъ—третій часъ.

Опять начинали просить, требовать и угрожать.

— Дѣточки не готовы еще, мою! — отвѣчалъ писклявый голосъ на всякій стукъ.

Но видно, ужъ больше ждать не могли: въ коридорѣ на время все затихало, а потомъ банщикъ хозяинъ, всѣ незакрытые банщики, дворникъ, извозчикъ со двора и какой-нибудь изъ публики любитель скандаловъ, или потерявшій терпѣніе получить номеръ или просто ревнитель справед-

ливости, тоже все́мъ соборомъ, вторгались въ финогеновскій номеръ, и съ хохотомъ, бранью и насмѣшкой номеръ, наконецъ, очищался.

По понедѣльникамъ черезъ недѣлю въ Синичкинскихъ баняхъ повторялось одно и то же. Такъ все́ и знали: если моется батюшка съ дѣтьми, жди скандала.

Послѣ бани дома чай, послѣ чаю,—игра въ быки.

Играли въ быки на верху. Вся игра заключалась въ томъ, чтобы повалить о. Гавріила.

Съ визгомъ и крикомъ вразъ бросались Финогеновы на о. Гавріила, а онъ, нагнувъ голову и раскорячивъ ноги, размахивалъ руками, будто не руки у него, а рога. Финогеновы цѣпки и упорны и до тѣхъ поръ лѣзутъ и цѣпляются, и, хоть что тамъ, не отстанутъ, пока не грохнется, тяжело дыша, быково грузное тѣло, и не одна нога пнетъ и топнетъ въ его медленно поднимающійся мягкій животъ.

Какъ-то разыгрались Финогеновы въ этого быка, а все хотѣлось побольше. Случилось, зашла зачѣмъ-то на верхъ, въ дѣтскую, Прасковья. Не мигнувъ, бросились они на няньку, сорвали съ нея юбку и кофточку, раздѣли ее всю до нага, да къ о. Гавріилу, — и съ нимъ тоже, тоже и его до нага раздѣли. А сами погасили свѣчку, да за дверь, комнату заперли и у дверей караулить стали: что будетъ.

Долго сидѣли несчастные молча.

— Батюшка,—плачущимъ голосомъ, корчась въ одномъ углу, отозвалась, наконецъ, Прасковья,—о. Гавріилъ, пройдишь ты маленько, ноги у тебя затекутъ, не гляжу я на тебя.

— Матушка, Прасковья Семеновна,—пиццаль изъ другого угла, отдуваясь, о. Гавріилъ,—пройдишь ты, матушка, сама... У! Пчелочка-заноза. Задека, Сашечка, Петечка!

Боевой часъ высидѣли, несчастные, наплакались, а Финогеновы этотъ часъ тряслись отъ хохота подъ дверью.

Было и повтореніе. Только вмѣсто няньки сидѣла съ о. Гавріиломъ и тоже нагишомъ Варенька.

Дня не проходило въ монастырѣ безъ финогеновской пѣтѣи.

Быль въ монастырѣ одинъ іеродіаконъ высоты, необыкновенной и такой худой, смотрѣть страшно, о. Геннадій—Курья шейка. Этому о. Геннадію подали Финогеновы на обѣдню поминальную записку съ разными вымышленными новопреставленными покойниками, имена которыхъ по необычайности своей не легко давались: о. Геннадій долженъ былъ громко на амвонѣ читать записку. И когда дошла очередь до финогеновской записки, много бѣдняга путался, перевиралъ и запинаясь, даже потъ прошибъ. А о здравіи стояло одно только имя: бояринъ Каинъ,—и о. Геннадій выкрикнулъ Каина на всю церковь.

Преосвященный о. Кассіанъ—Хрипунъ, которому сейчасъ же донесли на о. Геннадія, очень пенялъ потому іеродіакону своимъ вставнымъ серебрянымъ горломъ и строго наказывалъ не читать впредь такихъ несообразностей.

— Разстригу тебя за ненужное житіе! — хрипѣлъ преосвященный.

Въ наказаніе лишили о. Геннадія на воскресенье служебной кружки—халтуры.

Финогеновы ставили вверхъ дномъ все внѣшнее благолѣпіе, какимъ держался монастырь. И братія словно шалѣла: по кельямъ откалывалось колѣнцѣ за колѣнцемъ одно другого чище. Хохотъ звенѣлъ звончѣе печальныхъ колоколовъ, и заунывное пѣніе терялось въ смѣхѣ и звонкихъ пѣсняхъ. И всѣ эти ухарства финогеновскія сходили на что.

Быль въ монастырѣ одинъ малюсенькій, безобидный іеромонашекъ о. Алипій—Сопля. Съ лица о. Алипій выдѣлялся изъ своей братіи: весь заплывшій жиромъ, подслѣноватый, львовая грѣва волосъ на толкачикѣ-головѣ и бородинца по поясъ.

Если у Христофора было свиное рыло отъ бѣсовскаго навожденія, то у о. Алипія, должно быть, отъ вождѣленныхъ помысловъ. Ничего такъ не занимало о. Алипія, какъ женщины. При одномъ упоминаніи о женщинахъ, о. Алипій пьянѣлъ. А если самъ принимался разсказывать свои любовныя исторіи, терялъ отъ волненія всякую рѣчь, захлебывался и только хихикалъ, какъ-то аукая. Руки о. Алипія постоянно мокли, а лицо горѣло-лоснилось въ какихъ-то сальныхъ пятнахъ. Пить водку онъ совсѣмъ не могъ: валился съ первой.

Изъ году въ годъ на именинахъ о. Гавріила бывало большое угощеніе—пиръ всей братіи. Главная приманка—перцовка, настоящая, Богъ знаетъ, на какихъ перцахъ и предназначавшаяся, какъ говорилъ именинникъ, исключительно для низкихъ душъ.

Финогеновы, конечно, были на именинахъ въ числѣ самыхъ почетныхъ гостей.

Зашелъ поздравить именинника и о. Алипій, и получилъ, какъ душа низкая, стаканчикъ перцовки, но пить отказался. И какъ о. Гавріилъ ни просилъ его, онъ все отказывался. Тогда по настоянію Финогеновыхъ, о. Гавріилъ налилъ стаканчикъ той же самой перцовки, но предлагать ужъ сталъ подъ видомъ сладенькаго, котораго и дѣтямъ можно. О. Алипій не выдержалъ, — очень ужъ ему захотѣлось сладенькаго,—и соблазнился. Соблазнился о. Алипій, выпилъ стаканчикъ до дна и не прошло минуты, захихикалъ по-своему, зааукалъ да и свалился съ ногъ.

Безчувственнаго іеромонаха положили за занавѣску. За занавѣску пробрались и Финогеновы. И заработали ихъ ножницы надъ львовой гривой и бородою о. Алипія. И щелкали ножницы до тѣхъ поръ, пока на мѣстѣ гривы заблестѣла голая колѣнка, а отъ бороды остался одинъ жалкій козій хвостикъ.

На утро въ церкви, увидя о. Алипія, не смѣялись и не хохотали, а просто стономъ стонъ стоялъ, даже пѣть не могли.

— Убирайся вонъ,—хрипѣлъ преосвященный о. Касіанъ—Хрипунъ своимъ серебрянымъ горломъ на безпомощно потягивающаго свою козью бороденку несчастнаго о. Алипія,—убирайся, пока не отростетъ новая, безпокоите вы меня!

Такъ о. Алипія изъ Боголюбова монастыря и прогнали. И пошелъ малюсенькій безобидный іеромонашекъ, о. Алипій—Сопля, безпомощно потягивая свою козью бороденку, вонъ за ворота мимо привратника о. Алфея на улицу, безпріютный, искать себѣ пристанище.

Вскорѣ послѣ этого пожелалъ познакомиться съ Финогеновыми Боголюбовскій схимникъ, укротитель бѣсовъ, о. Глѣбъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Хранитель Божьей правды.

О. Глѣбъ еще совсѣмъ не старый, лѣтъ сорокъ ему, не больше. За свою стойкость и твердость и крѣпость вѣры, за свои подвиги любви и милости, и за то, что жилъ крѣпкимъ и жестокимъ житіемъ, и проникалъ въ будущее, и повелѣвалъ бѣсамъ, и дѣлалъ дѣло жизни, исполнялъ волю Бога, звали о. Глѣба вездѣ, и по городу и по окрестностямъ, Боголюбовскимъ старцемъ.

Бѣлый крестъ и бѣлыя письма его черной схимы, низко спущенной на глаза, и темныя багровыя ямы на мѣстѣ провалившихся ослѣпленныхъ глазъ, и изможденно-бѣлое лицо мученика, и рѣзкія острыя морщины отъ заострившагося тонкаго носа къ угламъ рта, и то, что вздрагивали вдругъ скулы, сводило пальцы, и руки словно ловили что-то около носа, ловили невидимое что то, какихъ-то невидимыхъ мухъ, и тихій скорбящій шопотъ молитвы, и сокрушающая сила его заклѣтія бѣсамъ, приводили въ трепеть богомольцевъ.

Первые годы жизни о. Глѣба прошли въ городѣ по со-

сѣдству съ Огорѣлышевскими владѣніями, и старожилы, знавшіе его раньше, испытывая духъ писанія, нерѣдко впадали въ соблазнъ.

— Онъ есть ковь и лукавство!—говорили тогда про Боголюбовскаго старца и ссылались на писаніе:—„Многіе скажутъ мнѣ, Господи, Господи, не Твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли и Твоимъ именемъ чудеса многія сотворили. И тогда скажу имъ, что никогда не зналъ васъ, идите прочь отъ меня, дѣлающіе беззаконіе“.

Но всякій разъ, на воскресныхъ собесѣдованіяхъ, устраиваемыхъ о. Глѣбомъ въ трапезной съ приходящими, или слушая въ пятницу послѣ обѣдни молитву—заклинанія бѣсовъ, съ грознымъ потрясающимъ повѣщеніемъ бѣсу:—Да запретить тебѣ Господы!—смущенный духъ соблазненнаго смирялся.

О. Глѣбъ—въ міру Андрей Алабышевъ,—изъ семьи знатной и богатой. Жизнь ему выпала неровная и полная всякихъ случайностей.

Когда умеръ старикъ Алабышевъ, разорившійся, богатый помѣщикъ, а подъ старость смотритель Колобовской богадѣлни, Андрею было пятнадцать лѣтъ.

Ни женѣ, ни сыну Алабышевъ ничего не оставилъ. Куда имъ было дѣваться, жить въ смотрительской квартирѣ больше ужъ нельзя было, ну хоть по міру ступай! И послѣ всякихъ хлопотъ и просьбъ дали имъ, наконецъ, комнату въ бесплатныхъ квартирахъ при Колобовской богадѣльнѣ.

Комната въ бесплатныхъ квартирахъ при богадѣльнѣ. Дни напролетъ согнувшаяся надъ столомъ мать. На столѣ передъ ней вороха пряжи и неподрубленныхъ платковъ,—работа, которой они кормились. А вечерами, послѣ гимназій и уроковъ, Андрей до глубокой ночи съ вытянутыми руками: онъ растягивалъ пряжу, мать наматывала клубки.

За работою мать слезливо вспоминала о прошломъ, о прошлыхъ недостаткахъ и прошломъ почетѣ, и тутъ же пере-

бирала всё дразги нищенской жизни тѣсной комнаты въ бесплатныхъ квартирахъ при богадѣльнѣ.

Эта бесплатная жизнь съ изводящей работой и постоянной нуждой, съ постоянными попреками и жалобами, оскорбляла гордаго и самолюбиваго мальчика. Душевный слухъ его обострялся, и душа его поднялась навстрѣчу всякой обидѣ, принимая къ сердцу и самую ничтожнѣйшую мелочь съ равной болью. Онъ ловилъ каждую колкость и увеличивалъ ее до смертельнѣйшей раны, а всякій намекъ доводилъ до открытаго вызова. И бывало такъ, что и не думаютъ его оскорблять, и колкость-то не на него направлена, и намекъ-то не къ нему относится, но ужъ вся душа у него поражена, и онъ все на себя сводить, къ себѣ, къ своей душѣ, до своего сердца. А сколько въ обиходѣ мелочей мельчайшихъ, способныхъ растравить больную душу, ну взять хоть ту же склонность у людей и совѣмъ не злыхъ и не глупыхъ, остроумничая, хвататься за самое легкое, въ глаза бросающееся, для своихъ шутокъ: встрѣчая, напр., лысаго пріятеля, сказать ему, какой онъ лысый, встрѣчая толстяка, сказать, какой онъ толстый, или потрунить надъ необычностью имени, или вывернуть твою фамилію. Все это неважно, конечно, просто шутка, но для больной души, встревоженной—грубость.

И свѣтъ, который освѣщаетъ путь дѣтству съ его довѣрчивостью, съ каждымъ днемъ погасалъ въ душѣ Андрея.

Жить такъ, какъ жили Алабышевы, больше нельзя было.

Дѣтское сердце недѣтскимъ рвущимъ стукомъ выбивало всякую минуту:

„Нельзя такъ жить!“

И свѣтъ, который освѣщаетъ путь дѣтству съ его довѣрчивостью, съ каждымъ днемъ погасалъ въ душѣ Андрея.

Была одна надежда—кончить онъ гимназію, поступить въ университетъ, и тогда пойдетъ жизнь другая.

И вотъ на выпускномъ экзаменѣ, взволнованный и смущенный чѣмъ-то, сгоряча сказалъ онъ какую-то грубость директору, и изъ гимназіи его выгнали. Волчій билетъ, однако, не помѣшалъ ему для горшей, можетъ быть, обиды, участвовать въ празднованіи окончанія гимназіи вмѣстѣ съ счастливыми товарищами. Первая пьяная ночь,—пьяный подъ утро вернулся онъ домой, и его выгнали изъ бесплатныхъ квартиръ.

Пришлось Андрею жить отдѣльно. Долго онъ шатался безъ дѣла, потомъ кое-какъ устроился. И на волѣ было ему тяжело и дома не лучше. Groшовое дѣло—грошовая комната. За стѣною крики и кашель, кашель и стонъ, стонъ и слезы, слезы и ругань сосѣдей жильцовъ.

Тупо шла его жизнь. И было такъ, будто заставили его идти, и онъ шелъ по тѣсному сырому банному коридору: рѣдкія, выгорающія лампочки, спертый паръ, поплескиванье глухо сбѣгающей воды,—и онъ все шелъ, и не зналъ, когда выйдетъ, и куда войдетъ, и вдругъ останавливался: да есть ли выходъ, есть ли дверь наружу? Былъ онъ тѣмъ, кого одни любятъ, другіе ненавидятъ, середки — равнодушія нѣтъ. Рѣзкіе переходы путали его, и часто не зналъ онъ, какъ ступить, и вдругъ останавливался: да есть ли выходъ, есть ли дверь наружу?

Хворость, обида и непосильный изнурительный трудъ подтачивали мать и, наконецъ, доконали.

Когда жива была мать, у Андрея еще была зацѣпка къ жизни: онъ жалѣлъ мать и хотѣлъ облегчить ея послѣдніе тяжелые дни, а теперь онъ былъ одинъ, и оборвалась послѣдняя связь съ жизнью, и онъ всякую минуту готовъ былъ безъ труда и вѣрно распроститься съ своей неодолей. Но тутъ случилась совсѣмъ неожиданная для него перемѣна.

Вскорѣ послѣ смерти матери умираетъ какой-то дальній его родственникъ, и все огромное состояніе переходитъ по наслѣдству Андрею. Изъ нищеты онъ опять попадаетъ

въ богатую обстановку. Съ деньгами и досугомъ онъ словно перерождается. То, что было раньше недоступнымъ и дразнящимъ, теперь передъ нимъ открыто, и нѣсколько лѣтъ сряду онъ словно наверстывалъ потерянное — это была въ его жизни какая-то гонка за развлеченіями и удовольствіями. И онъ успѣлъ за это время забыть прошлое, всѣ оскорбленія и униженія свои, и огрубѣлъ, какъ грубѣютъ только сытые, сытостью усыпляемые люди.

И все шло для него по-хорошему, удачно. Пришла любовь, повернулъ вѣтеръ на свадьбу, на счастье. И, кажется, желать-то ему ужъ больше нечего было, всего было много и довольно. И опять произошелъ случай, перевернувшій всю его жизнь.

Наканунѣ свадьбы позднимъ вечеромъ онъ отправился въ домъ своей невѣсты. Въ домѣ справлялся дѣвичникъ. И ступивъ на порогъ, онъ въ ужасѣ замеръ: въ освѣщенномъ богатомъ залѣ на столѣ копошилось безглазое что-то, вязкое что-то, какая-то кровавая каша исполосованнаго, истерзаннаго мяса. И это была его невѣста, вынутая изъ-подъ поѣзда.

Въ минуты своихъ признаній самъ онъ ни словомъ не обмолвился невѣстѣ о своемъ недавнемъ прошломъ — о послѣднихъ беззаботныхъ годахъ своихъ. А ему было что рассказать о себѣ. И онъ не то, чтобы хотѣлъ скрыть, утаить о себѣ, онъ только откладывалъ, онъ хотѣлъ когда-нибудь потомъ это сдѣлать, въ минуты болѣе простыя и не такія торжественныя. Ему не хотѣлось огорчать ее, вѣдь, для нея было бы непріятнымъ и тяжкимъ слушать его исповѣдь о всякихъ любовныхъ связяхъ и похожденияхъ. И любя ее и охраняя ее, онъ только не подумалъ о самомъ главномъ — о ея душѣ. А когда однажды она первая заговорила съ нимъ, онъ отдѣлался какою-то шуткой. А когда она во второй разъ попробовала объясниться по поводу ходившихъ о немъ слуховъ, онъ назвалъ слухи просто сплетнями. А въ третій

разъ, на ея вопросы, онъ ужъ вспылить, и слухи въ его отвѣтъ оказались наглою ложью и клеветой. Но тайна придуманная—правда отведенная то шуткою, то ссылкой на сплетни, то на клевету, не могла, должно быть, больше таиться и вышла на свѣтъ—камнемъ упала ей на сердце. Наканунѣ дѣвчника она получила какое-то изобличающее письмо, и то, что въ немъ передавалось—какая-то глупая любовная исторія ее совсѣмъ не тронула, но одно ее захватило—поняла она, что онъ лгалъ ей, трижды солгалъ ей. И гордая, она рѣшила по-своему—она ушла изъ дому, чтобы больше никогда его не видѣть. И вотъ лежала на столѣ вынутая изъ-подъ поѣзда, истерзанная и безглазая.

Куда дѣвался его беззаботный хохотъ, съ которымъ онъ переступалъ порогъ дома! Была для него жизнь—копѣйка, а теперь все живое его сердца словно рѣзалось мелкими искривленными ножичками.

Это она лежала на столѣ, вынутая изъ-подъ поѣзда, истерзанная и безглазая. Это счастье его лежало убитое.

И стало ему жутко легко. И было такъ, будто какой-то желѣзный багоръ, вонзившійся ему въ шею, вдругъ превратился въ горящую ленту, и эта лента опутала его и, крѣпко натянувшись, вдругъ дернула и понеслась съ нимъ. И было такъ, будто, кружась, онъ несея куда-то, и съ каждымъ кругомъ кругъ расширялся,—ни конца, ни начала.

Какая бессмыслица: вчера нищета, а завтра богатство, вчера счастье, а сегодня—пропаль. Кто дастъ силы вынести такую невѣрность и зачѣмъ выносить такую невѣрную жизнь? И она, безглазая, невѣста его, перерѣзанная колесами, и ночь и день видѣлась ему, преслѣдовала его, не отпускала отъ себя: зачѣмъ онъ тогда не сказалъ ей всего? И было ему завидно всякой другой бѣдѣ, всякому другому несчастью—нищетѣ, голоду и униженію. Вотъ теперь вернуть бы ему его прежнюю безплатную жизнь въ бесплатныхъ квартирахъ! Но какъ вернуть? Кто тебѣ вернетъ, кто тебѣ

исполнить, когда тебѣ такъ надо, твою послѣднюю завѣтную мечту? Куда итти? Кого просить? Есть проще средство, есть вѣрное средство навѣрняка раздѣлаться съ невѣрной жизнью—самъ, ты самъ откажись отъ нея, иначе всего можно ждать.

На Покрова въ слякотный, будто слезящійся вечеръ, сбѣжавшіеся на стоны во дворъ Алабышевской квартиры, увидѣли его бьющагося и извивающагося на щепнѣ. Принявъ какого-то яду, онъ сползъ съ лѣстницы во дворъ и, отравленный, бился въ изодранномъ бѣльѣ и загрызалъ землю отъ саднящей жгучей боли.

Но во-время схватились и отходили его.

Взглянувъ во все глаза на смерть, онъ опять вышелъ въ жизнь. Ему вернули жизнь, а жизнь начала свои испытанія.

Хотѣлъ онъ когда-то жить только по-человѣчески и, проклиная судьбу, просилъ себѣ хоть только маленькаго, маленькаго счастья, а судьба его, ненарокомъ набѣжавшая доля—недоля его, отнимала отъ него всякую надежду на это маленькое счастье, а когда онъ рѣшилъ совѣмъ отказаться отъ жизни, привалила удача—богатство. И ужъ хотѣлъ онъ жить, какъ ему любо, и все у него было, и онъ потянулся за огромнымъ счастьемъ, увѣренный, а судьба его, ненарокомъ набѣжавшая доля—недоля его, вырвала изъ рукъ у него это огромное счастье, и, проведя его черезъ страшную кровь, бросила, а когда онъ, отчаявшись, въ отчаяніи своемъ руки на себя наложилъ, она спасла его, и снова вывела на свѣтъ.

Раньше, и тогда, въ своей безплатной жизни и тогда, въ богатствѣ онъ обо одномъ только и думалъ,—о себѣ только и думалъ. Если же онъ оставитъ себя и весь уйдетъ въ другія жизни, тогда все перемѣнится. Такъ разсуждалъ онъ.

И повѣривъ себѣ, онъ съ головой ушелъ въ заботы другихъ людей и ждалъ, что наступитъ перемѣна. А пере-

мѣны никакой не происходило. Онъ вездѣ видѣлъ только проклятія судьбѣ, онъ встрѣтилъ то, отъ чего хотѣлъ уйти. самого себя онъ встрѣтилъ, только разбившагося на много, много жизней.

Что же дѣлать ему?

„Надо принять всю судьбу — всякую недолю, и принять ее вольно и кротко, и благословить ее всю до конца“.

Такъ разсудилъ онъ.

И перейдя черезъ достатокъ, нищету, богатство, счастье, и, наконецъ, черезъ кровь, и заглянувъ въ глаза смерти, заглянувъ людямъ въ бѣдующіе глаза, проклинаящія судьбу свою, онъ благословилъ этотъ міръ бѣды и невѣрности и случайности. И принявъ всю судьбу, благословивъ ее всю до конца съ ея скорбью, печалью, нуждою и понявъ всю и гру судьбы, и стало ясно ему: зачѣмъ бѣды и за что бѣдуютъ.

Скоро онъ пропалъ изъ города, и нѣсколько лѣтъ о немъ не было никакихъ слуховъ. Отыскался онъ, наконецъ, въ одной изъ дальнихъ сѣверныхъ пустынь, ужъ монахомъ: не Андреемъ Алабышевымъ, а о. Глѣбомъ ослѣпленнымъ.

Одни говорили о дурной болѣзни, которой захворалъ онъ, когда вель свою легкую богатую жизнь, и отъ этого лишился глазъ. Другіе передавали, что въ бродяжничествѣ своемъ, среди бродягъ пало на него какое-то обвиненіе, и въ наказаніе его ослѣпили, засынавъ глаза нюхательнымъ табакомъ, а третьи увѣряли, что онъ самъ себя ослѣпилъ.

Разные ходили слухи, и много чего говорилось: кому вѣрить, а кому не вѣрить, какъ рѣшить? Но скоро все слухи смолкли. Жизнь шла своимъ чередомъ, каждому было о чемъ подумать, и забыли всеѣмъ объ Андрѣѣ.

И вотъ изъ пустыни онъ снова появляется въ городѣ въ Боголюбовскомъ монастырѣ, и не простымъ монахомъ, а въ схимѣ. Тутъ-то и прошла молва, будто бѣсы повинуются ему.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ладанъ херувимскій.

Самъ Огорѣлышевъ Арсеній Николаевичъ въ тайнѣ смотрѣлъ на Боголюбовскаго старца о. Глѣба просто-на-просто, какъ на одного изъ тунеядцевъ, наполнявшихъ монастыри, выдѣляя его изъ другихъ лишь по уму и ловкости. Ни въ какія заклинанія старца Арсеній не вѣрилъ, и всѣ грозныя молитвы его и исцѣленія, слѣдовавшія за отчитываніемъ, считалъ или надувательствомъ или самообманомъ. Что ужъ говорить: если бы всѣ монастыри и церкви вдругъ провалились сквозь землю, Арсеній пожалѣлъ бы только о крѣпкихъ стѣнахъ и о самомъ монастырскомъ церковномъ зданіи, которое всегда можно было бы перестроить для какихъ-нибудь торгово-промышленныхъ цѣлей, использовать для дѣла, да еще пожалѣлъ бы стиль—старину. Единственнымъ развлеченіемъ Арсенія, кромѣ шашекъ, игру въ которыя онъ ставилъ куда выше и хитрѣ всякихъ другихъ игръ, была для него археологія, и среди ученыхъ онъ слылъ большимъ знатокомъ, а Огорѣлышевская библіотека была рѣдкимъ древлехранилищемъ.

Но Арсеній слылъ столпомъ, и хотъ, въ сущности, кромѣ своего дѣла ему на все было наплевать—ни Бога, ни чорта, ничего,—онъ все исполнялъ, чтобы съ виду казаться, для кого это надо было, простымъ русскимъ человѣкомъ—купцомъ: онъ и причащался для приличія и ко всенощной забѣгалъ. И когда въ его присутствіи позволяли себѣ неуважительно отзываться о церкви, бывала большая перепалка, онъ не допускалъ никакихъ сужденій, кромѣ принятыхъ, и во всякомъ отклоненіи видѣлъ подрываніе основъ.

У Финогеновыхъ знали старца, какъ угодника и цѣлителя. Когда-то Прасковья водила къ нему Женю и брала за пойную молитву для своего сына—полового Мити, и кормилица Жени, порченная Катерина—Окаляла я лшадка, изрѣдка заходившая къ Финогеновымъ, не разъ бывала на закликательной молитвѣ у старца и послѣ въ кухнѣ много рассказывала о немъ чудеснаго. Но Финогеновы избѣгали о. Глѣба, онъ имъ представлялся одной изъ огорѣлышевскихъ основъ, которыми все уши прожужжали имъ и въ гимназіи и всякій разъ при огорѣлышевскихъ проборкахъ и острасткахъ. И когда послѣ изгнанія изъ монастыря остриженного о. Алиція, старецъ пожелалъ познакомиться съ Финогеновыми, они уперлись и слышать ничего не хотѣли, и только потомъ уже согласились, но чтобы непременно съ о. Гавріиломъ,

Въ монастырь Финогеновы пришли послѣ обѣда и прямо къ о. Гавріилу въ келью, и не замѣтили, какъ пролетѣлъ день.

Утромъ къ о. Гавріилу пріѣхалъ кононархъ изъ Лавры Яшка—Слонъ и, нахлеставшись именинной перцовкой, валялся за занавѣской.

— Низкая душа,—таинственно рассказывалъ о. Гавріилъ о своемъ гостѣ,—отпущено ему Богомъ сверхъ всякой мѣры, уму непостижимо... отъ обера, душечка, есть воспрещеніе...

Конечно, сейчасъ же все было сосредоточено на спя-

щемъ канонархѣ, которому отпущено Богомъ сверхъ всякой мѣры: Финогоновымъ надо было, во что бы то ни стало, добратъся до кононарха...

И вотъ съ помощью о. Гавріила и началась разборка плановъ, какъ любилъ выражаться самъ о. Гавріиль.

Сонный Слонъ визжалъ, григоталъ, захлебывался, и, наконецъ, совсѣмъ протрезвился, открылъ глаза и сконфузился.

— Низкая душа,—бормоталъ запыхавшійся о. Гавріиль,—дѣточкамъ въ удовольствіе, а ты брыкаешься!

Такъ весь день и провозились съ кононархомъ. И ушелъ кононархъ отъ о. Гавріила, стало солнце садиться, вдругъ спохватились: пора ужъ было итти къ старцу знакомиться. А страсть не хотѣлось итти послѣ веселаго кононарха.

И вотъ вошли они въ бѣлую башенку. Гомонъ на угмонъ шелъ. На узенькой темной лѣстницѣ, казалось, ужъ поджидала ночь, чтобы выйти на волю.

Вошли Финогоновы въ келью, скорчившись, дикими, голоса потеряли. Молча подошли они подъ благословеніе. Молча благословилъ ихъ старецъ, благословилъ и засуетился, будто и оробѣлъ не меньше.

О. Гавріиль скрылся въ сосѣднюю комнату самоваръ ставить. И наступило тяжкое молчаніе. Никто не рѣшался сѣсть, и старецъ стоялъ. Никто не сказалъ ни единого слова.

Тѣсная келья словно наполнилась какими-то отчуждающими призраками. Тѣсная келья—пустыня: не отзовется, не спросить.

— Батюшка!—просунулось въ дверь красное, сіяющее лицо о. Гавріила,—батюшка, о. Глѣбъ! да самоваръ-то у васъ, батюшка, съ течью!

— Тащи свой! — замахалъ старецъ на о. Гавріила, — тащи, скорѣй, свой пузатый!

И почему-то слова старца показались такими смѣшными, самъ старецъ такимъ обыкновеннымъ и вовсе не страшнымъ и стало легко, будто давно и близко знали они старца, пудъ соли съ нимъ съѣли, какъ съ о. Гавріиломъ, въ баню съ нимъ ходили. И что-то вѣрное прошло и согрѣло келью.

Не дичась, пошли Финогеновы ходить по кельѣ, пошли копаться въ книгахъ, трогать все, что ни попадетъ подъ руку. Залѣзли на рѣшетчатое окно, заспорили:

— Нѣтъ, вонъ онъ Чугунный заводъ! — показывалъ Саша.

— А вонъ наша фабрика, а тамъ бани! — стоялъ на своемъ Коля.

Старецъ сидѣлъ въ креслѣ и о чемъ-то думалъ. Финогеновы его не замѣчали; да онъ былъ для нихъ теперь обыкновеннымъ, не страшнымъ, своимъ, какъ о. Гавріиль.

И когда о. Гавріиль съ своимъ пузатымъ самоваромъ, пыхтя и отдуваясь, наполнилъ келью, и Финогеновы закрыли грудью весь столъ, прощальный густой лучъ солнца ударилъ прямо въ окно башенки.

— И ему на покой надо, и ему ночь ночевать положено, ему, безпріютному, отдающему кровь и сердце свое. Такъ-то, лучи вы мои красные! — промолвилъ старецъ, и на мѣстѣ багровыхъ темныхъ ямъ его засвѣтились тихіе глаза, перегорюнившіеся.

И опять безпечность исчезла куда-то. Финогеновы, сопя и кроша, отхлебывали свои стаканы и обжигались: почему-то вспомнился имъ остриженный о. Алипій, изъ-за стрижки выгнанный изъ монастыря.

„Обидѣли мы его,—пронеслось у каждого,—и за что?“

И стало неловко каждому, словно впервые во всѣ глаза увидѣли они такъ ясно свою злую шутку. Когда сегодня

они потѣшались надъ Слономъ, это ничего, Слону было даже пріятно, а когда стригли они о. Алипія, и на другой день его изъ монастыря Хрипунъ погналъ, это совѣмъ не то. И стало сердце полно горечью, и сожалѣніе и страхъ непоправимаго смѣшались съ горечью.

— Да,—задумался старецъ,—горько мнѣ порой, такъ горько...

Женя тихо заплакалъ.

— Отецъ-то Алипій гдѣ теперь? — обратился старецъ къ о. Гавріилу.

Женя тихо плакалъ.

— Въ Андреевскій, батюшка, въ Андреевскій опредѣлился. Намедни, батюшка, Алипка у Мишки, у Шагала въ гостяхъ былъ, говоритъ, богатѣйшій монастырь, процентовъ, говоритъ, куда больше! Спервоначала-то Алипка въ кутузку попалъ, недѣлю высидѣлъ. Не признаютъ за монаха: „Какой ты, говорятъ, монахъ, ты фокусникъ, гвозди черезъ носъ пропускаешь!“ Самъ Алипка Мишкѣ рассказывалъ. Ну, а какъ подростать борода стала, видятъ, что монахъ настоящій, обрадовались и выпустили на волю. Процентовъ, говоритъ, куда больше, и халтура ежевременная!—распространялся о. Гавріилъ, но ужъ старецъ его не слушалъ.

Старецъ спросилъ Сашу о Варенькѣ.

— Ничего,—отвѣтилъ Саша, отвѣтилъ не сразу затихшимъ голосомъ,—иногда...—онъ хотѣлъ сказать: пьетъ..., но спохватился,—ничего... хвораетъ.

Финогеновы уткнулись въ стаканы, имъ было неловко, что старецъ знаетъ о матери.

Старецъ вдругъ перекрестился, и ужъ совѣмъ по-другому спросилъ о гимназіи: кто въ какомъ классѣ?

— Я въ пятомъ!

— А я въ четвертомъ!

— А мы въ третьемъ! и не въ гимназіи, а въ коммерческомъ!—за себя и за Женю отвѣтилъ Коля.

И опять стало попрежнему легко и, перебивая другъ друга, начали они рассказывать, какъ тамъ, у нихъ въ училищѣ.

— А у насъ въ гимназіи былъ учитель математики Сергѣй Александровичъ-Козель, — засмѣялся о. Глѣбъ.

— А у насъ Сычъ! — А у насъ Аптекарь! — А у насъ Стекольщикъ! — А у насъ Клюква! — наперерывъ заговорили Финогеновы, и отъ учителей перешли къ отмѣткамъ, къ плутнямъ своимъ и, конечно, заспорили-подрались.

И было такъ, будто не въ кельѣ схимника-старца, изгоняющаго бѣсовъ, а въ училищѣ, въ своемъ излюбленномъ мѣстѣ — въ уборной шумѣли они за перемѣной, только куда здѣсь было вольнѣе: не остановить звонокъ, не поймаетъ надзиратель.

Дохнулъ ужъ синій влажный вечеръ въ раскрытое окно бѣлой башенки, и упившійся чаемъ о. Гавріилъ не выдержалъ и храпѣть сталъ.

А Финогеновы все говорили, все рассказывали, какъ никогда еще и никому не рассказывали, довѣрчиво, отъ полного сердца.

И ночь, забившаяся на день въ углы темной узкой лѣстницы, спустилась съ лѣстницы, и пошла изъ башенки по кладбищу, по крестамъ, по могильнымъ плитамъ, и дальше за ограду, въ городъ, и за городъ въ поле...

— Ну, спите-ка хорошенько, — прощался старецъ, — сердечки-то у васъ хорошія... не согрѣтыя...

— Ладонъ херувимскій, ладонъ херувимскій! — лепеталъ со сна о. Гавріилъ и торопился: ему еще требникъ надо читать, онъ очередной, завтра ему обѣдню служить, — у меня, у меня, батюшка, дѣточки у меня заночуютъ.

И когда, разстелившись въ кельѣ у о. Гавріила, Финогеновы проболтали и прохохотали долгій часъ о всякихъ словыхъ продѣлкахъ, подошелъ къ ихъ изголовью ти-

хій сонъ, сама Пасха пришла идохнула тепломъ въ несогрѣтое сердце и стала тихо грѣть, отогрѣвать его, несогрѣтое.

А въ бѣлой башнѣ не потухалъ, горѣлъ огонекъ: тамъ старецъ всю ночь молился о мирѣ недольнаго міра, за всю землю.

— Господи, подуѣ, подуѣ Господи, святымъ духомъ на землю!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Прудъ посмотрѣть.

Финогеновы привязались къ старцу, часто забѣгали къ нему въ бѣлую башенку, и старецъ всегда принималъ ихъ ласково, давалъ имъ гостинцевъ. А если нездоровилось ему, онъ посылалъ имъ съ о. Гавріиломъ то по яблоку, то по финику, то еще что-нибудь изъ лакомствъ.

Финогеновымъ очень хотѣлось, чтобы о. Глѣбъ пришелъ къ нимъ когда-нибудь прудъ посмотрѣть. Старецъ, рѣдко и только въ исключительныхъ случаяхъ выходившій за монастырскую ограду, согласился и назначилъ день.

И Финогеновы ждали этотъ день, словно Пасху. И дождались, наконецъ, да съ утра въ этотъ день все какъ-то несуразно пошло.

Прошелъ ужъ годъ, какъ Сеня Огорѣлышевъ уѣхалъ за границу, и годъ исполнился, какъ Палагея Семеновна больше не заходила къ Финогеновымъ, обиженная за некрологъ, и у Вареньки никого ужъ не осталось, съ кѣмъ бы ей душу отвести.

За годъ монашескаго нашествія Варенька не только не поднялась, напротивъ, она упала еще ниже.

Водка теперь покупалась открыто и въ большихъ размѣрахъ: вѣдь, всѣ монахи пили, — водка покупалась для монаховъ. И, если о. Гавріиль выпивалъ немного, а о. Іосифъ—Блоха вовсе не пилъ, то подручные о. Іосифа, тотъ же о. Михайлъ—Шагало или о. Никодимъ—Гнида, и пріятели ихъ, о. Платонъ—Навозникъ, о. Авель—Козье вымя и о. Никита—Глистъ, всѣ они пили и здорово.

Комната Вареньки—спальня за этотъ годъ обратилась въ какой-то грязный номеръ грязной гостиницы съ большимъ бездомнымъ гостемъ: все было не на своемъ мѣстѣ, все было заставлено и, какъ попало, раскидано, закупоренныя, никогда ужъ больше невыставляемые окна, пыль, соръ, духота. За порогъ спальни ничья нога больше не переступала, Варенька ее охраняла отъ всякихъ вторженій и даже дѣтямъ не было пропуску.

Въ несчастныя тяжкія минуты находила на Вареньку страсть писать письма—по-финогеновски это называлось: періодъ писемъ. Начало этого періода было всегда невинно, и тутъ безъ Коли не обходилось дѣло: брались старые номера газеты, газета разрѣзалась на четвертушки по образцу почтовой бумаги, сложенные четвертушки вкладывались въ конверты, конверты запечатывались, а затѣмъ Коля, поддѣлывающійся подъ всякія руки, разными почерками надписывалъ конверты всѣмъ, кому только ни вздумается, и письма опускались въ ящикъ безъ марки. Тутъ и кончалось участіе Коли. Дальше дѣйствовала одна Варенька: и утромъ и вечеромъ она писала письма Огорѣлышевымъ, Арсенію и Игнатію, и въ письмахъ она писала одно и то же—все о своей невыносимой жизни, и винила во всемъ дѣтей, прося принять мѣры. Обыкновенно просимыя мѣры принимались, но нерѣдко и Варенькѣ приходилось не лучше. И заканчивался періодъ писемъ тѣмъ, что Вареньку вызывали въ домъ къ

Огорѣлышевымъ въ контору, и вызывалась она для того же самого, для чего ловились Финогеновы по субботамъ послѣ всенощной и въ воскресенье послѣ ранней обѣдни! Вареньку пробиралъ Арсеній. И всякій разъ, вернувшись отъ Огорѣлышевыхъ, она надолго запиралась въ своей комнатѣ и пила еще больше.

Утромъ въ тотъ самый день, когда долженъ былъ притти къ Финогеновымъ о. Глѣбъ прудъ посмотрѣть, Финогеновы ушли въ монастырь къ обѣднѣ, а Вареньку, какъ на грѣхъ, вызвали къ Огорѣлышевымъ.

Возвратясь отъ братьевъ, Варенька по обыкновенію заперлась въ своей комнатѣ. А когда, спустя глухой угарный часъ, она вышла зачѣмъ-то въ залъ, полураздѣтая, покраснѣвшая вся и отъ слезъ и отъ водки, она наткнулась на Алексѣя Алексѣевича—такъ Финогеновы звали гимназиста Молчанова, одноклассника Саши.

— Вамъ что? — спросила Варенька, не узнавъ гимназиста.

— Я къ Сашѣ,—отвѣчалъ тотъ, страшно смутившись.

— Шляются тутъ... всякіе... украдутъ еще!..—Варенька круто повернулась, заложила руки назадъ, и пошла въ свою комнату.

Ошарашенный гимназистъ пошелъ домой.

Съ Финогеновыми Молчановъ былъ знакомъ очень давно. Когда-то еще въ приготовительномъ классѣ Саша и Молчановъ, возвращаясь изъ гимназіи, дергали въ звонки или, намѣливъ ладошку и два пальца и сдѣлавъ плевками глаза и носъ, припечатывали чертей на спины прохожимъ, въ классѣ сидѣли они на одной скамейкѣ, списывали другъ у друга задачи, экстемпоралэ и переводы. И по житію и обличью Молчановъ мало чѣмъ отличался отъ Финогеновыхъ; такъ же продранные локти, и заплаты—глазища вдоль сидѣнья, и та же безпризорность, и озорство.

Прежде Молчановъ приходилъ къ Финогеновымъ только

по дѣлу: за уроками. А съ весны сталъ заходить такъ и безъ дѣла. Жилъ онъ недалеко отъ Боголюбова монастыря совѣмъ по сосѣдству съ Финогеновыми. Онъ игралъ на рояли. И Финогеновская рояль, не открывавшаяся съ послѣдняго прихода Палагеи Семеновны, опять ожила.

Если чѣмъ отличался Молчановъ отъ Финогеновыхъ, это своими знаніями: онъ много ужъ прочиталъ всякихъ книгъ, и не однихъ только романовъ, какъ Петя, и не безъ разбора, а толково.

И Финогеновы это чувствовали, и не даромъ. въ отличіе отъ другихъ, звали его по имени и отчеству — Алексѣемъ Алексѣвичемъ. Алексѣй Алексѣвичъ умѣлъ такъ же заманчиво говорить о книгахъ, какъ старикъ огорѣлышевскій приказчикъ Михаилъ Ивановичъ о своихъ непоющихъ птицахъ. Съ его появленіемъ у Финогеновыхъ появляются книги,—книга впервые получаетъ такое же важное значеніе, какъ когда-то военныя и разбойничьи дѣйствія Филиппка, голуби и кегли.

Когда Финогеновы послѣ обѣдни пришли изъ монастыря домой и узнали отъ Прасковьи, какъ Варенька выгнала Алексѣя Алексѣвича, и какъ Алексѣй Алексѣвичъ ушелъ, огорченіямъ и досадѣ конца не было.

За обѣдомъ же они излили свою злобу, они изместили обиду Варенькѣ: когда Варенька, шатаясь, проходила по столовой, они будто нечаянно, одинъ за другимъ стали подталкивать ее и толкали съ каждымъ толчкомъ сильнѣе и грубѣе, съ каждымъ прикосновеніемъ больнѣе и жестче.

И она, едва ужъ держась на ногахъ, шарахалась изъ стороны въ сторону, впередъ и назадъ, вправо и влево.

И полонъ ротъ ея дрожалъ въ слезахъ, и посинѣвшія губы дергались.

— Проклятые вы! Проклятые! — вырывалось у ней, скрежетало проклятіе.

А они все толкали ее, подталкивали, сами издерганные, посинѣвшіе отъ злости.

— Проклятые вы! Проклятые!

Въ прихожей Варенька оступилась и, не удержавъ равновѣсія, ткнулась животомъ о землю, и минуту лежала такъ, словно мертвая. И вдругъ поднялась съ пола, низко нагнула голову, будто опомнилась, и пошла, съ закрытыми глазами, пошла, не сказала ни одного слова, не обернулась.

Въ спальнѣ щелкнулъ замокъ, и весь домъ притаился.

Ужъ давно прошло шесть, и семь пробило, а о. Глѣба все не было.

„И придетъ ли онъ теперь?“ — мелькнуло у каждого и стало жутко на сердцѣ, страшно, страшнѣе самой горькой обиды.

— Молитвами святыхъ, отецъ, батюшка, благословите! — послышалось, наконецъ, обычное монастырское привѣтствіе о. Гавріила.

Финогеновы бросились къ дверямъ. И старецъ переступилъ порогъ.

И сразу весь домъ поднялся на ноги.

Вышла къ старцу и Варенька, вышла она нетвердо. Прерываясь, съ надтреснутымъ хохотомъ, выскакивали у нея слова. Финогеновы отъ стыда чуть не плакали: очень ужъ было замѣтно, а такъ не хотѣлось этого, такъ имъ не хотѣлось бы этого.

Сѣли чай пить на террасѣ.

Былъ теплый, слегка затуманивающийся вечеръ. На пруду лягушки, будто рыдая, квакали.

Одинъ о. Гавріилъ казался невозмутимымъ и благодушнымъ, и по обыкновенію сияющимъ. О. Гавріилъ старался занимать о. Глѣба.

И за чаемъ разговоръ имъ начался. Сначала разсказаль онъ, какъ о. Платонъ—Навозникъ и о. Авель—Козье вымя

во время обѣдни вцѣпились другъ въ друга за кружку, потомъ перешелъ къ низкимъ душамъ.

— Въ кельѣ Пирскаго, батюшка, родила на утренѣ извините за выраженіе, его Манька, батюшка, двоешку.

Старецъ, не проронившій за все время ни одного слова, весь сосредоточенный, словно впивавшій въ себя всѣ невзгоды дома, вдругъ повеселѣлъ.

— Вотъ и хорошо,—сказалъ о. Глѣбъ,—вотъ и у насъ ребеночекъ родился. Христосъ посѣтилъ нашъ мрачный, нашъ мертвый храмъ.

— Батюшка,—заволновался о. Гавріилъ,—а ну какъ до Хрипуна...—и закашлялся,—до пресвященнаго дойдетъ?

— Да,—запечалился старецъ,—дойдетъ, непременно дойдетъ, расскажутъ, и послушника выгонять...

И старецъ замолкъ. Молчалъ и о. Гавріилъ. И на пруду лягушки замолкли.

И въ ту же минуту каждый прочелъ въ своемъ сердцѣ горькій упрекъ. И остриемъ острѣйшимъ входилъ этотъ упрекъ глубоко въ сердца. И вспомнивъ прожитый день, каждый изъ Финогеновыхъ обвинилъ себя. Стало пусто, невыносимо пусто и жить не хотѣлось.

— Ну, а прудъ-то посмотрѣть?—очнулся старецъ.

И тотчасъ словно все ожило. Всѣ поднялись изъ-за стола и Варенька и о. Гавріилъ. Финогеновы схватили подъ руки о. Глѣба и, чуть не бѣгомъ, прямо въ садъ къ пруду. И тамъ наперерывъ затараторили — рассказывали о яблокахъ и о кизельникѣ и о дикой малинѣ, и какъ они воруютъ, какъ ешибаютъ, какъ рвутъ и стряхиваютъ. Затащили о. Глѣба въ купальню и, совсѣмъ забывъ, что старецъ ничего не видитъ, продѣлывали разныя купальныя диковинки и, плавая и ныряя, брызгались и выкрикивали:

— О. Глѣбъ, а о. Глѣбъ, а я то какъ, посмотрите, о. Глѣбъ, я на одной ручкѣ!

— А я на спинкѣ!

- Сидя!
- Лягушкой!
- По-бабьи!
- Рыбой!
- На саженку!
- Съ головкой внизъ!
- Бокомъ!

И долго бы еще ныряли и плескались, и долго бы еще топили о. Гавріила, котораго и вода не принимала, да Праксѣя помѣшала: ужинать готово.

Варенька совсѣмъ оправилась, она принарядилась, что съ ней давно уже не бывало, и было какъ-то хорошо смотрѣть на нее.

И ужинъ прошелъ шумно и весело.

Послѣ третьей рюмки о. Гавріилъ старался щегольнуть передъ о. Глѣбомъ своимъ знаніемъ всякой свѣтскости и, будто бы изъ хорошаго обращенія, изъ тонкости своей, пустилъ себѣ въ жирный супъ огромный кусокъ паюсной икры и кильку, но, забывшись, сталъ ѣсть руками.

— Ты, Гаврила, кильку съѣлъ? — спросилъ Коля, не дожидаясь обычнаго вопроса, который каждую минуту ужъ готовъ былъ у о. Гавріила, ревниво посматривавшаго на финогеновскія тарелки.

— Съѣлъ, душечка, съѣлъ, — проищалъ о. Гавріилъ, забывъ свое: „Я тебя, душечка, объѣлъ?“

— А еще съѣлъ?

— Съѣлъ, душечка, съѣлъ.

— Ты, Гаврила, кильку съѣлъ? — ужъ хоромъ подняли Финогеновы и повторяли надъ сопящимъ, чавкающимъ о. Гавріиломъ.

А онъ, завладѣвъ всѣми тарелками, какъ-то смиренно отвѣчалъ свое:

— Съѣлъ, душечка, съѣлъ!

Далеко за полночь увезъ старецъ нагруженного о. Гавриила, на котораго кромѣ прочихъ бѣдъ напала еще безудержная икота. И икалъ онъ будто квакалъ.

А Финогеновы долго не могли заснуть. И разсвѣтало, а все не спалось,—такъ взволновалъ ихъ прошедшій день.

Но на душѣ было легко и покойно. И лѣтній ясный разсвѣтъ, засинивъ бѣлыя занавѣски дѣтской, ясный, неукорный, не задалъ своего страшнаго вопроса изводящей совѣсти:—„Что ты сдѣлалъ, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?“—не заглянулъ въ глаза искаженнымъ лицомъ своимъ, отъ котораго одно спасеніе, одинъ исходъ—бѣжать на край свѣта.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Театръ.

На Ивана Купала минуло Колѣ четырнадцать.

До той поры не прочитавшій ни одной строчки, считая книгу скучнымъ, какъ уроки, Коля случайно наткнулся на сочиненія Достоевскаго.

Много было непонятнаго—читалось и забывалось, но сколько было такого близкаго и роднаго—огорѣлышевскаго. Строчки горѣли въ глазахъ и закипали слезы.

И книга съ этихъ поръ стала не скучною, не чужою, книга стала чѣмъ-то своимъ, ну, какъ о. Гавріилъ, нѣтъ, какъ о. Глѣбъ.

За Достоевскимъ Коля прочиталъ Толстого, а за Толстымъ ужъ пошла книга за книгой,—всякія книги, которыя охотно доставалъ ему Алексѣй Алексѣвичъ.

Какъ за голубями когда-то, всякое воскресенье ходили теперь Финогеновы на книжный базаръ къ старой башнѣ и рылись тамъ у старьевщиковъ, перебирали книги, прицѣнивались. Но рѣдко возвращались домой съ покупкою, больше съ пустыми руками: покупать очень хотѣлось, такъ много

было заманчивыхъ книгъ, покупать же не на что было — Петя и Коля ужъ давно позабыли, какъ лазать за деньгами въ форточку къ Варенькѣ, а Варенька давала копѣйки и то въ большіе праздники.

Лѣтомъ Финогеновы затѣяли театръ—представленіе.

Когда-то давно и всего одинъ разъ были Финогеновы въ театрѣ. Никитѣ Николаевичу Огорѣлышеву—Никѣ вздумалось какъ-то прислать Варенькѣ билетъ—ложу, и Варенька возила дѣтей смотрѣть Конька-Горбунка. И съ тѣхъ поръ дома они разыгрывали своего Конька-Горбунка: изъ всякихъ разноцвѣтныхъ тряпокъ, служившихъ ризами для игры въ большіе священники, а главнымъ образомъ изъ одной полосатой, которая почему-то называлась желтой, дѣлали они настоящее поле, ни разу не выдавъ настоящаго поля, и дворецъ и хоромы, и кто-нибудь прыгалъ конькомъ, и, корча всякія рожи, появлялся Иванушка, весь вымазанный сажей, будто изъ крестнаго хода избіенія младенцевъ. Скакали, прыгали, вились, подымали ноги, ну прямо, какъ въ настоящемъ балетѣ.

Теперь же рѣшено было устроить такой театръ, чтобы играть съ словами, играть не балетъ, а драму.

Алексѣй Алексѣевичъ не разъ бывалъ въ театрѣ и много рассказывалъ очень занятнаго.

Когда Финогеновы сказали Варенькѣ, Варенька сначала слышать не хотѣла: для устройства театра надо деньги, а денегъ никакихъ она не можетъ дать, да и заронить легко могутъ, пожаръ сдѣлаютъ. И если они ее не послушаютъ, она сейчасъ же напишетъ Огорѣлышевымъ. Что имъ было дѣлать? Пришлось о. Гавріила на помощь звать. Всѣмъ соборомъ съ о. Гавріиломъ колѣнопреклоненно, какъ выражался о. Гавріилъ, приступили они къ Варенькѣ и такъ приставали неотвязно и настойчиво, что Варенька согласилась. А чтобы согласіе было вѣрнѣе и крѣпче, съ Вареньки взяли росписку: Варенька мѣшать имъ не будетъ, а они не

будутъ просить у нея денегъ. Росписку подписала Варенька и всѣ Финогеновы, а скрѣпилъ ее самъ о. Гавріилъ.

„Преосвященнѣйшій митрополитъ и патріархъ всея Руси Гавріилъ—Дубовыя кирлы!“ — накорякалъ о. Гавріилъ, пишущій, какъ сорока лапой.

Получивъ согласіе отъ Вареньки, не откладывая въ долгій ящикъ, приступили къ дѣлу.

Главнымъ коноводомъ былъ Алексѣй Алексѣевичъ, приходилъ онъ къ Финогеновымъ поздно вечеромъ послѣ ужина. А чтобы не узнала Варенька и не подняла исторію, Финогеновы еще на лѣстницѣ разувались и на цыпочкахъ проходили на верхъ. На верху кипѣлъ самоваръ, и, открещивая окна и углы, укладывалась на ночлегъ Прасковья. Прасковья была на сторонѣ дѣтей, и все оставалось шито-крыто.

За чаемъ подъ тукъ и стрекотню разгарной лѣтней ночи Финогеновы уносились, Богъ вѣсть, куда, и чего-чего они только не выдумывали, какихъ такихъ театровъ не строили, просто захлебывались отъ клокочущаго нетерпѣнія.

Больше всѣхъ горячился Петя: у Пети былъ такой хорошій голосъ, и онъ долженъ былъ пѣть.

Играть рѣшили непременно до 16 августа, непременно до этого ненавистнаго дня, за спиной котораго торчала для Финогеновыхъ гимназія со своимъ очертѣвшимся казеннымъ лицомъ, вся въ двойкахъ, съ шмыгающими, скучными и обозленными классными надзирателями.

Въ постройкѣ театра большое участіе принялъ о. Гавріилъ, натащившій всякаго хлама изъ своего свинушника-кельи. Доски украдены были ночью изъ огорѣлышевской плотницкой, красть помогали фабричные, ожидавшіе представленія не меньше самихъ Финогеновыхъ.

Работали Финогеновы съ опаской, стараясь лишній разъ не стукнуть и не поднять голоса

И вотъ послѣ долгихъ трудовъ сцена была готова.

На площадкѣ передъ террасой, подъ качелями, примостилась какая-то первобытная свайная постройка—шалашъ, а на перекладинѣ качельныхъ столбовъ взвилась огромная афиша, надъ которой много трудился Саша, на афишѣ изображенъ былъ зеленый чортъ съ маленькими, смѣющимися глазками.

Всю ночь наканунѣ представленія Финогеновы держали крѣпкій караулъ,—съ дубинками они ходили вокругъ дома, прислушиваясь къ каждому шороху: огорѣлышевскій управляющій, Андрей-Воробей, наканунѣ грозилъ убрать шалашную постройку, а Игнатій Огорѣлышевъ, проходя по саду вечеромъ въ свой положенный часъ, остановился противъ качелей и подозрительно наводилъ бинокль на непонятное сооруженіе.

Хорошая была ночь, теплая, безъ облачка, и, какъ на грѣхъ, къ утру застлалось небо, и накрапывающій сонный дождикъ сѣрыми каплями-лапками поползъ по крышѣ и, проползая подъ доски, ползалъ по липкимъ, мажущимся стѣнкамъ трясущихся кулисъ.

Финогеновы чуть не плакали отъ огорченія, молились Богу, чтобы прояснилось, передрались отъ отчаянія.

А къ вечеру вдругъ разбѣжались тучи, изсякнулъ дождикъ, приплыли другія, крохотныя тучки, ясныя, принесли съ собою вечернюю синь и тихія звѣзды.

Заиграла музыка,—Алексѣй Алексѣвичъ изъ кожи лѣзъ, старался на рояли, все сдѣлалъ, чтобы подъ настоящій оркестръ выходило.

И хлынула народу тьма тьмушая къ красному финогеновскому флигелю, къ качелямъ: огорѣлышевскіе фабричныя, мастеровыя, полочки съ огорода, знакомыя полочки и знакомыхъ, ихъ знакомыя и знакомыхъ пріятеля.

Явился городской Максимчукъ, будто въ нарядѣ.

Наряженный въ голубую ленту со звѣздой,—отъ Филиппка еще хранились ордена,—начальственно расхажи-

валъ Максимчукъ по рядамъ публики, одной рукой придерживая свою селѣдку, въ другой подсолнухи, и пошелушивая подсолнухи, непечатно балакалъ съ краснощеками пололками.

О. Гавріиль важно разсѣлся въ первомъ ряду, для торжества надѣвъ на носъ пенснэ безъ стеколъ. Вокругъ о. Гавріила съ одной стороны сѣлъ огорѣлышевскій приказчикъ старичокъ Михаилъ Ивановичъ, охотникъ, какъ оказалось, не только до своихъ птицъ, но и до театра, и финогеновскій портной Павелъ Петровичъ—Поль-Ужѣ, прибавлявшій къ каждому слову и безъ всякой надобности уже и сужавшій финогеновскія шинели и курточки ни на какую стать, но за то и дешево и почти изъ ничего, съ другой стороны премудрая прачка Душка-Анисья, умѣвшая языкомъ соринки въ глазу искать, и печникъ Сама юродивый въ своей шапкѣ-барабанѣ съ бубенцами, то весело, какъ малое дите, похлопывавшій въ ладоши, то безпокойно озиравшійся по сторонамъ,—все гости почетные. О. Гавріиль безъ умолку болталъ съ сосѣдями и что-то совсѣмъ непонятное, будто по-французски, и наблюдалъ за Варенькой, которая съ обѣда, запершись, просидѣла у себя въ спальнѣ и теперь ходила, заложивъ руки за спину, готовая всякую минуту выкинуть что-нибудь совсѣмъ неожиданное.

Занавѣсъ медленно отдернулся и началось представленіе.

Боже мой, какъ замирало сердце и отлегалось, сколько волненія пережили Финогеновы, какъ на экзаменахъ! И какая радость была отъ восторженнаго хохота, отъ всѣхъ этихъ лицъ, превратившихся отъ удовольствія въ смѣшныя рожи, и отъ этихъ прыскающихъ присмѣшекъ и гудящихъ, визжащихъ выкриковъ, восклицаній и криковъ одобренія.

У Коли, изображавшаго старуху, выпотрошилися животъ,—хохотъ. Петя, спившійся пѣвчій, такъ ловко ло-

мался, ну совсѣмъ какъ пьяный,—и опять хохотъ. Всѣмъ весело, всѣ довольны.

Снова заиграла музыка.

Вышелъ Петя уже въ своемъ видѣ, стройный, синеглазый и запѣлъ своимъ тревожнымъ голосомъ, и звуки отъ качельныхъ столбовъ покатались въ садъ, окунулись въ созрѣвшей листьѣ, поплыли по пруду...

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную...

И опять медленно отдернулся занавѣсъ, и началось новое представленіе.

Женя—купецъ жалуется Сашѣ—будочнику на Колю—сапожника: обидѣлъ онъ купца, подметки поставилъ, да не кожаныя, а изъ папки. Будочникъ кличетъ сапожника. И выскакиваетъ весь изодранный, въ опоркахъ на босу ногу, съ подбитымъ глазомъ сапожникъ—Коля, безпокойно озирается, не хуже Сѣмы юродиваго, потомъ преглупо улыбнулся, ну совсѣмъ какъ Кузьма дворникъ, переминается, хочетъ сказать что-то, разинулъ ротъ...

— Вонъ!—раздался вдругъ звенящій голосъ Арсенія,—вонъ!—и среди дрогнувшихъ головъ мелькнула его скрюченная волосатая рука.

И, какъ одинъ человѣкъ, пошла толпа, дымомъ повалила толпа, бездушно вонъ отъ качелей, а скрюченная волосатая рука, не дрогнувъ, давила, а звенящій крикъ хлесталъ по шеѣ, и словно жгутикомъ больно подгоняло вонъ, вонъ со двора.

О. Гавріилъ бросился на террасу, туркнулся въ дверь—заперто, скорѣе къ окну—слава Богу!—есть ходъ, полѣзъ черезъ окно и застрялъ, и, застрявъ, съ перепугу засвистѣлъ тоненько землянымъ лягушенкомъ.

— Это еще что за новости... подожжете еще... никаких театровъ въ нашемъ домѣ!—выкрикнулъ Арсеній скороговоркой, подошелъ къ рампѣ.

— У Достоевскаго вонъ на каторгѣ, на каторгѣ театръ устраивали...—Коля наклонился къ самому лицу Арсенія, но не успѣлъ докончить: крѣпкая пощечина хлеснула его звонко по его вымазанному лицу, и рыжій картузь его глухо шлепнулся о подмости.

— Мерзавецъ!—кошкой прошипѣлъ Арсеній, все лицо его словно болѣло отъ злобы, онъ круто повернулся и, улыбаясь пересохшими отъ злости губами каменной огорблышевской улыбкой, зашмыгалъ-полетѣлъ, и словно крылья поднялись за его согнутой спиной,

И какъ тогда, давно, въ первую встрѣчу, когда Коля первый руку подаль Арсенію, Коля закусилъ себѣ до крови губу и какъ когда-то стоялъ съ протянутой рукой.

Тучки небесныя, вѣчные странники!

Шепчу лазурною, цѣплю жемчужною

Ичитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,

Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Коля одинъ стоялъ на сценѣ, всѣ мысли его и всѣ рѣшенія сразу вспыхивали. И передъ нимъ на сценѣ же стоялъ Сема юродивый въ своей шапкѣ - барабанѣ съ бубенцами и, молча, показывалъ рукою то на сердце себѣ, то вверхъ на звѣзды.

Коля нагнулся, поднималъ картузь и, не оглядываясь, пошелъ въ домъ.

А Сема юродивый все стоялъ на одномъ мѣстѣ и показывалъ то на сердце себѣ, то вверхъ на звѣзды.

О. Гавріиль, свистѣвшій землянымъ лягушенкомъ, визжалъ теперь настоящей свиньей, но никакъ не могли его высвободить. И долго тянули его: тянулъ его дворникъ Кузьма, и городской Максимчукъ въ голубой лентѣ и со звѣздою, и

кухарка Степанида, и Прасковья, и горничная Маша. И наконец-то высвободили, высвободился о. Гавріиль, да со страху бѣжать, только кудри развѣваются.

— О Гавріиль, батюшка, о. Гавріиль, ряску забыли!— кричали ему вдогонку.

Куда тамъ! Богъ съ ней, и съ рясой!

Такъ и сбѣжалъ о. Гавріиль.

Такъ и кончилось представленіе.

Варенька заперлась въ своей спальнѣ. Финогеновы съ Алексѣемъ Алексѣвичемъ тихонько на верхъ прошли.

И долго сидѣли они на верху вокругъ самовара, какъ всегда.

Приготовленные къ подношенію дубовые вѣнки, зеленые, глядѣли со стѣнъ дѣтской.

Алексѣй Алексѣвичъ взволнованно ходилъ взадъ и впередъ.

Храпѣла Прасковья: ей тоже не мало за день досталось съ театромъ!

— Ужъ зимой непременно устроимъ, настоящій театръ, здѣсь устроимъ на верху или въ залѣ!—говорилъ Саша.

— А на будущій годъ можно и занавѣсъ такой повѣсить, настоящій. И все играть будемъ!—вторилъ ему Петя.

Сжавшись, сидѣлъ Коля, какъ тогда послѣ порки, сидѣлъ у окна. Его до крови искусанныя губы вздрагивали, и сухимъ блескомъ горѣли темные съ поволокой глаза. Онъ какъ сѣлъ къ столу, такъ и сидѣлъ, молча.

„Пожаръ какой, пожаръ пуцу! — метались мысли его, и вдругъ нестерпимо больно жгло гдѣ-то въ сердцѣ:—или умереть?“.

Женя все морщился: начиналась у него всегдашняя его боль гдѣ-то надъ самыми бровями.

Алексѣй Алексѣвичъ взволнованно ходилъ взадъ и впередъ.

А тамъ, у пруда по саду, осень шла—красавица, по-

слѣдніе прощальные дни— упоенье несказанное. Осень шла, разсыпала по небу серебряные камушки, сзывала хороводы бѣлыхъ звѣздъ. Осень шла, поднимала по саду золотыя хоругви, уставляла хоругвями черный прудъ.

А тамъ у качельныхъ столбовъ, гдѣ висѣла афиша—зеленый чортъ, зеленый чортъ, дымный, какъ дымъ густой, въ звѣздной ночи зажегъ зелеными огоньками свои хохочущіе глазки и, извивая длинный хвостъ, раскачивался на влажной перекладинѣ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Прекрасная мати-пустыня.

Коля не скоро успокоился, долго не могъ онъ забыть театръ подъ качелями, нѣтъ-нѣтъ да и схватить боль и замучаетъ, замучаетъ, хотъ и не глядѣлъ бы на свѣтъ Божій. Но и эта боль — пощечина, какъ когда-то порка, переболѣла, и онъ забылъ о пощечинѣ, какъ когда-то о поркѣ передъ кѣтомъ.

Началось ученье, пошли всякія заботы.

Раннимъ утромъ, чуть еще брежжутъ осеннія будни, и рѣдкимъ звономъ печально звонятъ въ Боголюбовомъ къ средней обѣднѣ, Женья и Коля отправлялись въ училище.

Слякотное небо, слякотныя улицы, будто тифозныя, раздирали мутныя, измученныя бредомъ глаза. Къ церковнымъ напертямъ подносили покойниковъ, бѣдныхъ, съ колыхающимся желтымъ казеннымъ покровомъ вдоль досчатыхъ дешевыхъ гробовъ и пахло перегорѣлымъ дешевымъ ладаномъ и гнѣющей, заразной сыростью, и стаи воронъ, каркая, кружились надъ измокшими деревьями въ палисадникахъ.

И такимъ отдаленнымъ казалось тогда Колѣ то его будущее, которое непременно придетъ, своевольное и огромное, то его будущее, котораго хотѣлось ему и о которомъ рѣдкій часъ, хоть и смутно, но съ такимъ жаромъ не мечталъ онъ.

Быть ему богатыремъ, сѣрымъ волкомъ, спасать ему Ивана-Царевича, быть ему апостоломъ Петромъ и никогда не отречься отъ Христа и не предать Его и не заснуть въ Гесеманскомъ саду, быть ему такимъ высокимъ, какъ любимый французъ учитель, и носить штиблеты, какъ у Мити, безъ стука, быть ему о. Глѣбомъ и повелѣвать бѣсами, только чтобы съ глазами остаться, или нѣтъ, не сѣрымъ волкомъ, не апостоломъ Петромъ, не французомъ, не о. Глѣбомъ, а быть ему такимъ, какъ самъ Огорѣлышевъ Арсеній, да, какъ Огорѣлышевъ и еще повыше.

Коля давно ужъ понялъ, что Арсеній - особенный, какихъ мало, а можетъ быть, и вовсе нѣтъ такихъ, и также понялъ, что дѣлаетъ Арсеній какое-то свое большое дѣло отъ котораго зависитъ не только жизнь города, но и всей Россіи.

И вотъ когда-то-нибудь, въ своевольномъ будущемъ своемъ, станетъ Коля такимъ, что и самъ Арсеній, который теперь презираетъ его, первый ему поклонится, заговорить съ нимъ, ну заговорить съ нимъ, какъ съ равнымъ.

Но Арсеній не презиралъ Колю, тутъ Коля ошибался. Изъ всѣхъ Финогеновыхъ онъ выдѣлилъ Колю, видя въ немъ свою породу огорѣлышевскую. И вотъ почему не къ Женѣ, а къ Колѣ придирался Арсеній и не спускалъ Колѣ ни одной шалости.

Арсеній нерѣдко наѣзжалъ въ Огорѣлышевское училище, и пріѣздъ его былъ для Коли самой тягчайшей минутой и безъ того обузной классной жизни: приходилось забираться въ убожную и тамъ высидиваться, а то не миновать—подзоветъ, придерется и выругаетъ.

Уроки тянулись надоѣдливо, кажется, все изводило батюшка-законоучитель, по прозвищу Китаецъ, обличалъ Финогеновыхъ, какъ позорящихъ Огорѣлышевскій домъ, благочестіе коего засвидѣтельствовано многими христіанскими добродѣтелями. учитель русскаго языка Иниховъ-Химера вылавливалъ въ классныхъ сочиненіяхъ вольнодумства, постоянно угрожая доносомъ.

И одно было развлеченіе: книга. Въ партѣ на лысомъ ранцѣ постоянно лежала у Коли книга, и съ каждой перемѣной убывали правыя страницы, какъ съ каждой четвертью убавлялись баллы по поведенію. За книгу особенно преслѣдовали Колю.

Но вотъ кончалась недѣля и наступало, наконецъ, воскресенье.

До ранней обѣдни у Финогеновыхъ обыкновенно шла епѣшка: подчищались, вымарывались да подправлялись колы и двойки, полученные за недѣлю.

Всякій разъ въ воскресенье послѣ ранней обѣдни Игнатій просматривалъ Финогеновскіе балльники и всегда оставался недовольнымъ. Глядя куда-то въ сторону, Игнатій ровно, безъ всякаго раздраженія, какъ настоящій англичанинъ, говорилъ одно и то же—о финогеновской лѣни и шалопайствѣ, и всякій разъ поминалъ Сеню, который меньше пятерки никогда не имѣлъ, и всякій разъ поучалъ, что Финогеновымъ надо учиться, хорошо учиться, потому что средствъ у нихъ къ жизни никакихъ нѣтъ, и что живутъ они на чужой счетъ, на ихъ счетъ—на огорѣлышевскій, а если будутъ такъ плохо вести себя, то ихъ исключатъ, или Огорѣлышевымъ самимъ придется взять ихъ изъ училища и отдать въ сапожники...

Вернувшись домой отъ Игнатія, Финогеновы кропотливо восстанавливали отмѣтки въ своихъ балльникахъ: опять выводились колы и двойки съ росчерками и замысловатыми

завитушками грека, русскаго, историка, физика. И тутъ Коля голова, потому что рука его—подъ всѣ руки.

Наступившая осень принесла съ собою много событій.

На Воздвиженіе умерла бабушка Анна Ивановна. Умерла бабушка одна въ палатѣ для слабыхъ, и похоронили ее въ общей могилѣ. Извѣщеніе о смерти ея пришло къ Финогеновымъ много спустя послѣ похоронъ.

Въ послѣдніе годы не такъ ужъ часто приходила бабушка къ Финогеновымъ—съ конца на другой конецъ города тяжело ей было, и не такъ долго заживалась она у Финогеновыхъ—ни помочь, ни сдѣлать ничего не могла, ослабла, а безъ дѣла жить обузой—совѣстно.

Еще лѣтомъ до театра, предчувствуя, должно быть, конецъ свой, бабушка, не разстававшаяся со своей любимицей, кошкой Маруськой, нѣтъ-нѣтъ да спрашивала Финогеновыхъ: придутъ ли они къ ней на отпѣваніе, принесутъ ли цвѣточковъ?

— И ты, Колюшка,—выдѣляла бабушка своего любимаго Колю, поглаживая Маруську,—придешь, вспомнишь, какъ духовъ въ табакъ подливалъ, а мнѣ и хорошо будетъ, свѣтло изъ гроба смотрѣть, и сердцу весело.

— Бабушка, я тебѣ никогда духовъ не подливалъ!—какая Коля.

— Подливалъ, душа моя, помню хорошо.

— Бабушка, это не духи я тебѣ подливалъ...

А у бабушки только тряслись ея лиловыя губы и прыгаль длинный сѣдой, серпомъ завитой волосъ на бородавкѣ,—бабушка плакала.

Вмѣсто бабушки къ Финогеновымъ стала ходить тоже богодѣлка, сестра Прасковьи, Арина Семеновна—Эрихъ и проклятый или просто по-будничному Эрихъ. Въ очкахъ, поводя табачнымъ носомъ, выскивала Эрихъ всюду и вездѣ одни непорядки, а нюхала не хуже бабушки.

За бабушкой ушелъ на тотъ свѣтъ огорѣлышевскій приказчикъ Михайлъ Ивановичъ—должно быть, задохся старикъ среди своихъ безчисленныхъ клѣтокъ: три дня не выходилъ онъ изъ своей конторы, три дня не показывался на огорѣлышевскомъ дворѣ, и нашли его ужъ мертвымъ—полна комната птицъ, летаютъ птицы—и узнать нельзя, весь исклеванъ. Такъ исклеваннаго и похоронили, а птицъ всѣхъ на волю выпустили—Душка-Анисья такъ посовѣтовала.

За приказникомъ Михайломъ Ивановичемъ приказалъ долго жить—обманулъ старичекъ, Покровскій священникъ, какъ любилъ самъ покойникъ о покойникахъ отзываться. Коля почему-то былъ увѣренъ, что изъ батюшки непременно монцы будутъ, но батюшка на другой же день испортился. Душка-Анисья, тоже ожидавшая нетлѣнія, весь грѣхъ приписывала лѣкарствамъ.

— Отъ лѣкарства и не такіе угодники портились!—говорила Душка-Анисья.

На освободившееся мѣсто къ Покрову назначили молодого священника. Новый священникъ и отецъ духовный о. Сергій, впрочемъ отцомъ никто не захотѣлъ его звать, а просто Сергѣемъ Семеновичемъ, получилъ отъ Финогеновыхъ прозвище Польскій священникъ, къ которому появилось и добавленіе: неужели ты пріѣхалъ. Страстный охотникъ говорить проповѣди, въ одной изъ проповѣдей своихъ, путанныхъ и не особенно-то складныхъ, Сергѣй Семеновичъ, изображалъ какого-то пропавшаго друга и встрѣчу съ нимъ и хотѣлъ щегольнуть діалогомъ, но спутался и повторялъ одну и ту же фразу—„Неужели ты пріѣхалъ?“—пока въ церкви не поднялся хохотъ. Финогеновы обращались съ Сергѣемъ Семеновичемъ за панибрата.

Немного пережилъ своего старика священника Покровскій пономарь Матвѣй Григорьевъ. И не отъ того, что пупокъ у него перешелъ на спину, померъ пономарь, а грѣхъ его полуталъ, какъ послѣ говорилось и на Огорѣлышевскомъ

дворѣ и у Покрова за всенощной. Полѣзъ Матвѣй Григорьевъ по лѣстницѣ поникадило зажигать, ножки у лѣстницы и раздвинулись, лѣстница покачнулась, а онъ съ высоты-то и чертыхнись, чертыхнулся и грохнулся объ полъ, да такъ головой прямо о плиты, инда черепъ треснулъ. На его мѣсто опредѣлился Петръ Егорычъ съ подрѣзаннымъ горломъ, очень смирный: когда-то, въ молодости, хотѣлъ онъ зарѣзаться и неудачно.

Умеръ и огорѣлышевскій ночной сторожъ Аверьянычъ, изрыгавшій сквернословіе, какъ молитву какую. Нашли Аверьяныча въ сторожкѣ съ грязною тряпкою во рту беззубомъ и ужъ окоченѣвшаго. Самъ ли онъ отъ болѣй своихъ тряпку закусилъ, или Богъ покаралъ за сквернословіе, такъ и осталось невыясненнымъ.

— Войдешь, бывало, дѣвушка, въ сторожку, — долго послѣ вспоминала Прасковья, — а Аверьянычъ спитъ, „Что ты, скажешь, спишь, оглашенный?“ А онъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало: „Не спалъ я, дѣвушка, я пѣсни пѣлъ!“ Что ужъ забьетъ себѣ въ голову, на томъ и станетъ, не человѣкъ, а упоръ какой-то!

На мѣсто Аверьяныча поставили кузнеца, сказочника Ивана Данилова, окривѣвшаго отъ искры на правый глазъ и негоднаго ужъ для кузницы.

Изодохъ котъ Наумка, Колинъ любимецъ.

Вырылъ Коля ямку, положилъ кота въ ящикъ, убралъ его усатую мордочку воздвиженскими любимыми астрами. И, какъ когда-то играя въ большіе священники, отслужили Финогеновы наверху обѣдню, отпѣли кота, и зарыли его подъ вербой. А на качельномъ столбѣ выскоблилъ Коля коту эпитафію:

„Наумка — мой ровесникъ, жилъ на землѣ тринадцать годовъ и одинъ годъ, пѣлъ мнѣ пѣсни, не любилъ политани. Милый мой коташка!“

Сапожника Филиппка, Степанидина сына, засадили за воровство въ острогъ.

Въ Сергіевъ день о. Гавріила рукоположили въ іеромонахи и вмѣстѣ съ преосвященнымъ Хрипуномъ перешелъ онъ въ Лавру и больше не бывалъ у Финогеновыхъ,—далеко. Прощаясь, о. Гавріиль, имѣвшій привычку цѣловаться съ прикусомъ, искусалъ всѣхъ Финогеновыхъ и даже очень больно. Ну, когда-то еще разъ придется имъ свидѣться,—Лавра далеко.

Вернулся изъ-за границы Сеня Огорѣлышевъ, и какой важный! И къ Финогеновымъ ужъ не зашелъ Сеня, а встрѣтили его Финогеновы въ огорѣлышевскомъ домѣ внизу въ конторѣ, гдѣ по воскресеньямъ послѣ ранней обѣдни Игнатій балльники финогеновскіе провѣрялъ. Холодно поздоровался Сеня, и Финогеновымъ ужъ неловко показалось Сеней его называть, но и Семеномъ Арсеньевичемъ не выходило, впрочемъ, весь разговоръ-то вышелъ очень кратокъ. Одного Сашу онъ пригласилъ съ собой въ свою комнату и подарилъ наусники, на ночь на усы надѣвать, чтобы усы кверху торчали по-нѣмецки, какъ у Вильгельма. У Сани чуть только пробивался пушокъ на губѣ, и наусники Сенины ему были ни къ чему, но онъ все-таки ихъ взялъ. И одно время наусники эти занимали Финогеновыхъ: ихъ надѣвалъ на ночь совсѣмъ еще безусый Петя и, конечно, безъ толку, раза два спалъ въ нихъ и Коля. Такъ наусниками и кончилась дружба съ Сеней,—видно не вернуть ужъ стараго: поѣхалъ за границу Сеня, а вернулся Семень Арсеньевичъ Огорѣлышевъ.

Горничная Маша, какъ говорили, путаться стала, и Машу Варенька прогнала.

Уходя отъ Финогеновыхъ, Маша на весь домъ плакала: ей уходить не хотѣлось, привыкла она и къ дѣтямъ и къ дому. А Колѣ было такъ горько: такъ бы, кажется, и уцѣпился онъ за ея бѣлую юбку въ маленькихъ голубенькихъ цвѣточкахъ и никогда и никуда не отпустилъ бы отъ себя.

И Маша въ воображеніи его сливалась теперь съ Вѣрочкой, которую онъ изрѣдка встрѣчалъ на улицѣ, но ужъ не кланялся.

— Погибла, дѣвка, погибла,—прощалась Прасковья съ Машей, и трясущейся рукой сунула въ горячую руку пропащей свой отложенный на черный день дорогой рубль,—заходи когда, чего тамъ: всѣ мы... таковскія.

Машу замѣнилъ Митя, сынъ Прасковьи, половой изъ трактира, окрещенный Финогеновыми въ первый же день Прометеемъ. Прометей помѣстили въ дѣтской, а Прасковью перевели въ столовую за занавѣску.

Къ Прометею Финогеновы очень скоро привыкли. Вечерами нерѣдко, какъ когда-то Женѣ и Колѣ, Петя диктовалъ Прометею и за какой-нибудь мѣсяцъ наловчился Прометей до золотой медали, какъ самъ хвасталъ Алексѣю Алексѣвичу.

Какъ у Вареньки наступалъ періодъ писемъ, такъ въ извѣстный срокъ на Прометей запой находилъ.

Въ запоѣ Прометей забрасывалъ всякую работу, бралъ гармонью и цѣлый день игралъ одно и то же. А когда начинало смеркаться, въ сумерки вдругъ охватывало его безпокойство: онъ поминутно вскакивалъ и все порывался идти куда-то, домой куда-то...

— Домой пойду!—бормоталъ Прометей въ минуты своего крайняго безпокойства и весь тянулся, пока не падала изъ рукъ гармонья и не выскакивалъ самъ на улицу. И всю ночь пропадалъ онъ по всякимъ притонамъ и лишь къ утру возвращался къ Финогеновымъ нагишемъ.

Всякій разъ Варенька выгоняла его, и только послѣ просьбъ Прасковьи и всѣхъ дѣтей и раскаянія самого Прометей и клятвъ его, что больше съ нимъ такого никогда не произойдетъ, онъ снова принимался голодный и потемнѣвшій.

Въ будни носилъ Прометей тужурку съ серебрянными пуговицами,—сдѣлана была эта тужурка изъ старой изодран-

ной Сашиной шинели, на ногахъ его шмыгали резиновые калоши.

Въ праздники же надѣвалъ Прометей свою коричневую визитку, и штиблеты безъ стука.

— Какъ у настоящего солитера!—вертѣлся Прометей передъ зеркаломъ и охорашивался,—пройтись теперь, да дѣвченку подцѣпить, эхъ-ма!

Въ праздникъ, вдохновляясь, должно быть, своей визиткой, какъ у настоящего солитера, часто Прометей рассказывалъ Финогеновымъ приключенія изъ своей трактирной жизни и восторгался, вспоминая трактирныхъ гостей: и тѣми, у кого деньги какъ лебеди, такъ и летѣли, и тѣми, кто хорошо ему на чай давалъ.

— Не то, что шпильникъ какой: натрескается, набѣгаешь всѣ ноги изъ-за него, а онъ тебѣ еще въ морду!—и при этомъ сплевывалъ въ сторону тоненькимъ плевкомъ.

За трактирными приключеніями слѣдовали у Прометея воспоминанія изъ жизни Зоологическаго сада, гдѣ однажды занималъ Прометей трудную и небезопасную должность при слонѣ: за двадцать пять рублей приводилъ онъ слона въ чувство во время случки.

— Цѣлый день подъ слономъ! И хоть бы медаль полагалась, хуже каторги!—возмущался Прометей.

У Петра Егорыча съ подрѣзаннымъ горломъ филиновъ голосъ, у Прометея и такого не было,—родятся такіе совсѣмъ безголосые люди, но согласиться съ этимъ, лучше помереть, одинъ конецъ, и длинно вытягивая свои безкровныя губы и присѣдая, Прометей пѣлъ.

— Ну-ка послушайте,—останавливалъ Прометей кого-нибудь изъ Финогеновыхъ, и пѣлъ,—какъ, ловко? Не хуже протодьякона вывелъ, ловко?

— Прометей, а Прометей!—приступалъ не безъ лукавства Коля,—хвати, Прометей, многолѣтіе съ перекатами!

Прометей ничего не замѣчалъ и оралъ, онъ оралъ во

ною мочь, и, должно быть, самому ему слышались большіе звуки, онъ оралъ и хрипѣлъ; пока не саднило въ горлѣ.

Когда приходилъ къ Финогеновымъ Алексѣй Алексѣвичъ и начинались всякіе разговоры о книгахъ, Прометей внимательно прислушивался и, улучивъ минуту, весь изгибаясь, таинственно задавалъ вопросы и совѣмъ не идущіе къ дѣлу. Любимый вопросъ Прометея—война.

— Не грянетъ ли сызнова война, и не объявился ли гдѣ Наполеонъ?

На верху надъ кроватью Прометея висѣла раскрашенная картина—портретъ Наполеона.

— Какая еще тутъ война! — огорашивалъ Прометея Алексѣй Алексѣвичъ,—и такъ у насъ народъ мретъ отъ голода, Богъ съ ней съ войной, одно безобразіе!

Прометей не сдавался: голодъ голодомъ, а война—священное дѣло великаго человѣка. Самъ Прометей—великій человѣкъ, такимъ онъ самъ считалъ себя, онъ только не имѣлъ еще повода обнаружиться. Обнаружить Прометея война.

Но Алексѣй Алексѣвичъ стоялъ на своемъ: не надо никакой войны, и не будетъ войны.

— И жить не стоитъ, коли такъ,—примолкалъ Прометей, и весь истощенный, спитой, жаждущій отличиться, онъ горбился больно и, покручивая свои крысы хвостики, отходилъ къ столу, отыскивалъ клочекъ бумаги и съ какимъ-то отчаяніемъ своимъ затѣйливымъ красивымъ почеркомъ выводилъ подпись съ росчеркомъ и завитушками:—„Генералъ-лейтенантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, наказный атаманъ Войска Донского, генералиссимусъ Дмитрій—Прометей Мирскій“.

Частныя ли встрѣчи съ о. Глѣбомъ, или такъ ужъ душа повернулось, въ душѣ Саши произошелъ рѣзкій переломъ: изъ болтуна онъ превратился въ замкнутого и скрытнаго, всѣхъ избѣгать сталъ, сталъ уединяться, или сидитъ и чи-

таетъ или молится, и рисовать сталъ только иконы. Лицо его еще больше зоострилось, а сѣрые глаза залучились.

Съ наступленіемъ зимы, вечеромъ на верху въ дѣтской, гдѣ когда-то бабушка рассказывала сказки и читала евангеліе, за которымъ слѣдовала Капитанская дочка, тамъ, въ дѣтской, гдѣ лѣтомъ еще, такъ недавно, велись нескончаемые разговоры о театрѣ, теперь рассказывалъ Саша житія угольниковъ.

Затихшимъ, изболѣвшимъ голосомъ, проникая въ самую душу, рассказывалъ Саша о подвижнической жизни, о мученикахъ, и о старыхъ скитахъ и о чудесахъ великихъ. И такъ у него хорошо выходило,—видѣлась церковка гдѣ-то среди дремучаго лѣса на днѣ свѣтлаго озера, видѣлась прекрасная мать, пустыня.

Съ замиравшимъ сердцемъ, какъ когда-то сказку о Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ, какъ когда-то Страсти Господни, слушалъ Коля о матери-пустынѣ. И Петя о ней слушалъ, о своемъ мечтая: Петя не выходилъ изъ своего круга—онъ всегда былъ влюбленъ, и сердце его никогда не пустовало.

— А какъ же на счетъ военныхъ дѣйствій?—спохватывался вдругъ Прометей, самъ растроганный Сашиною повѣстью о подвижникахъ, самъ замечтавшій о матери-пустынѣ.

Но какой же разговоръ могъ быть о венныхъ дѣйствіяхъ съ матерью-пустыней въ ея пустынѣ?

— Тамъ овца ляжетъ около тигра,—говорилъ Прометей Саша.

— И жить не стоитъ, коли такъ,—примолкалъ Прометей, и весь истощенный, спитой, жаждущій отличиться, онъ гобрился больно и, покручивая свои крысы хвостики, уходилъ изъ дѣтской внизъ къ чернымъ холоднымъ сѣнямъ и тамъ, въ темотѣ, запершись на задвижку, съ какимъ-то отчаяніемъ оралъ себѣ царское многолѣтіе—Дмитрію Прометей Мирскому.

Алексѣй Алексѣевичъ, не одобравшій Сашинаго увлеченія, избѣгалъ душеспасительныхъ бесѣдъ,—такъ съ насмѣшкою называлъ онъ Финогеновскіе вечера,—и, попадая случайно на Сашину проповѣдь и прослушавъ какой-нибудь рассказъ, онъ съ улыбкой подносилъ Финогеновымъ самое отборное изъ очертѣвшихъ буденъ нашей русской несуразности, нашего несчастья и неудачи.

— А вы въ монастырь итти хотите? душу спасти хотите?—ершился и щетинился Алексѣй Алексѣевичъ.

Но всегда кротки были отвѣты Саши: да, онъ бросить этотъ міръ, ищущій веселья, жить будетъ гдѣ-нибудь въ старомъ скиту за Волгою.

Саша ближе всѣхъ сошелся съ Колей. У Коли появилась страсть: собирая книги, собиралъ онъ и всякія маленькія вещицы, всякихъ игрушечныхъ звѣрковъ и звѣрушекъ, и всѣ они стояли у него на столикѣ съ любимыми книгами. Саша доставалъ Колѣ этихъ звѣрушекъ: принесть и поставить къ нему на столикъ, будто сами пришли.

Медвѣдюшка, подаренный Колѣ Елисемъ Степановичемъ, отцомъ, наканунѣ смерти, фарфоровый глупый медвѣженокъ, занималъ у Коли самое почетное мѣсто. И какъ жалѣлъ Коля, что другой подарокъ отцовскій, змѣйка пропала и ужъ такой нигдѣ не найдешь больше.

— Ничего, Коля,—утѣшалъ Саша,—я тебѣ зайчика достану: зайчикъ капусту ѣстъ, а въ капустѣ музыка.

Алексѣй Алексѣевичъ, приносившій Колѣ книги, головой покачивалъ и ворчалъ не хуже Прасковьи:

— Одинъ въ монахи собирается, другой въ игрушки играетъ!

Съ Рождества дѣтская обратилась въ моленную.

И вышло это само собою: сначала Саша только житія рассказывалъ, потомъ послѣ рассказовъ стали пѣть іермосы и стихиры, а потомъ перешли и къ акафистамъ.

У Саши появились всякія трюды,—доставалъ онъ церковныя книги или у о. Глѣба, или у Сергѣя Семеновича—Польскаго священника. Сшилъ себѣ Саша что-то въ родѣ подрясника. Этотъ подрясникъ выкроилъ Сашѣ финогеновскій портной Павелъ Петровичъ—Поль-Уже, изъ стараго дѣдушкина халата, перешедшаго къ Финогеновымъ вмѣстѣ съ поношеннымъ бѣльемъ отъ Огорѣлышевыхъ.

Игра въ большіе священники приплась кстати. Конечно, обѣденъ теперь не служили, просвирокъ не вынимали, квасомъ не причащались, и никакихъ архіерейскихъ служеній не представляли,—въ моленной совершалось только дозволенное.

За акаѳистами и канонами выстаивали Финогеновы до глубокой ночи, выбивали поклоны и мучили себя всевозможными лишеніями: постились въ среду и пятницу, понедѣльничали, какъ Прасковья, Степанида и покойница бабушка. Ревностнѣе всѣхъ, конечно, былъ Саша, но и остальные не уступали. всѣ старались: и Петя, и Женья, и Коля,—было какое-то соровнованіе другъ передъ другомъ въ самоистязаніи.

Алексѣй Алексѣевичъ одно время почти пересталъ ходить къ Финогеновымъ, а на долгія ночныя службы ихъ даже и заглянуть не захотѣлъ. Алексѣй Алексѣевичъ не зналъ, что и думать о финогеновскихъ затѣяхъ, просто хоть рукой махни и поставь крестъ!

Варенька, обыкновенно остававшаяся одна въ своей комнатѣ, изрѣдка, хоть и нетвердо, а подымалась на верхъ въ дѣтскую на моленье, и какой-нибудь часъ—ничего, она тихо молилась, но наступала минута, и вотъ, кажется, ни съ того, ни съ чего или начинала она насмѣшливо фыркать, или со слезами на глазахъ вдругъ повертывалась:

—Проклятые вы, проклятые!—и, заложивъ руки за спину, шмыгала по-огорѣлышевски внизъ изъ дѣтской, плача и проклиная.

— И отъ Бога грѣхъ, и отъ людей стыдъ!—говорила Прасковья въ кухнѣ за ужиномъ послѣ непонятныхъ выходовъ Вареньки.

Степанида и Прасковья постоянно молились съ Финогеновыми.

Но что было дѣлать Варенькѣ? У ней ни души не было—всегда одна, вѣдь и монахи съ переходомъ въ Лавру о. Гавріила больше не появлялись у Финогеновыхъ, а монахи все-таки, какъ-ни-какъ, развлеченіе, ну, хоть что-нибудь, чѣмъ бы душу отвести,—ничего. И она одна въ своей опостылѣвшей комнатѣ, около своей пропитавшейся водкой шифоньерки, съ тяжелой головой и съ падающимъ сердцемъ проклинала и дѣтей, и себя.

Зачѣмъ она тогда покорилась и, не желая, покорностью своей крестъ на себя взяла, понесла его мучительный, ненавистный—проклятый крестъ.

— Проклятые вы, проклятые! — плакала, проклинала Варенька и себя, и дѣтей.

И казалось, ужъ мѣра переполнилась, и время кончилось, приспѣвалъ ея часъ итти на отвѣты.

Финогеновы въ Великій постъ еще усерднѣе отправляли свои ночныя службы, а Сапа даже говѣлъ на Первой недѣлѣ. Правда, и тутъ на великопостныхъ стояніяхъ, не обходилось безъ вывертовъ къ большому огорченію Саши. На Пятой недѣлѣ Великаго поста, на стояніи Маріи Египетской, послѣ канона за сенаксаремъ Коля, строясь приходскимъ старостой отъ Покрова, прошелся съ тарелкой, а сзади Коли, будто просвирия семенялъ Женя съ блюдечкомъ. Распѣвая на разные гласы іермосы, представляли Финогеновы соборныхъ дьяконовъ Назамѣтно и, можетъ быть, невольно переходили они къ игрѣ, къ старому—къ игрѣ въ большіе священники.

Пришла весна, подкралась къ финогеновскимъ окнамъ,—рамы вонъ. И въ вѣтрѣ, заводящемъ воркотню въ трубѣ, и въ глухо сбѣгающихъ съ крышъ капляхъ зашептала она,

заманила за собой итти. И какая синяя да большущая за монастыремъ полегла туча, раздавить она бѣлую колокольню, бѣлыя башенки!

— Не люблю я этого фарисейства, — ворчалъ Алексѣй Алексѣвичъ, съ весною снова зачистившій къ Финогоновымъ, а самъ подбиралъ на рояли Стихъ о Іосафѣ царевичѣ индѣйскомъ:

Прекрасная мати пустыня,
Пріими мя въ свою густыню!

По случаю поздней Пасхи экзамены у Финогоновыхъ начались рано.

Прометей не меньше Финогоновыхъ тревожился, и заучивалъ съ ними теоремы и вынималъ билетки, какъ на экзаменѣ.

Ура, латинскій порѣшили!
Геометрія дрянная
Лѣзетъ въ голову весь день...

—распѣвалъ Прометей собственный стихъ на голосъ пѣсни въ честь славнаго казака, объѣхавшаго на конѣ Сибирь: Ура! Пѣшковъ, тебѣ награда...

Приближалась Пасха. Дождались, наконецъ, Финогоновы Вербной субботы, и распустили ихъ на праздники.

Еще съ Чистаго понедѣльника Страстной недѣли взяли Финогоновы за лѣпленіе изъ маленькихъ свѣчекъ и огарковъ одной огромной свѣчи: свѣча предназначалась для крестныхъ ходовъ въ Великою Субботу и въ ночь подъ Пасху, — никакой вѣтеръ не загаситъ этой свѣчи и никакой дождь не зальетъ.

Въ Великою Пятницу Финогоновы до Плащеницы ничего не ѣли, а послѣ Плащеницы всего только по одному финику. Былъ, конечно, грѣхъ: и Петя, и Женья, и Коля отщипнули себѣ по кусочку пасхи для пробы, — хороша ли

выйдетъ пасха, надъ которой такъ много потрудились, сами растирая творогъ и размѣшивая его лопаточкой.

На утрѣнѣ въ Великую Субботу Петья въ первый разъ жуткимъ распѣвомъ читалъ надъ Плащеницей паримію— Іезекіилево чтеніе: „Бысть на мнѣ рука Господня...“ А за обѣдней, когда священникъ и дьяконъ снимаютъ черныя ризы и облачаются въ бѣлыя, Петья одинъ пѣлъ „Воскресни Боже, суди земли!“—и на такой театральнѣй ладъ, что Сергѣй Семеновичъ—Польскій священникъ изъ алтаря кашлять принялся, а Петръ Егорычъ вдругъ выскочилъ на амвонъ и затянулъ по своему своимъ подрѣзанымъ горломъ,—и грѣхъ и смѣхъ.

Такъ проходили дни весело и хорошо, никогда еще не было такъ хорошо, какъ въ этотъ годъ въ страстные дни, а сколько вспыхнуло живымъ огнемъ всякихъ финогеновскихъ затѣй—проказъ.

А тутъ еще Сѣма юродивый всѣхъ со смѣху уморилъ! Въ Великую Субботу, когда вернулись Финогеновы изъ церкви, появился Сѣма на дворѣ и не одинъ, а съ теленкомъ, и тащить теленка прямо къ Финогеновымъ на кухню.

— Вамъ,—говорить,—пригодится!—а самъ потряхиваетъ головой—барабаномъ, звенитъ бубенцами.

Степанида за теленка Сѣму поблагодарила, повела теленка въ сарай, поставить, а Сѣма взялъ ведро и ну крыльцо мыть, а какъ вымылъ крыльцо, снялъ съ себя всѣ свои лохмотья да при всѣхъ этой грязной водой и окатился.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Монахъ.

Съ обѣда Финогеновы легли отдыхать, только Коля все не ложился, все копался: то его развлекалъ Семинъ теленокъ, и онъ не выходилъ изъ сарая, то прибиралъ свой столикъ съ звѣрками и звѣрунками. И ужъ солнце, насмотрѣвшись на прудъ, на молодую травку, закатилось, и тучи, плывшія надъ домомъ, повернули куда-то за Чугунный заводъ, и сумерки тихо завѣсили окна, только тогда утомился Коля и, не раздѣваясь, прикурнулъ на кровати.

И показалось Колѣ, вошелъ будто въ дѣтскую нищій-старикъ, весь такой сгорбленный, измодѣлый, на покойника ночного сторожа Аверьяныча похожъ, штаны сѣрые, мышинные, и сталъ нищій передъ кроватью.

— Чего тебѣ нужно?—будто спрашиваетъ Коля у нищаго.

А нищій смотреть на него и молчить, и какъ-то не спроста молчить.

— Кто ты?—спрашиваетъ Коля.

А ницѣй все молчить, смотреть, такъ смотреть, словно едѣла въ надѣ Колей что-то собирается и такое страшное и неоправимое, и не уйти ужъ никуда ему отъ нищаго.

Тутъ у Коли захолонуло на сердцѣ, руки одервенѣли, и мысли помутнѣлись. И ужъ видѣлось ему другое, шелъ онъ будто по деревнѣ—по рассказамъ Степанидиной Авдотьи онъ узналъ, ихъ деревня, Папоротня: бѣлая церковка и двѣ покатыя стѣны почернѣлыхъ избъ. Мужики и бабы, толкаясь, обгоняли его. Было тихо. Необыкновенно красное солнце медленно заходило за колокольню, и ярко-зеленыя тучи крылатыми чудовищами мчались по небу. И вотъ какая-то краснощекая баба въ красномъ платкѣ выскочила изъ воротъ и, расталкивая мужиковъ, оступаясь и прихрамывая, побѣжала вдоль улицы, а надъ ея головой горѣлъ острый кухонный ножъ. И всѣ, словно обезумѣвъ, бросились за ней. Коля шарахнулся въ сторону да къ избѣ, стукнулся въ избу, отворилъ дверь и, очутившись въ избѣ, будто очнулся.

„Завтра Пасха,—метались его всполошившіяся мысли,—Пасха пришла, а я здѣсь одинъ въ черной избѣ!“

И вдругъ задрожалъ весь: въ избу вошелъ къ нему ницѣй — старикъ, весь такой сгорбленный, измодѣлый, на покойника ночного сторожа Аверьяныча похожъ, питаны сѣрые мышиные. Но не Аверьянычъ, совсѣмъ это былъ не Аверьянычъ, на волосатомъ пальцѣ его игралъ драгоценный перстень, какъ у отца, и что-то было въ немъ такое страшное и неоправимое и неизбежное.

Коля вскочилъ къ окну, хотѣлъ выскочить, но въ эту минуту острый кухонный ножъ вспыхнулъ надъ нимъ, захолодѣло сердце, и онъ открылъ глаза.

Въ Боголюбскомъ монастырѣ звонили къ Дѣяніямъ.

Этотъ звонъ погребальный, пѣлъ звонъ свою страшную пѣсню надъ всѣмъ домомъ, надъ Пасхой и надъ Христомъ. И было такъ горько, словно уходилъ кто-то, дорогой безконечно.

— Коля, вставай! — Саша подошелъ къ Колиной кровати, — къ тебѣ Коля зайчикъ пришелъ тотъ самый: зайчикъ ѣстъ капусту. въ капустѣ музыка!

Коля не обрадовался игрушкѣ-зайчику, котораго такъ хотѣлъ онъ. не подошелъ къ своему столику, самъ онъ себѣ казался въ эти минуты такимъ хрупкимъ, словно все тѣло его просѣтилось, и слышалъ онъ и чувствовалъ и самый малый шорохъ, и вотъ онъ переломится или растаетъ въ воздухѣ, и тоска заливала все его сердце. Коля заторопился переодѣться: всѣ уже на ногахъ были -- и Петя, и Женя, и Прометей въ своей коричневой визиткѣ и въ штиблетахъ безъ стуку.

Финогеновы собрались спозаранку.

Забрали они куличи, пасхи, и свѣчу, которую никакой вѣтеръ не загаситъ и никакой дождь не зальетъ, и пошли въ церковь. А ночь была беззвѣздная, пасхальная, и прудъ казался чернымъ, и темень былъ дворъ. только въ кабинетѣ Арсенія мигалъ его будничный зеленый огонекъ.

И красный Финогеновскій флигель опустѣлъ.

Недомогавшая Прасковья осталась домъ караулить.

Прасковья прошла въ залу, зажгла лампадку передъ Спасителемъ съ золотымъ краснымъ голубкомъ на сіяніи, постояла передъ образомъ, вспомнила покойницу бабушку Анну Ивановну, и приказчика Михаила Ивановича, и батюшку старичка Покровскаго, и Матвѣя Григорьева, и сторожа Аверьяныча, и Машу горничную, — гдѣ-то она теперь треплется, какъ нитка? — и Филиппка Степанидѣинова -- острожника, кормить, сердечный, вшей! — и о. Гавріила Маврскаго, помолилась за Митрія раба и за сестру Арину и, крестя окна, пошла по залѣ. Заглянула Прасковья въ зеленую банку къ голодному аксолоту, поправила пальму у рояля и, не тоная, по ковру прошла въ гостиную и тамъ провела рукой по дивану и, поднявъ обѣлку, пошарила подъ дива-

номъ и, отвертываясь отъ зеркала, послушала подъ дверью къ Варенькѣ—нѣтъ, у Вареньки тихо было и только нагорѣвшій фитиль лампадки передъ кіотомъ потрескивалъ. Перекрестила Прасковья дверь къ Варенькѣ и назадъ изъ гостиной, и въ залѣ еще разъ помолилась, и черезъ прихожую вышла въ столовую. И въ столовой, крестя двери и окна и углы холодные, окрестила она и льва, и бенедиктинца-монаха, и священное коронованіе, и черезъ кухню на дыпочкахъ прошла въ гардеробную и опять послушала у дверей Вареньки—нѣтъ, у Вареньки тихо было, и только нагорѣвшій фитиль лампадки передъ кіотомъ потрескивалъ. Измаялась вся, присѣла старуха на кованный устюжскій сундукъ,—неспокойно ей было, ей все чудилось: ходитъ кто-то, не то по чердаку, не то въ черныхъ сѣняхъ, лѣзетъ кто-то по террасѣ что ли и ногой топаешь,—встала она съ суднука, и крестя двери и углы холодные, побрела по лѣстницѣ на верхъ въ дѣтскую и тамъ прилегла до звона на кровать своего Мити—Прометея. Но не успѣла она глазъ завести, какъ попала въ свою страшную комнату, и они—черненькіе въ куроточкахъ прокрались въ ея страшную комнату.

А тамъ у Вареньки было тихо, и только нагорѣвшій фитиль лампадки передъ кіотомъ потрескивалъ.

Монахъ съ красивымъ лицомъ и разсѣченной бровью, изъ которой тихо, капля за каплей, сочилась густая темная кровь, монахъ въ ярко-зеленой шуршащей, шелковой рясѣ, держалъ передъ ней деревянный темный крестъ, обшитый неровной зазубренной жостью.

Какъ сквозь аксолотово зеленое стекло, видѣла Варенька этого страннаго монаха и не двигалась съ мѣста, она закрывала глаза, стараясь отогнать видѣніе и долго сидѣла съ закрытыми глазами.

Монахъ съ красивымъ лицомъ и резсѣченной бровью, изъ которой тихо, капля за каплей, сочилась густая темная

Кровь, монахъ въ ярко-зеленой шуршащей шелковой рясь держалъ передъ ней деревянный темный крестъ, обшитый неровной зазубренной жестью, и вдругъ изогнулся весь и бросился на Вареньку.

И они бѣжали по комнатѣ, и монахъ пропалъ и появлялся, и настигалъ и хваталъ ее. И глядѣли на нихъ въ тишинѣ присмирѣвшія стѣны, и высокій темный кіотъ со всѣми ликами, и гнѣвными, и скорбящими. Обезсиленная, измученная, перепуганная на смерть, бросилась Варенька въ гардеробъ и забилась въ платя. Но ужъ поздно, нѣтъ ей защиты: крѣпкая, костлявая рука монаха нащупала ее, схватила ее тамъ, вцѣпилась и, вытащивъ вонъ, кинула ничкомъ на кровать.

И тогда хрустнула спина ея подъ навалившейся тяжестью чернаго креста.

Монахъ не уходилъ, монахъ, шурша своей ярко-зеленой шелковой рясой, расхаживалъ у шифоньерки, нагѣвая старческимъ голосомъ барыню:

Ты, барыня—барыня
Сударыня—барыня...

Не шелохнувшись, въ смертельномъ ужасѣ лежала Варенька, не шелохнувшись, внизъ головою лежала она и много больше ея роста во всю кровать деревянный темный крестъ, обшитый неровной зазубренной жестью, насѣдая, приплюскивалъ ея тѣло, и острый гвоздь креста царапалъ ей темя.

Ты, барыня—барыня
Сударыня—барыня...

И въ знакомомъ нагѣвѣ слышались ей другіе страшно знакомые, страшно близкіе, такіе близкіе, такіе вѣрные, такіе родные нагѣвы. Надо что-то вспомнить ей, надо что-то сдѣлать ей, непременно сдѣлать, и уйдетъ монахъ, уне-

есть свой крестъ. Ахъ да, въ ту звѣздную зимнюю ночь, когда она бродила по сугробамъ вокругъ пруда, загляды-
вала въ черную дымящуюся прорубь, зачѣмъ она тогда до-
мой вернулась, зачѣмъ она покорила? И тамъ тогда, въ
чужомъ дикомъ домѣ за Большой рѣкой, зачѣмъ она, по-
корная, прожила свои пять лѣтъ и дѣтей рожала, нежеланныхъ
и проклятыхъ дѣтей? Нѣтъ, ей надо все поправить, сейчасъ же,
сию минуту, и уйдетъ монахъ, унесетъ свой крестъ.

Ты, барыня—барыня
Сударыня—барыня...

Гвоздь креста, царапая ей темя и скрипнувъ, рѣзанулъ
что-то мягкое и живое, гвоздь пробилъ ей кости и пошелъ
вглубь по мягкому и живому. И защемило все сердце, искры
прыгнули изъ глазъ.

Варенька стиснулась въ комокъ, уперлась локтями и
выскользнула изъ-подъ креста, выскользнула да къ кіоту.

Но ужъ поздно, нѣтъ ей защиты.

Монахъ съ красивымъ лицомъ и разсѣченной бровью,
изъ которой тихо, капля за каплей, сочилась густая темная
кровь, монахъ въ ярко-зеленой шуршащей шелковой рясе
стоялъ передъ ней. Монахъ стоялъ передъ ней, какъ распя-
тый, крестомъ руки раскинувъ, и руки его—перекладины
креста такія длинныя, во всю комнату.

Нагорѣвшій фитиль лампадки—красный камень, потре-
скавая, вздыхалъ.

Варенька выдернула шпильку, стряхнула нагаръ.

Куда ей дѣваться? Гдѣ найти ей защиту? Нѣтъ ей за-
щиты.

По угламъ копошилось, липло, шуршало, всю ей душу
тянуло, всю ей душу тащило съ корнемъ, тащило съ кровью,
съ мясомъ, съ мозгомъ. Всю, всю ее щипало, и не осталось
ни одного живого мѣста.

И вдругъ угарная волна хлестнула ее по глазамъ и закружила.

Минуто стояла Варенька въ этой угарной волнѣ—въ умѣ смѣшалась: монахъ все стоялъ передъ ней, какъ распятый, и тихо, капля за каплей, сочились густая темная кровь изъ его разсѣченной брови. Она схватила какую-то тряпку, панталоны, мигомъ, какъ кошка, вскарабкалась на гардеробъ, нащупала крюкъ.

„Здѣсь, здѣсь... такъ! — спѣшила она, привязывала къ крюку тряпку,—уйдетъ монахъ, унесетъ свой крестъ! — спѣшила она, страшно спѣшила, завязывала петлю,—я уйду!“—и бросилась внизъ съ гардероба и въ петлѣ повисла.

— А! а! ахъ!.. Душать!—заорала не своимъ голосомъ. Прасковья: доняли ее черти, и опять, но слабѣе, и опять, еще тише, и совсѣмъ затихла.

И вдругъ словно оборвалось что-то, глухо раскатилось и ударилось прямо въ стѣны, въ красный финогеновскій флигель, и, вздрогнувъ, задрезбуждали окна,—все сорокъ сороковъ звонили въ пасхальный колоколъ пасхальный воскресный звонъ.

Христось воскресе изъ мертвыхъ,
Смертію смерть поправъ,
И сущимъ во гробѣхъ,
Животъ даровавъ.

Коля съ большою бѣлой съ густой позолотой свѣчею шелъ въ крестномъ ходу передъ батюшкой, облаченнымъ въ золотую кованую ризу, и сіяло лицо его—вся тоска миновала, свѣтилось лицо и сливалось сердце съ сердцемъ пасхальныхъ напѣвовъ, всколыхнувшихъ темную темь церкви.

И тамъ посреди нищихъ, покаранныхъ царей, стоялъ Онъ, Царь надъ царями въ своихъ свѣтлыхъ одеждахъ и возлагалъ на понуряя головы руки свои:

— Миръ вамъ!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Бунтъ.

Въ домъ къ Огорѣлышевымъ Финогеновы не зашли: будетъ и завтра, уснѣется!

Ужъ заря заиграла, и садъ и прудъ затучнѣлись голубымъ дыханіемъ, будто захотѣлось и еще имъ понѣжиться въ тепломъ снѣ, не зная пробужденія.

Распѣвая по двору, шумно подошли Финогеновы къ своему дому, но едва достучались Прасковью: Прасковью всю ночь душили черти, подняться ей не стало мочи.

Всѣмъ соборомъ съ Прометеемъ подступили Финогеновы къ двери спальни христосоваться съ Варенькой. Туркнулись они въ спальню—заперто, постучали погромче—ни звука, еще и еще разъ—тоже. И стали они стучать кулаками и долго стучали.

Было тихо за дверью.

И они закричали въ одинъ голосъ, закричали не своими голосами, чтобы Варенька непременно отперла имъ двери.

— Отоприте, отоприте намъ!— кричали они, надсаживаясь, и колотили и руками и ногами въ дверь спальни.

Было тихо за дверью.

И они ужъ не знали, что еще дѣлать, чтобы откликнулась Варенька, подала имъ голосъ, и, упираясь другъ въ дружку, сжались, стиснулись, надавили на дверь, и подъ напоромъ хряснула дверь спальни, петли со звономъ упали, и отворилась дверь въ спальню.

Варенька—въ одной сорочкѣ на крюку, Варенька—по-багровѣвшая съ длиннымъ краснымъ языкомъ изъ чернаго запекшагося рта, огромные бѣлки въ упоръ, скрюченные пальцы, синіе ногти,—Варенька висѣла на крюку мертвая.

Первые проснувшіеся лучи лѣзли въ окно спальни, ползли по комнатѣ, алымъ красили бѣлую сорочку и больно горѣли на пустой четверти, валявшейся на коврикѣ у кровати.

Какъ подъ обухомъ, стояли Финогеновы, пригнувъ шеи, не переступали порога.

И вдругъ задрожавъ всѣмъ тѣломъ до послѣднихъ дрожей, ткнулся Женья и въ припадкѣ закусилъ курточку Колѣ, Коля вскрикнулъ и бросился къ Варенькѣ, а за нимъ Саша и Петя.

Они набросились на Вареньку — спасти ее хотѣли! — они схватились за ея ноги, — спасти ее хотѣли! — они повисли на ногахъ, — спасти ее хотѣли! — и, повисая, откачнулись, какъ на гигантскихъ качеляхъ, и полетѣли.

И вышибло крюкъ, грохнулась Варенька на полъ. А они — на нее, мертвую: они сдѣлать что-то хотѣли, поправить что-то хотѣли, пробудить ее хотѣли, и толкали, царапали ее, съ запыхавшимся сапомъ, — они спасти ее хотѣли!

Крошилась надъ ними штукатурка, падала съ потолка. Прибѣжавшая на суматоху Степанида и приползшая нянька кричали озвѣрѣлыми голосами:

— Караулъ! караулъ! батюшки, помогите! — кричали сивѣвшими голосами Прасковья и Степанида.

— Караулъ! караулъ! батюшки, помогите! — кричало далеко за прудомъ эхо.

Сѣминъ теленокъ мычалъ въ сараѣ.

На крикъ повскакали фабричные, и комната биткомъ набилась суевающимся людомъ и тупымъ крикомъ. Одни выволокли Вареньку во дворъ и съ гиканьемъ принялись качать ее—подкидывать, будто утопленницу. Другіе домъ шарили, рыскали по чердаку, засматривали подъ террасу—искали вора: ночной сторожъ Иванъ Даниловъ, ночью обходя домъ, видѣлъ, какъ словно бы отскочилъ кто-то отъ Варенькиныхъ оконъ.

На огородѣ съ отдавленными хвостами выли финогеновскія собаки—Розикъ и Мальчикъ.

И долго еще, до поздняго утра шла суетня въ домѣ, но поправить ничего не поправили и спасти не могли.

— По грѣхамъ нашимъ! — сердцемъ плакала Прасковья.

И начался Свѣтлый день. Было душно по лѣтнему. Какой-то весь желтый и неулыбчивый, будто стиснувъ зубы, шелъ Свѣтлый день. На колокольныхъ колокола безтолково звонили.

Поднимъ огорѣлышевскій дворъ, загулялъ для праздника. Послѣ обѣда фабричные спать не легли, а гурьбой пошли шататься по двору. Шатались, шатались, — пристанища нѣтъ нигдѣ. Задѣвали другъ друга, разъ сто подрались.

Слесарь Навель Пашковъ, отецъ Машки, за которой Финогеновы когда-то жестоко гонались, играя въ избіеніе младенцевъ, растерзанный, съ слипшимися волосами, злой и пьяный, съ ножомъ бѣгалъ, страдалъ за рѣзатъ Финогеновыхъ.

Подтрунивали фабричные надъ слесаремъ, дразнили: то за дрова ему покажутъ, будто тамъ схоронились Финно-геновы,—и онъ бѣжитъ туда, сломя голову, то въ Колобовскій садъ,—и онъ лѣзетъ въ садъ. Нагоготались надъ слесаремъ, надоѣлъ онъ всѣмъ, въ орлянку затѣяли. Заиграли въ орлянку, разгорячились, за сердце схватило и стѣнка-на-стѣнку пошла.

И загалдѣлъ огорѣлышевскій дворъ, хоть караулъ кричи.

Арсеній и безъ того злой, поминутно отрываемый отъ дѣла къ праздничнымъ посѣтителемъ, взбѣшенный, выбѣжалъ во дворъ и зашмыгалъ — полетѣлъ по двору прямо на стѣнку унимать драку.

И не крикнувъ, ослѣла передъ нимъ буйная толпа. Да Павелъ Пашковъ, весь растерзанный, съ ножомъ, словно изъ подъ земли выросъ.

— Стой! — завылъ онъ волкомъ: дождался, ну, теперь ужъ зарѣжетъ.

И лежать бы Арсенію безъ своего дѣла, лежать бы ему навѣки! И вдругъ что-то хлюпнуло, и тяжело ткнулся Павелъ Пашковъ въ вязкую землю, а изъ пробитаго черепа хлынула липкая кровь. Съ огромнымъ полѣномъ Андрей управляющій еле духъ переводилъ: спасъ хозяина.

Ужъ шмыгалъ-летѣлъ Арсеній къ своему бѣлому дому, и все лицо его словно болѣло отъ злобы. А Павелъ Пашковъ лежалъ на землѣ и не двигался, и кровь такъ и хлестала, брызгала, липкая.

И вотъ зловѣщимъ гуломъ загудѣла толпа, и пошли одинъ за другимъ, по крови вокругъ крови, какъ въ омутѣ струи, одинъ за другимъ, и мiali и давили другъ друга.

— Бей! бей! бей! бей его!

Помутнѣвшіе глаза, усталые, наполнились жизнью, и моzoлистыя руки, коpotью прокопченныя руки, поднялись надъ головами.

— Бей Огорѣлышевыхъ! бей отродье поганое! бей его!

И какъ надругались бы они, какъ напотѣшились бы, дай только волю. И вотъ она воля! Они вытянутъ жилу за жилой, растащутъ по косточкамъ за каждую слезу, — такъ много слезъ въ эти камни ушло, этимъ прудомъ выпито, этимъ дымомъ разѣдено. За каждый свой день, за каждую ночь, за каждый часъ, за каждую минуту — такъ много по міру пошло и въ больницахъ померло и доживаетъ послѣдніе дни.

— Бей! бей! бей! бей! его!

— Тащи Игнатія!

— Лупи его, лупи змѣю!

— Антихриста!

Одинъ за другимъ, по крови вокругъ крови, какъ въ омуты струи, одинъ за другимъ шли фабричные, и гулъ толпы переливался въ ревъ.

И вдругъ фабричный свистокъ, какъ полоумный, накрикъ засвистѣлъ и съ двухъ концовъ затопали кони. И зачернѣлся желтый день хлесткой нагайкой, хлесткая согнула она и эти поднятыя руки, и эти жилистые кулаки и словно метлой вымела взбунтовавшійся огорѣлышевскій дворъ. И только въ корпусахъ долго еще бабы вопили да ребятишки плакали.

Христось воскресе изъ мертвыхъ,
Смертію смерть поправъ,
И сущимъ во гробѣхъ,
Животь даровавъ.

О. Глѣбъ служилъ панихиду надъ Варенькой, такую непохожую, пасхальную. Но было тихо въ домѣ, не по-пасхальному. Свѣчи горѣли душнымъ огнемъ и дымились. И, алѣя, гасли вмѣстѣ съ вечеромъ спущенныя на окнахъ бѣлыя шторы.

— Вы, ты, ты! — взвизгнулъ Арсеній, вбѣжавшій въ залъ къ Финогеновымъ, растрепанный, испачканный кровью и

грязью—вы, на моемъ дворѣ! спеціалисты! на дворѣ, изъ-за васъ бунтъ, спеціалисты! мать изъ-за васъ... мать довели! И я, да, довели мать!

— Да запретить тебѣ Господь!—сказалъ старецъ и вдругъ выронилъ свѣчку и, простирая посинѣвшія руки, упалъ у гроба, а пальцы его мышами забѣгали, ловя что-то по полу.

Арсеній хлопнулъ дверью и выбѣжалъ вонъ; все лицо его словно болѣло отъ злобы.

И когда послушникъ Пирскій увелъ отдышавшагося о. Глѣба назадъ въ монастырь въ бѣлую башенку, нагрянула къ Финогеновымъ неожиданная ночь.

Надъ Варенькой всю ночь читалась псалтирь, читалъ Саша своимъ затихшимъ, въ душу проникающимъ голосомъ.

Петя, Женя и Коля, точно схваченные тугимъ обручемъ, стояли, не шелохнувшись и не оглядываясь: по стѣнѣ сновали тѣни—это или желанія несказанныя или жизнь не изжитая?—и кто-то, казалось, тихонько сзади подкрадывался и стоялъ за спиной близко. Свѣчи мелькали, и вата, закрывавшая лицо Варенькѣ, чуть подымалась, и давила сердце тоска смертельная.

Нѣтъ, не приходилъ Онъ, свѣтлый и радостный, не говорилъ скорбящему міру: Миръ вамъ!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

На цвѣты.

Унесли къ Покрову желтый гробъ, навсегда унесли Вареньку изъ краснаго финогеновскаго флигеля. Забили гробъ черными гвоздями, и опустили Вареньку въ вымерзшій огорѣлышевскій склепъ къ матери къ Ефросиніи и преподобной и къ самому Николаю Огорѣлышеву. Больше ужъ не вернуться ей на огорѣлышевскій дворъ.

Въ кухнѣ справляли Финогеновы поминки, Сѣминаго теменка зарѣзали — пригодился. Степанида и Прасковья распоряжались, помогала Арина Семеновна — Эрихъ: и кутья была, и блины пеклись. Попозже зашла помянуть Душка—Анисья съ племянникомъ съ Егоромъ — Смѣхотой, да Кузьма дворникъ. Вспомнили тутъ и мертвую грамоту, кому тогда подъ Покровъ Сѣма юродивый смерть пророчествовалъ, и уразумѣли. зачѣмъ Сѣма въ Великую Субботу полъ мылъ.

Прометей напился до своей гармоньи, но поиграть ему Прасковья не дама, спрятала гармонью, и онъ ушелъ по обыкновенію куда-то домой. Петя, только одинъ плакавшій

на похоронахъ, въ лежку лежалъ, а Коля безъ умолку смѣялся и все въ окно хотѣлъ выброситься, не почему-либо, а такъ, просто такъ выброситься. Саша одинъ ничего не пилъ, Саша никогда не пилъ, и все Колю уговаривалъ лечь и успокоиться. Женя послѣ блиновъ заснулъ.

На утро вызвали Финогеновыхъ къ Огорѣлышевымъ. Внизъ въ контору вышелъ къ нимъ Игнатій. Глядя куда-то въ сторону, словно послѣ воскресной провѣрки финогеновскихъ поддѣланныхъ балльниковъ, Игнатій объявилъ имъ свое огорѣлышевское рѣшеніе объ ихъ участи: все остается по-старому, Финогеновы будутъ жить въ своемъ красномъ флигелѣ, пока не устроятся, но если поведение ихъ вызоветъ нареканіе, придется принять строгія мѣры—удалить ихъ.

Съ тѣмъ и ушли Финогеновы начинать новую жизнь безъ Вареньки. И сорокъ дней еще было какъ-то не по себѣ имъ, помнилась пасхальная ночь, и словно гдѣ-то близко отъ дома все еще ходила Варенька, но съ сорокоуста улеглось, и все въ колею вошло. И пошла жизнь своимъ чередомъ отъ дня до ночи и отъ ночи до дня, подъ надзоромъ огорѣлышевскаго управляющаго: Андрей-Воробей приходилъ къ Финогеновымъ каждое утро и отдавалъ приказанія.

Никакихъ ночныхъ стояній, никакихъ акафистовъ больше не служилось на верху въ дѣтской. Къ удовольствію Алексѣя Алексѣевича все само собою кончилось.

Должно быть, смерть Вареньки и всѣ послѣднія событія такъ рѣзко измѣнили Сашу: куда-то исчезла вся его кротость, и въ голосъ не слышалось ни боли, ни задумчивости, и къ Колѣ онъ перемѣнился, не было ужъ прежней иѣжности. Кончилъ Саша гимназію и ни въ какую пустынь не удался, а поступилъ въ университетъ. Сашинъ подрясникъ халатъ Прометей донашивалъ, тріоди назадъ пошли къ Покрову священнику Сергѣю Семеновичу. На лѣто Саша досталъ себѣ уроковъ и дома рѣдко бывалъ: днемъ на урокахъ, вечерами у Алексѣя Алексѣевича. За какой-нибудь

мѣсяцъ Саша очень близко сошелся съ братомъ Алексѣя Алексѣевича, Сергѣемъ. О Сергѣѣ Молчановѣ Финогеновы и раньше слышали, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ, который и въ тюрьмѣ сидѣлъ и знаетъ куда больше самого Алексѣя Алексѣевича, и котораго Арсеній называлъ по-своему насмѣшливо специалистомъ, что означало революционеръ.

Въ душѣ Коля тоже будто передвинулось что-то. Замѣтилъ Коля, что игрушечные звѣри и звѣрушки ужъ не владѣютъ имъ, какъ раньше, и онъ не трясется надъ ними и во всякую минуту готовъ разстаться даже съ пасхальнымъ зайцемъ, даже съ медвѣдюшкой. Да такъ оно и вышло, — роздалъ Коля фабричнымъ ребятишкамъ все свои игрушки, и столикъ его опустѣлъ. А какъ-то послѣ послѣдняго экземпля, прибираясь, началъ Коля уничтожать ненужныя тетрадки и такъ увлекся, уничтожилъ свое тайное тайнъ — свой дневникъ, посвященный Вѣрочкѣ, и въ столикѣ пусто стало. И если бы случился теперь пожаръ, Колѣ не зачѣмъ ужъ было бы въ огонь бросаться, — ему нечего было спасать.

Мало, кажется, измѣнился Петя и Женя. Петя попрежнему былъ мечтательный и влюбленный, Женя попрежнему смотрѣлъ букой.

Лѣтомъ Петѣ исполнилось семнадцать лѣтъ, а въ гимназiи оставалось ему еще два года — съ грѣхомъ пополамъ перевели его въ седьмой классъ, Женя и Коля будущей весной должны были кончить училище.

Безъ Сашы, все больше и больше отходившаго отъ братьевъ, Петя, Женя и Коля тѣснѣе зажили и теперь на нихъ на троихъ перешла кличка огорѣлышевцевъ за ихъ финогеновское оглашенство и олаборничество.

Какъ когда-то на могилу къ дѣдушкѣ — къ самому Николаю Огорѣлышеву, изрѣдка заходили Финогеновы на могилу къ Варенькѣ и, по привычкѣ, подымались въ башенку

къ о. Глѣбу. Боголюбовъ монастырь больше не занималъ ихъ.

Въ кухнѣ Финогеновыхъ, со смерти Вареньки постоянно толклись гости: гостила Степанидина дочь Авдотья-Свистуха, а сестра Прасковьи Арина Семеновна—Эрихъ только что на дежурство уходила въ свою богадѣльню, и часто ночевала кормилица Жени порченная Катерина—Околѣлая лошадка.

Наслышавшись отъ Катерины о хожденіяхъ ея на богомолье по всякимъ дальнимъ монастырямъ, Финогеновы тоже задумали итти на богомолье и куда подальше. Сначала ходили они въ Лавру къ о. Гавріилу, а потомъ и за Лавру, въ старинный заброшенный Спасо-Карауловъ монастырь.

Заберутъ Финогеновы Прометей, мѣшокъ сухарей, бутылку водки и уходятъ изъ дому на свое богомолье, какъ пчелы на цвѣты.

Ясно глядѣло на нихъ открытое небо, слышно лѣсъ шелестѣлъ листвою, и царапалъ ихъ вѣтками, и трудилъ ноги корнями, а поле колыхалось передъ ними—свои цвѣты колыхало и травы, вѣяло широкимъ полевымъ своимъ вѣяньемъ, будто смѣялось, будто и плакало, да такъ смѣялось, да такъ плакало, легъ бы на землю, обнялъ бы землю и никогда и никуда не ушелъ бы. Лѣсные овраги ночлегъ имъ готовили. Проливной дождь спины имъ сѣкъ, солнце палило кожу,—загорѣлыя лица ихъ. А кругомъ кругъ непроторный, незатоптанный—даль широкая, да такая широкая и хотѣлъ бы обнять, и ни глазомъ, ни ухомъ не обнимешь.

Все было вновь для Финогеновыхъ и поле, и лѣсъ, и такъ много неба.

Въ Спасо-Карауловомъ монастырѣ останавливались Финогеновы у о. Никиты.

О. Никита-Глѣстъ, бывший Боголюбовскій іеромонахъ, тощъ и костлявъ, трясущаяся сѣденькая борода, вытращенные мутные глазки, и голый безъ всякой пушинки

перенъ съ синей жилой поперекъ лба. А извѣстенъ былъ о. Никита своей чудодѣйственной неколебимостью: послѣ априловской перцовки, какъ съ ногъ ужъ валиться, выжить, бывало, еще и въ свѣжія силы придетъ.

Келья о. Никиты крохотная, вся въ перегородочкахъ. Надъ трапезнымъ его столомъ лубочная картинка: краснотелая румяная баба въ кокошникѣ и кумачномъ сарафанѣ, а все черезчуръ ужъ дородно, и только вмѣсто ногъ — чепухатая желтая гусиная лапа. Подпись: Блудодѣяніе.

И это любимое Блудодѣяніе всегда являлось поджигающей искоркой для келейныхъ воспоминаній и разсказовъ вообще.

Поглаживая одной рукой бородавку и размахивая другой, увлеченный собственными разсказами, о. Никита приходилъ въ неописуемый ражъ и всякій разъ непременно ронялъ на полъ рюмку.

— Монахъ-дуракъ! Монахъ-дуракъ! — безмысленно высвистывалъ Никитинъ скворецъ, выпрыгивая на шумъ изъ-за перегородки.

И все покрывалось хохотомъ, далеко разлетавшимся за ограду.

Въ Спасо-Карауловскомъ монастырѣ вся братія принимала Финогеновыхъ привѣтливо: въ развлеченіе имъ были Финогеновы. Кругомъ монастыря глушь, о жильѣ и помину нѣтъ. Уставъ — скитскій: женщины въ монастырь доступа не имѣли, и было всего два-три праздника въ году, когда разрѣшалось женщинамъ входить въ ограду. Подростковъ братія особенно любила. И въ монастырѣ много было мальчиковъ-монашковъ, составлявшихъ удивительно стройный хоръ. Въ шутку старшіе звали этихъ мальчишекъ именами женскими, и не на шутку бывала въ монастырѣ перепалка изъ-за мальчишекъ.

— Есть у насъ Сарра, — какъ-то ухмыляясь, подмигивалъ о. Никита на Блудодѣяніе и кричалъ, — Сарра,

бестія, голосъ херувиму подобенъ, а ликъ блудницы... Іеронимка съ Нафанаилкомъ блудники, изъ-за мальчишки на медни понапались, а онъ себѣ знаетъ, бестія... Сарра!

Въ Спасо Карауловскомъ монастырѣ Финогеновы зажи-
вались по недѣлямъ. Отъ постной пици начинало сосать
подъ ложечкой, тянуло въ городъ, и они возвращались до-
мой.

Ясно глядѣло на нихъ открытое небо, слышно лѣсъ
шелестѣлъ листвою и царапалъ ихъ вѣтками и трудилъ ноги
корнями, а поле колыхалось передъ ними—свои цвѣты ко-
лыхало и травы, вѣяло широкимъ полевымъ своимъ вѣяні-
емъ, будто смѣялось, будто и плакало, да такъ смѣялось, да
такъ плакало, легъ бы на землю, обнялъ бы землю и нико-
гда и никуда не ушелъ бы. Лѣсные овраги ночлегъ имъ
готовили, проливной дождь спины имъ сѣкъ, солнце палило
имъ кожу,—загорѣлыя лица ихъ. А кругомъ кругъ непро-
торный, незатоптанный—даль широкая да такая широкая,
и хотѣлъ бы обнять, и ни глазомъ, ни ухомъ не обнимешь!

Возвращаясь домой, дома подъ дверью, настигни ночь,
и всякій разъ долго приходилось Финогеновымъ стучаться.

Прасковья высовывала голову въ форточку и спросонья
никого не узнавала.

— Кто васъ разберетъ, дѣвушка? — говорила въ фор-
точку Прасковья, ровно плакала,—можетъ, вы и воры, аль
разбойники!

— Маменька, отопри Христа ради, голубушка, жрать
больно хочется!—жалобно, егозя просилъ Прометей.

— Мало ли что!—ужь сурово отвѣчала Прасковья, род-
ного сына не узнавая,—и кто о такую пору шатается? Слава
Богу, домъ—не постоянный дворъ!—голова ея скрывалась и
послѣ томительнаго ожиданія появлялась въ форточкѣ одна
рука,—прими, дѣвушка, конфечку, Христа ради, и иди по
добру, по здорову.

И снова подымался стукъ, и на упорный стукъ снова стучалась въ форточку Прасковья и попрежнему безнадежно. И только когда подходилъ Прометей къ самому ея носу и вертѣлъ лицомъ и ощеривался, Прасковья вдругъ узнавала своего Митю—Митрія раба и снѣшила отпереть дверь.

— Идите, дѣвушки! все ли по добру по здорову?

— Богъ милости прислалъ, Прасковья, — отвѣчали Финогеновы, ужъ отчаявшись въ домъ попасть.

На слѣдующій день послѣ богомолья, проспавшись, Коля брался за свои книги, а Петя и Женя садились играть въ карты, и весь день играли въ любимую свою игру—въ короли. Съ ними игралъ Прометей, Эрихъ и Прасковья и очень рѣдко Степанида, считавшая карты—грѣхомъ смертнымъ.

За картами шла плутня, и рѣдко обходилось безъ ссоры.

— Институтка,—подтрунивалъ Прометей надъ теткою своей Эрихомъ—подвали, братъ, туза!

— Самъ ты шестерка, отшельникъ!—шипѣла въ отвѣтъ Арина Семеновна, часто сидѣвшая въ солдатахъ и плакившая дань принцу—Прометею.

— Эрихъ проклятый, институтка!—не унимался Прометей, и кончалось тѣмъ, что Арина Семеновна, готовая выбросить его вонъ за шиворотъ, бросала карты.

Арина Семеновна, безропотно принявшая финогеновское крещеніе Эрихомъ, обижалась на Институтку. Институткою же звали ее и за ужимкость ея и за то, что до богдѣльни долго служила она въ институтъ уборной горничной.

Послѣднимъ чиномъ—отходникомъ почти всегда выходила Прасковья и платила дань Петѣ или Женѣ—королю, и за это много надъ ней потѣшались.

Покорно вздыхая, надѣвала Прасковья свои огромные мѣдные очки и усаживалась за штопанье, а штопанья съ

каждой стиркой прибавлялось: бѣлье у Финогеновыхъ все было или такая рвань, совѣстно при другихъ раздѣться, или въ заплацахъ.

Вечерами Финогеновы отправлялись или на бульвары—на музыку, или ко всенощной—къ храмовому празднику. Церквей въ городѣ было столько, сколько гордовскихъ будокъ, если не больше, и ужъ рѣдкій день гдѣ-нибудь да не праздновали храмъ.

Въ церковь къ празднику и на бульвары уходили Финогеновы уже не какъ пчелы на цвѣты, а какъ шмели какіе-то.

За всенощной время проходило весело: съ большимъ трудомъ протолкавшись къ амвону, повертывали Финогеновы обратно къ паперти, а дойдя до самыхъ дверей паперти, толклись опять къ амвону, и при этомъ дѣйствовали во всю—и давили на ноги и локтями работали.

— Бѣшеные!—огрызались на нихъ молящіяся,—бѣшеные огорѣлышевы!

А это подбавляло Финогеновымъ еще большей прыти, огрызались и переругивались, и незамѣтно, будто только по неосторожности—за давкою, пускали въ ходъ кулаки.

Весело бывало за всенощной у праздника, а на бульварахъ на музыкѣ еще веселѣе.

Какъ когда-то къ Покрову къ службѣ, забирались Финогеновы на бульвары спозаранку. На бульварѣ еще, кромѣ дѣтей, играющихъ на пискѣ, нянекъ да одинокихъ прохожихъ, никого не было, и Финогеновы слонялись по аллеямъ. Но скрывалось за дома солнце, запирались магазины, натягиваль капельмейстеръ бѣлыя перчатки, помахиваль палочкой, и за палочкой играла музыка, приманивала гуляющихъ, и аллеи затоплялись шляпами и шлянками. И ночь зажигала по небеснымъ полямъ свои свѣтляки-звѣзды, а по уличнымъ мостовымъ фонари и, все перемѣшивая, залегала надъ городомъ, отравленная дымомъ и непокойная. И все перемѣши-

нилось, растягивался бульваръ въ шумяще-крикливое, расползающееся чудовище. Цвѣты, мыло, потъ, духи, незалѣченная болѣзнь пропитывали бульваръ своей горькой отравой.

Финогеновы, не отходившіе отъ эстрады, словно привороженные палочкой капельмейстера, съ тьмою выбирались на главную аллею. Короткія и изодранныя ихъ шинели бархатила сгущающаяся тьма—баловница изъ баловницъ и потворница изъ потворницъ. На главной аллеѣ, шиня не хуже мальчишекъ-бутоньерокъ, они не пропускали ни одной женщины: они стаей ходили по пятамъ и приставали.

Сколько всякихъ знакомствъ завязывалось у Финогеновыхъ за вечеръ! Какъ имъ было пріятно заговаривать, брать подъ руку и совсѣмъ просто и легко, безъ особыхъ стѣсненій такихъ нарядныхъ и, должно быть, среди бѣла дня такихъ недоступныхъ!

Желѣзная дорога—попури изъ русскихъ и цыганскихъ пѣсенъ, и капельмейстеръ подъ трескъ и хлопанье, и гикъ, и свистъ мальчишекъ, унизывающихъ выступления эстрады, пряталъ свою палочку, и бульваръ рѣдѣлъ.

Озираясь, не попасться бы изъ учителей какому, послѣ музыки направлялись Финогеновы тутъ же въ бульварную пивную. Голодные, не спѣша, чтобы побольше съѣсть сухариковъ, воблы и всякой даровой дряни, пили они жиденькое дешевое пиво. Но до капельки выпивался весь стаканъ, запирали пивную, и Финогеновы опять на улицѣ.

Куда итти? Домой? А домой имъ такъ не хочется.

И медленно черезъ всѣ бульвары плелись они домой на Камушекъ и дорогой подымали содомъ: и пѣли и опять приставали къ прохожимъ женщинамъ, то съ легкимъ разговоромъ, то прося книжку показать—желтый билетъ.

Отъ дальняго бульвара, на концѣ котораго на площади открывался по воскресеньямъ птичій базаръ, повертывала дорога къ старой башнѣ съ книжнымъ рынкомъ, и Фино-

геновы повертывали, но до башни они не доходили, сворачивали въ переулокъ къ веселымъ домамъ.

Въ дорогіе дома, изукрашенные разноцвѣтной мозаикой, Финогоновы входить не рѣшались, а выбирали который похуже изъ рублевыхъ, входили они по-разному: то съ видомъ до-нѣльзя пьяныхъ, а то будто и по-настоящему, увѣренно, какъ настоящіе гости.

И какъ хохотали, насмѣхались веселыя барышни надъ финогоновскимъ напускнымъ ухарствомъ, надъ ихъ смущеніемъ, невольно пробивающимся на еще дѣтскихъ вспыхивающихъ щекахъ. Вѣдь изъ всѣхъ одинъ Прометей, раскуривая папироску и сплевывая въ сторону тоненькимъ плевкомъ съ сознаніемъ собственного достоинства, великій, только не обнаружившій свое величіе, Прометей, какъ заправскій гость, больше чѣмъ гость, какъ дома, какъ у себя дома, расхаживалъ по заламъ.

Скрипачъ настраивалъ скрипку, играть пробовалъ. Веселыя барышни танцовать становились.

И какая тоска, какая боль слышались вдругъ Колѣ въ этихъ звукахъ, будто увязающихъ въ спертomъ дыханіи неминуемой завтрашней смерти.

„Земля обѣтованная!—тайно вышептывало его сердце въ своей тихой тайнѣ,—крылья мои бѣлыя, тяжелыя вы, въ слипшихся комкахъ кровавой грязи. Земля обѣтованная!“

Если Финогоновыхъ не выпроваживали силой, а бывали и такіе случаи, все равно уходить приходилось: послѣднія копѣйки оставлены въ пивной, безъ ничего долго не насидишься. И домовый служитель — вышибало съ обидной ужимкой, какой-нибудь Демка Моква, незамѣтно ставилъ мѣломъ на спинѣ каждого сѣрый крестикъ въ знакъ позора и презрѣнія: съ крестикомъ ни въ какой ужъ домъ больше не пустятъ.

И вотъ позднею ночью дома съ надорваннымъ и неутоленнымъ желаніемъ чего-то необыкновенно хорошаго и

страшно привлекательнаго, что ужъ совсѣмъ подходило, было рядомъ и миновало, съ надорваннымъ и не утоленнымъ желаніемъ любви и ласки, Коля долго не могъ замкнуть глазъ, а позорный крестикъ жегъ ему спину.

Утро пасмурное и утро ясное заглядывало въ окно, въ дѣтскую, сулило ту же старую жизнь отъ дня до ночи и отъ ночи до дня съ богомольемъ, всенощными и бульварами.

И такимъ отдаленнымъ, такимъ недосыгаемымъ вставало передъ Колей его будущее, непременно своевольное и огромное, котораго такъ хотѣлъ онъ и такъ ждалъ.

Нѣтъ, не сѣрымъ волкомъ, не апостоломъ Петромъ, не французомъ, не о. Глѣбомъ, не самимъ Огорѣлышевымъ Арсеніемъ, чѣмъ бы не быть ему, только быть съ нею—съ Маргариткой, недоступной, какъ Вѣрочка, милой, какъ Маша, страшной, какъ никто.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Маргаритка.

Въ одномъ изъ дорогихъ, изукрашенныхъ мозаикой домовъ, куда никакъ не ухитрялись проникать Финогеновы, увидѣлъ Коля въ окнѣ Маргаритку.

Было ли это ея крещенымъ именемъ или только прозвищемъ, Коля не могъ узнать, но такъ Маргариткою величала ее и сама хозяйка Аграфена Ананіевна, деревянно-одутловатая и чрезмѣрно дородная, словно соскочившая съ Никитинаго Блудодѣянiя, такъ кликали ее и всѣ товарки и подруги, обожавшія ее, маленькая, наряженная гимназисткой Лизка-Поплавокъ и великанша Паша-Кузнечикъ, привлекавшая заморышей, падкихъ до мяса, такъ звали ее гости и коты-любовники и самъ вышибало Митрошка-Гриндасъ.

Исторія Маргаритки незатѣйлива и обыкновенна: было у ней и нищенство, и добрый старичекъ, и попечительство, и бѣгство отъ попечительницъ, тайное хожденіе по бульварамъ и открытое съ книжкой, наконецъ встрѣча съ Аграфеной Ананьевной и нарядный веселый домъ.

Съ той минуты, какъ начала помнить себя Маргаритка, она лишь одно знала: во что бы то ни стало бѣгать за прохожими, выпрашивая ради Христа копѣчку, пока въ кулакъ не наберется двугривенный, иначе нельзя въ уголъ къ матери показаться. И все ея маленькое, худенькое тѣльце ежедневно прихлопывалось этимъ однимъ единственнымъ желаніемъ и нераздѣльною мыслью: набрать къ вечеру двугривенный.

Какъ-то осенью, присмирѣвшимъ темнымъ вечеромъ, когда до двугривеннаго недоставало Маргариткѣ всего нѣсколькихъ копѣекъ, попался ей въ переулкѣ старичокъ одинъ съ большимъ зонтикомъ, разговорился ласковый старичокъ, затащилъ за кузницу, а потомъ и отпустилъ. „И вотъ что далъ!“—показывала послѣ Маргаритка новенькій блестящій золотой ребятишкамъ-нищимъ, съ завистью топтавшимся вокругъ нея. За золотымъ—бумажка, за бумажкой—двугривенный, понравилось ей, а тамъ и въ часть ее взяли, а изъ части въ попечительство. Но ужъ не можетъ она больше, не надо ей никакого попечительства, тянетъ ее,—на всю жизнь, должно быть, потрясена она тѣмъ осеннимъ присмирѣвшимъ темнымъ вечеромъ,—терпѣла, терпѣла да и сбѣжала. И опять за старое. Пятнадцати ей не было, встрѣтилась она послѣ бульваровъ, послѣ всякихъ облавъ съ Аграфеной Ананьевной, хозяйкой дорогого наряднаго дома.

Аграфена Ананьевна то и знай похваливала гостямъ Маргаритку.

— Изъ всѣхъ дѣвушекъ,—говорила хозяйка своимъ приторнымъ голосомъ, клокотавшимъ площадною бранью,—Маргаритка у меня чистая, ласковая, проворная, сахарная, и по-французскому можетъ.

— Команъ-са-ва, мадамъ!—подтверждала Маргаритка.

— Мерси!—одобряла хозяйка, рвотно кривя свои тоненькія, какъ ниточки, губы.

И правда. Маргаритка за свое искусство всегда была парасхватъ.

Когда Коля въ своей драной форменной шинели съ облѣзлыми золотыми пуговицами одинъ пробирался по переулку и затаенно, будто мимоходомъ, будто занятый какимъ-то очень важнымъ дѣломъ, прищуриваясь, посматривалъ на окна двухэтажнаго рублеваго дома, Митрошка-Триндаса растворялъ ставни, а въ одномъ изъ верхнихъ оконъ появлялась Маргаритка—такая невинная, съ напудреннымъ вздернутымъ носикомъ, низко спущенной на бѣлый лобъ холкой темныхъ душистыхъ волосъ, и съ такими невинными безгрѣшными дѣвичьими глазами.

Маргаритка скалила свои острые кошачьи зубки, глядѣла куда-то поверхъ низкой крыши противоположнаго рублеваго дома.

Крохотная дѣтская грудь ея выходила изъ широко-вырѣзаннаго ворота, и какъ двѣ глыбки таяла подъ закатнымъ малиновымъ лучемъ,—казалось, это руки осовѣвшаго запыхавшагося солнца баюкали ее.

И какимъ ничтожнымъ представлялся тогда Коля самому себѣ, весь онъ горбился и, медля, но какъ то ужъ очень скоро, проходилъ длинный переулокъ до послѣдняго солдатскаго краснаго дома и назадъ возвращался ужъ поспѣшно, но какъ-то очень долго.

Колѣ всегда было страшно: Маргаритка замѣтитъ его и будетъ смѣяться. И ему вспоминалось, какъ однажды въ переулкѣ встрѣтилъ онъ дьякона—дьяконъ засмотрѣлся на Маргаритку, а она вдругъ визгливо затянула кабацкую пѣсню: Лучше въ морѣ утопиться, чѣмъ понакоряваго любить, и дьяконъ, наклонившись по-семинарски на бокъ, пустился улепетывать. Да, Маргаритка замѣтитъ его и будетъ смѣяться, а этого совсѣмъ не надо, не хорошо, когда Маргаритка смѣялась: было что-то оскорбляющее въ ея смѣхѣ—себя самое оскорбляла она.

Иногда же сидѣла Маргаритка у окна такая грустная, кажется, ничего не видѣла, и глаза ея были грустные—такъ живые глаза плачутъ надъ своимъ гробомъ. И какъ хотѣлось Колѣ подойти къ ней и утѣшить ее! Но какъ подойти, какъ пробраться ему въ ея дорогой, изукрашенный мошникомъ домъ, куда вхожи только такіе, какъ Сеня Огорѣлышевъ да Ника—Никита Николаевичъ.

Разъ какъ-то послѣ бульваровъ Коля подговорилъ по-пробовать на ура, Колю послушали и всѣмъ кагаломъ спулись Финогеновы въ нарядную дверь, но, и рта не разинувъ, полетѣли съ лѣстницы кубаремъ внизъ къ двери.

— Всякая сволочь туда же,—кричалъ вдогонку вышибало Митрошка—Триндаса, стукнувъ Прометея въ загорбокъ,—я вамъ, паршивцы!

Нѣтъ, никакой не было возможности проникнуть въ этотъ недоступный домъ къ Маргариткѣ. И жгла недоступность.

Уходило солнце, отходила отъ окна Маргаритка. Въ золотыхъ зеркальных залахъ зажигались огни. А Коля ходилъ по переулку взадъ и впередъ и вдругъ, какъ прикованный, стоялъ у окна.

Скрипачъ настраивалъ скрипку, играть пробовалъ. Веселыя барышни танцовать становились.

„Земля обѣтованная! — тайно вышептывало его сердце въ своей тихой тайнѣ,—крылья мои бѣлыя, тяжелыя въ въ слипшихся комкахъ кровавой грязи. Земля обѣтованная!“.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Огорълышевское отродье.

Вторая половина лѣта измѣнила жизнь Финогеновыхъ. Женя и Коля достали, наконецъ, себѣ уроки - трудно имъ было достать уроки, да и понятно: трудно вѣрилось, что Финогеновы могутъ нуждаться. А Петя сталъ учиться музыкѣ у Алексѣя Алексѣевича. На богомолье нельзя ужъ было такъ часто ходить, всенощныя у праздника понадоѣли, оставались бульвары, но всякій день ходить на бульвары тоже невозможно.

По вечерамъ иногда выходили Финогеновы за ворота на лавочкѣ посидѣть.

Кругъ фабричныхъ не тотъ ужъ былъ, послѣ пасхальнаго усмиренія дворъ подчистился и, были все новые, не знавшіе ни Вареньки, ни Финогеновскаго театра. И не такъ ужъ весело на лавочкѣ, какъ прежде: кузнецъ сказочникъ Иванъ Даниловъ ослабъ—примется за сказку, сказку разсказывать, плететь, плететь, да такъ и не кончить и никакой пчелы ужъ не выходить. Развѣ только городской Максимчукъ, получившій послѣ Пасхи огромную, съ блюдечко,

серебряную медаль за усердіе, кажется, неистощимъ, какъ по дни ночного сторожа Аверьяныча.

Разговоры на лавочкѣ вертѣлись около огорѣлышевской фабрики и огорѣлышевскаго порядка.

И странно: теперь, когда и Финогеновы и сверстники ихъ—фабричные подвыросли, незамѣтно поднялась между ними глухая стѣна.

Досадно, горько и обидно бывало Финогеновымъ, когда, разговорясь съ какимъ-нибудь новичкомъ и вызвавъ его на откровенность, слышали они, какъ другіе фабричные вдругъ грубо его осаживали, и тотъ виновато примолкалъ, а въ вспыхнувшей злой усмѣшкѣ горѣло одно горькое слово:

— Огорѣлышевское отродье!

— Огорѣлышевское отродье! Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ! Одна цѣна!—и такое слышали Финогеновы.

На мѣсто Павла Папкова, отца Машки, такъ больше и не поднимавшагося съ земли тогда на Пасху, поступилъ къ Огорѣлышевымъ молодой слесарь Прохоръ. Взлохмаченный, прокопченный весь, съ горящими глазами, готовый и въ огонь и въ воду за свое дѣло, Прохоръ любилъ поговорить за воротами. Синія жилы на черныхъ рукахъ его наливались кровью, а въ вывертахъ-словахъ его вспыхивали искорки, и, кажется, летѣли эти искорки прямо подъ грунтъ Огорѣлышевскаго бѣлаго крѣпкаго дома, подъ Огорѣлышевскій фабричный корпусъ и тамъ таились, тамъ ждали, тамъ невидимкою жили, чтобъ разрушить его, не оставивъ камня на камнѣ. И забитыя, и робкія головы фабричныхъ на слова Прохора выпрямлялись.

Одно время Прохоръ бралъ у Саши книжки. И этотъ толковый, умный и понятливый Прохоръ при Финогеновыхъ уходилъ въ себя и отмалчивался, а въ вспыхивающей злой усмѣшкѣ горѣло одно горькое слово:

— Огорѣлышевское отродье!

— Огорѣлышевское отродье! Баринъ, а весь задъ на-
ружи! Безъ сапогъ, да въ шляпѣ! Тоже господа—голоштан-
ники!—и такое слышали Финогеновы.

Досадно, горько и обидно бывало Финогеновымъ и ужъ
совсѣмъ не весело, но по старой ли памяти или оттого,
что некуда было дѣваться, по вечерамъ нерѣдко выходили
они за ворота на лавочкѣ посидѣть.

Прометей зеленѣлъ и озлоблялся: ни войны, ни жизни
настоящей, да еще фабричные,—фабричные поколачивали
Прометея, былъ грѣхъ. Да и трудно было имъ ужиться съ
Прометеемъ: Прометей, великій Прометей, мечталъ сдѣлаться,
по крайней мѣрѣ, Наполеономъ и подчинить себѣ все страны
и земли, а Прохоръ, что жъ, Прохоръ?—вѣдь, онъ мечталъ
не больше, не меньше, какъ разрушить весь укладъ странъ
и земель прометеевыхъ, и уничтожить самого Прометея.
Сила была вопреки всякому здравому смыслу и дѣйстви-
тельности на сторонѣ Прохора, и несчастнаго Прометея
били.

Послѣ ужина, когда за ворота итти не хотѣлось, а на
бульвары было ужъ поздно, Коля выходилъ въ садъ къ
пруду. Пробираться ему одному въ переулочъ подъ окно
Маргаритки нельзя часто.—онъ скрывалъ отъ братьевъ свои
тайныя свиданія въ переулкѣ и, возвращаясь поздно, всегда
ссылаясь на уроки, будто на урокахъ его задержали. На
прудѣ онъ бралъ съ собой книгу. Читать, конечно, на ночь
глядя, и строчки не прочитаешь, но это такъ, чтобы не съ
пустыми руками.

Колѣ приходилъ часъ о себѣ подумать: какъ ему свою
жизнь устроить. На будущій годъ исполнится ему шест-
надцать лѣтъ, кончитъ онъ училище, а дальше что? Если
бы онъ учился въ гимназiи, онъ поступилъ бы въ универ-
ситетъ, но его для чего-то взяли изъ гимназiи и перевели
въ Огорѣлышевское коммерческое училище за одно съ Женей

и на одно съ Женей онъ непремѣнно долженъ поступить на мѣсто, ну куда-нибудь въ Огорѣлышевскій банкъ.

И вотъ сядетъ онъ за конторку въ этомъ Огорѣлышевскомъ банкѣ вести какую-нибудь бухгалтерскую книгу и будетъ вѣкъ вѣчный корпѣть надъ этой книгой, надъ цифрами, совсѣмъ ему ненужными. И почему онъ долженъ считать на счетахъ и вѣкъ вѣчный сидѣть за конторкой? Только потому, что для чего-то взяли его изъ гимназіи и на одно съ Женей отдали въ коммерческое. Кто-то взялъ и распорядился, кто-то, не спрашивая, рѣшилъ за него и назначилъ ему банковскую конторку. А онъ не хочетъ никакой конторки, а безъ конторки ему не обойтись.

Пробовалъ онъ латинскому и греческому у Саши учиться, ночей не спать, все сразу хотѣлъ, хотѣлъ, чтобы поскорѣе, хотѣлъ чуть ли не въ мѣсяць все пройти, чтобы, не теряя ни минуты, кончивъ коммерческое, держать экзаменъ на атестатъ зрѣлости. И все хорошо шло, и вдругъ забросилъ онъ всѣ учебники: чортъ съ ними!

И вотъ сядетъ онъ за конторку въ Огорѣлышевскомъ банкѣ, другого исхода ему нѣтъ и быть не можетъ. И тамъ глаза его въ разлинованную бумагу уйдутъ, и свѣтъ ихъ обратится въ мелкія буковки и цифры, совсѣмъ ему ненужныя.

И онъ видѣлъ передъ собою эти неизбѣжныя мелкія буковки и цифры, совсѣмъ ему ненужныя, и ужъ, казалось ему, сливались онѣ и бумага топорщилась, твердѣла—изъ бѣлой въ черную переходила, и будто черныя огромныя клещи стискивали ему голову.

А онъ не согласенъ, не хочетъ. Что жъ ему дѣлать?

Прудъ молчалъ, невозмутимая гладь стыла прозрачнымъ льдомъ. И вдругъ будто съ илистаго дна, изъ ледяныхъ ключей вмѣсто всякихъ отвѣтовъ вставала передъ нимъ Маргаритка: сверкали ея острые, кошачьи зубки—зарябив-

шіяся струйки подѣ поцѣлуемъ луннымъ, и словно зацѣтали губы ласковымъ словомъ, кликали его.

Часто ужъ ночью, когда замирали послѣдніе вечерніе гулы, прибѣгала къ Колѣ въ садѣ Машка—Машка Пашкова, тоненькая, бѣленькая, съ туго стянутой игрушечной грудкой.

— Николай Елисеевичъ, можно походить съ вами?—просилась Машка, и горѣли ея глазки, горѣли огоньками, а голосъ пугливо пресѣкался.

И Коля ходилъ съ Машкой вкругъ пруда и, когда она ластилась къ нему, онъ закрывалъ глаза, и искалъ рукъ другихъ, проворныхъ и маленькихъ, рукъ Маргаритки, нагибаясь, съ закрытыми глазами цѣловалъ руки Машки, большія и жесткія.

— Звѣзды-то какія!—отдергивала Машка руки и таранила кверху глаза, заволакивавшіеся влажной шелковинкой полюбившаго сердца.

Коля ничего не отвѣчалъ ей и, не раскрывая глазъ, снова бралъ ея руки и цѣловалъ ихъ.

— У Душки-Анисьи коровушка отелилась, теленочекъ маленький...—щебетала она, какъ птичка, она жила, какъ во снѣ желанномъ,—а дяденька Афанасій, покойникъ, сказывалъ, будто рыбы съ усами бываютъ: „Самъ, говоритъ, видѣлъ!“

Коля ничего не отвѣчалъ ей и, не раскрывая глазъ, прижималъ ее вздрагивающую, трепещущую.

— Тоже... и... китовъ усь...—совсѣмъ пресѣкался голосъ у Машки, а сердце такъ и стучало,—ну, прощайте!

Какъ-то въ послѣдніе лѣтніе дни послѣ Ильина дня, когда, по повѣрью, олень мочить рога въ водѣ, и оттого вода холодитъ, а лягушки на дно спать ныряютъ, было прощально горько въ тихомъ, разросшемся, густомъ, поникшемъ надъ прудомъ Огорѣлышевскомъ саду. За плотикомъ на той сторонѣ ужъ поспѣла дикая малина, у купальни барбарисъ завѣсился рубинами, и рябина у бесѣдки верхъ

висилась крупными коралами. Листья желтѣли и тихо падали по дорожкѣ въ прудъ.

Поздно ночью прибѣжавшая къ Колѣ въ садъ Машка, такая радостная, вдругъ присмирѣла, схватилась за него и не отходила, словно боялась, что прогонитъ онъ ее и тогда ужъ ей никогда не вернуться въ свой постылый, въ свой фабричный корпусъ.

А Коля и не думалъ гнать ее, такъ было прощально горько въ саду у пруда.

И они ходили долго, горячо прижимая другъ къ другу свои такіа родныя полюбившія сердца.

„Кто ты, Маша, Вѣрочка, Машка, Маргаритка? Ты — Маргаритка!“—шептало его сердце шопотомъ осеннихъ томнѣющихъ звѣздъ и билось, какъ вновь открытый заваленный ключъ.

Съ этой ночи приходила Машка къ Колѣ не только въ садъ къ пруду, а и наверхъ въ дѣтскую, она пробиралась тихонько мимо Пети и Жени. Саша лѣтомъ перешелъ внизъ въ Варенькину комнату, туда-же за нимъ въ гардеробную переселился и Прометей. У Пети и Жени тоже появились знакомыя, какъ говорила Арина Семеновна — Дрихъ.

— Что я вамъ скажу, дѣвушки,—предостерегала Прасковья Петю, Женю и Колю, она все знала,—не ровень часъ, кто ихъ знаетъ, какія еще онѣ, таковскія, вы бы, дѣвушки, взяли Авдотью Степанидину Свистуху, баба она чистая и опрятная!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Деньги впередъ.

Пришла осень, пошли дожди. Облетѣлъ весь садъ. Подмерзла калина. И къ чаю вмѣсто варенья подавала Прасковья только одно горьковатое калиновое тѣсто—такое Степанида умѣла дѣлать изъ калины. Прометей вставилъ въ окна зимнія рамы, и сталъ по утрамъ топить печки.

Сумрачно тянулся въ училищѣ часъ и надоѣдливо. Ученикамъ спеціального бухгалтерскаго класса, какъ старшимъ, разрѣшалось не выходить на перемѣнѣ изъ класса въ залъ, и въ это время въ классѣ постоянно шелъ разговоръ о всякихъ ночныхъ походахъ: въ Огорѣль-шевскомъ училищѣ училось много богатыхъ и состоятельныхъ, и ночные кутежи въ загородныхъ ресторанахъ и дорогихъ увеселительныхъ домахъ были дѣломъ обычнымъ.

— Маргаритка,—донесся какъ-то до Коли перегорѣлый съ попойки голосъ Семенова-Совы, завсегдатая всякихъ заведеній,—знаю, сволочь она, кожа желтая, теперь въ рублевомъ...

Вошелъ учитель бухгалтеріи по прозвищу Шибз-дикъ, и Сова-Семеновъ, продолжая разговоръ, ужъ за-попталъ на ухо своему сосѣду Сухоплатову, и лошадиное по чистое лицо Сухоплатова все затряслось и вспотѣло.

Сколько ни прислушивался Коля, разобрать ничего не могъ, да и все равно ничего бы не разобралъ онъ, какъ бы ни прислушивался, вѣдь, весь классъ, все стѣны загорѣлись отъ нетерпѣнія: сейчасъ же бѣжать туда въ рублевый домъ, сейчасъ же видѣть ее, рублевую Маргаритку, — теперь и ему можно! А часъ тянулся. Насилу Коля высидѣлъ этотъ долгій нетерпѣливый часъ и, сказавшись больнымъ: животъ болитъ, — всегдашняя оговорка, — Коля ушелъ изъ училища.

Итти къ Маргариткѣ такъ рано нельзя было, а домой находить не стоило, и до вечера проходилъ Коля по бульварамъ.

Была суббота, рѣдкимъ звономъ, какъ звонять съ Воздвиженья до Пасхи, печально зазвонили ко всенощной.

Съ своимъ полусѣвшимъ ранцемъ подмышку вошелъ Коля въ переулочъ. Мутное ненастье, будто застрявшее въ переулкѣ, лежало безгрезнымъ сномъ. Ненастные суетливыя сумерки сыростью липли къ щекамъ. Нехотя со скрипомъ растворялись ставни въ домахъ.

Въ рублевомъ Маргариткиномъ домѣ противъ дома, изукрашеннаго разноцвѣтною мозаикой, кровавымъ пятномъ расплылся красный свѣтъ фонаря. Коля и пошелъ на этотъ красный свѣтъ.

Знакомый, намѣлившій не мало крестиковъ на спинѣ Коли, вышибало Демка-Моква, заспанный и обрюзглый отъ безсонной жизни, поплеывая, чистилъ ботинки. Коля спросилъ Маргаритку. Маргаритка еще не одѣвалась и пришлось подождать.

Коля терпѣливо остался въ прихожей дожидаться. Вышибало Демка-Моква чистилъ ботинки, перечистилъ

однѣ, пересчитилъ другія, сколько было, все кончилъ, отнесъ по дверямъ и за юбки принялся.

Коля показалось, прошелъ не часъ и не два, вся жизнь прошла, когда, наконецъ, горничная повела его въ спальню.

Маргаритка стояла передъ зеркаломъ, вся кружевная, какъ игрушечная, причесывалась.

— Вамъ что нужно? — не оборачиваясь, съ полнымъ ртомъ шпилекъ, спросила Маргаритка.

Коля почувствовалъ, что ни одного слова не можетъ сказать, и молчалъ. Проворныя руки Маргаритки мелькали передъ нимъ.

Маргаритка воткнула все шпильки, закрутила косу.

— „Обо мнѣ ты не мечтай...“ — гнусаво запѣла она изъ оперетки шарманочную пѣсню, подергала плечомъ, и опять распустила волосы.

На самой макушкѣ ея заблестѣло бѣлое пятно — лысина. Пластыремъ лежало это бѣлое пятно. И этотъ пластырь лѣзъ въ глаза.

— Ну? — вдругъ обернулась Маргаритка.

— Я къ вамъ! — Коля сказалъ неожиданно рѣзко и твердо, и твердо сдѣлалъ шагъ, и еще шагъ и еще.

Маргаритка вытаращила красные запудренные глаза.

— Деньги впередъ! — сказала она сухо.

— Я не затѣмъ, я къ вамъ!

— Деньги впередъ! — вдругъ закричала Маргаритка, и крикъ пересѣлся хрипомъ, — вы... хозяйку подводите, оборванцы! Встать по-людски не дадутъ, жить не даютъ, жить изъ-за васъ нельзя.

А у Коли горло, словно свинцомъ налилось, и льдомъ сдавило его раскрытое сердце, онъ сдѣлалъ еще шагъ и обнялъ ее.

Незабѣленные язвы ея сочились, и какая-то плѣсень, какая-то соль, какая-то слизь мазали ему губы.

— Вонъ! вонъ!!!—взвизгнула Маргаритка, и отпихнувъ отъ себя Колю, сжалась вся и заплакала, какъ дитя беззащитное.

Не смѣя взглянуть, Коля медленно вышелъ.

Моросилъ мелкій дождикъ. Всхлипывало подъ ногами мѣсиво грязи. Съ постоянныхъ дворовъ текли нечистоты. Въ церквахъ второй звонъ звонили. Огни фонарей будто подъ щипками чьихъ-то злоющихъ пальцевъ ширялись по мѣтру. И больно саднило сердце.

Вдругъ Колѣ вспомнилась Машка, ночи у пруда— „Звѣзды-то какія!“—и вдругъ пахнуло запахомъ мази и гниенія:—„Деньги впередъ!“—и до пустыхъ жилъ вздрогнуло его сердце.

Еще сумрачнѣе тянулся въ училищѣ часъ, еще надождливѣе. На переменѣ въ классѣ попрежнему шелъ разговоръ о всякихъ ночныхъ походахъ.

— Маргаритка,—какъ-то вскорѣ донесся до Коли перекорѣлый съ попойки голосъ Семенова-Совы,—сволочь: Сухоплатова болѣзнью наградила, сволочь...

Сосѣдъ Семенова, Бойцовъ, отдуваясь, фыркнулъ. А Коля, не сказавшись, вышелъ изъ класса, надѣлъ шинель и безъ ранца поплелся домой. По пятамъ гнусила Маргариткина запѣтая пѣсня. И у трясущихся ломовиковъ колеса, чавкая грязь, чавкали ту же пѣсню.

Казалось ему, заболѣвала вся улица. И на губахъ пыло, какъ язва.

И вдругъ до пустыхъ жилъ вздрагивало его сердце.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Серебряная свадьба.

Сколько было горя въ ту осень, когда уѣхалъ Сеня Огорѣлышевъ за границу и кегель-банъ закрыли и въ Колобовскомъ саду больше не показывалась Вѣрочка,—казалось тогда Колѣ, что и жить не надо, на свѣтъ глядѣть невыносимо, а все-таки улеглось на сердцѣ, и только осталась память о какомъ-то огненномъ жгучемъ видѣніи, которое, вспыхнувъ, навсегда исчезло. Сколько было муки, когда уходила горничная Маша,—казалось тогда Колѣ, нѣтъ ужъ силъ у него больше, и не можетъ онъ вынести свою муку, а все-таки улеглось на сердцѣ и только осталась память о какой-то розовой улыбкѣ, о какомъ-то парномъ запахѣ теплаго тѣла. А послѣ встрѣчи съ Маргариткой казалось Колѣ, нѣтъ ему на землѣ мѣста, дрожь охватывала его до пустыхъ жилъ сердца, и изъ мглы мази и гніянія шелушились передъ нимъ и липли язвы и струпья. И долго не улегалось на сердцѣ,—такъ прошла и осень и вся зима.

Съ весною снова встали передъ Колей заботы: оставалось всего ничего, сдать онъ экзамены, и ученіе его кончится, а какъ же дальше? какъ устроить онъ свою жизнь? Эти заботы о своемъ будущемъ, о завтрашнемъ днѣ своимъ успокоили его сердце.

Русскій выпускной экзаменъ пронесся градовой тучей но бѣда миновала.

Послѣдніе два года,—въ первомъ и во второмъ спеціальномъ классѣ былъ Коля подъ постоянной грозой: за его русскія сочиненія или ему совсѣмъ не ставили отмѣтокъ или, краснымъ карандашомъ перекрестивъ всѣ страницы его тетради, выставляли ему въ журналѣ единицу—коль по Финогеновски. И вся эта напасть будто бы за направленіе его сочиненій, хоть и не говорилось, что за направленіе, и что въ немъ опаснаго, и чему оно угрожало.

Коля читалъ несравненно больше своихъ сверстниковъ, и сама жизнь складывалась у него не похоже на другихъ, и не могъ онъ при всей напряженной горячности такъ вывести по ученически буква за буквою гладко и тихонько, какъ это дѣлали первые примѣрные ученики и послѣдніе нищедушные, вотъ и все, весь его грѣхъ и вся бѣда.

— Мы изъ васъ не писателей готовимъ, а конторщиковъ!—не разъ и не хорошо говорилъ Колѣ учитель русскаго языка Федоръ Федоровичъ - Кукишъ, возвращая Колѣ тетрадку съ его сочиненіями.

И Арсеній послѣднюю зиму, набрасываясь на Колю въ Огорѣлышевской конторѣ, грозилъ ему исключить его изъ училища и все за эти несчастныя сочиненія.

— Специалистъ!—говорилъ, насмѣхаясь Арсеній,—выдрать бы тебя, вотъ что!

И вотъ все обошлось благополучно.

Послѣ молебна по окончаніи экзаменовъ Женя и Коля, лишенные за неблагонадежное поведеніе званіе кандидатовъ коммерціи, пришли домой съ атестатами, вошли

наверхъ въ дѣтскую, что-то сдѣлать хотѣли, кому-то **р**а-
сказать хотѣли,—вѣдь Колѣ казалось иногда, что и **к**онца
не будетъ этому очертѣвшему училищу,—и ничего не сдѣ-
лали и никому не рассказали. Коля спряталъ свой **а**тто-
статъ къ себѣ въ столикъ, гдѣ когда-то хранился дневникъ
его, посвященный Вѣрочкѣ, Женья свернулъ свой въ тру-
бочку и положилъ на свой столъ: ему аттестатъ понадо-
бится, когда онъ пойдетъ черезъ недѣлю въ Огорѣлышевскій
банкъ.

На педагогическомъ совѣтѣ, когда обсуждался вопросъ
о Финогеновыхъ, и кое-кто изъ учителей предлагали **д**ать
Колѣ кромѣ званія кандидата коммерціи еще и
медаль, Арсеній замахалъ руками:

— Дай ему медаль,—сказалъ Арсеній,—онъ ее возьметъ
и кинетъ въ помойку!

Объ этомъ Коля узналъ отъ любимаго француза и
ночью, вспомнивъ, рѣшилъ ужъ безповоротно, что ни въ
какой банкъ Огорѣлышевскій онъ не пойдетъ, а выгонять
изъ дому, пойдетъ на улицу, а на своемъ поставить.

Не прошла и недѣля, напялилъ Женья свою изодран-
ную курточку, снялъ съ форменнаго картуза гербъ, и съ
аттестатомъ пошелъ въ Огорѣлышевскій банкъ и тамъ,
толкаясь въ пріемной, долго ждалъ Арсенія. Наконецъ
пріѣхалъ Арсеній, взялъ аттестатъ, сдѣлалъ для острастки
внушеніе и, упрекнувъ въ разгильдяйствѣ, велѣлъ всякій
день приходить въ одну изъ комнатъ съ ярлычкомъ **к**асса.
И пошла съ этого дня служба: Женья долженъ былъ вести
кассовую книгу.

Черезъ управляющаго Андрея Коля вызвался въ банкъ
только на слѣдующій день, а сначала велѣно было **и**тти
ему въ Колобовскій домъ къ Никѣ—Никитѣ Николаевичу
благодарить: Ника платилъ за Колю въ училище.

Колобовскимъ садомъ по знакомымъ дорожкамъ и ал-
леямъ, мимо бесѣдокъ и статуй съ отбитыми носами, Коля

подошелъ къ подъѣзду огромнаго съ колоннами стараго дома, когда-то принадлежавшаго какому-то знатному графу, потомъ мушкетеру Колобову, а затѣмъ перешедшаго съ приданнымъ Нику Огорѣлышеву.

Щеголеватый лакей провелъ Колю въ классную Юрика, двоюроднаго брата, кончившаго съ Женей и Колей Огорѣлышевское училище. Коля сѣлъ къ окну и сталъ ждать Нику, какъ осенью въ прихожей рублеваго дома ждалъ Маргаритку, только тамъ въ рублевомъ домѣ, глядя на Демку — Мокву, у него отъ нетерпѣнія духъ захватывало, а теперь онъ просто робѣлъ. И, горячась, Коля доказывалъ себѣ, что глупо такъ вести себя, не маленькій онъ, и робѣть нечего, и чувствовалъ, что съ каждой минутой робѣетъ все больше и больше, сжимается весь, становится маленькимъ и пришибленнымъ.

Ждать становилось невыносимо, и, вскочивъ со стула, Коля попробовалъ ходить по комнатѣ. А прохаживаясь по комнатѣ, не разъ и не два ловилъ себя, что ходить на цыпочкахъ, и ужъ злился на себя, но подѣлать ничего не могъ.

— А, это ты! Что тебѣ надо?—неслышно вошелъ Ника.

Коля вздрогнулъ и синю и невнятно проговорилъ приготовленную благодарность:

— Благодарю васъ, дядюшка, за ученье!—и, сгорбившись, остановился.

— Что думаешь дѣлать?

Коля теребилъ ремень и чувствовалъ, что сказать прямо онъ не можетъ, просто духа не хватаетъ.

— Я слышалъ, служить ты не хочешь. Если ты считаешь поступить въ высшее учебное заведеніе, въ университетъ или куда ты тамъ хочешь, то не забывай, средствъ у васъ нѣтъ. Я понимаю, ну Юрикъ, да, но тебѣ съ Юрикомъ равняться смѣшно!

Коля покраснѣлъ, и, кажется, сейчасъ бы такъ и со-

гласился на все, и вдругъ, что-то властное колоколомъ загремѣло въ ушахъ.

— Я въ университетъ поступлю! — проговорилъ Коля рѣзко и твердо, какъ тогда Маргариткѣ.

— „La donna è mobile, qual piumo al vento!“ — напѣвая изъ Риголетто, Ника мягко прошелся по комнатѣ, поправилъ въ петлицѣ нѣжную туберозу, — повторяю, средствъ у васъ нѣтъ, дармоѣдничать нельзя, мы не можемъ васъ содержать до смерти, впрочемъ, какъ знаешь! — и махнулъ рукою, что означало: „мнѣ некогда!“.

Коля выскочилъ на улицу. Какая-то радость, какая-то гордость, казалось, до крови кусала ему сердце: доберется онъ, измучаетъ, исказнитъ на смерть за каждое выслушанное имъ слово — за каждый упрекъ.

Нѣтъ, не сѣрымъ волкомъ, спасающимъ Ивана-Царевича, не апостоломъ Петромъ, не французомъ, не о. Глѣбомъ, не самимъ Огорѣлышевымъ Арсеніемъ хотѣлъ бы онъ быть, нѣтъ, онъ хотѣлъ бы быть палачомъ. И громоздились плахи за плахами, щелкали пытки смертельными зубами.

Прошла недѣля, прошла и другая. Женья ходилъ въ банкъ въ свою кассу, а Колю больше нигде не вызывали, никто не назначалъ ему часа, — не приказывалъ являться ни въ контору, ни въ банкъ.

Коля досталъ себѣ уроки, а съ осени снова принялся за латинскій и греческій, но ужъ безъ того рвенія, какъ раньше: то Сашѣ было некогда, то просто не хотѣлось.

Пришла зима — подарила: черезъ управляющаго Андрея позвали Финогеновыхъ на вечеръ въ домъ къ Огорѣлышевымъ: Арсеній справлялъ свою серебряную свадьбу.

Финогеновы сначала уперлись, ни за что не хотѣли, но потомъ раздумались — поддались и пошли. И въ первый разъ такъ близко передъ ихъ глазами зашумѣлъ весь въ цвѣтахъ Огорѣлышевскій залъ, заигралъ богатыми драгоценностями: серебромъ, золотомъ, брилліантами.

Финогеновы стояли въ дверяхъ залы, въ залъ войти не рѣшались.

Изъ цѣлаго сада цвѣтовъ выплывали подхватывающіе звуки танца и, словно напоминая о чемъ-то, звали за собою и такъ общались вѣрно, сердце колотилось.

— Вонъ, Маля Огорѣлышева, Юрикова сестра, посмотри, какая она красивая!—толкнулъ Петя Колю.

— А вонъ Сухоплатова Танечка,—показалъ Саша.

— Нашъ директоръ!—Женя даже понятился.

Много, очень много мелкнуло передъ Финогеновыми и первыхъ красавицъ, и директоровъ, и всякихъ родственныхниковъ, которыхъ они въ первый разъ увидѣли, все людей важныхъ, и такъ близко.

Вдругъ танцы остановились, и изъ залъ стало тихо: гости разступались и кланялись.

Мимо Финогеновыхъ прошелъ высокій, на голову выше Арсенія, совсѣмъ не старый военный генералъ и, мутно обводя глазами, какъ-то вылощенно улыбался—это былъ самъ всесильный князь. А рядомъ съ княземъ шмыгалъ Арсеній, подобострастно заглядывая ему въ глаза, и ужъ слишкомъ увѣренно хихикая.

— Финогеновъ!—хлопнулъ по плечу Колю Сухоплатовъ, съ которымъ Коля учился, раскраснѣвшійся и запыхавшійся,—ты какъ сюда попалъ!

И Колѣ стало вдругъ обидно до слезъ, что этотъ богатъ Сухоплатовъ можетъ ему сказать такъ, и хотѣлось ему выкинуть что-нибудь, чтобы никто не смѣлъ его тронуть, и вдругъ сгорбился, какъ у Ники въ Колобовскомъ домѣ.

А изъ цѣлаго сада цвѣтовъ выплывали подхватывающіе звуки танца и, словно напоминая о чемъ-то, звали за собою и такъ общались вѣрно, сердце колотилось.

Финогеновы стояли въ дверяхъ залы, одѣты они были скверно: отъ Колинаго дешеваго пиджака несло какимъ-то

подгорѣлымъ стеариномъ. Они одни стояли у дверей и никто съ ними не здоровался, даже Сеня не подошелъ къ нимъ, и казалось имъ, все знали—и чувствовали ихъ, какъ что-то чужое и ненужное. Они слышали, какъ въ сосѣднихъ комнатахъ звенѣлъ дорогой хрусталь и вышибались пробки, но ихъ не угощаль никто, дали имъ только чаю.

Юрикъ Огорѣлышевъ, сынъ Ники, въ новенькой путевой формѣ, самъ какой-то весь новенькій, взмахнулъ руками, громко прокричалъ что-то, —названіе какого-то танца, и за нимъ понесся, полетѣлъ весь нарядный залъ.

Какіе-то словно пьяные звуки кружились и стучали, и такъ бы летѣть подъ эти звуки, летѣть съ ними безъ конца!

И на минуту, забывая свой красный флигель—домъ, Финогеновы, стоя у дверей зала, жили этой кружащейся, богатой, жизнью, и на сердцѣ таяло.

— Отправляйтесь-ка вы по домамъ! -- ударилъ надъ ними знакомый голосъ Арсенія.

И Финогеновы молча, гуськомъ, спотыкаясь о ковры и проталкиваясь среди шныряющихъ лакеевъ, которые, казалось, пронзали ихъ насмѣшливыми взглядами, вышли изъ бѣлаго Огорѣлышевскаго дома и мимо фабрики, мимо амбаровъ, мимо забитаго кегель-бана, мимо дровъ шли по двору, молча, не глядя другъ на друга: не хорошо было какъ-то глядѣть. И каждый изъ нихъ дѣлалъ видъ, строился, что ничего-то не произошло такого, чего бы ну, стыдиться надо было, не хотѣлъ никто изъ нихъ показать на себѣ того униженія, какимъ только-что каждый унизился.

— Средства нѣтъ, ничего не подѣлаешь!—вдругъ сказалъ Женья, но ему никто ничего не отвѣтилъ.

Молча, безъ всякаго шума вошли Финогеновы въ свой красный флигель.

— Ну что, какъ, весело было, шампанское вкусное?— встрѣтилъ ихъ Прометей, почему-то нарядившійся въ свою

праздничную коричневую визитку и въ штилеты безъ стука.

И Степанида, и Авдотья Степанидина, и Прасковья, и Арина Семеновна -- Эрихъ, всѣмъ хотѣлось знать, всѣ стали разспрашивать Финогеновыхъ о серебряной свадьбѣ.

Что имъ было рассказывать? Саша ушелъ къ себѣ -- въ Варенькину комнату, а Петя, Женя и Коля -- на верхъ въ дѣтскую. И тамъ молча раздѣлись, молча легли въ кровати.

Коля притворился спящимъ и не спалъ, не могъ спать, какъ не спалъ и Петя, и Женя, и внизу Саша. Казалось Колѣ, будто кто-то словно подымалъ его высоко, до самаго потолка и, грозя опустить на полъ, держалъ въ воздухѣ. И было ему страшно подумать, страшно взглянуть въ свою душу... не хорошо было глядѣть ему въ свою душу -- на свое униженіе. И чувство его было жгуче, больнѣе, чѣмъ когда онъ сидѣлъ у окна послѣ своей порки и послѣ своей пощечины за театръ: ужъ лучше бы никогда ему не стоять у дверей Огорѣлышевскаго зала, не заглядывать въ освѣщенный нарядный залъ.

А морозное утро, крѣпкое, нанизывало жемчугъ на окна.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Розикъ.

Зима съ серебряною свадьбой внесла въ Финогеновскую жизнь какой-то разладъ, словно съ этого дня что-то сорвалось въ ихъ красномъ флигелѣ и гнало ихъ изъ комнаты въ комнату, вонъ изъ дому. И Финогеновы бродили по комнатамъ, по двору и по саду, нигдѣ не находя себѣ мѣста. На дворѣ лежали, дрова, и ходила фабрика, и сновали фабричные, и такимъ жалкимъ и злымъ казалось все. Все раздражало—драки прежней не было, но часто изъ-за пустяковъ они ссорились, и все изъ рукъ валялось—сколько за зиму перебили посуды!

— Кто-то выживаетъ!—говорила Прасковья.

На новый годъ пропала кошка Маруська, любимица бабушки Анны Ивановны.

— Не хорошо,—потягивала табачнымъ носомъ Арина Семеновна—Э р и хъ,—тварь уходитъ, твари неспокойно.

Околѣлъ Мальчикъ, остался одинъ Розикъ.

— Вотъ и Мальчикъ отошелъ!--вздыхала Степанида.

Пропадавшій по святымъ мѣстамъ, вернулся на масляницу печникъ Сѣма юродивый, зашелъ къ Финогоновымъ. Степанида блины собиралась печь, а онъ взялъ ковшъ воды да и залилъ у ней огонь въ печкѣ и вышелъ, что-то бурмоча и покачивая головой—барабаномъ съ бубенцами.

— Жди бѣды, безпремѣнно!—помаргивала Душка-Анисья, забѣгая на финогоновскую кухню чаю попить,—Сѣма зря не чихнетъ и не плюнетъ.

Но если бы не одинъ, а тысячу юродивыхъ и самымъ обыкновеннымъ языкомъ сказали бы въ одно слово, что Финогоновыхъ бѣда ждетъ, все равно, развѣ повѣришь, развѣ можно повѣрить человѣку? А можетъ, бѣда и минуетъ, а можетъ, и ошибается Сѣма. И вотъ жизнь идетъ, какъ шла и безъ Сѣмы, безъ его вѣщихъ юродствъ.

За зиму Арсеній нѣсколько разъ вызывалъ къ себѣ Сашу и предостерегалъ его: дружба съ Сергѣемъ Молчановымъ такъ даромъ пройти не можетъ и кончится тѣмъ, что Сашу и изъ университета выгонять и туда пошлютъ,—самъ не обрадуешься.

Два года еще больше отточили черты Саши: глаза его словно заковались, темные усы и борода выдвинули скулы, а на лбу ярче обозначились впадины.

Для тѣхъ, кто зналъ Сашу еще гимназистомъ, переходъ его изъ смиренника-монаха въ монаха-революціонера казался просто невѣроятнымъ. Когда-то завѣтъ старца: надо принять всю судьбу, всякую недолю и принять ее вольно и кротко и благословить ее всю до конца—былъ этотъ завѣтъ для Саши заповѣдью. Теперь же, если спросить его, что грѣшетъ въ немъ его душу и жесточить его мысли, онъ отвѣтилъ бы твердо: ему нѣтъ примиренія.

Во имя своей непримиримости, несогласія своего съ судьбою, онъ истязалъ себя, какъ тогда въ примиреніи, если не больше.

Съ глубокой горечью обманувшагося прекратилъ онъ всякія общенія съ о. Глѣбомъ, и всѣ грѣящіе лучи-мысли стоятеля Божьяго представлялись ему теперь какъ-ми-то засоренными источниками, мутнымъ свѣтомъ сквозь мглистое снѣжное небо.

Сашу тянуло къ рѣзкимъ ударамъ, — черезъ кровь, черезъ огонь, черезъ жертву ступить гулко по землѣ, бросить вызовъ и самому сгорѣть — расточить жизнь свою, какъ говорилъ Саша. Расточеніе жизни въ непримиримости сводилось у него къ убійству, къ уничтоженію тѣхъ людей, „которые своей дѣятельностью мѣшали жить“ Это и соединило Сашу съ Сергѣемъ Молчановымъ и съ товарищами его, которыхъ Саша встрѣтилъ у Сергѣя. Никого они еще не убили и ничего для убійства не приготовили, и все было пока только въ словахъ и въ душѣ. Вся кровавая лежала передъ Сашей его мать-пустыня, призывающая въ свою огненную пустыню.

И шли его дни кипуче до ожесточенія, вспыхивали радостью правоты, раскалялись отъ мучительнаго голоса исподнихъ заваленныхъ сомнѣній и просыпающихся бунтующихъ заглушенныхъ чувствъ.

Петя не румяный, поблѣднѣвшій, все еще таскалъ свой ранецъ въ гимназію и, хотя оставалось ему всего ничего, а будто и конца нѣ было. Въ воскресенье часто по цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ у окна за стаканомъ пива и все думалъ о чемъ-то, глядя за Боголюбовъ монастырь, за бѣлыя башенки, и казалось, сидѣть бы ему такъ, сидѣть всю жизнь, гадать и загадывать ..

Коля, измытарившійся за зиму—всякій день могли его вызвать и снова начать разговоръ о его поступленіи въ банкъ,—жилъ безтолочно: словно все расплзлось передъ нимъ и ускальзывало, дразнило его и не давалось. Какъ на грѣхъ съ Машкой—съ Машкой Пашковой бѣда стряслась: забеременѣла Машка, и пришлось черезъ Прасковью

Душку-Анисью просить поправить дѣло. Душка-Анисья не только языкомъ соринки въ глазу искала, но какъ-то глазомъ,—такъ сама она говорила,—умѣла прибрать въ челоуѣкъ все лишнее, и такъ, что никакого и слѣда не останется. Чуть не померла Машка. А умри она, пожалуй, и гора бы съ плечъ! Свезли Машку въ больницу, лежала она тамъ, въ больницѣ, и выходилась, но уже на фабрику ее больше не приняли, и перебралась она въ комнату въ Бакаловскій домъ,—на Сухоплатовской фабрикой Бакалова домъ съ дешевыми квартирами, комнатами и углами, биткомъ набитый всякой бѣдной: тутъ и зонтичники, и шляпочники, и щеточники, и сбитеньщики, кого-кого только нѣтъ. Коля заходилъ въ этотъ домъ къ Машкѣ, — промышляла Машка поденной работой. И каждый прожитый день былъ для Коли, что камушекъ: камушекъ за камушкомъ падалъ и куда-то прямо на сердце.

Вербная Суббота—день распуска на Святую былъ въ этотъ годъ рѣдкимъ днемъ въ жизни Пети: до экзамена его допустили, и пришелъ конецъ его долголѣтняго гимназическаго мытарства. Цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ таскалъ онъ ранецъ, двѣнадцать лѣтъ долбила его ненавистная ему проклятая гимназія.

По давно данному обѣщанію Петя, Женья, Коля и Прометей вмѣсто всенощной отправились въ подвальную пивную на Камушекъ къ пивнику Гарибальди и всю всенощную шла попойка, а когда Гарибальди заперъ пивную, Петя торжественно, тоже по обѣщанію, легъ посреди улицы въ лужу и, бултыхаясь, грязнилъ и мазалъ свою драную гимназическую шинель. А потомъ ужъ наверху въ дѣтской разодрали Петинъ ранецъ и пили водку.

Прометей накачался до такой одури,—и Вербное и Чистый понедѣльникъ безъ просыпу спалъ и, очухавшись только во вторникъ, совсѣмъ обалдѣлъ и никакъ не могъ со-

образить, гдѣ онъ, кто вокругъ и какъ зовутъ его, и только ненавистную тетку свою Арину Семеновну—Эрихъ онъ чувствовалъ и, морщась, моргалъ, какъ отъ какого-то яркаго свѣта.

— Очхнись, отшельникъ!—усовѣщевала Арина Семеновна, — мать родную не узнать! Видно, нечистому и душу-то свою собачью пропилъ.

— Господи, никакихъ концовъ не найти! — моргалъ Прометей, шаря вокругъ себя.

— Насосался! стыдъ-то какой!—совѣстила Степанида.

— Напущено, дѣвушка, —горевала Прасковья, —злыми людьми напущено, и молитва не помогаетъ.

Долго Финогеновы возились съ своимъ помутнѣвшимъ Прометеемъ: и щипали, и щекотали его, и легонько перышкомъ въ носу шевелили, и горчицей губы мазали, мало помогало.

— Господи, никакихъ концовъ не найти! — моргалъ Прометей, шаря вокругъ себя.

И когда ужъ хотѣли Финогеновы отступить, а Степанида за Душкой - Анисьей побѣжала, Прометей самъ собою сорвался изъ дѣтской и прямо вонъ за дверь во дворъ.

Какъ ошалѣлый, метался Прометей по двору и все не могъ притти въ себя, визжалъ, плакалъ, трясъ головою и вдругъ схватилъ полѣно и съ какой-то радостью ударилъ въ подвернувшуюся собаченку Розика, будто въ Розикъ хранилась вся тревога его, все безуміе, все отчаяніе великаго челоуѣка, обреченнаго на ничтожество.

Съ перешибленной лапкой, взвизгнувъ, бросился Розикъ подъ террасу, и тамъ затихъ, и Прометей затихъ, ожилъ Прометей, отдышался.

Полѣзла Прасковья подъ террасу, старуха старая согнулась она вся, и тамъ поймала собаченку, перекрестилась, вытащила ее на волю и понесла въ домъ.

Розикъ лежалъ у Саши въ Варенькиной комнатѣ, на Варенькиной кровати, подвернувъ перешибленную свою ланку и, подрыгивая лапкой, плакалъ молча: ну въ чемъ же онъ-то былъ виновенъ?

И Прасковья плакала.

— Молитва, дѣвушка, не помогаетъ!

И во всемъ домѣ въ красномъ Финогеновскомъ флигелѣ не хорошо было, помалкивали въ комнатахъ.

А Прометей все заглядывалъ въ комнату къ Сашѣ, справлялся у Саши, не прикажетъ ли Саша пройти куда— къ Алексѣю Алексѣвичу или къ Сергѣю Алексѣвичу, или сдѣлать не надо ли чего, переписать что-нибудь? Онъ, вѣдь, не нарочно ударилъ Розика?

А Розикъ лежалъ у Саши въ Варенькиной комнатѣ на Варенькиной кровати, и, подрыгивая перешибленной лапкой, плакалъ молча.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Стопудовое яйцо

Страстная прошла тихо. Финогеновы говѣли и въ церковь къ Покрову ходили къ службамъ, а то въ послѣдній годъ рѣдко ихъ видѣли у Покрова. У Розика лапка поджила, и на первый день Пасхи онъ ужъ по двору за собаками бѣгалъ и лаялъ, какъ обыкновенно. И первые два дня Пасхи прошли тихо, а на третій день Петя, Женя и Коля съ Прометеемъ опять сидѣли на Камушкѣ въ подвальной пивной у Г а р и б а л ь д и — разговлялись. И вернулись они домой поздно и совсѣмъ нетвердо.

Приснилось Колѣ, сидить онъ будто наверху, въ дѣтской, въ окно смотреть, а пустырь — огороды подъ монастыремъ распаханы. Въ дѣтскую входитъ дѣвочка, держитъ яйцо въ рукахъ, безглазая, стала дѣвочка въ дверяхъ, стоитъ, протянула руку съ яйцомъ, безглазая. Безглазая она, а такъ всю душу насквозь проходитъ. И чувствуетъ Коля, какъ сердце его будто расщепляется.

— Коля, вставай, въ Боголюбовѣ пойдемъ къ обѣднѣ! — услышалъ Коля голосъ Саши, и это вывело его на свѣтъ.

Коля поднялся, закурилъ папироску. Послѣдніе ключья сна съ болью таяли, и подплывала къ сердцу какая-то радость, будто угрожавшая ему опасность миновала.

Сонная комната въ ярко-желтыхъ лучахъ показалась Колѣ особенной, золотой, и голубой дымъ папиросы, увязая, цапался и, обезсиленный, сдаваясь, таялъ.

Посреди комнаты, уткнувшись въ сапогъ и подобравъ согнутыя ноги къ подбородку, валялся Прометей, поскрипывая зубами, и было въ лицѣ его столько гордости и величія, будто закусилъ онъ не Петинъ сапогъ, а сапогъ всего міра.

Колѣ вдругъ вспомнилась ночь, вспомнилась подвальная пивная, драка въ пивной, и онъ бросилъ папиросу и снова повалился, но Саша заторопилъ его.

Въ голосѣ Саши была и настойчивость и еще что-то особенное, и это подняло Колю на ноги, онъ быстро одѣлся, и они вышли.

Несмотря на ранній часъ и середину апрѣля, лѣтне парило. Даже въ низкихъ мѣстахъ какъ-то сразу истлѣлъ снѣгъ, ледъ за ночь лопнулъ и пошла рѣка.

Весь на солнцѣ стоялъ монастырь, и жарко горѣли золотые шпицы бѣлыхъ круглыхъ башенокъ. Въ монастырѣ звонили къ обѣднѣ, какъ только звонятъ на пасхальной недѣлѣ, звонили съ малиновымъ переливомъ. И со звономъ колокола доносилъ вѣтеръ тревожный шумъ и гулъ половодья.

Итти было легко: еще влажная теплая земля уходила подъ ногами, и послѣ зимы чувствовалась земля такая влажная и теплая.

На откосѣ зеленѣла тоненькая травка. Коля спустился къ Синичкѣ, сорвалъ одуванчикъ и шелъ съ нимъ, какъ съ золотой свѣчкой.

Самъ себѣ казался Коля такимъ воздушнымъ и хрупкимъ, словно все тѣло его простѣлось, и онъ слы-

шалъ и чувствовалъ и самый малый шорохъ, и вотъ онъ переломится или растаетъ въ воздухѣ, и тоска заливала все его сердце.

Ночь и подвальная пивная не выходили у него изъ головы, возстановлялась подробность за подробностью, лѣзла къ самымъ глазамъ, дышала своей мерзостью, и отдѣлаться не было силъ, а заглянуть поглубже, чтобы ужъ навсегда отойти прочь, страшно было, и путался неоплаченный счетъ, драка, и какіе-то плевки, покрывавшіе всю пивную ночь.

Саша твердо рѣшилъ порвать съ кругомъ Сергѣя Молчанова. И не потому, что непримиримость его остыла въ немъ, а просто потому, что никакой партіи, никакому лицу не могъ онъ подчиниться, не могъ выслушивать ничьихъ замѣчаній, не могъ выносить, когда говорили ему, что онъ не смѣетъ чего-нибудь дѣлать такъ, какъ онъ хочетъ, а долженъ дѣлать только такъ, какъ рѣшила партія. Среди людей, объединявшихся вокругъ Сергѣя Молчанова, были два-три человѣка, настроенные до какой-то изступленности въ своей непримиримости и готовы были умереть, осуществляя свое дѣло—„убійство лицъ, вредныхъ и мѣшающихъ жизни“. Саша уважалъ ихъ, но съ ними было тѣсно ему, это онъ давно уже чувствовалъ и только недавно сказалъ себѣ ясно и безъ колебаній, онъ не могъ такъ замкнуться, такъ ограничить свой міръ, такъ обезглавить его. И вотъ онъ рѣшилъ совсѣмъ уйти: онъ пойдетъ къ Сергѣю Молчанову и тамъ скажетъ имъ все по правдѣ, прямо въ глаза,—пускай дѣлаютъ, какъ знаютъ и что хотятъ.

И принявъ рѣшеніе свое, онъ чувствовалъ какую-то злобу, злость и озлобленность: вѣдь такъ долго и такъ много ждалъ онъ осуществить дѣло свое, которое теперь одному ему не исполнить, а съ другими ужъ не можетъ, и ему хотѣлось расплатиться съ кѣмъ-то за всѣ ночи свои, когда сердце его лопалось, за всю жгучесть мечты своей, за свое дѣло, которое совершить хотѣлъ.

Воскресенія день!
И просвѣтимся людіе
И другъ друга обьемемъ...

— донеслось пасхальное пѣніе изъ раскрытыхъ оконъ Боголюбовскаго собора, когда, поднявшись по лѣстницѣ на монастырскую гору, Саша и Коля вошли въ ограду.

Въ соборѣ было много народу, еле пробрались они на паперть. Но и на паперти душно было и отъ свѣчей и отъ ладана, и скоро они вышли изъ церкви, потолкались за воротами съ богомольцами около каменной лягушки, упирающейся въ башенку старца, и повернули опять въ ограду на кладбище.

— А помнишь, Саша, наши службы, наши стоянія на верху? Мы бы тогда всѣ молебны съ акафистами выстояли!—сказалъ Коля: пасхальное пѣніе всколыхнуло всю его память, и онъ почувствовалъ, какъ ему больно, что прошло прежнее.

Саша горько и злобно засмѣялся.

— Ты теперь и въ Бога не вѣришь?—спросилъ вдругъ Коля.

— Развѣ это такъ важно, вѣрю я или не вѣрю?—рѣзко отвѣтилъ Саша.

— А я, Саша, совсѣмъ объ этомъ не думаю, просто не думается мнѣ... или потому, что мнѣ выспаться надо...

Они подошли къ Огорѣлышевскому склепу - часовнѣ, сѣли на каменные ступеньки.

Красный огонекъ лампадки поглядывалъ на нихъ сквозь матовое окно.

— Помнишь, что сказалъ старецъ,—Саша показалъ на башенку,—Вѣруешь ты въ Бога или не вѣруешь, не это важно, а важно то, съ Христомъ ли ты или безъ Христа! Только не къ тому я говорю это, чтобы оправдать себя и безъ вѣры съ Христомъ быть. Пу-

скай себѣ старецъ остается со своимъ Христомъ и благословеніемъ. Я не могу,—Саша поднялся,—не могу я благословить судьбу—не-долю, бѣду человѣческую съ ея скорбью, печалью, нуждой, а разъ я не могу благословить ее, и съ Нимъ не могу быть. И если я въ себѣ благословилъ бы ее, я не могу въ тебѣ благословить ее, вонъ въ томъ калѣкѣ не благословлю, и въ Розикѣ не благословлю, какъ лежалъ онъ тогда съ перешибленной лапкой.

— Ты, Саша, теперь совсѣмъ не улыбаешься, а бывало, какъ начнешь разныя небылицы сочинять о гимназіи: о лицѣ страусовомъ въ шестьдесятъ пудовъ, помнишь, рассказывалъ, какъ физикъ въ классъ едва дотащилъ его, ты все улыбался, и когда игрушки мнѣ приносилъ, тоже улыбался.

— Старецъ сказалъ бы, что тогда на мнѣ былъ духъ Божій,—горько и злобно засмѣялся Саша.

— Конечно, конечно,—Коля вскочилъ и даже покраснѣлъ весь, словно нашелъ разгадку какого-то мучительнаго вопроса,—духъ Божій! Духъ Божій и на мнѣ былъ, духъ Божій! Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, ну что божескаго въ угрюмости, въ мукѣ, въ страданіяхъ человѣческихъ, а когда болтаешь, когда врешь о небылицахъ, духъ занимается отъ какой-то радости—это, вотъ именно это и есть божеское, духъ Божій!

А Саша желая, должно быть, улыбнуться попрежнему, кривя губы, протянулъ руку.

— Христа ради подайте милостыньку на яйцо стопудовое!—и вдругъ нахмурился, взялъ у Коли одуванчикъ и, отворивъ дверь часовни, положилъ на каменную плиту,—вотъ цвѣтокъ и пригодился.

— Варенька, барышня несчастная!—тихо проговорилъ Коля, вспомнивъ, какъ называли фабричныя Вареньку,—вотъ мы и пришли къ вамъ, Христось воскресе!—и подумалъ: „проклятые пришли“ и ужаснулся, что подумалъ такъ, и

иъ ужасѣ прошепталъ, какъ когда-то въ отчаяніи шептала Варенька:—Господи, подкрѣпи меня!..

А въ это время краснымъ звономъ зазвонили во всё колокола: обѣдня кончилась и тронулся крестный ходъ съ артосомъ. Всю пасхальную недѣлю въ Боголюбовомъ послѣ обѣдни бывалъ крестный ходъ, носили вокругъ собора артосъ.

Саша и Коля пошли за народомъ и, дойдя съ крестнымъ ходомъ до бѣлой башенки, словно по уговору поднялись по знакомой каменной, холодной, полутемной лѣстницѣ. Но у самой двери Коля, словно спохватившись, повернулъ назадъ.

— Я не могу,—сказалъ онъ тихо и медленно, съ большимъ усиліемъ выговаривая слова, и почувствовалъ, какъ что-то мучительно-страшное, что подходило къ его душѣ, о чемъ и самому себѣ онъ не могъ сказать, теперь сказалось: ему тоже, какъ Сашѣ, надо кончить свое дѣло, только Саша во всемъ чистъ, онъ же кругомъ виноватъ.

И дверь башенки закрылась за Сашей.

О. Глѣбъ обрадовался гостю,—такъ давно никто изъ Финогеновыхъ не заходилъ къ нему,—о. Глѣбъ похристовался съ Сашей. Пирскій, послушникъ старца, принесъ чаю и пасхи.

Саша замѣтилъ, что старецъ не то чѣмъ-то разстроены, не то боленъ: губы, совсѣмъ сохлыя, вздрагивали, и щеки потемнѣли, какъ у мертваго, улыбался онъ, но лежала на улыбкѣ ѣдкая горечь.

„Можетъ, и заходить не надо было!“—подумалъ Саша, а на сердцѣ кипѣло, и не притронувшись къ пасхѣ, сразу заговорилъ:

— Вотъ сейчасъ только-что Коля сказалъ мнѣ, что я и улыбаться пересталъ, а я, какъ вошелъ въ вамъ, посмотрѣлъ на васъ, и подумалъ: вотъ и вы послѣ всѣхъ вашихъ благословеній страданіямъ и бѣдамъ человѣческимъ

на вашей ступени недосыгаемой тоже что-то плохо улыбается.

Старецъ молча перекрестился: въ келью донеслось пѣніе Христосъ воскресъ—это крестный ходъ возвращался обратно.

— Нѣтъ, видно съ вашимъ благословіемъ...—задумался Саша,—не создашь ничего крѣпкаго и нерушимаго. Ну какъ это можно? Чтобы улыбаться, надо пройти черезъ весь адъ да еще и благословить его!—и вдругъ подумалъ:—„Да зачѣмъ же это онъ пришелъ-то къ старцу? Сказать, что принялъ рѣшеніе кончить свое дѣло съ Сергѣемъ Молчановымъ и непримиримость свою всю при себѣ оставить, похвалиться передъ старцемъ?“—и глухо сказалъ то, что еще ни разу и себѣ не говорилъ:—не вѣрю я въ нихъ, о. Глѣбъ,—и, удивленный словамъ своимъ, поправился—не могу я подчиняться и не хочу!—и загорячился, —никуда оно не годно, ваше благословіе, расслабитъ оно, погубитъ всякую жизнь, расплодитъ всякихъ паразитовъ, нѣтъ, только рѣзкій ударъ, грозная встряска, кровавый бичъ укрѣпять жизнь и зажгутъ мечту. А что дѣлать съ вашей любовью и всепрощеніемъ, когда задохнуться въ пору, посмотрите, люди костенѣютъ въ безкровной изморози, глаза у нихъ слипаются, сонные какіе-то, они кутаются, зябнутъ, идутъ шажкомъ и топчутъ полегоньку другъ друга, топнетъ, а самъ посмотреть,—не больно ли?.. А надо подойти и... вотъ такъ!—Саша рѣзко поддался впередъ, будто ножомъ ударилъ.

О. Глѣбъ привсталъ съ кресла. Мускулы задержались на его лицѣ, какъ тогда, на Пасху, у гроба Вареньки.

— Что?—спросилъ Саша съ какимъ-то задоромъ,—я еще никого не зарѣзалъ!

Старецъ опустился въ кресло и не сказалъ ни слова.

— Не хотите мнѣ отвѣчать,—сказалъ Саша ужъ затихшимъ голосомъ обиженнаго,—говорить со мной не хо-

тите, а вѣдь знаете, вижу, что знаете, зачѣмъ кровь проливается. Или рано мнѣ знать тайну-то вашу, такъ что ли, не благословилъ я еще не-доли вашей, не переступилъ я за послѣднія страданія, гдѣ и кровь разрѣшается, гдѣ кровь, тайну крови постигаютъ? а знаете вы, какъ поймутъ васъ, съ вашимъ примиреніемъ-то?—будто поддразнивая, спросилъ Саша,—не знаете? Всякій негодай, всякій трусъ за васъ ухватится, всякій паразитъ, всякій насильникъ ручку у васъ поцѣлуетъ. Вы задачу даете непосильную, ну сами посудите, кто ее рѣшитъ: черезъ всѣ муки пройти надо и дойти до послѣдняго страданія и ему, безглазому страданію-то, поклониться. У кого хватить силъ, у кого достанетъ духа! Нѣтъ, не такъ васъ поймутъ, и рѣшать никто не будетъ по-вашему, а перевернетъ все примиреніе ваше въ самое неподлѣйшее помыканіе и пойдетъ душить и ѣсть поѣдомъ и давить и, что хотите, такъ одни, съ одной стороны, а другіе сами отъ отчаянія вѣшаться начнутъ, травиться начнутъ.

— Душа-то твоя, Саша!..—едва проговорилъ старецъ и, не досказавъ, замолкъ.

— Душа!—захохоталъ Саша,—а что въ ней!—и опять перевернулъ на свое, съ чѣмъ и пришелъ къ старцу,—не хочу я, чтобы мою душу убивали, и не отдамъ я ее, никому не хочу уступать!—и, страшно поблѣднѣвъ, застылъ весь, глядя въ упоръ на старца:—а кровь-то и Христу понадобилась... Чтобы притти на землю, вѣдь зачѣмъ-то понадобилось столько невинной дѣтской крови, зачѣмъ-то надо было убить столько младенцевъ! Вы же сами рассказывали, помните? А если Христа никакого и не было,—усмѣхнулся Саша,—и если избіеніе младенцевъ только легенда, ученые это доказываютъ, то все равно легенда пошла, не спроста же такая легенда пошла. Кровь-то она нужна, для любви нужна, такъ выходитъ. Ты возненавидь всѣмъ сердцемъ твоимъ, возненавидь всею душою своею, убей, и придетъ любовь.

— Если не полюбишь врага своего, нелюбовью измучаешься, а твой ножъ и кровь, пролитая тобою, на тебя же обратятся,—о. Глѣбъ запечалился, губы его вздрагивали.

-- Не могу я простить,—заерзалъ Саша,—и скажите, пожалуйста, какъ же поступить мнѣ съ человѣкомъ, который людей ѣстъ, да. ѣстъ, жизнь у нихъ отнимаетъ, какъ поступить со всѣми этими, кто приказываетъ и кто исполняетъ повелѣнія, отъ которыхъ гибнуть люди? Уничтожить ихъ только, больше ничего не остается.

— Подойди къ нему, врагу своему,—заговорилъ старецъ,—загляни въ глаза: глаза его горюють, на немъ своя бѣда, охъ, страшная бѣда! А ненависть твоя не зальетъ и не раскроетъ тебѣ этой горечи и бѣды его. Нѣтъ, ты подойди къ нему, загляни въ глаза...

— А онъ захочетъ?.. Да онъ тебя ножомъ пырнетъ. Ха, ха! Онъ съ тебя шкуру будетъ драть, а ты съ губами потянешься, ха, ха! Я, можетъ, подходилъ и не одинъ разъ,—ужъ съ горечью сказалъ Саша,—руку мою протягивалъ и до корней волосъ краснѣлъ отъ обиды: руку мою не принимали...

И, когда проговорилъ Саша свои послѣднія слова, вдругъ стало ему ясно, что говорить больше не стоитъ: старецъ не знаетъ ничего, а только изъ прописей повторяетъ ужъ много разъ слышанное, разыгрываетъ изъ себя какого-то блаженнаго, увертывается и виляетъ, лжетъ передъ нимъ.

— Заповѣдь: убій! убій того, кто убиваетъ — вотъ она заповѣдь!—Саша всталъ съ мѣста и твердо заходилъ по кельѣ,—за зло тысячекратнымъ зломъ... Да, кровь... и если я не пролью крови, такъ не мою, Богъ съ ней съ моей. вашу прольютъ, Розикову прольютъ.

Старецъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, казалось, и не слушалъ Сашу, дремалъ въ своемъ мягкомъ удобномъ креслѣ.

И гадокъ и омерзительнѣ сталъ въ эти минуты для Саша старецъ.

„Вотъ онъ схимой прикрылъ свои прогнившіе глаза!“—думалъ Саша, злорадствовалъ, ему чудился запахъ, шелъ запахъ по кельѣ, проникалъ сквозь платье, черезъ кожу, сосалъ сердце. И такъ захотѣлось Сашѣ обидѣть, унижить старца,—„старый лгунъ,—думалъ онъ,—изжилъ всѣ свои силы,“—такъ хотѣлось ему крикнуть въ лицо старца самое тяжелое оскорбленіе, такую обиду горькую, чтобы прожгла она всю его святость,—„показную святость заклинателя бѣсовъ!“—сказалъ себѣ Саша. Мысли его разрывали другъ друга и разорванныя, бросались другъ на друга, кипѣло сердце.

— Саша,—сказалъ старецъ и дрожащей рукой протянулъ ему красное пасхальное яичко,—Саша, сохрани его на всю жизнь.

„Стопудовое,—вспомнилось Сашѣ,—Христа ради подайте милостыньку на стопудовое!“—и, не принявъ подарка, стиснулъ онъ зубы отъ горечи, закрылъ лицо и сидѣлъ такъ, не раскрывая лица.

Въ монастырѣ ударили къ вечернѣ.

Очнулся Саша, вспомнилъ: къ четверемъ онъ долженъ поспѣть къ Сергѣю Молчанову, чтобы всѣхъ застать у него и навсегда ужъ покончить со всякими дѣлами, и со всякой своей непримиримостью, и, не принявъ благословенія, вышелъ вонъ изъ кельи.

Старецъ до двери проводилъ Сашу, сползъ съ лѣстницы и долгимъ взоромъ сердца глядѣлъ вослѣдъ ему: губы горько перебирали,—старецъ молился,—и рука крестила,—старецъ молился,—и рука крестила еще неясное, еще далекое, что вышло и наступало на человѣка:

— Господи, подуѣй, подуѣй, Господи, святымъ духомъ на землю!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Плямка.

Коля любилъ Машу-горничную, во снѣ она снилась ему, и всякій разъ, просыпаясь, онъ чувствовалъ какую-то слитность со всѣмъ міромъ, будто за ночь произошло что-то, что соединило его съ каждымъ предметомъ и не оставило никакихъ промежутковъ. Коля любилъ Вѣрочку, которую, казалось ему, не разъ онъ видѣлъ мелькающей въ толпѣ, и сердце тогда замирало, и духъ захватывало. Съ болью любилъ онъ Маргаритку, съ болью вспоминалъ ее, всю, съ ея язвами, съ ея грубымъ крикомъ, какъ дорогое, безцѣнное, отшедшее. Но Машку—Машку Пашкову онъ совсѣмъ не любилъ или любилъ ее только съ закрытыми глазами, видя передъ собою то Машу, то Вѣрочку, то Маргаритку, а за любовь ея, изводящую и покорную, ненавидѣлъ порою и еще ненавидѣлъ за то, что ужъ очень ясно представлялъ себѣ, какъ самъ-то онъ смѣшонъ и надоѣдливъ съ своею Машкиною любовью къ Машѣ, къ Вѣрочкѣ, къ Маргариткѣ. И жестоко издѣвался надъ Машкой: приходилъ онъ въ Бакаловскій домъ, въ ея комнатеику, и не одинъ приходилъ, а съ

Петей или съ Женей или съ Алексѣемъ Алексѣвичемъ и ихъ вмѣсто себя предлагалъ ей. Последнее время Машка выходила по ночамъ на бульвары. Что у ней было на сердцѣ, какое отчаяніе, какія слезы, но она все исполняла, на что, надѣваясь, толкалъ ее Коля.

Сколько разъ хотѣлъ Коля все сказать Машкѣ, сказать ей, что не любить онъ ее и не любилъ никогда, и кончить, наконецъ, всю мучительную ложь, которая извела его, и все ничего не выходило,—то не рѣшался онъ изъ какой-то трусливой жалости, то рѣшиться не могъ просто изъ какого-то упрямства. Но теперь онъ твердо рѣшилъ все кончить и уйти куда-нибудь, начать новую жизнь.

Выйдя за монастырскую ограду, Коля пошелъ по дорогѣ къ Бакаловскому дому и такъ размечтался, такъ увѣрился въ себѣ, въ рѣшеніи своемъ, что забылъ, куда идетъ и зачѣмъ.

Ему казалось, что уже объяснился онъ съ Машкой, и она все поняла и со всѣмъ согласилась, и онъ ужъ уѣхалъ куда-то въ другой какой-то городъ далеко отъ Бакаловскаго дома и теперь только вспоминаетъ о прошломъ мучительномъ, но такомъ далекомъ.

И вдругъ Коля очнулся, и рѣшеніе его вдругъ куда-то исчезло, и онъ свернулъ на другую улицу въ сторону отъ Бакаловскаго дома.

Какъ былъ бы онъ счастливъ, если бы ничего не надо ему было дѣлать или все само собою сдѣлялось бы! И какъ завидовалъ онъ, кругомъ виноватый, Сашѣ, который былъ во всемъ чистъ. И чувство оторванности охватило Колю. Самъ себѣ представлялся онъ какою-то смертью, мыкающей среди всеобщаго воскресенія, и думалъ онъ, не разбираясь, о чемъ-то жуткомъ, что вотъ наступить, и тогда всему конецъ.

Долго бродилъ Коля по переулкамъ; пока ноги сами собою не вывели его къ знакомому Бакаловскому дому съ чер-

ной доской на воротахъ, сплошь измѣлованной фамиліями жильцовъ. Какъ клопы жили люди въ Бакаловскомъ домѣ.

На звонокъ вышелъ дворникъ Степанъ.

Коля стоялъ и смотрѣлъ на его рыжіе, засаленные усы, на мелкія, потныя рябины и ничего не говорилъ.

— Вамъ Машку?—спросилъ дворникъ и подмигнулъ: знаю, молъ, зачѣмъ вамъ она понадобилась.

— Машку, вызови Машку!—словно обрадовался Коля.

И пока дворникъ ходилъ за Машкой, сталъ онъ разбирать фамиліи жильцовъ на черной доскѣ, и одна чудная фамилія Плямка привязалась къ нему.

„Плямка!“—повторялъ Коля, бессмысленно глядя передъ собой, пока не выбѣжала къ нему Машка: она запыхалась въ своей драповой кофточкѣ, а на исхудаломъ болѣзненнымъ лицѣ ея свѣтилась улыбка.

Коля молча пошелъ отъ воротъ, и Машка за нимъ. Шли молча. Какъ пчела, налетала на Колю Плямка и жужжала гдѣ-то въ мозгу.

„Плямка!“—повторялъ онъ бессмысленно.

— Куда вы?—испуганно окрикнула Машка, схватила Колю за руку.

Но онъ вырвался, ничего не отвѣтилъ. И долго плутали они изъ переулка въ переулокъ, съ улицы на улицу.

Поровнявшись съ подвальной пивной, Коля вошелъ въ пивную, и Машка за нимъ.

Пивникъ Гарибальди—лысый, въ очкахъ, съ крошечной бородкой—колышкомъ, безъ усовъ, лукаво улыбался гостямъ.

Въ пивной было жарко.

Отдышавшіяся тяжелыя мухи полусонно перелетали по стаканамъ. И пиво казалось тягуче-приторнымъ.

— Самую новѣйшую откупорилъ-съ,—утѣшалъ Гарибальди какого-то оболваненнаго гостя, и улыбался.

А Колѣ казалось, пивникъ надѣ нимъ смѣется, да и какъ ему не смѣяться: вчерашняя-то ночь на его глазахъ прошла!

Машка жалко сидѣла въ своей драповой кофточкѣ, изъ-подъ платка выбилась у ней свѣтлая прядь волосъ, а лицо покраснѣлось. Нѣсколько разъ порывалась она рукавомъ вытереть себѣ потъ со лба, а тяжелый драповый рукавъ только шерстилъ.

Въ пивную набирались гости, занимали линкіе столики. Пробки на перебой хлопали.

— Не знаю, что мнѣ дѣлать,—нагнулся Коля къ самому лицу Машки,—слышишь, уѣду я, тяжело мнѣ такъ...

Машка испуганно захлопала покраснѣвшими глазами, а вѣки ея стали пухнуть, и губы вздрогнули.

— Съ другими ходишь... да?—ужъ рѣзко спросилъ Коля.

— Хожу,—едва слышно отвѣтила Машка, закрылась руками.

— И не захворала?

— Н-нѣтъ... еще...

— Съ кѣмъ?

— Да съ вашими... Сами вы, сами вы кругомъ виноваты! Отъ Бакалова-то, помните, написала я письмо вамъ, помните, а сама ночей не спала, все ждала васъ. Измучилась вся, ждавши, думала: не увижу ужъ. А вечеромъ пришли вы тогда поздно, и съ вами этотъ длинный... Поняла я тогда, сразу поняла все, чего хотите. И горько мнѣ и обидно мнѣ, такъ бы всю грудь разорвала себѣ.

Коля сморщился, ясно вспомнивъ вечеръ, когда пришелъ онъ къ Машкѣ Алексѣя Алексѣевича.

— Уйду я,—сказалъ онъ сухимъ голосомъ.

— Богъ съ вами!—Машка сжалась, ушла вся въ свою кофточку, только худенькое лицо ея еще больше зардѣлось.

Гарibaldi поставилъ на столъ еще бутылку.

Коля налилъ себѣ и Машкѣ и, не дожидаясь, сталъ пить.

— Плямка,—сказалъ кто-то,—ты и есть эта самая Плямка, безглазая, паршивая... Плямка.

Машка утерлась рукавомъ и залпомъхватила стаканъ.

— Навсегда?—спросила она рѣзко не своимъ голосомъ.

— Навсегда,—сказалъ Коля твердо, не взглянувъ на нее, и еще что-то хотѣлъ онъ сказать ей, чтобы смягчить рѣзкость свою, но мысли безалаберно мчались, и одна мысль была другую, и расплывающіеся звуки хмельныхъ голосовъ изводяще сновали.

А у Машки страшное слово одно выстукивало въ сердцѣ, выстукивало твердо, безъ пощады. Она не плакала, только лицо ея какъ будто состарилось, да яркія красныя пятна вспыхнули на щекахъ, а губы дрожали, словно надъ пропастью стояла она, словно сердце ей рѣзали. И вдругъ острая мысль о завтра будто разсѣкла ее съ головы до ногъ, и стало ей ясно, что въ ея завтрашнемъ днѣ нѣтъ ничего, ни единого самого малаго свѣтика. Кофточка на ней затопорщилась, будто лопнула. Она схватила Колинъ порожній стаканъ и хрюснула стаканомъ прямо Колѣ въ лицо.

И стаканъ, скользя по его губамъ, разлетѣлся вдребезги.

Коля на минуту видѣлъ лицо Машки, такое вдругъ большое и страшное. оно мелькнуло на минуту передъ нимъ, какъ шаръ-молнія, и вѣки его отъ боли захлопнулись.

Машка вѣмъ тѣломъ навалилась на Колю и била его кулакомъ по глазамъ, по его темнымъ глазамъ, скрывающимъ всю жизнь ея, всю тоску ея, все, все ея сердце. И кровь жгла ему щеки и губы и ползла по щекамъ и губамъ.

— Ой да бабенка! — гоготали въ пивной за столиками, и огромные красные рты раздирались отъ хохота.

Гарибалди подошелъ къ гусямъ, поправилъ очки, улыбнулся, взмахнулъ рукой.

И запѣли гусли заунывную широкую пѣсню,—пѣлась пѣсня, выплакивала, выговаривала:

„Мать-сыра земля, я — сынъ твой, не покинь меня!..“

Коля вырвался изъ рукъ Машки, размахнулся и шваркнулъ ее о землю.

И медленно поднялась Машка, сѣла къ столику, покорная, и затихла, и Коля сѣлъ къ столику, закрылся руками.

Капали на столъ капельки крови горячія, расплывались въ пролитомъ пивѣ.

„Мать-сыра земля, я—сынъ твой, не покинь меня!..“—дрожала струна, выплакивала, выговаривала.

И вдругъ задралъ чей-то визгливый, рѣзкій, какъ красный кумачъ, бабій голосъ кабацкую пѣсню:

У нашего кабака
Была яма глубока...

Показалось Колѣ, что закрыты всѣ двери, совсѣмъ наглухо забиты двери, и выйти нельзя. А на сердцѣ будто чьи-то тугіе желѣзные пальцы защемили сердце. Коля открылъ лицо, хотѣлъ сказать Машкѣ, не прощенье просить, а сказать ей, какъ тяжело, и за что такъ невыносимо тяжело, и, прокрипѣвъ неясно голосомъ страннымъ, какъ зеленъ, съ болью, уткнулся въ колѣни Машки и такъ застылъ, весь дрожа.

Какъ во этой-то во ямѣ
Завелись крысы-мыши,
А крысинный господинъ
По канату выходилъ...

визжалъ рѣзкій, какъ красный кумачъ, бабій голосъ кабацкую пѣсню.

— Сукина манишка! — дубастилъ чей-то барабанный голосъ, разбивая пѣсню,—сукина манишка!—и стучалъ кулакомъ.

— Кой чортъ посмѣлъ во гусли пѣть, а? Государственными законными правами, слышь, лысый! — кипятился какой-то законникъ.

— Плямка, сволочь... — дружески, необыкновенно ласково упрасивалъ о чемъ-то пріятель пріятеля.

— Лексѣевъ, отступись... Лексѣевъ... — уговаривалъ задирищикъ тихаго.

— Ужъ сколько разъ я зарекался, да въ эту улицу не ходить... — тянулъ свое одинокій мутный голосъ, и чьи-то руки бултыхались въ табачномъ дыму.

Гарибальди улыбался.

И казалось Колѣ, ѣдкая горечь, желтыми, какъ пиво, мокрицами выползала изъ угловъ, ползла по полу и прямо на него, и какіе-то голые уроды, киша подъ лавками, вдругъ выскочили къ столамъ, взялись за руки, и завертѣлись хороводомъ, и хороводъ росъ, сползался, — прыгалъ, сползался, взлеталъ подъ потолокъ грузнымъ пивнымъ тѣломъ и расползся по полу тягучимъ тѣстомъ, — прыгалъ, и, вдругъ закрутившись зубастымъ винтомъ, завертѣлся не хороводъ ужъ, а самъ крысиный господинъ — тошнотворная, гадкая, безглазая плямка. И слезы душили его отъ отчаянія и не проливались, слезы напрягали все сердце и не выходили.

— Колюшка, голубчикъ, Колюшка, дай помогу! — Маншка помогла ему встать и, расплатившись, повела его къ двери вонъ изъ пивной.

— Въ монастырѣ звонили къ вечернѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Раненое сердце.

Въ то время, какъ Саша оканчивалъ свои объясненія у Сергѣя Молчанова и, высказавъ всю правду свою и всю свою тяготу снявъ съ себя, чистый кругомъ и увѣренный, успокоенный собирался домой уходить, въ то время, какъ Коля, чувствовавшій себя кругомъ виноватымъ, и не сдѣлавъ ничего, чтобы распутать узелъ, затянувшійся петлей, засыпалъ тяжелымъ сномъ на кровати у Машки въ ея убогой Бакаловской комнатенкѣ,—въ Огорѣлышевскомъ саду погибалъ Прометей, рабъ Митрій, великій Прометей, солитеръ, служитель при слонѣ, половой съ Зарѣчья, Наполеонъ, не обнаружившій своего величія, не завладѣвшій землями и странами, не покорившій Азію, Африку и Европу. Прометей погибалъ среди бѣла дня одинъ въ неизъяснимыхъ мукахъ и страданіяхъ великимъ избранникомъ, явившимся въ міръ несовершенный и убогій.

Поднявшись на ноги съ Петей и Женей, когда ужъ прошелъ въ монастырѣ крестный ходъ и здорово опохмелившись, Прометей поигралъ на своей гармоньѣ, прокри-

чалъ себѣ многолѣтіе съ перекатами и, вмѣсто обѣда снова выпивъ, пошелъ въ садъ поразмяться. И тамъ, въ саду, затѣявъ съ Петей на березѣ чай пить, влѣзъ на крышу сарая, а съ крыши на старую березу, всю одѣтую зелеными сережками, такими душистыми и нѣжными.

Петя вызвался подать Прометею стаканъ чаю на березу и, схватившись за вѣтку, подавая стаканъ, крикнулъ:

— А что, Прометей, вотъ выпьемъ мы чаю на этой березѣ, у насъ, какъ у птицъ, вырастутъ крылья, что тогда?

— Полетимъ!—будто гаркнулъ, просипѣлъ съ березы Прометей и, принявъ стаканъ, залпомъ выпилъ горячаго чаю и вдругъ застылъ весь: сзади спину что-то кололо.

„Не крылья ли ужъ?“ — подумалъ Прометей и, страшась оглянуться, потеръ спину рукою...

Стаканъ выпалъ изъ рукъ Прометей, и въ ужасѣ хотѣлъ Прометей крикнуть Петю и только скрипѣлъ зубами: одинъ онъ сидѣлъ высоко на старой березѣ, и крылья клейкія, какъ молодые листочки березы, всѣ изъ клейкихъ, зеленыхъ листочковъ и нѣжныхъ сережекъ, огромныя лебяжьи крылья давили ему спину.

„Куда теперъ? — метались его обожженные мысли, — куда ему дѣваться съ этими тяжелыми лебяжьими крыльями? Спуститься съ березы, но тамъ на дворѣ не ступить ему и шагу, затравятъ фабричныя, и никуда не выйти ни за ворота, ни въ баню: съ крыльями не пустятъ въ баню, заберутъ въ участокъ, и коричневую праздничную визитку нельзя надѣть и спать невозможно, не уснуть, когда спину давить. Куда жъ ему дѣваться? Летѣть, — куда полетишь? На Ивана Великаго? Или перелетать ему съ колокольни на колокольню? Хорошо еще лѣтомъ, а зимою замерзнешь, на Иванѣ Великомъ замерзнешь, какъ сорока. Куда же ему? Выше летѣть, но тамъ, высоко, тамъ задохнешься, тамъ голова закружится. Ни до какой звѣзды не долетѣтъ ему, ни до какой планеты, тамъ задохнешься. Да куда же дѣваться

ему, Прометею, единственному крылатому на землѣ, ему, генераль-лейтенанту, генераль-отъ-инфантеріи, наказному атаману Войска Донского, генералиссимусу Дмитрію-Прометею Мирскому? Нѣтъ ему нигдѣ мѣста!“

А крылья клейкія, какъ молодые листочки березы, всѣ изъ клейкихъ зеленыхъ листковъ и пѣжнихъ сережекъ, огромныя лебязьи крылья давили ему спину, и спина ныла отъ боли, и мутилось въ глазахъ: нѣтъ ему нигдѣ мѣста!

— Маменька, спасите меня!—Прометей перекрестился и полетѣлъ, полетѣлъ съ березы прямо въ прудъ.

Прошло съ часъ, пока не хватились Прометея.

Въ монастырѣ кончали звонить къ вечернѣ, когда вышла Прасковья въ садъ Митю покликать чай пить, да такъ у калитки и подкосило ее: въ пруду у плотика, стоя, съ разинутымъ рыбымъ ртомъ, плылъ мертвымъ поплавкомъ захлебнувшійся Прометей съ вѣткою березы за плечами и не откликался, не могъ откликнуться—мертвый.

Ничего не зналъ Коля, онъ не зналъ, что дѣлалось въ ихъ красномъ флигелѣ, и что ужъ нѣтъ на свѣтѣ Прометея, что увезли Прометея въ больницу для вскрытія, и также не зналъ онъ, что его самого ждетъ завтра, когда вечеромъ, проспавшись, шелъ онъ отъ Манки, глубоко вдыхая теплоту вечернюю.

Вѣялъ вечеръ весенній, голубыми воздухами любовно пеленалъ весеннюю красную землю. Тысячи толкачиковъ толклись, теребя долгій ласковый лучъ, уходящій, засыпающій на ночь.

Дойдя до монастыря, Коля повернулъ на бульваръ и медленно пошелъ по боковой аллеѣ, хоронясь и надвигая на глаза шляпу: саднило щеки, а прикушенный языкъ то и дѣло лизалъ кусочекъ отсѣченной, мѣшающей губы.

Коля то обвинялъ кого-то, то передъ кѣмъ-то оправдывался и, оправдываясь, залѣзалъ въ такія дебри, откуда выхода никакого не было: всѣ были правы и нечего

оправдываться!—и начиналъ травить и унижать себя, а унижая, жалѣлъ себя и опять оправдывался. Наконецъ всѣ мысли его оборвались, и онъ пересталъ думать, только чувствовалъ, какъ спина и ноги его ноютъ, а голова тяжелѣетъ, словно несетъ онъ на плечахъ тяжелый пудъ.

И бездумно Коля вышелъ на главную аллею, но, и шагу не сдѣлавъ, хотѣлъ было повернуть въ сторону: навстрѣчу ему шелъ Алексѣй Алексѣвичъ. Коля схватился застегиваться, а принятая не на мѣстѣ пуговица только отдула полу, и бросилъ онъ пуговицу, все равно, да и поздно: Алексѣй Алексѣвичъ столкнулся съ нимъ носъ къ носу.

Молча взглянули другъ на друга, не поздоровались, молча пошли они рядомъ.

— Что случилось?—испугался Коля: у Алексѣя Алексѣвича руки болтались, какъ плети.

Но отвѣта не было.

И такъ шли они молча по главной аллеѣ, не глядѣли другъ на друга и не расходились, словно кто-то третій шелъ съ ними, сковывалъ своими руками ихъ руки.

— Сергѣй-братъ зарѣзался,—проговорилъ вдругъ Алексѣй Алексѣвичъ и улыбнулся,—въ отхожемъ мѣстѣ перочиннымъ ножичкомъ.

— А гдѣ Саша?—оступился Коля, холодныя, какъ ледяшки, всѣ слова застряли.

— Крови такъ пустяки, наладощкѣ унесешь... — Алексѣй Алексѣвичъ согнулъ руку совочкомъ, и понесъ ее передъ собой, не разжимая пальцевъ.

И опять шли они молча, шли неровно, то торопясь, то замедляя.

Наростающая вода разливалась половодьемъ,—подплывала Синичка къ Огорѣлышевскому пруду.

Мелькнулъ красный флигель, красный заборъ, вотъ и ворота.

„Ворота отворены!“—кошкой царапнуло въ сердцѣ, и Коля пустился бѣжать, словно отворенныя ворота дали знакъ его сердцу. И добѣжалъ онъ до воротъ и по сырому двору, по перекрестнымъ слѣдамъ отъ колесъ бросился на чернѣйшій ходъ.

На кухонномъ столѣ горой подымались подушки и одѣяло Саши.

— Извѣстное дѣло, изъ тюрьмы въ Петербургъ перевезутъ въ Петропавловку...—сказалъ городской Максимчукъ и виновато обернулся къ Колѣ.

— Братца вашего, Сашу, такъ ей-Богу, одинъ грѣхъ на Пасху...

— Ваша милость, никто другой!—ворчала Арина Семеновна-Эрихъ, поводя носомъ,—всѣхъ васъ повѣситъ мало.

— Я тебѣ говорю, ты подушку сейчасъ же отправь, я тебѣ говорю, Максимчукъ!—голосъ Пети каплей долбилъ, уши у него горѣли.

Розикъ, заглядывая въ глаза, стоялъ на заднихъ лапкахъ—служилъ, Розикъ служилъ, и глаза его плакали, словно просили, какъ о крохотномъ какомъ-то завалящемъ кусочкѣ сахара, ну хоть о каплѣ милосердія.

Прасковья сидѣла на Степанидиной кровати: обезножила отъ горя:

— Митя, Митенька,—повторяла Прасковья, — погубилъ ты свою голову, Свѣтло-Христово Воскресеніе!

— Прометей утонулъ!—сказалъ Женя: надъ бровью у него дергалось.

— А Филиппка сызнава по статьѣ законовъ! Филиппокъ-то говорить мнѣ: мамынька...—и вдругъ, засучивъ рукава, закричала богобоязненная Степанида, и темный платокъ спустился съ ея головы,—шпульники вы, проклятые, доберутся до васъ окаянныхъ, доберутся до васъ, изверговъ, просить будете, нѣтъ, не будетъ пощады, шиломъ брюхо проколютъ, выворотятъ!—и зарыдала на голосъ.

— Сашу въ тюрьму увезли, и не обѣдалъ, увезли въ каретѣ,—сказалъ Женья: надъ бровью у него дергалось.

— Перочиннымъ ножичкомъ... крови такъ пустяки, на ладошкѣ унесешь!—услышалъ Коля голосъ Алексѣя Алексѣевича и бросился изъ дому.

Коля бросился изъ дому за ворота, на улицу, словно кто-то гналъ его бѣжать безъ оглядки, куда глаза глядятъ.

Онъ чувствовалъ, какъ ноги несутъ его, онъ слышалъ, какъ никогда еще такъ ясно не слышалъ каждый звукъ, кажется, ни одного звука не проронилъ онъ.

Свистки на желѣзной дорогѣ и звонъ часовъ, и дребезжаніе пролетовъ, и гулъ отдаленныхъ колоколовъ, все навязчиво лѣзло, будто пряча что-то, будто скрывая отъ него самое главное.

На запотѣвшихъ окнахъ Сухоплатовскаго освѣщеннаго дома, подъ чуть слышную музыку, прыгали тѣни.

„Танцуютъ“—подумалъ Коля,—они не знаютъ! Кто же знаетъ! Кто видитъ?

Кровь вскипала у него на сердцѣ, каждая кровинка, испаряясь, ложилась иглой на сердце, каждая кровинка колола сердце—черное, посинѣвшее отъ боли сердце, и тоска, какъ кровь изъ смертельной раны, хлынула на него.

Коля добѣжалъ до монастырской горы и, цалаясь и падая, вскарабкался на монастырскую гору, пошелъ къ оградѣ къ башенкѣ, къ каменной лягушкѣ.

Меркло зеленоватое затихшее небо. Зеленый мѣсяцъ тихо взбирался на ограду вверхъ къ колокольнѣ. А внизу гудѣла, плескалась поднимавшаяся Синичка, гудѣла, ворчала, выводила одно и то же свое рѣчное, полноводное.

Каменная лягушка шевелила безобразными перепончатыми лапами. Вдувалось ея бѣлое каменное брюхо.

Сгорбившись, прошелъ Алексѣй Алексѣевичъ съ согнутою совочкомъ рукой, весь зеленый, улыбался.

Вдругъ со страшной высоты, словно грохнулись на Колю всѣ колокола—ударили часы, и каждый, выбиваемый часъ билъ его, и онъ повалился на землю, обнялъ лягушку и ударился головой о холодный камень, и бѣлыя колкія искры, взорвавъ тьму, разлились въ глазахъ.

Съ неизъяснимой радостью Коля бился лбомъ о камень, бился крѣпко и больно.

Казалось ему, прощается онъ со свѣтомъ, безрадостнымъ, надругавшимся надъ нимъ, ранившимъ его дѣтское сердце, прощается со свѣтомъ, безрадостнымъ, исторвавшимъ его тѣло, исполосовавшимъ всю его душу, прощается съ тѣми, кого такъ крѣпко любилъ и кого не любилъ вовсе, и просить простить за всѣ слезы, за всю муку ради его мукъ...

Каменная лягушка шевелила безобразными перепончатыми лапами, вздувалось ея бѣлое каменное тѣло, а съ красной, ржавой коростою покрытой, пасти слетала шелуха, и выступало измученное лицо человѣка.

И плакало сердце, тихо, какъ плачутъ одинокіе, у которыхъ отнимаютъ послѣднюю надежду, какъ плачутъ оклеветанные, у которыхъ нѣтъ защиты, какъ плачутъ безсильные передъ судьбою, которыми крутитъ и вертитъ судьба, не слышать ихъ жалобъ и слышать не хочетъ, какъ плачетъ нѣжное сердце въ мірѣ грубомъ огрубѣлыхъ сердецъ.

Коля медленно поднялся съ земли.

Рѣка не бурлила, трава не росла и часы не ходили, только встревоженные стрижи чуть зазвенѣли, переноса молитвы, да красный благословляющій огонекъ теплился въ окнѣ башенки у старца, а надъ башенкой стоялъ зеленый мѣсяцъ.

Коля отступилъ на шагъ, и вдругъ блеснувшая мысль перехватила дыханіе,—онъ быстро нагнулся, пошарилъ по землѣ, нащупалъ голышъ, зажалъ его въ кулакъ и, отсту-

пивъ еще на шагъ, прицѣлился, развернулся и бацнулъ камнемъ въ красный благословляющій огонекъ.

Свистнулъ камень, звякнулъ въ окошкѣ,—огонекъ метнулся, затрепеталъ и канулъ, красный огонекъ погасъ.

Коля постоялъ минуту, посмотрѣлъ на темное окошко, и, не оглядываясь, твердо пошелъ отъ ограды начинать свою новую жизнь.

А тамъ на Огорѣлышевскомъ дворѣ въ бѣломъ Огорѣлышевскомъ домѣ уже рѣшена была судьба его. Послѣднее терпѣніе лопнуло у Арсенія: что ему еще дѣлать, какъ поступить, да такъ, видно, и поступить—завтра же выгнать Финогеновыхъ изъ ихъ краснаго флигеля, чтобы и духа ихъ не было на дворѣ, пускай, какъ знаютъ, такъ и живутъ. И ужъ отдано было приказаніе, завтра же очистить красный флигель.

А тамъ Синичка, сливаясь съ Огорѣлышевскимъ прудомъ, подплывала къ красному флигелю и гремѣла полноводная, выводила одно и то же свое рѣчное, полноводное, покрывала оттаявшую землю, такую непонятную, съ ея неразгаданной непостижимой жизнью.

А тамъ, на ржавомъ гвоздѣ затопленнаго Огорѣлышевскаго забора, отдѣлявшаго Синичку отъ пруда, что-то сѣрѣло въ зеленоватой лунной ночи — одинъ изъ бѣсовъ, бѣсенокъ съ ликомъ неподкупной и негодующей человѣческой честности и справедливости, по-кошачьи длинно вытянувъ вверхъ ногу, горько и криво смѣялся закрытыми губами.

Онъ-то зналъ, и на какую новую жизнь вышелъ Коля и зачѣмъ Арсеній велѣлъ выгнать Финогеновыхъ, выгнать, какъ въ погоду собаку на улицу, и зачѣмъ все горе человѣческое, отъ котораго камень-ремень трескается, зачѣмъ злая судьбина, бѣда, не-доля, и зачѣмъ одни обречены ей, а другіе свободны? Да зналъ ли онъ? И кто онъ—демонъ, одинъ ли изъ бѣсовъ или просто бѣсенокъ? И демонъ, и бѣсъ, и бѣсенокъ, онъ зналъ и горько и криво смѣялся съ сжатыми губами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Бѣсы служатъ ему.

Отъ Камушка до Чугунно-литейнаго завода и отъ Колобовскаго сада до Синички на Огорѣлышевской землѣ и безъ Финогеновыхъ—безъ Александра, безъ Петра, безъ Евгенія и Николая шла жизнь по-своему, словно Финогеновыхъ никогда и никто не видалъ на дворѣ, шла жизнь по строго заведенному англійскому порядку, втиснутая разна-на-всегда въ крѣпкую огорѣлышевскую оправу.

На Огорѣлышевскомъ дворѣ со смерти Вареньки ужъ больше никакого бунта не повторялось, и Прохоръ, слесарь, замѣнившій Павла Пашкова, баламутчикъ и смутьянъ, съ годъ, какъ сидѣлъ въ новой тюрьмѣ за Боголюбовымъ монастыремъ у заставы.

Кузьму, дворника финогеновскаго, бѣлымъ дворникомъ въ бѣлый Огорѣлышевскій домъ перевели, а на его мѣсто къ красному Финогеновскому опустѣвшему флигелю Егора-Смѣхоту поставили, племянника Душки-Анисьи, Андрею-Воробью, управляющему, дали золотую медаль и почетное гражданство за преданную вѣрную службу.

Игнатій Огорѣлышевъ—Игнатій Николаевичъ попрежнему смотрѣлъ за фабрикой, отдавая свой большой досугъ благотворительности и садоводству, Ника—Никита Николаевичъ былъ все также милъ и все также занятъ и приемами и гостями, способствуя сліянiю сословіи, какъ самъ любилъ поразсказать о себѣ въ свой довольный стихъ. Сеня Огорѣлышевъ, уже директоръ Огорѣлышевскаго банка, былъ, какъ нельзя лучше, на своемъ мѣстѣ, подписывалъ бумаги съ росчеркомъ, подражая отцу, и задумывалъ жениться.

Старѣлъ Арсеній, но, кажется, съ годами, еще больше кипѣло въ немъ. Весь въ дѣлахъ, онъ все торопился, все беспокоился, хотѣлъ все самъ осуществить и по-своему. И чувствуя постоянно, что времени нѣтъ, а надо много времени, чтобы все самому успѣть сдѣлать, потому что кто же сумѣетъ сдѣлать лучше его, онъ отрывалъ отъ себя свои послѣднія минуты отдыха.

Прежде, два раза въ годъ—передъ Рождествомъ и Пасхой ходилъ Арсеній въ Синичкинскія бани, теперь же только передъ Пасхой. И въ этотъ банный день съ утра ужъ вставалъ онъ такимъ злымъ и такимъ неприступнымъ, не дай Богъ попасться! Какъ русскій человѣкъ, онъ любилъ баню, но вотъ и на любимую баню жалко ему стало времени.

Обтрепанный, въ старомъ засаленномъ сюртукѣ, нечесанный, съ кое-какъ подстриженной бородой, щетинистый весь и колючій—не Огорѣлышевъ, а жуликъ какой-то, Арсеній давалъ поводъ къ всевозможнымъ полицейскимъ недоразумѣніямъ: то околодочный изъ новичковъ въ церковь его не пропуститъ, то городской окрикнетъ. Околодочный и городской на другой же день полетятъ съ мѣста, а приставу—выговоръ.

Во всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ учрежденіяхъ, въ конторахъ и банкахъ, во главѣ которыхъ стоялъ Арсе-

ній, служащіе ходили обтрепанные и замызганные. Судя по себѣ, Арсеній не могъ допустить, чтобы человѣку, занятому дѣлами, а вѣдь только дѣломъ должны были заниматься, было бы еще время думать о какомъ-нибудь галстукѣ, и чуть кто показывался ему наряднымъ, тому онъ ставилъ это на видъ.

Въ гости, не по дѣлу, впрочемъ, по дѣлу не онъ, а къ нему приходили, Арсеній появлялся рѣдко. И всякій разъ когда входилъ онъ куда-нибудь на вечеръ къ родственникамъ, ужъ непременно напускалъ такого страха, что разстраивался весь вечеръ. Ему, конечно, страннымъ казалось, что можетъ кто-то танцевать, смѣяться или просто разговаривать о пустякахъ. И кончалось тѣмъ, что, выругавъ кого-нибудь и притомъ такъ, зря, недовольный уходилъ онъ домой и всегда такъ торопился, словно въ домѣ его начинался пожаръ.

Въ голосѣ его, и безъ того какомъ-то кошачьемъ, появился новый звенящій звукъ, ужъ самымъ простымъ словомъ оскорбляющій больнѣ всякаго грубаго, всякаго позорящаго имени, а въ сердцѣ его открылась ужасающая безпощадность: ты проси его сколько хочешь, ты плачь, ты умирай, ничего не подѣйствуетъ—что поставилъ, то и сдѣлаетъ, какъ сказалъ, такъ и будетъ. И весь онъ вздрагивалъ, словно судорога, не отпуская, бѣгала по немъ, да и какъ ей не бѣгать! И все оттого, что сидѣлъ, онъ, Богъ знаетъ, до котораго часа, и вставалъ рано, раньше всѣхъ, и оттого, что дѣла заняли все въ немъ, и время и всю его душу. Конечно, недаромъ не спалъ онъ ночей, недаромъ такъ вздрагивалъ,—городъ приходилъ въ славу, городъ богатѣлъ, городъ строился на славу городамъ.

„При Петрѣ Великомъ быть бы Арсенію первымъ министромъ!“—говаривали купцы, посмѣиваясь надъ нищедушіемъ, убожествомъ и продажною современниковъ.

Недовольныхъ Арсеніемъ не было, были оскорбленные и такихъ много было, дошедшихъ до послѣдняго униженія и въ обидѣ своей до послѣдней терпѣливости—выгнанные съ мѣста служащіе, всякіе артельщики, конторщики. И удивительное дѣло, какъ только онъ живъ ходилъ, какъ его не укокошили? На князя было покушеніе, стрѣлялъ какой-то изъ Молчановской компаніи, но на Огорѣлышева, ну хоть бы какое искусственное, для выслуги? А пожалуй все дѣло очень просто: надо было обладать не меньшей силой, чтобы, встрѣтаясь лицомъ къ лицу, вынести прежде всего этотъ звенящій уничтожающій звукъ его голоса и не потеряться, не задрожать, не выронить ножа.

Темные люди и простые, вѣровавшіе всѣмъ сердцемъ своимъ, что старцу Боголюбовскому о. Глѣбу бѣсы повинуются, не разъ поговаривали, косясь на бѣлый Огорѣлышевскій домъ, что Арсенію бѣсы служатъ.

И пожалуй были правы: такъ успѣвать во всемъ, какъ успѣвалъ Арсеній, дѣлать столько, сколько дѣлалъ Арсеній, что хотите, тутъ и въ бѣсовъ повѣруешь, одному человѣку гдѣжъ справиться? Все одинъ, все самъ, все по своему, и только совсѣмъ недавно въ дѣлѣ его нашелся ему помощникъ, и кто же?—вѣрить не хотѣли,—Александръ Финогеновъ.

На четвертый день Пасхи, когда вечеромъ стало извѣстно Огорѣлышеву, что утонулъ Прометей и Александра въ тюрьму забрали, судьба Финогеновыхъ была рѣшена и на пятый день въ четвергъ Финогеновыхъ выгнали изъ краснаго ихъ флигеля. Черезъ Андрея управляющаго было передано Финогеновымъ, чтобы немедленно очистили они помещеніе.

„Съ вами еще и тебя заберутъ!“—оправдывалъ Андрей свое тяжелое порученіе.

Куда было дѣваться Финогеновымъ? Степанида къ дочери своей Авдотѣ-Свистухѣ въ деревню уѣхала, Арина

Семеновна-Эрихъ въ свою богадѣльню ушла, Прасковья пока что, тоже до какой-нибудь богадѣльни, у Душки-Анисьи пріютилась, а имъ куда, куда пріютиться? Да куда же — Бакаловъ домъ подъ рукой: взяли они съ собой только самое необходимое, взяли Розика и переѣхали въ Бакаловъ домъ и по одной лѣстницѣ съ Машкой Пашковой комнату себѣ наняли.

Одинъ Евгеній получалъ жалованье, на это и должны были жить. Петръ благополучно выдержалъ всѣ экзамены и въ университетъ поступилъ. На университетъ надобились деньги и, какъ нарочно, ни у Петра, ни у Николая, какъ ни искали, первое время не находилось никакого даже самага дешеваго урока. Только съ осени Николай нашелъ себѣ занятія.

Въ пивной у Гарибальди, куда по субботамъ вмѣсто всенощной заходили Финогеновы, столкнула судьба Николая съ Мишкой Сухоплатовымъ, одноклассникомъ, съ которымъ Николай кончилъ Огорѣлышевское училище. Мишка Сухоплатовъ принадлежалъ къ кутящей молодежи и, озорства ради, послѣ всякихъ цыганокъ и шампанскаго, доканчивалъ свой хмельной вечеръ въ пивной. Пьяный человѣкъ—чувствительный, расчувствовался Сухоплатовъ подъ гарибальдійскія гусли, самъ подошелъ къ Николаю старое вспомнить объ училищѣ и, узнавъ отъ Николая о его жизни, вызвался ему помочь.

Николай въ своей новой-то жизни дошелъ ужъ до той потерянности, когда самого себя жалко становится: и бездѣлье мучило, и нищета доканала, хоть пропадай или иди къ Огорѣлышеву, проси мѣсто въ банкѣ, и предложеніе Сухоплатова было ему очень на руку и нисколько не унижительно—Сухоплатовъ самъ вызвался!

Мишка оказался вовсе не такой разгильдяй, какимъ въ пивной представился, дѣловитости въ немъ было, не занимать стать, и работы навалилъ онъ на Николая, знай только

работай, и очень задешево. Николай приходилъ къ Сухоплатовымъ по вечерамъ и часто до поздней ночи сидѣлъ, не разгибаясь, за счетами.

Сначала-то, весь отдаваясь потерянности своей, Николай нашелъ себѣ до боли раздражающее удовольствіе корпѣть надъ сухоплатовскимъ дѣломъ: до боли пріятное что то чувствовалъ онъ въ сознаніи своемъ, что вотъ онъ, Николай Финогеновъ, сидитъ за какія-то копѣйки у Мишки, у котораго и лицо-то лошадиное, на плевокъ просится, а онъ, Николай Финогеновъ, знающій столько, что Мишкѣ никогда не допрыгнуть до него, не только не плюетъ, а покорно высиживаетъ часъ за часомъ, слушаетъ Мишкины замѣчанія, слушается Мишку, какъ старшаго. Но потомъ и совсѣмъ незамѣтно все перевернулось: Николай готовъ былъ еще больше дѣлать для Сухоплатова и гораздо меньше получать за работу. Таня Сухоплатова, сестра Мишки, которую когда-то на Огорѣлышевской серебряной свадьбѣ Николаю Александръ показалъ, вотъ въ комъ все дѣло, вся причина.

И все вышло у него изъ головы, всѣ Бакаловскія будни, все ушло изъ его сердца. Какая Маша?—И какъ это давно было, смѣшно и вспомнить! Какая Вѣрочка?—Да была ли она, не приснилась ли? И никакой Маргаритки никогда не было, а была всегда одна единственная, одна Таня.

Когда Коля влюбленъ былъ въ Вѣрочку, онъ не забывалъ и Машу, когда онъ влюбился въ Маргаритку, онъ вспоминалъ и Машу и Вѣрочку, онъ какъ-то дѣлилъ ихъ трехъ, но теперь одной и нераздѣльной была для него Таня, теперь ему казалось, что только теперь начинается его настоящая новая жизнь.

Такъ прошла зима. Съ Таней Николай встрѣчался за работой: Таня входила въ комнату брата подъ какимъ-нибудь нустьяковскимъ предлогомъ и оставалась подолгу. Объясненій между ними не было: такъ само собою вышло и

безъ всякихъ словъ. Въ гости къ Сухоплатовымъ Николая не приглашали и только всего одинъ разъ въ свои именины позвалъ его Мишка. Кромѣ пиджака, отъ котораго несло стеариномъ, у Николая ничего параднаго не было, и онъ нарядился въ студенческій мундиръ, у Петра взялъ на вечеръ, и чувствовалъ себя очень неловко. Къ его несчастью на именинахъ оказался двоюродный братъ Сухоплатова, студентъ настоящій, и было ужъ совсѣмъ неловко. А какая ревность мучила Николая, когда Таня нарядная входила къ брату, чтобы ѣхать на балъ или въ театръ! Ни въ театръ, ни на балъ, куда ужъ ему! И ревность и какая зависть, и отчаяніе, и упрямство: онъ добьется своего—будетъ и его время.

На Пасху выпустили изъ тюрьмы Александра. Въ Бакаловскомъ домѣ Александръ и недѣли не прожилъ. Скоро послѣ свиданія съ Арсеніемъ, который его вызвалъ къ себѣ для объясненій, получилъ Александръ мѣсто въ банкѣ, сдѣлался секретаремъ Арсенія и ушелъ отъ братьевъ. Дѣло Александра осталось безъ всякихъ послѣдствій, много этому содѣйствовалъ, какъ говорили по городу, самъ Арсеній.

Весной Сухоплатовы уѣхали въ свое подгороднее имѣніе, и Николай ужъ больше не видалъ Таню. А занятія у Мишки продолжались. Нѣсколько разъ Николай встрѣтился у Сухоплатова съ Александромъ. Передъ Александромъ Мишка заискивалъ, а изъ ихъ разговора оказалось, что Александръ бываетъ у Сухоплатовыхъ, знаетъ всю семью и Таню. Николай, дѣлая видъ, что занятъ счетами, особенно прислушивался, когда разговоръ касался Тани, и ему всякій разъ казалось, что Александръ какъ-то непріязненно смотритъ въ его сторону, и еще замѣтилъ онъ, что Александру просто стыдно за него.

Осенью, когда Сухоплатовы опять вернулись въ городъ, Николай не нашелъ въ Танѣ никакой переменны, только она много спрашивала его объ Александрѣ, и изъ ея разгово-

совѣ Николай понялъ, что Александръ имѣетъ на нее какіе-то виды и, кажется, къ удовольствію и съ одобренія всей семьи. Но сама Таня не придавала этому никакого значенія и, когда Николай высказалъ свои предположенія, просто слышать ничего не захотѣла и даже просила больше никогда, никогда не касаться этого вопроса: замужъ за Александра она никогда не выйдетъ. Это Николая страшно подняло и ходилъ онъ, какъ въ чадѣ. Какъ онъ тогда счета всѣх не перепуталъ, надо диву даваться. А кромѣ того, съ первымъ ненастьемъ Машка померла и, словно крестъ у него съ шеи свалился,—теперь ужъ никто не будетъ стоять надъ его душой. И въ заключеніи всего вдругъ вызвалъ его самъ Огорѣлышевъ. Было большое искушеніе не итти, отказаться, но все-таки Николай пошелъ. О службѣ въ банкѣ, чего такъ боялся Николай, ни слова не было сказано.

— Будешь ты заниматься дѣломъ?—спросилъ Арсеній.

— Я сдамъ экзаменъ и въ университетъ поступлю, — отвѣтилъ Николай.

— Можно и безъ экзамена, поступай слушателемъ, занимайся финансовымъ правомъ, а со временемъ мы тебя отправимъ за границу на нашъ счетъ...

— Я не хочу!—рѣзко сказалъ Николай и повернулся.

— Что?—ужъ кошкой оцетинился Арсеній и, не дожидаясь отвѣта, взвизгнулъ по-своему,—свинья!

И этотъ послѣдній визгъ, одинъ этотъ звенящій звукъ огорѣлышевскаго голоса, словно пронзилъ Николая насквозь, и провожалъ далеко за ворота до самаго Бакаловскаго дома.

На другой день Сухоплатовъ отказалъ Николаю отъ работы. И сразу все рухнуло. Гдѣ ему видѣть теперь Таню? И сколько бы онъ далъ за то только, чтобы вернуть, ну хоть лѣто, когда онъ, и не видя ее, высчитывалъ день ея возвращенія, надѣясь, мечталъ о свиданіи. Все кончилось. Ему оставалось выслѣживать ее, хоронится подъ воротами,

или подъ дождемъ зябнуть у фонаря въ переулкѣ, и то чтобы только мелькомъ взглянуть и уйти. Но судьба рѣшила все по-своему. Случай вывелъ Николая изъ его отчаяннаго униженія.

Въ полугодовщину какого-то произвола, какъ глаголю воззваніе, на сорочины какой-то ходынки—такова ужъ жизнь наша, наша Россія, буйныя вѣтры гуляютъ по ней и безъ ходынки не обходится дѣло, назначена была студенческая демонстрація. Петръ, хотъ и вышелъ изъ университета и служилъ въ театрѣ на маленькихъ роляхъ, а непремѣнно рѣшилъ итти на эту демонстрацію, Николай сначала не хотѣлъ, но потомъ, какъ когда-то въ крестный ходъ, и его потянуло. Пошелъ Николай съ Алексѣемъ Алексѣвичемъ только посмотрѣть, попалъ въ самую толчею и загнали его вмѣстѣ съ другими въ манежъ, а изъ манежа въ участокъ, а изъ участка въ тюрьму—въ новую тюрьму за заставу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сто усовъ—сто носовъ.

Николая сунули въ камеру.

— Вотъ вамъ парашка, а вотъ кровать!—сказалъ тюремный надзиратель и, громыхнувъ ключами, вышелъ.

И растерянно звякнувъ, защелкнулся замокъ двери, замеръ стукъ ключей и топотъ уползающихъ шаговъ надзирателя.

Николай остался одинъ.

И стало ему одиноко,—такъ не чувствовалъ онъ себя одиноко ни даже тамъ, въ участкѣ, гдѣ въ тѣснотѣ и толкотнѣ, скорчившись, сидѣлъ онъ одинъ въ своемъ порыжѣломъ узкомъ драповомъ пальто, одинъ не студентъ среди студентовъ и слышалъ, какъ шептались вокругъ, называли его шпиономъ, и видѣлъ, какъ показывали на него, смотрѣли злыми глазами, ни дорогой на извозчикѣ объ-бокъ съ городовымъ, такимъ жалкимъ и зябкимъ, опасливо посматривающимъ на своего сосѣда, который вотъ-вотъ убѣжитъ.

Стѣны бѣлыя-бѣлыя, отъ лампы блестятъ, будто тертымъ стекломъ усыпаны.

Смятый тюфякъ и подушка съ узкой кровати полѣзли въ глаза, и казалось ему, шевелилось это сѣрое мѣсиво, тряслись лохмотья, какъ студень, по кусочкамъ расплазались, и лечь было страшно, но онъ подавилъ въ себѣ омерзѣніе, повалился, не раздѣваясь, и въ пальто, и въ калошахъ, и въ шапкѣ, и сразу заснулъ.

Было невыносимо жарко, когда Николай очнулся.

«Да это банный номеръ!» — рѣшилъ онъ вдругъ спросонья и обрадовался.

— О. Гавріиль, а Гаврила, гдѣ ты? — покликалъ Николай запекшимися губами.

А въ камерѣ было тихо и одиноко. Подъ потолкомъ сторожила брюзжащая лампочка.

Стѣны бѣлыя-бѣлыя, отъ лампы блестятъ, будто тертымъ стекломъ усыпаны.

Николай снялъ пальто, калоши и шапку и опять завалился, и только-что закрылъ глаза, какъ явь и сонъ перемѣшались въ его тяжеломъ снѣ.

Ему представилась биткомъ набитая площадь, та самая, гдѣ остановили казаки демонстрацію. Крикъ рѣзко раздиралъ гулъ и гомонъ толпы. Какія-то рахитичныя большоголовые дѣти цѣплялись скрюченными блѣдными пальцами за подолъ женщинъ и выли, какъ воютъ дѣти, выплакавъ всѣ свои слезы. А онъ будто стоитъ въ толпѣ среди воющихъ дѣтей и ужаснувшихся женщинъ, и ждетъ чего-то, необыкновеннаго, что должно непременно притти изъ-за домовъ и соборовъ, и кажется ему, всѣ этого ждутъ, и дѣти ждуть, и потому воютъ.

Была облачная лунная ночь. Лунныя тучи кутали небо сочащейся зеленью.

Какъ захотѣлось ему умереть, согнуть совсѣмъ, не быть на землѣ, какой желанной представилась ему смерть, уводящая съ этой биткомъ набитой площади, тихая среди воя и крика, спокойная, среди тревоги и давки!

И вдругъ вся живая движущаяся площадь на минуту словно окоченѣла, замерли крики, затихъ вой, и самъ онъ почувствовалъ, какъ ноги его будто приросли къ землѣ: то необыкновенное, чего такъ ждали, что должно было непременно притти изъ-за домовъ и соборовъ, наконецъ, наступило. И вотъ нечеловѣческій вопль, какъ смертельная вѣсть, пронесся изъ устъ въ уста и, словно вѣрнымъ серпомъ обогнувъ площадь, острымъ жаломъ рѣзнулъ ея всколыхнувшуюся грудь: черныя руки, такія длинныя, безпомощныя, взмахнулись надъ головами, черный дождь жужжащихъ казачьихъ нагаекъ взвизгнулъ и шумно и дико запѣлъ, такъ поетъ въ раскаленной степи пожаръ ковыля.

А онъ будто стоитъ среди побоища покорно и ждетъ своей очереди: какъ хотѣлось ему умереть, какой желанной представилась ему смерть!

Какой-то здоровый парень казакъ, перегнувшись съ сѣдла, хлесталъ по спинѣ полуобнаженную женщину.

И онъ видитъ, какъ отъ стыда и боли изгибается ея спина, и проступаютъ по тѣлу отъ хлесткихъ ударовъ полосы красныя, синія, черныя, а руки ея отчаянно ломаются въ воздухѣ, словно хватаются за что-то въ воздухѣ.

Это Таня кричитъ:

«Спаси меня!»

А рядомъ съ ней выбиваетъ горохъ на игрушечномъ барабанѣ о. Глѣбъ, Боголюбовскій старецъ: схима его сбилась набекрень, какъ казачья шапка, пьяный онъ совѣмъ, и губы кровью вымазаны, и на губахъ улыбка Ники Огорѣшшева:

„La donna è mobile, qual piumo al vento!“

Николай вскочилъ, какъ ужаленный.

Форточка двери была открыта, въ нее глядѣлъ надзиратель, помахивалъ синей тетрадкой.

— Выписочку, — слащаво повторялъ надзиратель, — на завтра напишите, выписочку, что надобится въ лавку.

Николай подошелъ къ двери, взялъ тетрадку: что жъ ему выписать?

— Чаю и сахару,—подсказалъ надзиратель.

И когда все было написано, и синяя тетрадка мелькнула въ форточкѣ, и форточка двери захлопнулась, Николай опять остался одинъ въ своей камерѣ.

Стѣны бѣлыя-бѣлыя, отъ лампы блестятъ, будто тертымъ стекломъ усыпаны.

Было невыносимо холодно: зубъ на зубъ не попадалъ, и онъ снова надѣлъ пальто, калоши и шапку и сталъ ходить по камерѣ.

Въ жужжащей тишинѣ слышались ему отдѣльныя слова, обрывки цѣлыхъ фразъ, и совсѣмъ недавнія и какія-то давнишнія, забытыя. До мельчайшихъ подробностей возстановилъ онъ прожитый день, перебралъ каждый шагъ съ самаго утра: какъ всталъ, и какъ умылся, и какъ чай пилъ, и какъ вышелъ изъ дому, и какъ встрѣтилъ на бульварѣ Алексѣя Алексѣвича и всю демонстрацію до манежа и послѣ манежа въ участкѣ, и досадовалъ, что произошло все такъ несуразно, и горячился, хотѣлъ бы теперь повернуть весь день и по другому все сдѣлать.

Щелкнулъ волчекъ надъ форточкой двери,—мелькнулъ глазъ надзирателя и скрылся.

И съ залежаннаго тюфяка и съ взбитой комомъ подушки глянула на Николая какая-то постылость и покорность. И вся жизнь показалась ему такой ненужной,—ни одного бѣлаго лучика,—вся жизнь показалась ему невѣрной, и червями выползали изъ всѣхъ лицъ, и такихъ безупречныхъ: грязь и гадость, и выступали откровенно и нагло позоряще человѣческую душу поступки и мысли.

За окномъ вѣлъ вѣтеръ и тупо и скучно дышалъ своимъ холодомъ въ самое ухо.

„Какіе они глупые, сочли меня за шпиона, потому что я не въ студенческой шинели, только потому. А Петра, долж-

но быть, не взяли и Алексѣя Алексѣевича тоже. Ну слава Богу, пускай себѣ на волѣ ходятъ!“—Николай снова прилежъ на кровать и согрѣлся.

По трубѣ паръ пустили, и стало теплѣе. Сталъ Николай дремать и въ дрѣмѣ казалось ему, будто не паръ въ трубѣ, а великанъ бѣжалъ на огромныхъ ногахъ по потолку, добѣгалъ до его изголовья, заглядывалъ ему въ лицо и, ухая, бросался опять въ потолокъ, а за нимъ другой, а за другимъ третій. Такъ и заснулъ.

И представилось ему, ѣдетъ онъ будто въ вагонѣ, и буфера у вагона трутся и все будто приговариваютъ припѣвъ непристойной пѣсни: Сто усовъ—сто носовъ! Лавки и полки вагона сплошь кулями заставлены, а въ куляхъ что-то живое ворочается, не то мыши, не то какіе-то лягушата поганые, а припѣвъ до тошноты изводилъ. сто усовъ—сто носовъ! И онъ мечется по вагону, какъ шпареная крыса въ мышеловкѣ, а выскочить не можетъ,—не умѣетъ дверь отворить, а кульки ужъ едва держатся на полкахъ, такъ и движутся, вотъ упадутъ и прямо на него. И только-что онъ подумалъ о страшныхъ куляхъ, какъ холодныя стальные лапки впились ему въ шею, и что-то желѣзнымъ кулакомъ ударило его по головѣ. Попадали кульки—кулекъ за кулемъ прямо на него.

Съ болью раскрылъ Николай глаза.

Въ коридорѣ тюремный колоколъ звонилъ къ повѣркѣ: „Сто усовъ—сто носовъ!“—повторялъ Николай, словно пришибленный, повторялъ подъ звонъ колокола.

Надорванно-растянутой, узловатой полосой прошмыгалъ сонный строй ногъ мимо камеры.

Загремѣли ключи, и раскрылась дверь.

Два отекихъ арестанта, переминаясь и сопя, вошли къ нему въ камеру, вытащили помойное ведро и, отмахнувъ руки, потащили вонъ въ коридоръ.

— Въ шесть вставать полагается, — сказалъ надзира-
тель, поднялъ кровать къ стѣнѣ, заперъ ее и вышелъ.

Николай остался стоять, ужъ больше нельзя ему лечь, онъ слышалъ убѣгающіе шаги, такіе большіе и твердые, и казалось ему, они могли растоптать его, онъ слышалъ звонъ и стукъ ключей, и казалось ему, они заставили стоять его, они владѣли имъ, какъ вещью, нѣтъ, полнѣе, чѣмъ вещью, и новое чувство—неволя наполнило его сердце.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Придите ко мнѣ!

Пришибленно долго стоялъ Николай у запертой привинченной кровати, пришибленный новымъ неиспытаннымъ чувствомъ неволи. Долго не могъ онъ приладиться.

Меркнулъ мѣдный свѣтъ тюремной ночи.

Подслѣповатое иззябшее зимнее утро, проползая по снѣжнымъ тучамъ, кутало бѣлой паутиной ржавое окно, а форточка отъ вѣтра все вздрагивала.

Николай прочиталъ тюремныя правила, дотронулся до мажущихся стѣнъ, потрогалъ столъ и табуретку, заглянулъ на полку, уставленную казенной посудой, осмотрѣлъ икону Спасителя: Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененніи и азъ упокою вы! — погладилъ прошлогоднюю пыльную вербу, — верба словно грозилась изъ-за иконы, повернулся и сталъ ходить по камерѣ.

И желая сообразить, какъ ему быть теперь въ этой еще новой жизни своей, онъ совсѣмъ невольно принялся каплю за каплей собирать все пережитое за полтора года своей новой жизни, съ того самого дня, какъ выгнали ихъ изъ кра-

снаго флигеля, вспомнилъ минуту, когда съ ожесточеніемъ мечталъ онъ о какомъ-то своеволіи, которое непременно рано или поздно придетъ къ нему, и всѣ свои дни, которые такъ прожилъ, будто летѣлъ надъ пропастью: терялъ голову и падалъ, и валялся въ грязи, и захлебывался, но что-то оживляло его и уносило опять дальше надъ пропастью, а, можетъ быть, никуда и не уносило, а только крутило на одномъ мѣстѣ.

Послѣдній день, прожитый въ красномъ флигелѣ, выступилъ передъ нимъ.

Николай помнить этотъ послѣдній день, когда, укладываясь, ссорились, грызлись другъ съ другомъ, ломали, коверкали вещи, лишь бы на чемъ-нибудь сорвать сердце, помнить невыносимое молчаніе, когда очутились въ грязной комнатѣ, пропитанной жильцами, голодомъ, бѣднотой, когда очутились въ новой своей квартирѣ, въ давящей уничижающей тѣснотѣ Бакаловскаго дома. Сидѣли они на узлахъ, не раскладывались и голоса не подали, боялись, голосъ выдалъ бы плачь, отъ котораго душа захлебывалась:

„Почему, почему мы такіе...?“

Николай помнить и слѣдующіе дни, когда тихонько въ дверь нужда постучалась, вѣрная спутница неудачи,—она тебя никогда не забудетъ. И впустили ее, приняли дырявую, гнилую, рваную съ плоскимъ безволосымъ черепомъ, съ загнотившимися мутными отъ слезъ глазами. Какъ не принять! И вотъ будто въ уголку гдѣ-то примостилась она зимовать. Разбухшія прѣлыя челюсти ей ротъ перекосили, и хрипло и гнусаво затынула она свою нѣсню:

„Родненькіе, сердечные, ѣсть мнѣ хочется, дайте, голубчики, кусочекъ, хоть завалящій какой, родненькіе!“

А вокругъ ея тараканы шуршатъ, мыши грызутся, клопы кишатъ. Кусокъ за кускомъ летитъ въ ея зловонную

пасть,—подлизываетъ крошки проклятая, а все ей мало, все тянетъ свою гнусавую пѣсню:

„Родненькіе, сердечные, ѣсть мнѣ хочется, дайте, голубчики, кусочекъ, хоть завалящій какой, родненькіе!“

Пришла-таки, приняли они ее, свою страшную гостью, какъ не принять! Унижала она ихъ, горбила, обливала помоями, насылала болѣзни, посылала бѣду, приказывала терпѣть. приказывала сжиматься, приказывала лгать. Узнали они ночи безъ сна за какія-то несчастныя копѣйки, потому что, какъ узнать, будетъ ли она, эта жаба, сыта,—и за копѣйку на все согласишься. Дыханіе ея выжгло Каиново клеймо на челѣ: кто нужду терпѣлъ, все это знаетъ! Но духъ не угасалъ въ нихъ, онъ жилъ своей пещерной, скрытной жизнью, гордый, онъ сулилъ униженному сердцу власть и царство, богатый, онъ грезами опьянялъ голодное сердце, вольный, онъ тянулъ изъ путъ на широкій просторъ, онъ горѣлъ, онъ разливался огнями, онъ манилъ и подъ землю и за облака. А душа захлебывалась въ плачѣ:

„Почему, почему мы такіе...?“

Николай помнить и ту ночь, когда Александръ изъ тюрьмы воротился, Пасхальную ночь. Ни пасхи, ни кулича у нихъ не было. Сидѣли они всѣ вмѣстѣ въ полутьмѣ у окна, глядѣли въ ночь и чувствовали, будто сзади висѣлъ кто-то, и пошевелинуться боялись. И вдругъ ударилъ колоколъ, и душа задрожала отъ боли:

„Зачѣмъ, зачѣмъ Ты издѣваешься такъ...!“

И бунтовалось сердце, хулило небо, проклинало землю: казалось тогда, не было никому до нихъ дѣла на цѣломъ свѣтѣ...

Николай помнить день, когда Александръ ушелъ изъ Бакаловскаго дома: Александръ не могъ примириться съ ихъ Бакаловской жизнью. Николай помнить его: словно выкованный взглядъ, осторожныя, вѣрныя движенія, которыя не вскроютъ ни колебаній, ни раздумья, все вѣрно, къ цѣли, наперекоръ

и прямо, какими угодно путями, и каменнаяогорѣлышевская улыбка:—Все возьму, и то, чего взять нельзя!

И вспомнивъ Александра и самые послѣдніе дни на волѣ, Николай почувствовалъ, какъ закружились мысли, а сердце переполнилось тихимъ свѣтомъ, и тишина сердца вдругъ будто громомъ разсѣлась, пламя выбилось изъ каждой кровинки, загудѣло, завывло, и сталъ среди свирѣпаго дыма такой дорогой, такой знакомый образъ—Таня.

Посмотрѣли глаза ея, посмотрѣли на него, какъ тогда, темные, въ темъ его безпріютности и ожесточенія, пролили жизнь на его раненное сердце—никого еще такъ не любилъ онъ, какъ полюбилъ ее, только отчаянный любить такъ свою петлю.

И вспомнилъ онъ ея первые нечаянные взгляды, такіе правдивые, какъ весеннія звѣзды, общающія красные дни, а ему такую жизнь огромную, да, жизнь, глуби ея.

„Тебя! Ты мой Богъ!“—рванулось сердце и повторялъ онъ имя ея, повторялъ голосомъ полного сердца ея голосъ, ея пѣсню, пѣсню пѣсней—„Приди ко мнѣ!“—и чувствовалъ, какъ билось ея сердце близко, стукъ-въ-стукъ съ его сердцемъ.

— А чай въ двѣнадцать, —сказалъ надзиратель, просовывая въ форточку двери кувшинъ съ кипяткомъ и ломоть хлѣба.

Николай взялъ кипятокъ и хлѣбъ, поставилъ на столъ, и охватила его ненависть: онъ готовъ былъ проломить эти стѣны, взорвать на воздухъ эти камни, это желѣзо, эту вооруженную покорную стражу жалкихъ тюремщиковъ.

Всѣ мысли его будто прыгали на остріи ножа, а сердце тихо шептало, все рассказывало свою грустную повѣсть: отчаянный, онъ тогда смерти искалъ, и вдругъ протянулись руки къ нему нѣжныя, такъ нѣжны алыя тѣни вечерняго облака,—это она утолила его первую жажду, это она увела его съ

бѣдной дороги, это она бросила ему въ его омутъ купальскій вѣнокъ, чтобы плыль, не тонуль.

„А вѣдь отъ Сухоплатовыхъ-то тебя выгнали!—самъ себя оборвалъ Николай,—правда, вѣжливо и съ поклонами: нѣтъ больше работы и проваливай, а найдется еще, милости просимъ!“—и вдругъ мелькнуло передъ нимъ лицо Александра съ его каменной огорѣлышевской улыбкой: все возьми, и то, чего взять нельзя!

Беззащитно опустился Николай на табуретку. Беззащитными глазами глядѣль онъ передъ собой: гдѣ-то далеко на волѣ жили какіе-то люди,—что ему до людей?—люди о чемъ-то думали, чего-то желали, за что-то боролись,—что ему до какой-то борьбы?—онъ все терялъ, ему не справиться съ Александромъ, это Александръ его съ дороги убралъ!

И долго, сгорбившись, сидѣль Николай на табуреткѣ, жалкій,—дай щелчекъ и скувырнется!—потомъ поднялся, подошелъ къ двери, надавилъ кнопку, и слышалъ, какъ прозвонилъ его звонокъ такой жалкій.

— Что вамъ?—спросилъ надзиратель.

— Скоро мнѣ чай принесутъ?

— Часика черезъ два!—и только: захлопнулась форточка двери.

Николай снова прочиталъ тюремныя правила, дотронулся до мажущихся стѣнъ, потрогалъ столъ и табуретку, заглянулъ на полку, уставленную казенной посудой, осмотрѣль икону Спасителя: Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіи ся и обремененніи и азъ упокою вы!—погладилъ прошлогоднюю пыльную вербу,—верба словно грозила съ иконы,—повернулся и сталъ ходить по камерѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Морильня.

Николай ходилъ по камерѣ отъ окна къ двери и отъ двери къ окну. Было пусто на душѣ, будто стадо прошло черезъ всѣ луга, черезъ всѣ пастбища его расцвѣтшей мечты, утоптало, смутило все, что росло и хотѣло расти. И въ коридорѣ было пусто и тихо, только звякали шпоры.

Неожиданно, какъ-то безъ звона, раскрылась дверь, и въ камеру вошелъ грузный начальникъ.

На рубцеватомъ суровомъ лицѣ старика свѣтились добрые глаза. И когда говорилъ онъ и когда обѣщалъ бумагу и чернила, чувствовалъ Николай, что грань, раздѣляющая людей на тюремщиковъ и узниковъ стерлась совсѣмъ.

Ушелъ начальникъ, принесли чай изъ лавки. Попробовалъ Николай заварить чай въ кружкѣ: размѣшивалъ, разминалъ его, но путнаго ничего не вышло, только ложка, пропитанная щами, распарилась,—кипятокъ остылъ. И все-таки сталъ онъ пить противную тепловатую бурду, и опять ненависть охватила его, но не къ тюремщику-надзирателю, который такъ поздно чай принесъ и который нѣтъ-нѣтъ да и

посматривалъ въ волчекъ, а къ той рѣшительницѣ-судьбѣ, по которой на долю одного присуждены голодъ, тюрьма, униженіе и желанія, сжигающія душу, а на долю другого—покой.

И когда отлегло отъ сердца, стало ему скучно: время пошло черезъ силу, еле еле—калѣка вѣстовой на изломанныхъ костыляхъ. И казалось ему, что живетъ онъ, какъ трава живетъ на людной улицѣ подъ водосточной трубой, замеченный, заплеванный, и не зналъ онъ, зачѣмъ живетъ, и зачѣмъ другіе живутъ, для чего міръ, и гдѣ Богъ, и какой Богъ, сотворившій такой міръ?

Принесли обѣдъ, простылый и невзрачный. Николай отставилъ тарелку, не притронулся.

Позвякивая кандалами, прошли мимо камеры арестанты.

Шумъ и пыль пронеслись по ихъ слѣду, и день уходилъ за ними.

Будто растопыривая дымныя, кишачія лапки и помахивая безглазыми головами, напозлали въ камеру тюремныя сумерки. И въ сгущающемся мракѣ поднялось съ души его старое наболѣвшее, онъ присмирѣлъ весь, ушелъ въ себя, словно чья-то предательская рука съ гибельной страстью запойнаго потащила его въглубь видѣній и невольныхъ кошунствъ.

И растравляя наболѣвшее и мучаясь сознаніемъ какой-то вины своей, увидѣлъ онъ собаченку Розика: Розикъ съ расшибленной лапкой служилъ передъ нимъ, а глаза его плакали. И Машку увидѣлъ онъ, Машку Пашкову: надсаживаясь и сопя, два утрешихъ отекихъ арестанта волокли ее за грязный обтрепанный подолъ, и казалось, была она, такая хрупкая, непосильной тяжестью. Расцарапанными руками судорожно и пугливо прятала Машка истощенную худую грудь, глядѣла на него помертвѣвшими отъ боли глазами, и онъ будто плюнулъ въ ея помертвѣвшіе зрачки, плюнулъ отъ своей невыносимой боли, и ногу занесъ, чтобы,

хоть какъ-нибудь, каблукомъ стереть этотъ укоръ: „Зачѣмъ такъ надругался надо мной?“ И мать свою увидѣлъ, Вареньку: шатаясь и подпрыгивая, шла Варенька, губы тряслись отъ слезъ, а онъ не протянулъ ей руку, не приласкалъ ее, рука его упала тяжелымъ ударомъ прямо ей въ спину, какъ тогда, въ тотъ день, какъ приходилъ о. Глѣбъ прудъ посмотрѣть. И, какъ тогда, поднялась Варенька и молча пошла, шла она, молила хоть каплю милосердія. И увидѣлъ онъ Евгенія—Женю, на песокъ будто играютъ вмѣстѣ, и почувствовалъ, какъ въ сжатой горсти захрустѣлъ сухой песокъ. И какъ когда-то, онъ прицѣлился и мѣтко пустилъ песку въ раскрытые больные глаза Жени, и видѣлъ глаза, такіе грустные, беззащитные, и сыпалъ и сыпалъ сухимъ пескомъ въ эту беззащитность и грусть. И тутъ же, опять будто Розикъ съ перешибленной лапкой служить, служить и смотреть и плачетъ молча: „Чѣмъ же я-то виновать?“

„Чѣмъ Розикъ виновенъ? Чѣмъ Женя виновенъ? Чѣмъ Машка виновна? За что имъ такое? Въ наказаніе? За какую вину? Варенька виновна передъ собой, Варенька покорилась, когда душа ея не хотѣла покорности, Варенька безъ любви замужъ вышла, но кто отмѣрилъ ей силъ столько, что не хватило ей уйти изъ дому, кто виновенъ въ ея винѣ? Прометей виновенъ передъ Розикомъ. Но Прометею кто-то вложилъ желанія наполеоновскія, а силы далъ куринныя и Прометей задохнулся отъ этой несовмѣстимости и ударить подвернувшася Розика, кто жъ виновенъ въ его винѣ? Ни Варенька, ни Прометей, ни Женя, ни Машка, ни Розикъ, никто не виновенъ, я виновенъ, трижды виновенъ передъ Женой, передъ Машкой, передъ Варенькой!“

И представилась Николаю душа его, Маргариткой представилась она ему, будто вся въ запудренныхъ струпьяхъ и язвахъ стоитъ передъ нимъ, стираетъ пудру, расковыриваетъ струпья, разбереживаетъ язвы, и онъ клянется всю

жизнь ползать червемъ, все снести безъ ропота, пройти всѣ муки, лишь бы искупить вину свою.

И вдругъ бѣлымъ свѣтомъ будто упала пелена на его измученные глаза. Среди бѣлоснѣжныхъ облаковъ, воркующихъ съ теплой лазурью, стала Таня, и ужъ голосомъ полного сердца повторялъ онъ ея имя, ея голосъ, ея пѣсню, пѣсню пѣсней— „Приди ко мнѣ!“—и чувствовалъ, какъ билось ея сердце близко, стукъ-въ-стукъ съ его сердцемъ.

Но тѣ, кто такъ глубоко врѣзались въ душу и жалили его виновное сердце, они продирались сквозь серебро бѣлаго свѣта съ искаженными отъ боли ртами, въ гноищѣ, въ слезахъ, въ нестерпимыхъ мукахъ, и, какъ Варенька, шептали ему: „Проклятый ты, проклятый!“

— Боже мой, подкрѣпи меня!—шепталъ Николай, всматриваясь въ глубокий сумракъ, изъ котораго выступала одна грозная верба.

Въ камерѣ зажгли лампочку.

Долго не успокаивалась лампочка подъ потолкомъ въ своей желѣзной клѣткѣ: то будто кивала, то подмигивала, то удивлялась чему-то, и насмѣхалась, и рыдала тоненькими загнутыми кровавыми язычками.

Въ коридорѣ зазвякали шпоры: шла повѣрка.

— Сто двадцатый—сказалъ дежурный и отхлопнулась форточка двери.

Николай бросился къ двери, хотѣлъ спросить о бумагахъ и чернилахъ, которыя ему обѣщалъ начальникъ, и еще о многомъ, будто тамъ, за дверью все знали, но форточка захлопнулась.

— Сто двадцать первый,—донесся голосъ дежурнаго.

Вошелъ надзиратель: отперъ кровать, постоялъ, помялся, будто собираясь сказать о чемъ-то большемъ и важномъ.

— Спокойной ночи! — сказалъ надзиратель и вышелъ.

И стало все крѣпко безотвѣтнымъ и скрытнымъ. Стѣны, казалось, молча, таили въ своемъ каменномъ сердцѣ какое-то безповоротное рѣшеніе неуклонной невѣдомой судьбы, распредѣляющей долю и не-долю. И на мигъ запылавшая мечта: какъ было бы хорошо, если бы сдѣлалъ онъ не такъ, какъ сдѣлалъ, а по-другому, если бы во время онъ догадался, во время онъ спохватился, былъ бы не такой грубый... эта успокаивающая надежда погасла.

А гдѣ-то внизу, на тюремномъ дворѣ, громыхали. Казалось ему, тамъ строили плаху и громоздили пытки, тамъ пилили и глухо ударяли молотками.

А когда легъ онъ и закрылъ глаза, въ дрѣмѣ представилось ему по-вчерашнему, будто не паръ въ трубѣ, а великанъ бѣжалъ на огромныхъ ногахъ по потолку, добѣгалъ до его изголовья, заглядывалъ ему въ лицо и, ухая, бросался опять въ потолокъ, а за нимъ другой, а за другимъ третій.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Каменная лягушка.

— Въ семь у насъ кубъ, кипятокъ несутъ, а въ двѣнадцать обѣдать, потомъ опять кубъ, такъ оно и пойдетъ и пойдетъ,—сказалъ какъ-то Николаю въ первые дни тюремный надзиратель, и сказалъ вѣрно: такъ оно и пошло.

— Грачевъ, а Грачевъ!—кричить чуть свѣтъ надтреснутый, усталый голосъ дежурнаго,—Лугачевъ! на работу! Лугачевъ... черти!

И арестанты несутъ кипятокъ.

Сѣрый день струить по каплѣ свой холодный сѣрый свѣтъ, и отъ окна расплзается по камерѣ, кажется, входитъ въ жилы, проникаетъ въ кровь и холодомъ точить кровь, и душа безкрылой птицей зябнетъ.

Николай позвонить и ждать, пока не подойдетъ надзиратель.

— Ну что, ничего не слышно?

— Ничего.

— А какъ на счетъ бумаги?

— Ничего не знаемъ.

— Мнѣ бумагу еще въ первый денъ обѣщаль начальникъ!

— Ничего не знаемъ.

И Николай ходилъ изъ угла въ уголъ, отъ окна къ двери, отъ двери къ окну, прислушивался: надъ головой кто-то мутительно ходитъ, и по бокамъ въ сосѣднихъ камерахъ ходятъ, и кто-то кашляетъ, надсаживая хрипящую грудь. а надзиратель безпомощно все ругается на арестантовъ:

— Лугачевъ... Грачевъ... Пугачевъ... черти!

И все повторяется изо дня въ день, съ часа на часъ и только вѣтеръ вдругъ налетитъ на окно, затеребитъ форточку, словно вѣсть подаетъ, но и вѣтеръ улетаетъ и лишь скрипятъ ржавыя петли.

И приходитъ ночь, бессонная ночь и кошмарная и пытливая.

Да, такъ оно и пошло, надзиратель былъ правъ.

Николаю хотѣлось книгу почитать, онъ уставалъ отъ самого себя, но книгу пообѣщать пообѣщали, да такъ и не дали. И былъ онъ только съ самимъ собою, только съ своими мыслями. И какимъ жалкимъ и ничтожнымъ казался онъ самому себѣ съ своими мыслями, какъ завидовалъ онъ тѣмъ, кто могъ добровольно уединиться и въ уединеніи раскрывать свою душу, не зная ни скуки, ни тяготы, ни утомленія.

„Грубая у меня душа и бѣдная, и нечего мнѣ раскрывать!“—думалъ Николай о себѣ съ горькимъ чувствомъ обездоленнаго, и какое-то безразличіе окутывало, точно паутину, весь міръ для него, и все было ему не интересно, все равно, а тюремщики въ эти минуты подавленности казались ему какими-то изнеможенными, больными, черезъ силу, какъ наказаніе, исполняющими свои тяжкія обязанности, и была невозмутимая покорность и готовность всему подчиниться и все исполнить.

По цѣлымъ часамъ просиживалъ Николай на табуреткѣ, по цѣлымъ часамъ ходилъ по камерѣ. Въ сумеречный часъ и глубокою ночью легче думалось ему и не было той дневной гнетущей скуки, отъ которой хотъ объ стѣну головой бейся.

Прислушиваясь къ себѣ, онъ различилъ въ душѣ своей смутное, скрытое. И сказалось ему то, чего въ другое время онъ такъ боялся самъ себѣ открыть, чего въ вѣкъ бы не прошепталъ и самымъ тайнымъ голосомъ.

Яснымъ становилось ему то, что разбредалось и путалось среди сутолки жизни, яснымъ становилась сама сутолка. Тотъ огонекъ, который толкаетъ людей къ жизни, ярче передъ нимъ вспыхивалъ.

Будто съ разныхъ концовъ толпами приходили къ нему люди, окружали его горящимъ кольцомъ, распахивали свою грудь, вынимали сердце.

Одни все болтали всякія глупости, другіе беззаботно, не жалѣя ногъ, отплясывали, третьи все хмурились, четвертые смѣялись, пятые равнодушно посматривали, ровно ничего-то въ мірѣ не касалось ихъ, шестые со злобой шипѣли, седьмые тряслись отъ страха. И все это были однѣ лишь маски, за которыми скрывались лица такія несчастныя, такія сиротливыя, и окаменѣлыя, источенныя горемъ, и изрытыя сомнѣніемъ, и оглушенныя невѣдѣніемъ, и раскосыя отъ потери, и помраченныя отъ беззащитности и растерянныя.

„Пойми насъ!“—будто говорили они.

Но приходили новыя толпы, окружали его смолянымъ кольцомъ, распахивали свою грудь, вынимали сердце.

И то, что казалось грѣхомъ и преступленіемъ, теряло свой смыслъ грѣха и преступленія, и то, что слыло красотой и святостью, страшило своей чудовищностью и безобразіемъ и трусостью и наглымъ лицемѣріемъ, хаосъ распускался въ созвѣздія, добро мѣнялось мѣстомъ со зломъ, и тамъ, гдѣ

низвергались боги, взирало око Бога, и тамъ, гдѣ возносились славославія, была глухая пустота.

„Пойми насъ!“—будто говорили они, не подходившіе ни подъ какія мѣрки.

И новыя толпы, несмѣтныя толпы приходили,—горящія сердца ихъ пылали огненными языками.

Онъ видѣлъ издѣвательства, косность, самообольщенія и обольщенія, звѣрство, а надъ всѣмъ одно страданіе. Онъ видѣлъ на лицахъ бѣлизну мучениковъ, слышалъ, какъ трубили трубы справедливости и негодованія, а въ сердцахъ кишѣли насѣкомыя среди мелочности и маленькаго честолюбія. Одни хотѣли быть искренними, а лгали, и себѣ и другимъ, лгали хуже всякаго, кого добродѣтельные клеймятъ отъявленнымъ негодяемъ, другіе хотѣли быть чистыми, а чернили тѣхъ, кто не подходилъ къ ихъ мѣркѣ, къ колаку дурацкому и копилось ихъ сердце.

И бездольные — несчастные и одаренные говорили въ одинъ голосъ:

„Пойми насъ!“

И какъ въ ту ночь, когда онъ съ неизъяснимой радостью бился о камень, прощался со свѣтомъ, въ его послѣднюю ночь передъ Бакаловской новой жизнью, каменная лягушка, закатившимися каменными бѣлками непроницаемыхъ глазъ, ужасомъ и насмѣшкою смотрѣла на него. Каменная лягушка шевелила безобразными перепончатыми лапами, вздувалось ея бѣлое каменное тѣло, размягчался, разбухалъ камень, слетала короста, разливалась сѣть тончайшихъ жилъ, алѣла, и выступали острыя сине-грозовые измученныя вѣки измученнаго человѣка.

И въ затаенной тишинѣ вдругъ били тюремные часы—сторожа неволи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Рождественская звѣзда.

Первый мѣсяцъ тяжело въ тюрьмѣ, второй легче,—привыкается. Ждалъ Николай Рождества, думалъ—къ Рождеству выпустятъ, а вотъ насталъ и сочельникъ, другихъ выпустили, а его оставили.

Крѣпкія ясныя звѣзды пробились сквозь морозный сумракъ Рождественской ночи. Отдохнувшіе за постъ большіе колокола поднялись со всѣхъ колоколенъ, загудѣли ко всенощной.

Николай услышалъ Боголюбовскій звонъ, взобрался на окно, открылъ форточку: искалъ бѣлую Боголюбовскую колокольную, бѣлыя башенки, пустырь—огороды и Огорѣлышевскій прудъ.

Крѣпкія ясныя звѣзды вспыхивали, стлали по небу искристые бѣлые пути, и звѣзда къ звѣздѣ льнула: слава въ вышнихъ Богу! А рогатый мѣсяцъ, выглянувъ острымъ краснымъ рогомъ, за бойни канулъ.

И вспомнилось Николаю, какъ когда-то дома, въ сочельникъ, наголодавшись до звѣзды, пили они на верху въ дѣтской

чай съ барбариснымъ вареньемъ, да, опрокинувъ липкія чашки—ко всенощной безъ башлыковъ бѣгомъ по бѣлому пруду до самой купальни, и нарочно подставляли морозу щеки: чтобы, какъ у большихъ, брови заиндевѣли, а брови такія тоненькія, индевѣтъ нечему. Вспомнилось Николаю, какъ отъ купальни по двору волчатами пробирались они къ воротамъ мимо фабрики, мимо бѣлаго Огорѣлышевскаго дома: въ кабинетѣ у Арсенія его будничный зеленый огонекъ какъ-то злобно и зорко помигивалъ. И приходили они въ церковь къ Покрову, а въ церкви еще темно было, только лампада чуть теплилась предъ чудотворной иконой Божьей Матери, да одна тоненькая свѣчка на канунѣ, и никого еще не было, не звонили. И батюшки еще не было, черный, какъ нечистый, бродилъ въ пустой церкви пономарь, Матвѣй Григорьевъ. Потомъ биткомъ набивалась церковь. Сты и а ми Бо гъ, раз у м ѣ й те я з ы ц ы!—грязнуть, бывало, пѣвчіе. А Прометею всегда казалось, это одинъ онъ, Прометей, рабъ М и т р і й рявкнулъ на всю церковь.

И, вспомнивъ всю рождественскую службу, Николай отчетливо услышалъ въ гулѣ звоновъ Покровскій звонъ. Да, у Покрова звонили въ самый большой колоколъ.

„Ты, Гаврила, кильку съѣлъ? — Съѣлъ, душечка. — А еще съѣшь?—Съѣлъ, душечка!“ — вспомнился Николаю и рождественскій обѣдъ съ о. Гавріиломъ и все, что связано было съ о. Гавріиломъ: баня, низкія души, игра въ быки. Вспомнилъ онъ и елку у Покровскаго дьякона Ѳедора Ивановича, единственную елку, на которой онъ былъ въ дѣтствѣ. Дьяконъ позвалъ его и Женю на второй день Рождества, а они явились не вдвоемъ, а вчетверомъ и не на второй день, а на шестой. Помнитъ онъ, какъ пришли они вечеромъ къ дьякону, дьяконъ ихъ не ждалъ, да и сынъ у него былъ боленъ, дьяконъ говорилъ шепотомъ и на цыпочкахъ провелъ ихъ въ залу, гдѣ стояла елка, зажегъ нѣсколько свѣчей — вотъ она какая елка! Бабушка сказала, что на елкѣ

подарки даютъ, и онъ все ждалъ, что ему дьяконъ подарить, и даже рѣшилъ: бусы—ихъ много и красныхъ и синихъ висѣло на елкѣ. Помнить онъ, какъ они молча толкались около елки, все ждали подарковъ, но дьяконъ затушилъ свѣчи и пришлось домой итти—вотъ она какая елка!

„Какъ тогда хорошо было!—подумалъ Николай и ему было странно и непонятно, какъ могъ онъ въ свою послѣднюю ночь передъ Бакаловской новой жизнью прощаться со свѣтомъ безрадостнымъ,—нѣтъ, тогда все хорошо было!“—и все ему показалось теперь въ радостномъ свѣтѣ. Онъ видѣлъ всѣхъ добрыми, ласковыми, участливыми и словъ такихъ никто никогда не говорилъ ему, а теперь онъ слышалъ ихъ, и ни на комъ не помнилъ зла.

Щелкнулъ волчекъ, окрикнулъ надзиратель:

—Такъ не полагается, не велѣно!

И Николай слѣзъ съ окна, холодомъ нахнуло на него и стало непривѣтливо.

„Не велѣно!“

И вдругъ почувствовалъ онъ, будто пробуждается отъ тяжкаго сна: пробивая морозные цвѣты, глядѣла къ нему въ окно тихая рождественская звѣзда.

Сердце его засвѣтилось свѣтомъ ея, и душой понесся онъ за тюрьму, за дома къ звѣздамъ—къ рождественской тихой звѣздѣ, и тамъ, среди звѣздъ сорвалъ корону тихаго мерканія и бурнаго пламени, и увѣнчался свѣтомъ и пламенемъ, наполнилъ грудь до красвъ весеннимъ занахомъ, засвѣтилъ сердце восторгомъ нечаянныхъ радостей. Накалялись передъ нимъ жаркія зарницы, семицвѣтныя зори, скалами застывало время. Но алчущій взоръ его расплавилъ камни. И раскинулась вѣчность. И всякая самость и тварь слились въ единую душу. И она была всѣмъ, и все однимъ было, его любовью, его Таней.

И онъ повторялъ имя ея, повторялъ голосомъ полнаго сердца, ея голосъ, пѣсню, пѣсню пѣсней—„Приди ко мнѣ!“—

и чувствовалъ, какъ билось ея сердце близко, стукъ-въ-стукъ съ его сердцемъ.

А полночь чернымъ алмазомъ легилась на окно, на узорные морозныя цвѣты, смѣнялись звѣзды — прилетали полунощныя. Двурогій мѣсяцъ плылъ по небу, и кто-то чернѣйшій плясалъ и скакалъ на мѣсяцѣ, плясалъ, скакалъ, какъ побѣдитель.

И въ душѣ его росла его черная тоска.

— Таня! — шепталъ онъ, — но въ отвѣтъ ему никто не откликнулся, — Таня! — шепталъ онъ и странной улыбкой горѣли его губы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Латникъ.

На праздникахъ въ тюрьмѣ бываетъ особенно то-скливо.

Тоскливо проходили Святки. Николай мѣста не находилъ себѣ, вся душа изнывала.

Пользуясь праздничной сонливостью надзирателей, онъ взбирался на столъ, отворялъ форточку на морозъ и такъ простаивалъ у окна, глядя на волю. И должно быть, простудился: нѣтъ-нѣтъ да и принималось трясти его, а ночью нападало мучительное полузабытье.

Въ полузабытѣи мерещились ему всякія страхи: наполнялась камера маленькими насѣкомыми, юркими, какъ муравьи, заползали эти муравьи за шею, вползали въ рукава впивались, точили тѣло, растаскивали тѣло по мельчайшимъ кусочкамъ. Ужъ, казалось, все было изгрызано и съѣдено, оставался отъ него всего одинъ голый скелетъ, и чувствовалъ онъ, какъ ссыхались и сжимались кости и давили на сердце. Дѣлалъ онъ страшныя усилія, трясъ головой и на минуту пробуждался, но только на минуту,— снова изъ ка-

кихъ-то совѣмъ незамѣтныхъ щелей и трещинъ, сначала въ одиночку, потомъ цѣлыми стаями, выползали эти проклятые муравьи.

Тоскливо проходили Святки и мучительно.

Въ Крещенскій сочельникъ въ положенный часъ повели Николая на прогулку, какъ водили однажды всякій день.

Камеры расположены были полукругомъ ярусами. Николай сидѣлъ на самомъ верхнемъ ярусѣ и до послѣднихъ ступеней лѣстницы провожали его одноглазья камеры. Въ нѣкоторыхъ камерахъ засвѣтили лампочки, и мутный свѣтъ отбрасывалъ черезъ матовые волчки черныя живыя тѣни на рѣшетку коридора: перегибаясь черезъ рѣшетку, живыя, тѣни, эти словно хотѣли прыгнуть въ нижній ярусъ.

Какъ на арканѣ, ходилъ Николай по кругу на тюремномъ дворѣ.

Заходило солнце, золотисто-инеевой крещенскій вечеръ разсыпалъ по небу холодные красные искры и валили со всѣхъ концовъ алые клубы зимняго дыма.

Зудящее жужжанье телеграфныхъ проволокъ, уханье ухабовъ, скрипъ и скать полозьевъ,—все это мчалось куда-то, оглашая своимъ грохотомъ.

Какъ пьяный, ходилъ Николай по кругу на тюремномъ дворѣ.

И когда снова сунули его въ камеру, захлопнулась дверь, щелкнулъ замокъ, стѣны глянули на него чугунными плитами склепа, и нечѣмъ дышать ему стало. А блеснувшая мысль, что это болѣзнь какая-то, и вотъ беретъ его и ему не совладать съ ней, отточила всѣ его чувства.

Въ одинъ мигъ ожили всѣ его воспоминанія, прошла вся его жизнь, а сердце будто подо льдомъ горѣло: и стыло и раскалялось.

Хлопнула форточка двери.

— Сто двадцатый, — сказалъ дежурный и голосъ его прозвучалъ, будто изъ страшной дали.

— Сто двадцать первый! — отвѣтилъ другой голосъ рѣзко.

Вошелъ въ камеру надзиратель, отперъ кровать и Николай, не раздѣваясь, повалился, и, кутаясь въ одѣяло, все не могъ согрѣться. Мысли спутанно шли и хотѣлъ онъ что-то припомнить, зацѣпиться за что-то, чтобы остановить мысли и успокоиться. Трясло его немилосердно. И было такое ощущеніе, будто на горячихъ помочахъ, тянуть его куда-то глубоко на дно погреба. И слышалъ онъ, какъ что-то стучало и ходило вездѣ: въ вискахъ стучало, въ груди стучало, за окномъ стучало и за стѣною, а въ глазахъ мелькали огненные топорики и молоточки, — это они, должно быть, и постукивали. Трясло его немилосердно.

И вдругъ рѣзко, словно надъ ухомъ, прозвенѣлъ въ коридорѣ звонокъ. Кто-то шархнулся отъ двери, шмыгнулъ по коридору. Гдѣ-то щелкнулъ замокъ, а за нимъ другой. И опять стало тихо.

Николай сдернулъ одѣяло, и къ двери, насторожился.

— Повѣсили! — шепнулъ ему кто-то изъ коридора.

Кого? — шопотомъ спросилъ Николай.

Но отвѣта ему не было, и хлынула на сердце смертельная тоска.

— Повѣсили! — крикнулъ Николай и, схвативъ табуретку, грохнулъ табуреткой въ лампу.

И звякнула, задрезжала подъ потолкомъ лампа. Хлынула тьма кромѣшная.

Скорчившись, съ затаеннымъ дыханіемъ слышалъ Николай, какъ гдѣ-то далеко въ коридорѣ, словно въ отвѣтъ ему, прозвонилъ одинъ звонокъ и другой и третій. И опять стало тихо, и тихо и черно.

И вотъ изъ черноты изъ угла выдѣлился блестящій латникъ. Медленно и упорно подвигался латникъ къ Нико-

чаю, и, не дойдя шагу отъ него, остановился. Латникъ стоялъ передъ нимъ съ суровымъ, ужасно знакомымъ лицомъ.

Измученными глазами, вытягивая всю душу, латникъ въ упоръ смотрѣлъ на Николая.

И Николай смотрѣлъ на латника, не могъ оторваться отъ его ужасно знакомаго лица.

Минуту казалось ему, онъ ужъ понялъ что-то, разгадалъ что-то, узналъ его, латника въ блестящихъ мѣдныхъ латахъ и мѣдномъ шлемѣ.

Зашевелился латникъ, сдѣлалъ еще одинъ шагъ, еще одинъ шагъ и мѣдныя латы сдавили сердце и съ сдавленнымъ сердцемъ Николай упалъ у кровати на асфальтовый полъ.

Лежа на полу, забылъ онъ, и о томъ, что повѣсили кого-то, и о латникѣ, ему чудилось, вскарабкался онъ будто на столъ, отворилъ форточку.

Въ лунной ночи ясно бѣлѣла бѣлая колокольня Боголюбова монастыря, бѣлѣли башенки, а за монастыремъ лежалъ пустырь-огороды, а за пустыремъ бѣлый прудъ. Надъ прудомъ, будто поднятыя вверхъ черныя руки, торчали обрубленные ветелы и никли кустарники въ бѣломъ серебрѣ. У плотика чернѣла прорубь, а красный Финогеновскій флигель былъ весь въ снѣгу, и сквозь запорошенное окно дѣтской мерцала лампадка.

Выломалъ онъ будто рѣшетку, вылѣзъ изъ камеры и сталъ спускаться по карнизу.

Мѣсяцъ такъ близко—мѣсяцъ такой большой.

Смотрить онъ на мѣсяцъ, скользить по карнизу: обрываются руки, выскакиваютъ камни, шелушится штука—турка—вотъ сорвется!

Ужъ за сто двадцатый карнизъ зацѣпился, а конца краю не видно, и мѣсяцъ все ближе.

„Да ты вверхъ лѣзешь!“ — шепнулъ ему кто-то, какъ тогда подъ дверью.

И въ самомъ дѣлѣ: отъ Боголюбовской колокольни мелькала лишь бѣлая точка, а пруда и вовсе не было.

И вдругъ оборвались руки и, скользя по воздуху, Николай пальцами впился въ кирпичи и на страшной высотѣ съ захолонувшимъ сердцемъ повисъ...

И не бредъ, это вправду: въ Крещенскую ночь въ новой тюрьмѣ у заставы на тюремномъ дворѣ повѣсили преступника.

Былъ часъ разсвѣта. И разсвѣтъ былъ луненъ, какъ лунной стыла ночь.

Обдѣлавъ свое дѣло, пьяный храпѣлъ палачъ въ крысѣмъ, безъ оконъ, темномъ карцерѣ.

Изъ подъ подушки красный новенькій кафтанъ его торчалъ ухомъ: проиграть палачъ кафтанъ, а чуть свѣтъ, въ дорогу опять, и не дадутъ отыгаться.

Вышла изъ-подъ пола голодная крыса, осканила чутко желтые зубы.

Разметался палачъ, растопыривъ немые сальные пальцы.

Снилась ему старуха—мать, съ котомкой по полю шла—а онъ, будто палачъ Васька Коньковъ, совсѣмъ крохотный, Васька бѣжитъ за старухой, хочетъ за подолъ схватиться, да ножонками не поспѣетъ, и покликать не можетъ, голосъ пропалъ. Потомъ скрылась мать, остался онъ одинъ среди поля и стоитъ онъ среди поля, какъ слѣдуетъ, Васька Коньковъ, на немъ красный новенькій кафтанъ. И взялъ его страхъ: парядили его въ красный кафтанъ палача, чтобы живьемъ въ могилу зарыть...

А на тюремномъ дворѣ, гдѣ совершилась казнь, неразобранный помостъ съ висѣлицей къ землѣ пристывалъ, Большой фонарь на помостѣ коптѣлъ.

Отъ фонаря росла черная тѣнь. И другая черная тѣнь находила на тѣнь фонаря, пропадала къ воротамъ.

Мѣсяцъ, какъ голый черепъ, надъ головой стоялъ.

Часовой Яшковъ на помость поднять глазъ не смѣлъ: лѣзли мысли жуткія, жалостныя, казалось, и смѣны не будетъ.

Вспоминалось Яшкову, какъ надѣли на преступника саванъ и трудно ему было въ саванѣ итти до петли: ноги путаются.

„Я, говоритъ, ничего не вижу!“ А Васька Коньковъ кричить: „Пожалуйте!“ „Да, я говоритъ, итти не могу!“

— Царица небесная!—шепчетъ Яшковъ, все слышитъ голосъ изъ подъ савана, — Царица небесная, дьяволы мы проклятые, всѣ мы его повѣсили!

А въ сводчатой тюремной мертвецкой коченѣлъ теплый трупъ повѣшеннаго преступника. Промерзшія сѣдья доски подъ нимъ таяли. Кто-то въ подпольѣ острымъ зубомъ мертвецкую стѣну точилъ. И отъ того звука въ тишинѣ волосъ дыбомъ вставалъ. Отъ того звука непокорное сердце, какъ ножъ, заострялось въ груди. Отъ того звука съ тоски мѣста не стало.

Мѣсяцъ, какъ голый черенъ, надъ головой стоялъ.

И конца ночи не было.

И люди понуро снали и съ просонья слившимися губами бормотали молитвы, просили у Бога, чтобы насытѣе жить и одинокимъ не остаться, чтобы всего было вволю.

А тамъ, на небесахъ, устремляя къ Престолу взоръ полный слезъ, Матерь Божія сокрушалась и просила Сына:

— Прости имъ!

А тамъ, на небесахъ, была великая тьма.

— Прости имъ!

А тамъ, на небесахъ, какъ нѣкогда въ девятый покинутый часъ, висѣлъ Онъ, распятый, съ поникшей главою въ терновомъ вѣнцѣ.

— Прости имъ!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пожаръ.

Въ городѣ шла жизнь своимъ чередомъ.

Людамъ не доставало времени всѣхъ своихъ дѣлъ передѣлать, а дѣла были все ненужныя и неважныя, весь смыслъ которыхъ держался одной минутой.

Всѣ хотѣли сдѣлать что-то такое, чтобы разъ навсегда успокоиться, но пути къ своему покою не знали и метались изъ стороны въ сторону, хватаясь то за одно, то за другое. И, кончая одно, видѣли ничтожность сдѣланнаго и начинали другое, а чаще толклись на мѣстѣ, переворачивая и подправляя одно и то же всю жизнь.

Все, чего хотѣлось, не исполнялось, а если и приходило, то совсѣмъ невзначай, и чаще приходило то, отъ чего обѣими руками открещивались.

Завтрашняго дня не знали.

Казалось, кто-то скрытно изготовлялъ его, этотъ завтрашній день, да въ потемкахъ и подкидывалъ его на улицу, а люди по утру отъ неожиданности, встрѣчая то, что со-

всѣмъ не предполагали встрѣтить, только рты разѣвали и начинали жизнь по скрытой указкѣ, нелѣпо, на горе себѣ.

Силъ тратилось пропасть. И всякій по разному: одни работали, потому что голодъ этого требовалъ, работали до одури, а толку не было—голодали попрежнему и тупѣли; другіе сытые просто излишествовали—обжирались и опивались, празднословили и праздножатались, выдумывали себѣ заботы и хлопоты, а толку не было,—удовлетворенія не испытывали и, обезсилѣвъ, тупѣли.

Съ утра до ночи улицы кипѣли людомъ. Сноваль всякъ туда и сюда за своимъ дѣломъ.

Лица были озабоченныя, искаженныя, напускныя, рѣдко кто улыбался и смѣялся, какъ слѣдуетъ, а больше и улыбались и смѣялись дѣланно, скверно и отвратительно.

Заповѣди топтались и средь бѣла дня и ночью, подъ призоромъ стѣнъ и подъ открытымъ небомъ: насиловали, убивали, грабили, обманывали, растлѣвали, клеветали.

По мелочамъ все ужъ преступили, и преступать нечего было, тайкомъ все нарушили, и пробовать нечего было.

Заповѣди и законы стояли чѣмъ-то навязчиво-приличнымъ, жизнь же катила своимъ путемъ какъ-то безпастушно и беззаконно.

И, когда разгорались страсти и когда скрыто кипѣли вождѣленія, какими смѣхотворными представлялись всѣ одинокія пожеланія и благія розсказни обновителей и устроителей скученной своры, имя которой—человѣки.

Издавека, изъ-за стѣнъ, окружавшихъ городъ, доносился голосъ мудреца и учителя.

Взывалъ мудрецъ и учитель.

— Остановитесь! Не дѣлайте!

Но вся городская толкучка по-старому толклась и бѣжала, подергивая своими маленькими хитрыми ушами, съ заплаканнымъ сердцемъ.

Какъ остановиться, какъ не дѣлать? Не остановиться, а мчаться, сломя голову, чтобы жить, иначе разойдутся всѣ дороги, и пути не станетъ, время станетъ, смерть пожретъ, а смерти не надо!

Куда гнала людей страшная, беспощадная рука, зачѣмъ такъ больно была и мучила и такъ обидно мало давала ласки, кто зналъ, кто узнаетъ! А тутъ дѣти рученками вцѣпились въ тебя, кричатъ отъ голода: „Папа! папа!“ И у соседа тоже дѣти такія же, и у того, кто помыкаетъ и кровь твою пьетъ, и у того, кто его кровь пьетъ. „Господи, только бы день хорошо прошелъ, да завтра утромъ проснуться!“ А для чего проснуться? Всюду вонь, нечистота, помой, нагая гниль, гниль разукрашенная, и такъ обидно мало тихихъ свѣтлыхъ минутъ, тихихъ свѣтлыхъ уголковъ. Остановиться, не дѣлать?—Да вѣдь это возможно только тамъ и тогда, когда духъ твой говоритъ тебѣ, что пришло время остановиться и не дѣлать, и страхъ смерти ушелъ отъ тебя, и вся жалость къ дѣтямъ твоимъ, къ дому твоему—ихъ голосъ, ихъ жалоба стали не вняты.

И вотъ люди насыщались, чтобы зажаждать еще большей сытости, рожали, чтобы убивать, и убивали, чтобы плодиться.

Казалось, наконецъ. распояшутся, сбросятъ съ плечъ лохмотья и побрякушки, бросятся другъ на друга, и закинуть свалка, и съ перегрызеннымъ горломъ и съ распоротымъ животомъ повалится тѣло на тѣло.

Лицемѣріе подтачивало всякую вѣру, и напускная святость глаза отводила, чтобы убить вѣру. И по другому жизнь итти не могла.

Или и вправду нечистый былъ всюду первымъ коноводомъ, какъ шептали люди простые, не мудреные, вѣровавшіе въ бѣсовское повиновеніе.

Попрежнему Огорѣлышевскій домъ стоялъ такой бѣлый, какъ сахаръ, а согрѣтый снѣжной зимой палисадникъ

передъ домомъ зацвѣлъ весной душистыми и красными цвѣтами.

Игнатій Николаевичъ съ головой ушелъ въ благотворительность. Нищихъ по воскреснымъ днямъ толпилось около Огорѣлышевскихъ воротъ видимо-невидимо. Нищимъ подавалась мѣдь, и душа пребывала покойной.

Управленіе фабрикой перешло Семену Арсеньевичу, который еще утонченнѣе перетасовалъ дѣдовскій укладъ съ заморскимъ: фабричныхъ не пороли, какъ при дѣдѣ Николаѣ Огорѣлышевѣ, но шкуру драли не хуже прежняго, только все чисто и гладко—комаръ носу не подточить.

Самъ же, Арсеній Огорѣлышевъ, какъ ни старѣлъ, а ухо остро держалъ, во всякую бездѣлицу встревался и, кажется, ни одинъ волосъ не падалъ безъ его воли и вѣдома.

Александръ Финогеновъ при Арсеніи быстро шелъ въ гору. За годъ вошелъ къ нему въ полное довѣріе, безъ Александра, кажется, ничего не дѣлалось, ничего не предпринималось, какъ скажетъ, такъ тому и быть, а говоритъ Александръ дѣльно.

Конечно, по городу не замѣчали, какъ Финогеновъ скрутилъ Огорѣлышева, а если и замѣчали, то зайкнуться не смѣли. И Арсеній не говорилъ себѣ объ этомъ, боялся: вѣдь это конецъ его, смерть. А умирать ему не хотѣлось. Какъ ему умирать, когда столько еще надо дѣлать начатыхъ окончить и столько всего задуманно, въ вѣкъ не передѣлаешь.

Придирался Арсеній къ Александру, изводилъ, мучилъ въ свои злыя нетерпѣливыя минуты. Съ каждымъ днемъ чувствовалъ онъ, какъ крѣпкая ладонь Александра давить ему черепъ, погружаетъ его куда-то, ужъ загнала по самую шею,—заливаетъ уши...

А тому словно только этого и надо.

„Давить надо человѣка, чтобы человѣкомъ владѣть. иначе, не ровень часъ, этотъ самый человѣкъ, ближній

твой, на плечи тебѣ вскочить!“ — такъ Александръ Николаю сказалъ въ тюрьмѣ на свиданіи.

Будничный зеленый огонекъ теперь до разсвѣта свѣтился въ кабинетъ Арсенія, мигалъ своимъ дьявольскимъ глазомъ, прорѣзая темъ двора.

А на дворѣ Трезоръ и Полканъ метались на рыкаль, лаяли, и выло въ отвѣтъ имъ бессонное эхо и кто-то илистой лапой обваливалъ берега пруда, затягивалъ тиною дно.

Только вотъ съ прудомъ и творилось неладное — такъ по двору думали — а то все было по-старому: на своемъ мѣстѣ.

Стоялъ красный Финогеновскій флигель, какъ стоялъ, будто кто и жилъ въ немъ, только двери были заколочены.

Пришибленно и придавленно шла жизнь на Огорѣлышевскомъ дворѣ, но какъ-то стройно по заведенію. Одно смущало: на Пасху въ ночь сторожъ, Иванъ Даниловъ, своимъ единственнымъ неокривѣвшимъ глазомъ видѣлъ, какъ барышня Варенька будто стоитъ на терасѣ и головой киваетъ въ родѣ Сѣмы юродиваго, и, видѣвъ все это, онъ съ перепугу доску выронилъ и колѣнку себѣ отшибъ.

Бѣды ждали.

И напасть пришла.

На Николу въ сумерки, когда, по огорѣлышевскому рописанію, фабричныя должны были ужъ спать, вспыхнули биткомъ набитыя фабричныя корпуса — спальни, вспыхнули съ какой-то неистовой силой: задувало со всѣхъ концовъ.

Кто не посигѣлъ выскочить — и былъ таковъ. Дѣтей однихъ погорѣло — тьма тьмущая.

Когда подоспѣлъ Александръ, только головни пылали, да чадили пережаренные человѣчьи трупы.

Красный флигель стоялъ, весь обуглившійся, съ пробитыми окнами, не красный, черный.

Во-время Александръ не могъ пріѣхать: въ этотъ ве-

черъ дали ему свиданіе съ Николаемъ, — Николая отправили по этапу въ ссылку.

Пріѣхалъ Александръ такой спокойный и важный, и долго сидѣлъ, запершись въ кабинетъ съ Арсеніемъ, потомъ съ какимъ-то остервенѣніемъ выскочилъ во дворъ и, прорѣвая толпу, не хуже самого Огорѣлышева, прилетѣлъ на пожарище. Лицо его было синее отъ злости, тряслись челюсти, кричалъ, чтобы головни растаскивали, чтобы все въ прудъ валили.

И, когда оторопѣвшіе фабричные и пожарные бросились исполнять приказаніе, вспыхнули дрова и деревья.

Насилу огонь уняли.

А онъ прошелъ во флигель и стоялъ на терасѣ и смотрѣлъ куда-то далеко, и красный отъ зарева и пламени улыбался каменной огорѣлышевой улыбкой. Какъ улыбался!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Сѣрый огонь.

Было уже къ ночи, когда Александръ вернулся къ себѣ. Александръ жилъ за Чугунно-литейнымъ заводомъ у Покрова, занималъ онъ дорогую квартиру, для одного слишкомъ просторную.

Спать Александръ не могъ, ходилъ по комнатамъ. На лицѣ его не было каменной улыбки, и сталъ онъ какимъ-то прежнимъ, немного лукавымъ и милымъ, и острота глазъ притупилась, и были глаза грустные. Онъ не думалъ ни о домѣ, ни о пожарѣ, ни о Арсеніи, ни о той постоянной дѣловой тревогѣ своей, которая не давала ему покоя и гнула, и гнала, и одарила большой властью, и открыла впередъ дорогу къ еще большой власти.

Ему вспомнился Николай, свиданіе съ Николаемъ. Кажется, весь послѣдній годъ онъ только и думалъ о немъ, ему слышался его голосъ той измученной кротости, которая хватаетъ за душу и заставляетъ вспомнить позабытое, создавать небывалое, какъ музыка.

Онъ вспомнилъ и Петра, и Евгенія, и Алексѣя Алексѣ-

овича, вспомнилъ ночныя стоянія на верху, мать-пустыню и на минуту горькимъ чувствомъ захватило сердце, и снова окаменѣло лицо.

Александръ ни въ чемъ не укорялъ себя, пѣть, онъ твердо зналъ, прошлое кончилось и путь одинъ былъ. Надо строить жизнь, какъ устроилъ жизнь Арсеній, надо владѣть людьми, какъ владѣлъ людьми Арсеній, быть господиномъ на землѣ, смирять, а не смиряться.

Вдругъ Александръ вздрогнулъ и застылъ, ровно въ страшномъ испугѣ.

Съ портрета глядѣла Таня: она стояла, крѣпко сомкнувъ опущенныя руки, вѣнецъ развѣивающихся русыхъ волосъ наклоненной головы полураскрывалъ лицо ея, и улыбались губы, губа и страдая, и звали притуманенные темные глаза, пѣли пѣсню, пѣсню пѣсней— „Приди ко мнѣ!“

На стукъ очнулся Александръ. Прасковья нянька, пріютившаяся у Александра, стучала въ дверь.

— Батюшка, Александръ Елисеевичъ, а Колюшкѣ чулочки-то и забыли,—шамкала Прасковья тупо-горько сжатыми губами, вспомнивъ, что не передалъ Александръ чулки Николаю.

— Кланяться тебѣ велѣтъ,—почти закричалъ Александръ,—Прасковья, говорить, кланяйся, слышишь!

— Кто-жъ его знаетъ, дѣвушка, напущено видно. Спите, батюшка, Христось съ вами.

Ушла Прасковья и опять поднялось передъ нимъ прежнее, ночныя стоянія на верху, мать - пустыня, и опять Таня. Таня ужъ не стояла передъ нимъ, Таня плыла передъ нимъ и, притупивъ глаза, манила во слѣдъ за собой и сгибала его, трясла лихорадкой. Онъ тянулся за ней, онъ вдыхалъ ее, какъ полевой цвѣтокъ.

— Таня... Таня... Таня!—шепталъ Александръ и чувствовалъ ее всѣми чувствами и вдыхалъ, какъ полевой цвѣтокъ: запахъ раскрывалъ свое первородное, что при-

ковыляеть къ себѣ безконечно дорогимъ забытымъ и вновь возставшимъ.

И съ болью рвалось желаніе, хотѣлось ему нестерпимо, хотѣлось ужасно, тотчасъ же на яву видѣть ее и слышать ее . . .

А была ночь. Темная ночь своей темною грудью ужъ коснулась земли. Темная ночь задышала на землю, завѣяла тишью спящія зданія, и зоркія башни томящихся тюремъ, и дворцы и монастырскія кельи. И въ ночи Демонъ одинъ тосковалъ съ своимъ демонскимъ сердцемъ.

„Не услышитъ, не пронзится стукомъ сердца моего, сердце рвется, сердце стонетъ, не услышитъ!“

Въ оковахъ заботъ застыли люди. И ржавое звяканье отчаянныхъ молитвъ скорбно ползло ненастнымъ дымомъ по закопченнымъ крышамъ къ чугуннымъ холоднымъ небесамъ. Судьба, кому надо, ужъ копала могилу и готовила люльки и золото сыпала, и золото грабила, посылала удачу, болѣзнь и нужду.

„Не услышитъ, не пронзится стукомъ сердца моего, оно рвется, оно стонетъ, не услышитъ!“

И шла ночь и прошла полночь. Изнемогая, въ предутреннемъ свѣтѣ неслоь усталое время.

А Ему въ этотъ часъ незримоу одиноко на землѣ было и холодно. И отчего Онъ не можетъ молиться родимому брату, но изъ царства иного? Или проклятіе царство Его, Его одинокое царство. Люди, дѣти и звѣри мимо проходятъ-скорчася, со страхомъ. Разъ Онъ кинулся голубемъ въ волны, въ рѣчныя волны—тамъ ее встрѣтилъ...

„Ты сохранила образъ мой странный, мой зовъ въ поцѣлуѣ?“—тосковалъ въ ночи Демонъ съ своимъ демонскимъ сердцемъ.

Краткая встрѣча, и опять одинокъ: отшатнулось отъ Него ея смѣлое сердце, глухо плакало сердце. Такъ въ страсти, любви къ страсти, любви прикасаясь, слышитъ Онъ

въ долгихъ и рѣдкихъ лобзаньяхъ холодъ, тоску и измѣну, и отравляетъ.

„Ты сохранила образъ мой странный, мой зовъ въ поцѣлуѣ?“— тосковалъ въ ночи Демонъ съ своимъ демонскимъ сердцемъ, сердце Его разрывалось.

Алая ризы утреннихъ зорь загорѣлись, стало свѣтать, и задымился пурпуръ на гребняхъ уходящей ночи.

„О, люди, вы прильнули устами къ пескамъ пустынь повседневныхъ, ищите звонкихъ ключей въ камнѣ истлѣвшемъ, вы затаились, молчите въ заботахъ. У меня есть пѣсни!..

Алая ризы утреннихъ зорь кровью одѣлись, скоро солнце взойдетъ. Или проклятіе царство Его, одинокое царство его? Словно золото облачныхъ перьевъ крѣпкимъ тыномъ заставило путь. И будетъ такъ вѣчно, во вѣки. Такъ вѣчно, во вѣки, вѣчно Онъ будетъ желать безотвѣтнымъ желаніемъ, и томиться. Власть и тоска, безпросвѣтная, и одинокая одинокаго темнаго сердца!

Всю ночь до утра Александръ не отходилъ отъ портрета. Одна Таня заполняла весь міръ для него. Онъ знаетъ, что жить безъ нея не можетъ, онъ умретъ безъ нея. И ничего ему не надо, никакой власти, и готовъ онъ смириться, только чтобы быть съ нею вмѣстѣ всегда—вѣчно, во вѣки.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Котикъ бѣленькій — хвостикъ сѣренькій.

Назначенная въ Николинъ день отправка этапа была отменена. Петръ, Евгеній и Алексѣй Алексѣевичъ даромъ проторчали на вокзалѣ и ничего не дождались и пожаръ пропустили, такъ и не видѣли пожара.

На слѣдующій день они снова дежурили на вокзалѣ и поздно вечеромъ видѣли въ толпѣ арестантовъ Николая, но подойти къ нему ихъ не допустили. И они стояли и только смотрѣли. И тронулся поѣздъ, потухъ, скрылся изъ глазъ зеленый огонекъ вагона и замеръ стукъ колесъ и опустѣлъ людный непривѣтливый вокзалъ, а они все стояли.

Только, когда сторожа принялись подметать платформу, медленно подкатилъ товарный поѣздъ, они вышли на путь и пошли домой по шпаламъ.

Шли они угрюмо и молча, было у каждого на душѣ столько сказать! Какъ вдругъ дорогъ имъ сталъ Николай, какъ необходимъ, какъ близко его почувствовалъ каждый. Николай былъ для нихъ чѣмъ-то свѣтлымъ въ ихъ сумеркахъ, какимъ-то вдохновеніемъ среди буденъ, заваливаю-

щихъ своими отупляющими мелочами, Николай былъ для нихъ той радостью, какая живетъ у взрослыхъ къ подрастающему ребенку, надеждой на какой-то новый, лучшій міръ, который придетъ съ нимъ, который онъ дастъ имъ.

Такъ они въ эти минуты чувствовали, такимъ представлялся для нихъ Николай. И, вспоминая дни, прожитые вмѣстѣ и тѣ отдѣльныя минуты, которыя глубокой бороздой легли въ душѣ, каждый чувствовалъ на нихъ его прикосновенія.

— Почему судьба у насъ отрываетъ самое дорогое?— заговорилъ Алексѣй Алексѣвичъ.

Бѣшено во весь духъ съ оглушительнымъ звономъ промчался мимо весь трепещущій поѣздъ, земля колебалась.

Молча шли они по шпаламъ.

Ужъ забѣлѣлъ Боголюбовъ монастырь, кончался мостъ. Надо было спуститься съ крутого откоса и подняться на монастырскую гору. И они, какъ когда-то въ дни о. Гавріила, выстроились въ рядъ и разомъ на перегонки пустились внизъ и, не передыхая, вбѣжали на гору.

Шли по знакомой бѣлой стѣнѣ. Около каменной лягушки остановились. Казалось, огромныя заплеванныя лягушачьи бельма, освѣщенныя тихимъ краснымъ лучемъ бѣлой башенки, плакали.

— Не зайти ли къ старцу?—предложилъ Евгеній,— давно мы не были у старца.

Но часъ былъ поздній, привратникъ Сосокъ не пропустить, и они рѣшили въ другой разъ и непременно: о Николаѣ сказать надо старцу, старецъ такъ любилъ Николая.

Пошли ходчѣе, отъ дома имъ недалеко было: жили они вмѣстѣ, но ужъ не въ Бакаловомъ домѣ, а въ переулкѣ въ домѣ Соколова.

Въ позапрошломъ году, когда еще Николай былъ на волѣ, Евгеній женился, родился у него сынъ, а жена послѣ родовъ померла. Смерть жены словно прихлопнула его, оро-

бѣлъ онъ, затихъ какъ-то, и безъ того тихій. Съ утра до поздняго вечера просиживалъ онъ въ Огорѣлышевскомъ банкѣ, гнулся за работой съ постоянной палкой за спиной—постоянными помыканіями и придирками.

Квартиру нанималъ Евгеній. У Евгенія жили Петръ и Алексѣй Алексѣевичъ. Алексѣй Алексѣевичъ цѣлый день на урокахъ корпѣлъ. Петръ, зиму прослужившій въ театрѣ, теперь ходилъ безъ мѣста и до осени ничего не предвидѣлось.

— Ну, проводили отшельника? — встрѣтила, поводя табачнымъ носомъ Арина Семеновна — Эрихъ, навѣщавшая Евгенія за его Костей присмотрѣть.

— Проводили! — махнулъ рукой Петръ, — проводили, Эрихъ!

Евгеній легъ спать. Петръ и Алексѣй Алексѣевичъ долго не расходились.

Алексѣй Алексѣевичъ присаживался нѣсколько разъ къ пьянино, говорилъ, будто голосъ все слышитъ, и такой, до костей морозъ пробираетъ отъ звуковъ, что повиваютъ, растутъ и снуютъ этотъ голосъ.

Все, и эти книги, бережно разставленныя по полкамъ, книги, которыя такъ любилъ Николай и которыя такъ дорого доставались ему, и этотъ старенькій столикъ, перевезенный съ верху изъ краснаго флигеля и затѣмъ изъ Бакаловскаго дома въ домъ Соколова, все напоминало о Николаѣ. И когда, наконецъ, погасили лампу, сонъ не приходилъ, не могли заснуть: было одиноко и жутко сиротливо.

Ворочался Петръ, думалъ о той полосѣ, по которой итти рука показала, о своемъ актерствѣ и театрѣ. И то, что тревожило его, всплывало теперь, будто шальная искра воспламенила кругъ его мыслей. Непонятнымъ казалось ему, для чего и для кого былъ театръ, и зачѣмъ онъ игралъ?

Мелькнулъ биткомъ набитый зрительный залъ, скучающія лица, лица, потерявшія всякій образъ и подобіе Божіе, а тамъ на верхахъ въ чернотѣ рой пчелинный. Хлопки, вызовы. И вотъ ликованіе всякой бездарности, увѣнчанной вѣнцомъ легкаго сочувствія, безшабашнаго браво и такимъ еще невиннымъ, горячимъ восторгомъ непорочныхъ вѣрящихъ глазъ, для которыхъ все искрится, ибо сами — одна искра. Мгновенный успѣхъ, мгновенное царство, дешевое царство.

Тутъ пошлѣйшая душа ведетъ свою роль. А для этого и сочиняется театръ — публичный театръ увеселеній и ходульнаго нравоученія. И нѣтъ нигдѣ такой страшной давки, такого беззащитнаго оголѣнія, какъ среди своихъ актеровъ. И эта косность, избитые приемы, затверженные шаблоны, н т а м п ы...

И представилось Петру то, о чемъ мечталось въ жгучія минуты одиночества: исполнить театръ свое назначеніе, дойдетъ до своей бѣлой вершины, станетъ великимъ дѣйствіемъ. Театръ — обѣдая, гдѣ и актеръ и зритель сольются въ великомъ актѣ божественнаго таинства...

— Господи, сдѣлай такъ, чтобы я вѣрилъ, сдѣлай такъ, Господи,—просилъ Петръ, не вѣря, что придетъ что-то лучшее на смѣну мерзости и запустѣнію, и вдругъ ослабѣлъ, сталъ жалкимъ, изолгавшимся, завистливымъ, какъ тѣ... его товарищи, и открылась пустота, одни и тѣ же дни, бессмысленные, ненужные...

Вспомнилось Петру, какъ осенью на ренетиціи онъ подвыпилъ и съ расшату попалъ въ купель съ водой, которую держали на случай пожара, а на послѣднемъ спектаклѣ передъ самымъ выходомъ задержался въ буфетѣ и набросившемуся антрепренеру кукишомъ наковырять носъ...

Петръ сдернулъ одѣяло, приподнялся на кровати. Въ окно заглядывалъ голубой ранній разсвѣтъ.

Проснувшійся Костя хныкалъ. Арина Семеновна — Эрихъ укачивала Костю, напѣвала старческимъ усталымъ полуголосомъ колыбельную:

Котикъ сѣренькій,
Хвостикъ бѣленькій...

Напѣвала старуха долго все одно и то же. И заснулъ Костя. Взошло солнце. И ударили въ Боголюбовомъ монастырѣ въ постный колоколъ. И звонили въ Боголюбовомъ долго все одно и то же, словно Эрихъ пѣла:

Котикъ сѣренькій,
Хвостикъ бѣленькій...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Эпитафія.

Путанная и темная исторія разыгралась въ Боголюбскомъ монастырѣ на первые дни Петровыхъ: Боголюбскому старцу о. Глѣбу запретили исповѣдывать.

Пошли по городу суды да ряды.

Вѣрные люди клялись-божились, будто самъ Боголюбовскій преосвященный о. Евтихій—Каіафа въ этомъ дѣлѣ кругомъ безпричиненъ, а причинное мѣсто въ синодскомъ указѣ. Указъ вышелъ по доносу. Въ доносѣ говорилось, будто о. Глѣбъ, „главный еретикъ, богоборецъ и ругатель, богоборно и злочестиво дерзнулъ глумиться и кощунствовать надъ Богомъ въ Троицѣ славимымъ, повергъ Его обвиненію и осужденію, а Іисуса Христа уподобилъ отмѣннику самодержавной царскѣй власти.“ Доносъ исходилъ отъ соборнаго протоіерея о. Семизорова, знаменитаго проповѣдника, миссіонера и большого искусника по части прививки оспы: учительствуя въ образцовой школѣ при епархіальномъ училищѣ, протоіерей прививалъ оспу такъ ревностно, что какая-то епархіалка не то родила, не то повѣ-

силась. И объ этомъ, гдѣ надо было, знали, и все-таки Семизоровскому доносу повѣрили.

Правда это или нѣтъ, только въ первую же пятницу духовникомъ назначенъ былъ вмѣсто о. Глѣба Боголюбовскій казначей о. Самсонъ—Пахмарный—гладкій, раскряченный, съ обвареннымъ лицомъ іеромонахъ, давно зарившійся на эту весьма доходную халтуру.

О боголюбовской исторіи Петръ и Евгеній узнали отъ Арины Семеновны—Эриха: ходила старуха Костю причащать, все и вынюхала. И рѣшили они возможно скорѣе, не откладывая въ долгій ящикъ, провѣдать старца. А тутъ какъ разъ письмо пришло и посылка отъ Николая, только что окончившаго этапъ и водворившагося въ Великомъ Веснебологѣ.

Въ воскресенье Петръ и Евгеній отправились въ Боголюбовъ къ обѣднѣ. Въ соборъ они не зашли, а прямо въ башенку къ старцу.

У старца сидѣлъ въ гостяхъ о. Гавріилъ и рассказывалъ что-то о политикѣ, патріотическое. Старецъ съ какой-то безсильной грустью улыбался изъ своего глубокаго ресла, и какъ обрадовался, когда услышалъ знакомые голоса, такъ давно не слышные въ его тѣсной сводчатой кельѣ.

А о. Гавріилъ, Богъ вѣсть когда видѣвшій Финогеновыхъ, но знавшій все злоключенія ихъ, по сану своему сдѣлалъ видъ, что не узнаетъ старину и сталъ говорить въ носъ.

Старецъ велѣлъ послушнику подогрѣть самоваръ. И за самоваромъ пошли распросы и воспоминанія.

Забылся о. Гавріилъ, забылъ свою важность и, напавъ на свой старый любимый разговоръ, бралъ то у Петра, то у Евгенія руку, жалъ суставы и, угадывая по твердости кожи таинственное что-то, блудъ какой-то, прикусывалъ себѣ губу...

— Похудалъ, похудалъ, душечка,—покачивалъ о. Га-

вріилъ своей курчавой головою,—изсосуть онѣ, Петечка, тысячи, какъ пчелы самыя голодныя.

И вся келья хохотала до упаду.

— Стой, о. Гавріилъ, стой!—спохватился Петрѣ,—экѣ, вѣдь, право, главное-то и забылъ!—онѣ досталъ изъ-подъ шляпы свертокъ и сталъ бережно развертывать.

Скоро въ рукахъ его очутилась продолговатая сѣрая коробка изъ-подъ конфетъ, перевязанная крестъ-на-крестъ тоненькимъ краснымъ шнуркомъ, концы котораго сливались въ красной бумажной печати, отъ печати по крышкѣ къ краямъ разбѣгались бисерныя буковки—почеркъ Николая.

— Эпитафія!—провозгласилъ Петрѣ, держа передъ собой конфетную коробку, какъ держалъ когда-то за амвономъ тяжелый Апостолъ.

Притаились. О. Глѣбъ тихо улыбался.

Петрѣ продолжалъ:

— „Миръ тебѣ, неустрашимая коробка съ красной печатью! До послѣдняго дня этапа ты сохранила гордость и неприступность и побѣдно окончила долгій и трудный путь. Что за вкусныя сласти несла ты!—„Коробка съ печатью!“—гордо говорилъ я, когда меня потрошили, и мои, переполненные папиросами и карандашами, карманы пустѣли. Ни одинъ тюремный палецъ-щелчекъ не дотронулся до тебя, и съ благоговѣніемъ опускались предъ твоей красной печатью начальственныя головы. Однихъ ты испугала, и они притихли, другихъ заставила отдернуть руки прочь, меня же ты обрадовала, и когда щелкнулъ замокъ моей камеры, и мы очутились съ тобою глазъ-на-глазъ, ты распечаталась, и я закурилъ. Чуть стуча, кто-то ходилъ въ коридорѣ. Дремалъ вѣчно-сонный волчекъ. Папироса за папиросой—дымъ на всю тюрьму! А помнишь, съ меня стащили брюки, чулки... но къ тебѣ... Довольно было одного моего напоминанія: „Коробка съ печатью!“—и тебя бережно поставили на зеленое сукно. А меня оставили босымъ на каменномъ полу. Въ ка-

меру тебя, такую маленькую, обѣими руками понесъ самъ старшій... „Ихъ нѣтъ!“—шепнулъ я. когда мы остались одни, и тотчасъ ты развернулась и положила мнѣ на столъ бумагу и карандашъ. Но потомъ, на свободѣ, ты тряслась всѣми своими нитями и бумагой отъ хохота надъ міромъ, надъ тѣмъ міромъ, гдѣ красная печать цѣнится выше человѣка. И горько мнѣ стало за душу человѣческую“.

О. Гавріиль долго, сначала съ благоговѣніемъ, потомъ кряхтя и сопя, разсматривалъ коробку, дулъ на печать и протиралъ ее пальцемъ и, окончательно опѣшенный, прервалъ наступавшее молчаніе:

— Батюшка, о. Глѣбъ, какъ же это такъ, вѣдь печать-то Ильи Ивановича... ихъ фирмы... ихъ кондитерская...

— Кондитерская! — поднялся общій неумолкаемый хохотъ.

И долго бы еще кусалъ себѣ губы и охалъ о. Гавріиль подъ заражающій хохотъ, если бы не старцевъ послушникъ: послушникъ принесъ тройную трапезу.

И принялись всѣмъ соборомъ подкармливать о. Гавріила. Появившаяся водка быстро изсякла.

— Душечка, душечка, — уже лепеталъ о. Гавріиль. — Илья Ивановичъ достигъ, можно сказать... постъ... главнокомандующій, у! какъ пчелы, шмели самые этакіе... изсосутъ!

— Жри, Гаврила, жри!

— Мартынъ-Задека... Женечка, изсосутъ, а ты, Петечка, станешь безпокойство испытать. преломи... преломи!

— А ты самъ преломилъ?—поддразнилъ Евгеній.

— Я... я...—разжевывалъ о. Гавріиль, — преломилъ, душечка, Мартынъ-Задека, Женечка, а наемни, душечка, изъ трапезной выхожу, а кормилица ко мнѣ... Дуняшка съ предложеніемъ...

— Жри, Гаврила, жри!

— Матушка, говорю ей,—разжевывалъ о. Гавріиль,—
я... я...

О. Глѣбъ, минуту назадъ такой веселый, сидѣлъ среди дыму, духоты и непристойностей, такой утомленный и одинокій.

— И стало мнѣ горько за душу человѣческую...—явственно прозвучалъ вдругъ его кроткій, глубокій голосъ.

И въ мигъ разсѣялся шумъ, только сѣрый день глядѣлъ въ окошко, да, наклонившись всѣмъ туловищемъ къ тарелкамъ, сладко посапывалъ о. Гавріиль.

— И развѣ знаетъ человѣкъ,—продолжалъ старецъ,—за что человѣка гонить, но гонить... до самой смерти, и душа его каменѣетъ, и нѣтъ тепла въ ней, нѣтъ свѣта, задыхается, чувствуетъ свою гибель, и гонить... А по другому ему не дано жить.

— О, Глѣбъ,—прервалъ Петръ,—ну какая это жизнь... родишься на свѣтъ, съ пеленокъ словно ошпарятъ глаза тебѣ, а потомъ идешь безъ дороги подъ пинками... и куда идти!..

Старецъ ласково взялъ Петра за руку и снова сталъ такимъ безмятежнымъ, какъ ребенокъ. Старецъ разсказалъ о боголюбивской исторіи, о той бѣдѣ, которая стряслись надъ нимъ. Старецъ видѣлъ въ бѣдѣ своей перстъ Божій, избраніе: приходитъ бѣда не карой, а испытаніемъ, и только она раскрываетъ человѣку затемненные глаза, погруженные въ мимолетное и близкое, а со скорбью крылья растутъ и поднимаютъ на выси, откуда невидное видишь и то видишь, что по-длинно мечетъ и гнетъ человѣка,—не кулакъ брата твоего, не мечъ ближняго твоего, а долю, тайной нареченную.

— Прими ее кротко, всѣмъ сердцемъ, всю до конца, благослови ее и увидишь путь!

Проснувшійся о. Гавріиль бессмысленно уставился въ окрошку и, растягивая слова, укорялъ кого-то:

— Преломи... преломи!—и, укоряя, твердилъ, покачивая кудрявой головой.

Такъ много припомнилось и такъ много забылось.

Ужъ кончилась вечерня, ужъ привратникъ о. Алфей—Сосокъ, гремя ключами, прошелъ къ воротамъ, а келья отверженнаго старца не унималась. И часы били,—гости не замѣчали боя, и заходило солнце,—гости не видѣли заката.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Марѣ.

Въ Великомъ Веснебологѣ, гдѣ волей-неволей, а пришлось Николаю начинать новую жизнь, въ древнемъ суровомъ городѣ преполовилось лѣто. Пустяки, всего мѣсяцъ прошелъ веснебологской жизни, а было такъ, будто каждый новый день вколачивалъ гвоздь въ дверь его дома, заколачивалъ, ровнялъ ее со стѣной, и чѣмъ больше гвоздей уходило, тѣмъ жарче разгоралось желаніе уйти изъ дому, а какъ уйти?

Древній бѣлый соборъ, опоясанный бѣлой зубчатой стѣной въ темныхъ прогалинахъ каменныхъ мѣшковъ, съ колокольней, увѣнчанной тусклымъ, мягко-играющимъ золотомъ, гремѣвшій въ праздники своимъ краснымъ звономъ, такой одинокій и въ своемъ одиночествѣ гордый и несравненный, стоялъ, какъ стоялъ еще при Грозномъ, поверхъ скученныхъ низкихъ домиковъ и всякаго громоздкаго чернаго жилья, и виденъ былъ со всѣхъ концовъ, куда глазъ хваталъ. И изъ окна мезонина съ пустынной окраины, гдѣ поселился Николай, и оттуда былъ виденъ древній соборъ.

А старыя березы съ вѣтвями-крыльями, поникшими въ густую старую крапиву, огненно-малиновыя собаки репейника, вздрагивающая холодная рѣка, все жалось, ползло, поднывало къ крѣпкой стѣнѣ выдержавшей стойко бунташное время—мятежный годъ.

Николай попалъ въ среду такихъ же силой оторванныхъ, прошедшихъ черезъ тюрьму, ссыльныхъ и невольно долженъ былъ соединять жизнь свою съ ихъ жизнью.

Ссылные приняли его сердечно и участливо, такой встрѣчи онъ и не думалъ найти, даже неловко было. Онъ ничего не сдѣлалъ и ничѣмъ не заслужилъ ихъ участіе. И это подняло ему духъ.

„Нѣтъ,—думалъ онъ,—есть еще Богъ, живъ Богъ въ сердцѣ человѣческомъ, и человѣкъ не потерянтъ“.

Подлинно, что-то новое начиналось въ душѣ его, и вся огорѣлышевщина шелухой отпадала. Но пришелъ завтрашній день, будни—безпощадные будни, сдувающіе лепестки съ нѣжнаго цвѣта и разрушающіе самое милое лицо. Изъ-за сердечности и участія глянуло вдругъ изсушенное лицо суроваго устава: оно не грѣло, а приневоливало, не радовало, а сковывало сердце.

Чѣмъ больше знакомился Николай съ своими товарищами, тѣмъ яснѣе видѣлъ, что люди эти, издерганные и загнанные, устали другъ отъ друга, окружили себя сектантской стѣнной нетерпимости и взаимнаго подозрѣнія, и, какъ всѣ, полны человѣческихъ слабостей, лишь скрытыхъ подъ часъ тѣми высокими и самоотверженными готовностями, о которыхъ мечтаешь въ свои жгучія благородныя минуты, но, главное, всѣ очень ужъ скучные въ обиходѣ житейскомъ, не у дѣлъ, безъ дѣла. Конечно, были и исключенія, но общее впечатлѣніе отъ товарищей осталось у Николая прежде всего какъ отъ чего-то очень скучнаго.

И пошли будни, медленно, изо дня въ день безъ всякой

перемѣны, мучительныя въ своемъ однообразіи,—полное терпѣніе.

Противъ бойницъ древняго собора, построенныхъ еще Грознымъ, стоялъ покосившійся простой деревянный домикъ, и въ этомъ домикѣ—колони ссыльныхъ вершались всякія судьбы.

Ссыльныхъ въ Великомъ Веснебологѣ было человѣкъ до пятидесяти. Больше держать въ городѣ запрещалось, и вновь прибѣжающимъ указаны были уѣзды, глухіе и замкнутые.

Пятьдесятъ человѣкъ безъ того дѣла, которымъ жили на волѣ, безъ дѣла и безъ средствъ къ жизни. Какая-нибудь грошовая работа и тупая, отупляющая скука или ожиданіе работы и гнетущая праздность и озлобленіе. И одни и тѣ же люди—товарищи по бѣдѣ, неизмѣнно одни и тѣ же лица, какъ навязчивые призраки, и по улицамъ и въ домахъ.

Такъ какъ каждый цѣплялся за свою петлю—за убѣжденіе свое и разжигалъ его воспоминаніемъ и засвѣчалъ ему царскій самодержавный вѣнецъ, то, сходясь другъ съ другомъ, ссыльные начинали всегда одинъ и тотъ же разговоръ, а съ разговоромъ выходили одни и тѣ же споры. Каждый слушалъ только себя, и, подхвативъ какое-нибудь слово своего противника, выворачивалъ, маялъ это слово, приплеталъ къ нему цѣлую исторію и ужъ въ такомъ видѣ бросалъ назадъ, до личныхъ оскорбленій.

Изъ пятидесяти выдвигались вожаки: вожаки притягивали къ себѣ болѣе податливыхъ и слабыхъ и тѣ поддакивали имъ, гикали сплоченной слѣпой оравой.

Каждое собраніе ссыльныхъ казалось собраніемъ злѣйшихъ враговъ. И въ концѣ всякихъ споровъ рѣдко не вводили другъ противъ друга самыя тяжкія обвиненія и прибѣгали къ самымъ послѣднимъ надѣвательствамъ. Со скуки и на стѣну полѣзешь!

Не малый раздоръ кипѣлъ около ссыльной кассы.

Надо было уставъ положить, а какъ его положить, чтобы всѣ довольны остались и все было бы по справедливости? Собирались, толковали-перетолковывали, а въ заключеніи торжествовали самыя полицейскія мѣры: всякіе налоги и надзоръ.

И опять подымалась ссора и озлобленіе. Нерѣдко при-бѣгали къ товарищескому суду. Судили за все, за что только ни вздумается, за всякіе пустяки, но первымъ обвиненіемъ всегда являлось подозрѣніе въ предательствѣ.

Предпринимались разслѣдованія, возникали комисіи. Одна комисія смѣнялась другою. Велся самый настоящій судебный процессъ.

Скрытая надоедливость другъ другомъ и тягота близости, въ которую насильно втиснуты были нѣсколько жизней, точили скуку. И съ какимъ нетерпѣніемъ ждали часа, когда снимутъ, наконецъ, запретъ, и дорога ляжетъ скатерью.

И какимъ дорогимъ и соблазнительнымъ казался вокзалъ, а тѣ, кого принималъ онъ на свои рельсы, какими счастливыми! И все бы забылъ, только бы вонъ, вонъ изъ этой взаимной травли, скуки и ненужныхъ веснебологскихъ дней—полоннаго терпѣнія.

Николай давалъ себѣ зарокъ жить отдѣльно, не встречаться ни въ какія исторіи, и не могъ выдержать. Нѣтъ-нѣтъ да и ввернется. Да и трудно было, какъ-то само собой думалось объ общихъ интересахъ и о тѣхъ событіяхъ, которыя произошли съ кѣмъ-то изъ товарищей, и, не желая вовсе, становился онъ то на одну, то на другую сторону. Втюрился, наконецъ, въ какую-то исторію сплетническую и нехорошую, и уже всякій зарокъ пропалъ.

Оставаясь одинъ, Николай прислушивался къ самому себѣ, ждалъ новаго голоса, который долженъ былъ вырасти въ этомъ изводящемъ подневольѣ и путаницѣ, и ничего не

слышалъ,—было печально на душиѣ и затаенно. И угнетало предчувствіе новыхъ бѣдъ и горькихъ паденій.

Въ покосившемся домикѣ—колоніи ссыльныхъ сквозь задернутыя бѣлыя занавѣски помигивалъ зеленый блѣдный огонекъ. Въ домикѣ спорили и рѣняли. Въ домикѣ въ вечерніи часы находилось и свое дѣло и свой путь, своя жизнь и своя смерть.

И приходила не темная, безпокойная, бѣлая—мѣдная сѣверная ночь.

Упоенное зорями небо, казалось, подымало изъ рѣчной глубины бѣлыя ограды, ставило ихъ кругъ земли Весне-бологской. Бѣлый безъ свѣта выходилъ мѣсяцъ, тянулся, какъ калѣка, къ крохотной одинокой звѣздочкѣ.

И зоркія птицы, какъ черныя молніи, молча летѣли еще дальше на сѣверъ.

И изъ дневного гомона, дневной суеты, дневного преступленія, разстилавшихся надъ городомъ, вставала Мара—безсмертная, бездольная, проклятая отъ рожденія: корчились всѣ ея члены, перевитые, будто шелковинками, красными нитями незаживающихъ ранъ, а заплаканный ротъ судорожно кривился, и вылетали мучительные вопли изъ сдавленнаго горла.

Выкрикивала Мара безотвѣтныя обиды, и по міру пущенныя слезы, и слезы, тайкомъ пролитыя, и слезы, проглоченныя подъ улыбкою, безпріютная, бездольная, отчаявшаяся отъ рожденія.

И казалось, растворялись рѣзныя ворота бѣлаго Весне-бологскаго собора, выходили въ ченуичатыхъ кольчугахъ воины, бѣласнѣжная рында, парчевое боярство, монахи—опричники и красный палачъ, а надъ лѣсомъ мечей и топовъ сіялъ драгоцѣнный царскій крестъ Грознаго.

Въ ужасѣ кривился заплаканный ротъ безпріютной Мары, рвался изъ горла убитый хрипъ. Проклинала Мара грознаго царя, проклинала его слугъ чернецовъ, проклинала

краснаго палача, и мать свою, что зачала и вскормила ее на муку и поруганіе.

Захлопывались безшумно рѣзныя ворота, подымалось шествіе вверхъ по глубокой рѣкѣ. Багровѣлъ ночной мѣднѣй свѣтъ, заливался небосклонъ алою кровью.

И подымалось огромное нестерпимо-яркое солнце, неустанное полунощное надъ спящей землей.

Николай долго не могъ привыкнуть къ бѣлымъ сѣвернымъ ночамъ, не спалъ цѣлыя ночи.

И жгучія желанія подымались въ его безсонномъ сердцѣ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Судъ.

Сидѣть у окна по ночамъ,—долго не высидишь, и Николай съ утра до поздняго вечера шатался по городу. Заходилъ то къ одному, то къ другому товарищу, ходилъ на рефераты, на собранія, участвовалъ въ прогулкахъ за городъ,—всюду и вездѣ совалъ носъ, слушалъ и присматривался, вступалъ въ разговоры, морочилъ для смѣха.

Вспомнилась какъ-то Пелагея Семеновна Красавина, пріятельница Вареньки, вспомнилась веселая Огорѣлышевщина и какъ некрологъ Палагеи Семеновны писали, схватился Николай за некрологи, и кому-кому только не написалъ сгоряча!

Ударилъ некрологъ по больному мѣсту, и среди ссыльных поднялась цѣлая буря. Собирались и толковали, толковали и обсуждали, пока не пришли, наконецъ, къ единогласному рѣшенію.

Въ первую субботу вечеромъ назначенъ былъ судъ надъ Николаемъ.

Просторная комната колоніи, гдѣ обычно жили сообща

и несколько товарищей ссыльных и гдѣ находили пріютъ всѣ вновь пріѣзжающіе ссыльные, въ субботу была переполнена, — сидѣли и вокругъ стола, сидѣли и на кроватяхъ.

Предсѣдателемъ выбрали ссыльнаго адвоката Брызгина.

Аккуратно одѣтый, бѣленькій, покачиваясь на тоненькихъ ножкахъ, Брызгинъ говорилъ не особенно бойко, пересыпая рѣчь свою затасканными остротами и косясь на плохо занавѣшанные окна.

Прежде, чѣмъ разбирать вопросъ о Финогеновѣ и о его выходкахъ, Брызгинъ предложилъ рѣшить собранію: ѣхать-ли всей колоніей вслѣдъ за высылаемымъ въ уѣздъ товарищемъ Щукинымъ или просто выразить губернатору протестъ.

Щукинъ, чудаковатый студентъ, сидѣлъ въ углу, не выпуская изъ рта папирсы, угрюмый и взлохмаченный.

Сначала раздѣлились на голоса, потомъ перемѣшались.

Попробовали поднимать руки, но когда пересчитали, оказалось, рукъ больше, чѣмъ присутствующихъ: не разбирая, одни и тѣ же поднимали и за и противъ.

Поднялся шумъ. Говорили заразъ. Кричали:

— Ёдемъ, ёдемъ!

— Не смѣетъ такъ поступать!

— Позвольте, я былъ въ Сибири!

— Наплевать мнѣ на всѣхъ!

— Тинь! — прикладывалъ къ губамъ руку Брызгинъ и поднимался на цыпочки, лицо его вздрагивало и покрывалось красными пятнами.

Когда же вдоволь накричались, и кое-кто успѣлъ высказать и не безъ подробностей свое мнѣніе, и вопросъ казался исчерпаннымъ, заскрипѣлъ стулъ Переплетчикова.

Переплетчиковъ, извѣстный своей статьей о б у р ж у а зности Пушкина и слышій ораторомъ, ни слова не проронилъ во время послѣдней щеголеватой рѣчи своего про-

тивка Андрея Андреевича Курбатова и теперь готовился разнести его вдребезги.

Нѣсколько лицъ, плотно окружавшихъ стулъ Переплетчикова, одобрительно зашептались.

— Соглашаясь съ мнѣніемъ Андрея Андреевича,—началь Переплетчиковъ, растягивая и подсобляя выпученными глазами,—я, господа, такъ сказать или вообще, выражаясь яснѣе и говоря проще, хотѣлъ бы выяснитъ и до нѣкоторой степени развить немаловажный или не менѣе существенный вопросъ, поднятый и затронутый Андреемъ Андреевичемъ приблизительно до нѣкоторой степени..

Оказалось, что Переплетчиковъ хорошенько не понималъ, противъ кого протестовать: противъ ли Щукина или противъ постановленія губернатора, и вся его длинная, путанная рѣчь свелась къ защитѣ Щукина противъ губернатора.

Опять раздѣлились на голоса. Опять подсчитывали руки. Опять говорили заразы. И, наконецъ, рѣшено было выбрать комисію.

Долго выбирали комисію и, когда все дѣло уладилось, и всѣ согласились, запротестовалъ Рывкинъ.

Размахивая руками, будто было ихъ у него не двѣ, а по крайней мѣрѣ цѣлыхъ три, Рывкинъ говорилъ противъ всего и всѣхъ вообще: Рывкинъ слылъ за анархиста.

Послѣ шумнаго перерыва обратились къ дѣлу Финогенова.

Предсѣдательствовалъ на этотъ разъ рѣдкій посѣтитель собраній Корюхинъ, здоровенный малый, бритый, какъ актеръ, съ трагической морщиной, рѣзко вырисовывающейся изъ-подъ нависшей на лобъ густой гривы. Пришелъ Корюхинъ на собраніе отчасти изъ любопытства, отчасти и потому, что нѣкоторыя подробности некролога, за который обвиняли Финогенова, близко его касались.

Насмѣшливо улыбаясь, развернулъ Корюхинъ свитокъ,

испещренный затѣйливыми строчками съ чернымъ крестомъ, вверху—некрологъ Ивану Адриановичу Дееву.

— „Иванъ Адриановичъ Деевъ!—провозгласилъ Корюхинъ, обводя присмирѣвшую публику дѣланно страшными стальными глазами, и началъ некрологъ,—Деевъ умеръ! Деевъ Иванъ Адриановичъ... „Деевъ лиши!“ — не разъ говаривалъ прикованный къ постели злымъ недугомъ Корюхинъ. И Деевъ писалъ, въ записную книжку записывалъ. Какъ сейчасъ вижу его вытянутыя тонкія ноги, розовую сорочку и темно-желтыя ботинки, вижу лицо его, издали напоминавшее портретъ Канта... съ бородою. Онъ не любилъ ничего неяснаго и неопредѣленнаго. „Пардонъ-съ, пожалуйста! — говорилъ покойный, морщась и прижимая лѣвый кулакъ къ груди, когда заходила рѣчь о постулированіи абсолютнаго,—все это безсодержательныя слова, leere Wörter!“ И тутъ же приводилъ какое-нибудь латинское изреченіе, украшая его излюбленнымъ всеми философиами сравненіемъ: о ваннѣ и выплеснутомъ ребенкѣ... Помню напну встрѣчу: покойный лежалъ на диванѣ въ ожиданіи чаю; въ рукахъ его была книга... кажется, онъ не спалъ Помню незабвенныя прогулки у стѣнъ древняго собора: покойный такъ настойчиво требовалъ признанія бытія дьявола. Навѣрно, тутъ-то и созрѣла его знаменитая работа: Такъ что же это такое чортъ возьми? Обладая даромъ ясновидѣнія, покойный какъ-то позднимъ вечеромъ, не дойдя до Золотого Якоря, споткнулся и упалъ. А когда затворилась дверь отдѣльнаго кабинета, попросилъ чаю стаканъ безъ лимона. Отличаясь трудолюбіемъ, покойный тихо скончался за переводомъ съ нѣмецкаго“.

Корюхинъ свернулъ свитокъ, поправилъ пенснэ и отошелъ въ сторону.

Поднялся Катиновъ, игравшій роль прокурора.

Остролицый, будто высѣченный весь изъ камня, Катинъ началъ свою рѣчь рѣзко, словно только - что нанесъ

ему кто-то смертельную обиду. Онъ подчеркивалъ лживость, оскорбительность и глумленіе некролога, разбиралъ каждое слово, вездѣ улавливалъ намеки на интимности Деева, — челоуѣка, достойнаго всякаго уваженія.

— Финогеновъ,—воскликнулъ Катиновъ,—вошь, загниѣздившаяся въ великомъ скованномъ тѣлѣ Россіи. И тѣмъ, кто подхлестываетъ, кто душить, кто изо дня въ день заточаетъ, этимъ висѣльникамъ, друзьямъ Огорѣлышевыхъ, пріятелямъ всемогущаго князя, все это на руку, ихъ она не тронетъ, гадкая, маленькая вошь. Финогеновъ носится съ самимъ собой, Финогеновъ ковыряетъ, выковыриваетъ всякую нечистоту и соръ, гадкая, маленькая вошь...

Закончилъ Катиновъ призывомъ къ завѣтамъ великихъ борцовъ, бросившихъ вызовъ произволу:

— Ихъ имена стоятъ, будутъ стоять кровавымъ укоромъ, ихъ голосъ услышите въ затрепетавшемъ сердцѣ. Слушайте: идите за ними, какъ мстители, радостно, идите на казнь!

Нѣсколько лицъ, окружавшихъ Катинова, зааплодировали.

— Пережитокъ! — буркнулъ молчавшій чудоковатый Щукинъ.

— Герои и толпа! — крикнулъ Переплетчиковъ и побѣдоносно и презрительно.

А Катиновъ стоялъ блѣдный, казалось, упадетъ онъ отъ душившаго его негодованія. И ясно было, что не въ Финогеновъ, не въ некрологъ былъ источникъ его негодованія, а въ его полной одинокости среди своихъ, среди товарищей и въ безсиліи его всколыхнувшагося сердца. Финогеновъ былъ для него тѣмъ же, чѣмъ Розикъ для Прометея, не больше.

Курбатовъ самодовольно улыбался.

Вступила комисія.

Веснебологскій старожилъ Скопцовъ, промытарившійся по нѣсколько лѣтъ чуть ли не въ каждомъ уѣздѣ, исхуда-

лый, въ темныхъ очкахъ, очеривающійся, какъ скелетъ. Молодой литераторъ Хоботовъ, напоминавшій не Мефистофеля, а самого обыкновеннаго козла, извѣстный своими статьями по всѣмъ вопросамъ, а главное своимъ неподражаемымъ чтеніемъ. Надушенный мыльными духами, Неволинъ, полжизни промыкавшійся въ ссылкѣ по отдаленнѣйшимъ городамъ и вѣсямъ, и полжизни отдававшій, лишь бы походить на что-нибудь странное и необыкновенное, токой добрый, и мягкій и румяный. Иванъ Авиловичъ Пупко, тихій, маленкій, сторбленный съ вѣчно подвязаннымъ горломъ и постоянно въ непромокаемомъ резиновомъ плащѣ. И наконецъ, старичекъ статистикъ Вороновъ.

Съ выступленіемъ комисіи и рѣчей ея въ комнату вошелъ Николай и, спотыкаясь о груды калошъ, тихонько пробрался въ уголъ къ молчаливымъ колонистамъ, жавшимся по стѣнкѣ.

Сквозь непотухающе-точащій шумъ и табачный дымъ доносилось до Николая какъ-то само собой вылетающее слово Хоботова.

Размахивая правой рукой и словно покачивая изъ стороны въ сторону своимъ огромнымъ языкомъ, Хоботовъ громилъ метафизику, какъ надстройку буржуазіи, а Николая какъ психологическій типъ вырожденія, затѣмъ ударился въ моднаго нѣмецкаго философа, процитировалъ монологъ изъ своей готовящейся къ печати соціальной драмы, обозвалъ шарлатанами нѣсколькихъ поэтовъ, которыхъ принято было чествовать шарлатанами, похвалилъ писателя, котораго всѣ хвалили, и, перебравъ уйму книгъ и бѣгло пересказавъ уйму всевозможныхъ теорій, Хоботовъ ринулся впередъ, взмахнулъ руками и вскрикнулъ, какъ только могъ, убѣдительно и громогласно:

— Рабочіе должны быть жадны!!!

За несмолкавшимъ шумомъ, а шумъ поднялся одобрителный и восторженный, едва можно было разобрать Скоп-

цова. Задыхаясь, дѣлалъ Скопцовъ отъ себя нѣсколько незначительныхъ дополненій такимъ глухимъ голосомъ, словно слова его мягкими кусками выливались изъ его прокуреннаго рта.

Неволинъ, выступившій за Скопцовымъ, пріятно улыбался и, когда немного поутихло, пустился не безъ нѣжности, по мѣрѣ возможности, описывать всевозможныя финогеновскія исторіи и вдругъ потушился и остановился.

Неволина смѣнилъ старичекъ Вороновъ.

Проникновенно всматриваясь черезъ пенсне на публику и скорбно опуская губы, Вороновъ сообщилъ о невозможности комисіи разслѣдовать психологію товарища Финогенова: по его мнѣнію, Финогеновъ нехорошій...

Наконецъ, шепоткомъ и робѣя заговорилъ Иванъ Авиличъ Пупко.

Съ Финогеновымъ Пупко познакомился въ день его пріѣзда въ Веснебологъ. Финогеновъ, какъ самъ рассказывалъ, продавалъ мыло, которое даромъ получалъ отъ своего брата.

— А когда касса обложила налогомъ мыло, Финогеновъ не подчинился,—сказалъ Иванъ Авиличъ и поперхнулся.

И поднялся заражающій хохоть.

Корюхинъ, встряхивая всей своей гривой и хватаясь за животъ, хохоталъ своимъ ребячески-безпечнымъ, раскатистымъ смѣхомъ.

Противъ Корюхина стоялъ Деевъ—виновникъ некролога—Деевъ въ своей неизмѣнной розовой сорочкѣ и темно-желтыхъ ботинкахъ и, прижимая лѣвый кулакъ къ груди, доказывалъ что-то доктору съ голубыми растерянными глазами...

И опять зашумѣли:

— Не подавать руки!

— Исключить изъ колоніи!

— Это все равно, какъ вмѣстѣ съ водой вышлеснуть ребенка!—выкрикивалъ Деевъ.

Взлохмаченный Рывкинъ лѣзъ на стѣну; онъ что-то кричалъ своимъ завывающимъ голосомъ, а руки выдѣлывали въ воздухѣ всевозможныя антраша.

Николай протолкался къ Катинову.

— Послушайте,—Николай дотронулся до его плеча,—пойдемте, тутъ мы съ вами лишніе!

Катиновъ рѣзко обернулся.

И они стояли другъ противъ друга. И комната, казалось, ужъ не шумѣла больше, всѣ ждали.

Вдругъ Катиновъ откинулъ голову и со всего размаха ударилъ Николая.

И въ отвѣтъ загремѣлъ барабанащій хохотъ, и снова крики.

— Такъ ему и надо!

— Огорѣлышевецъ!

— Вотъ такъ Катиновъ!

Николай минуту стоялъ, какъ очумѣлый, и вотъ снова увидѣлъ Катинова: лицо Катинова болѣло злобой, какъ у Огорѣлышева. Николаю захотѣлось плюнуть ему въ лицо.

„Нѣтъ,—спохватился онъ,—слишкомъ много чести!“—и пошелъ къ двери, а что-то липкимъ ртомъ будто припадало къ его сердцу, горечь ѣла его расходившееся сердце.

Смѣло, друзья, не теряйте
Бодрость въ неравной борьбѣ...

—донеслась вдогонку пѣсня изъ домика колоніи.

„А ты умереть можешь?—спросилъ себя Николай, и подумавъ, отвѣтилъ:—А они могутъ... Катиновъ и Рывкинъ и Хоботовъ,—и опять подумалъ,—нѣтъ, Рывкинъ и Хоботовъ, можетъ, и не умрутъ, духа не хватитъ, а вотъ Катиновъ... Но ты-то можешь? Ты можешь рѣшиться? У тебя хва-

титъ духа? Есть у тебя ну хоть что-нибудь, за что ты умереть готовъ?"

А кругомъ шумно отцвѣтала ясная прощально-ясная, осенняя ночь. И будто въ отвѣтъ шуршала листва въ опустѣлыхъ садахъ, падали звѣзды, кружась и летая, какъ листья.

Родину—мать вы спасайте
Честь и свободу свою...

—доносились въ догонку пѣсня изъ домика колоніи.

Вдругъ удирало въ душу:

„Умереть!“—и Николай ужъ не могъ ровно итти, бѣжать сталъ. Онъ добѣжалъ до дома, вбѣжалъ на лѣстницу, захлопнулъ дверь, защелкнулъ задвижкой.

Звѣздный свѣтъ игралъ на стеклахъ.

Николай задернулъ занавѣску, зажегъ свѣчку, затаился. Одинокая свѣчка насмѣшливо глядѣла.

Глаза упали на столъ: на столѣ письмо,—знакомый почеркъ.

— Таня!—и вадрогнувъ всѣмъ тѣломъ, Николай смертельно улыбнулся.

ГЛАВА ЧЕГЫРНАДЦАТАЯ.

Расправа.

Не чаялъ Николай, не думалъ, что Таня вспомнить о немъ, прїѣдетъ къ нему. Ни строчки ни разу не получилъ онъ отъ нея ни въ тюрьму, ни сюда, въ Веснебологъ, думалъ, навсегда ужъ прошло, кануло все. А вотъ и прїѣхала. Какъ онъ обрадовался!

„Не радуйся, не радуйся!—выстукивало сердце,—больше не твоя она, не твоя: она Александра любить, прїѣхала объ этомъ сказать тебѣ. Она не любитъ тебя и лгать не хочетъ!“

— Таня, это правда?—чуть слышно спросилъ Николай, не договоривъ своего вопроса.

— Да, правда! — сказала Таня, безъ словъ понявъ его, и поднялась точь-въ-точь какъ на портретѣ у Александра,—ну что же я могу сдѣлать съ собой, я только вѣрю вамъ, какъ первому, какъ близкому.

— Стало быть, такъ!—Николай тоже всталъ и снова сѣлъ,—ничего не подѣлаешь!

— Я вотъ вамъ правду говорю, вамъ одному всю мою

правду, и прѣхала сюда за этимъ. А вы мнѣ развѣ говорили тогда по правдѣ? Зачѣмъ вы меня обманывали?

— Я васъ...?

— А эта въ Бакаловскомъ домѣ?

— Машка! Я никогда не любилъ.

— Да вы меня-то любили ли?—Таня вдругъ поставила, — какъ-то вечеромъ зашла она ко мнѣ, забитая такал, помочь просила... „Ребенокъ, говоритъ, былъ, да померъ.“ А сама вся трясется, еле на ногахъ стоитъ, пьяная... Почему вы о ней не сказали мнѣ?

— Да просто она для меня ничего не значила!—Николай поднялся и такъ остался стоять.

— Думаете, я могла бы забыть? Никогда не забыла бы!—Таня стиснула кулаки.

— Она умерла,—сказалъ Николай и опять ему показалось, что Таня попрежнему любить его.

„Нѣтъ, нисколько не любить,—выговаривало сердце,—если бы она любила, не рвалась бы такъ домой: завтра вѣдь уѣдетъ, твердо сказала, уѣдетъ непременно. Да и жить ей тутъ неудобно!“

Таня помѣстилась въ одномъ домѣ съ Николаемъ—комната ея была внизу,—квартира общая, общій ходъ. Комната не понравилась Танѣ. И квартирная хозяйка какъ-то все высматривала и поглядывала подозрительно.

Вечеромъ долго не расходились. Николай все рассказывалъ о себѣ, ничего не утаивъ отъ Тани. И незамѣтно вырастало довѣріе. Таня сидѣла съ нимъ рядомъ на диванѣ. И снова она ему все сказала. Она выйдетъ замужъ за Александра. Она помирить его съ братомъ, и когда-нибудь онъ прѣдетъ къ нимъ, какъ въ свой домъ. И какъ легко ей теперь, а то она все мучилась.

И Николай соглашался: онъ все готовъ сдѣлать для ея счастья, такъ онъ любитъ ее, одну ее, только одну ее!

Было ужъ за полночь, когда Таня пошла внизъ, въ свою комнату. Николай проводилъ ее до дверей и, оставшись одинъ, долго сидѣлъ, слышалъ, какъ Таня задернула гардины, какъ стулъ переставила, какъ задула, наконецъ, лампу. И онъ самъ погасилъ у себя свѣтъ и, не раздѣваясь, легъ.

На дворѣ дождикъ шелъ. Осенній вѣтеръ скригѣлъ ставнями, не баюкалъ. Осенній вѣтеръ шумомъ своимъ не баюкалъ, мучилъ, пробуждалъ въ сердцѣ похороненное, будто могилы раскрывалъ давнымъ давно сравнившіяся.

Николай вскочилъ съ широко раскрытыми глазами, насторожился: ему показалось, слышитъ онъ голосъ Тани,—оттуда изъ низу тянулся ея голосъ, какъ бредъ, и свѣтляками мигало ея тревожное дыханіе въ безмолвіи ночи, все наполняя собою, всю его душу жаждующую, все его сердце, рвущееся и нелюбимое къ ней одной любимой.

И ужъ вспоминается ему, какъ когда-то Таня подходила къ нему, и они сидѣли рядомъ, онъ бралъ ее за руку и чувствовалъ теплоту ея тѣла, слышалъ стукъ ея сердца.

„Нѣтъ, она ужъ никогда не подойдетъ ко мнѣ!“—ударило въ душу.

Николай долго искалъ спичекъ, чиркалъ,—спички ломались, и, когда, наконецъ, вспыхнулъ голубоватый огонекъ, онъ закурилъ и увидѣлъ свои пальцы, блѣдные и заостренные, какъ зубья, а въ зеркалѣ мелькнуло лицо его—голова въ спутанныхъ, извивающихся змѣйками волосахъ, повисшіе усы и потемнѣвшіе, провалившіеся отъ безсонницъ глаза.

„Пріѣхала правду сказать, проститься.. Лучше бы не знать ему никакой правды. Ну, пусть бы оставалось такъ, безъ правды,—замолилъ въ душѣ его безнадежный голосъ,—не знать бы ничего, и ждать и надѣяться, а, можетъ быть, забыть. А теперь поздно, ужъ поздно!“

„Барыня-то у васъ какая красавушка!“—такъ квартирная хозяйка сказала Николаю въ день пріѣзда Тани.

— Красавушка!—повторяетъ Николай слова хозяйки, и видитъ Таню: Таня будто подходитъ къ нему, всматривается, протягиваетъ руку, и видитъ онъ глаза ея—два хищныхъ звѣрька въ засадѣ, и чувствуетъ ея горячую ладонь. Николай чувствуетъ ее съ болью, какъ свое нераздѣльное и вотъ отрываемое. и проходятъ передъ нимъ дни безъ времени съ жаждой любви, опьяненные жаждою.

„Приѣхала правду сказать, проститься!—подымается снова въ душѣ его безнадежный голосъ, и отчаяніе замораживаетъ всю его память, и земля выскальзываетъ передъ нимъ, и онъ виситъ будто въ воздухѣ среди пустынного затишья.

На минуту Николай очумѣлъ, какъ тогда послѣ Катина, послѣ пощечины и вдругъ опять услышалъ голосъ Тани—тянулся ея голосъ, какъ бредъ и свѣтляками мигало ея тревожное дыханіе въ безмолвіи ночи, все наполняя собою, всю его душу жаждущую, все его сердце рвущееся, нелюбимое къ ней одной любимой. И съ ревомъ кровь хлестала по его жиламъ, сѣкла каждый нервъ, кутала плечи въ горящую ткань

„Нѣтъ, она ужъ никогда не подойдетъ ко мнѣ!“—ударило въ душу, подняло его на ноги.

Николай зажегъ свѣчку—нестерпимо яркую свѣчку, и пошелъ къ двери, къ лѣстницѣ внизъ къ Танѣ.

Осенній вѣтеръ шумѣлъ за окномъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Куда вѣтеръ гонить.

Со свѣчкой, стараясь не стукнуть, не дыша, спустился Николай внизъ къ Танѣ, тихонько раздвинулъ портьеры и вошелъ въ ея комнату.

Брошенная на стулъ, смятая бѣлая кофточка съ длинными черными шнурами впивалась въ глаза и тянула. Онъ прикоснулся къ шелковой кофточкѣ, какъ къ живому тѣлу.

Таня, вздрогнувъ, открыла глаза, подобралась.

— Таня не бойтесь, это я, это я!—повторялъ Николай и силился что-то вспомнить, что-то разглядѣть, что-то уловить, и видѣлъ глаза ея, напряженно всматривающіеся, нѣтъ, какъ у Розика.

— Таня, не бойтесь, это я, это я!—пресѣкался его голосъ, туманилось у него въ глазахъ.

И тихій стонъ ея на минуту оглушилъ его. Словно два взъерошенныхъ звѣрька выскочили изъ ея большихъ глазъ. А дразнящія тѣни на ея груди потянули его за собой и всѣ слова и всѣ мысли вдругъ умерли.

Николай дѣлалъ то, на что его толкало, и не было мы-

если противиться завладѣвшей имъ силою, ни мысли, ни желанія, и будто "сквозь сонъ, чувствовалъ онъ, какъ что-то крѣпко сдавило его и слышалъ, какъ опрокинулось что-то, переломилось, какъ что то жалобно хрустнуло, — хрустъ пронзилъ его мозгъ, разорвалъ мякоть и звенѣлъ мертвымъ звономъ въ пустыхъ костяхъ.

Ревъ взбѣшеннаго звѣря, жалоба обиженнаго ребенка, вопль изступленной матери, и даль бездонно-черная въ спѣшащихъ огонькахъ-снопахъ и нѣжно-стелящаяся тишина и баю-бай укачивающей колыбельной пѣсни...

Непотушенная свѣчка, нагорѣвшая, словно вбирая кровь, пылала. Колебались портьеры, — тамъ за дверью будто кто-то двигалъ портьерами.

И Николай ужъ снова стоялъ передъ Таней, а съ бѣлой кровати смотрѣли на него глаза, ея глаза и двѣ слезинки дрожали у полураскрытыхъ ея губъ, да разметавшіеся волосы перьями сухо чернѣли.

Свѣчка, словно вбирая кровь, пылала.

И ожили всѣ слова, ожили всѣ мысли. Все, сдѣланное имъ минутою назадъ, стало яснымъ. Поправить? — не поправишь. Уйти? — некуда уйти. И эта непоправимость, эта невозможность закружила Николая.

Всѣ предметы стали вдругъ подходить и заходить передъ нимъ, сплываться и сжиматься. Вотъ умывальникъ вошелъ въ кровать и расплзлись по полу ножки стула и вдругъ стянулись въ душный тѣсный кругъ, все закружилось...

Упалъ онъ къ кровати и казалось ему, будто ползетъ онъ по нестерпимо зеленому лугу черезъ груды живыхъ тѣлъ...

Темный обморочный сонъ сковалъ Николая.

И видѣнія одно за другимъ проносились въ душѣ его, какъ живое и съ болью живою.

Представилось ему, будто вбѣжалъ онъ въ огромный домъ. Нѣтъ конца комнатамъ. Какіе-то оборванные люди сидятъ на сундукахъ, какъ погорѣльцы на спасенномъ добрѣ.

Въ широкое окно тянется золотой лучъ, но они не видятъ солнца, посинѣвшими руками впились въ сундуки, и тупой страхъ тянетъ ихъ вѣки къ землѣ. Вдругъ погасъ свѣтъ. И онъ ужъ не въ комнатѣ съ широкимъ окномъ, а въ тѣсной каморкѣ. Тихо отворилась дверь. Тихо съ тяжелыми котомками будто входятъ странники въ запыленныхъ армякахъ. окружаютъ его. А гдѣ-то за стѣною шумъ водопада и вѣтренный шорохъ летающихъ осеннихъ листьевъ. Стѣны сжимаются, потолокъ все ниже, и тѣснѣе сходятся странники. Да это онъ на верху въ дѣтской въ красномъ флигелѣ, вонъ и зеркало.

„Колюшка-то померъ!“ — явственно донесся знакомый голосъ изъ низу съ лѣстницы, голосъ покойницы бабушки Анны Ивановны.

„Бабушка, а бабушка, о сѣромъ волкѣ сказку скажи!“ — будто кличетъ онъ въ отчаяніи и знаетъ, что поздно теперь, ничего не поправишь, да и бабушка не слышитъ его.

И представляется ему, будто идетъ онъ по черной степи. Изрѣдка попадаются ему худыя, изогнутыя деревца, свернувшіеся листочки на изрѣдненныхъ лишаями вѣткахъ. И небо такое черное. Трудно идти, но онъ идетъ: онъ долженъ яму выкопать — могилу себѣ.

„Вотъ тутъ! — говоритъ ему кто-то на ухо, — мѣсто тебѣ будетъ покойное, царское!“

И онъ принимается яму копать, покорно, безъ жалобы. А жить-то какъ ему хочется! Руками разрываетъ онъ землю — могилу себѣ. И вдругъ все измѣнилось: небо изъ чернаго стало сине-бѣлое, степь весенняя. И онъ чувствуетъ, какъ легкія крылья поднимаютъ его, несутъ по теплой волнѣ надъ землей, надъ весенней степью.

Что жъ намъ дѣлать,
Какъ намъ быть,
Какъ латинскій порѣшнить?

— обрѣзалъ несуразный Прометеевъ голосъ, Прометей пѣлъ.

Прометей голый, Прометей весь густо вымазанный іодомъ, съ бинтами по всему тѣлу, скаля зубы, пѣлъ, головой поматывалъ. А кругомъ плащеницы свѣчи горять и пусто, ни души въ церкви. Вдругъ Прометей выпрямился, обвелъ безумными глазами вокругъ церкви, присѣлъ на корточки, и, какъ ужаленный, подпрыгнувъ и, весь извиваясь, сорвалъ бахрому съ плащеницы, разорвалъ бархатъ, сцарапалъ изображеніе, сшибъ подсвѣчники. Летѣли свѣчи, загорались иконы, трещалъ иконостасъ. Вой, визгъ, взрывъ зачинающаго пожара и среди гула и шума шопоть, его собственный шопоть:

„Таня, не бойтесь. это я, это я!“

И подымается душная, грозная ночь. Только они одни, будто онъ и Таня, одни на верху въ дѣтской. Увѣренно теплится лампадка передъ Трифономъ Мученикомъ, жарко пылаетъ крещенская свѣчка. Они жмутся другъ къ другу. А гроза идетъ, вотъ разразится прямо надъ крышей, похоронить весь домъ. Они жмутся другъ къ другу.

„Таня, не бойтесь, это я, это я!“

И вдругъ раскололось надъ домомъ, запрыгали окна, вытянулись лица...

„Сорокъ девять! сорокъ девять!“ — подхватилъ хоръ глухихъ сильныхъ голосовъ: это пѣли всѣ сорокъ девять товарищей ссыльныхъ.

И онъ ужъ стоитъ будто на откосѣ желѣзнодорожнаго полотна, а они, всѣ сорокъ десять товарищей—ссыльныхъ, будто внизу подъ окномъ сѣмняютъ на одномъ мѣстѣ, держутся за руки, топчутъ что-то красное, вязкое, хлюпающее, мясо какое-то. И вдругъ въ глазахъ у него потемнѣло: кто-то ловко накинулъ ему петлю на шею и потянулъ. И ужъ ведутъ его въ банню, бѣлую, безъ единого окошечка, и онъ знаетъ, что приговоръ подписанъ, и съ часу на часъ наступить смерть. Онъ лежитъ на паряхъ въ грязной камерѣ, и ждетъ, когда придутъ за нимъ и поведутъ на казнь. И вотъ съ визгомъ растворилась чугунная дверь. Два человѣка,

одинъ въ черномъ, другой въ красномъ плащѣ и черныхъ полумаскахъ, съ тонкими, золотыми шпагами на бедрахъ, вошли въ камеру и, молча, взявъ его подъ руки, вывели на волю. И тамъ, на волѣ, долго шли они по незнакомымъ узкимъ улицамъ, заворачивали въ переулки, упирались въ тупики, снова возвращались, пока не выбрали на людную широкую площадь. Толпа загрохотала всѣ проходы. Надорванно заливался колокольчикъ остановившейся конки. Кондукторъ, морща желтое лицо и насѣдая грудью, вертѣлъ тормазъ, самъ заливался мелкимъ гаденькимъ смѣхомъ. Небо ярко-синее надъ пестрой толпой куталось въ блестящую сѣть весенняго солнца и, казалось, спускалось все ниже, совсѣмъ надъ площадью. Онъ просто могъ бы достать пальцемъ до неба, когда сталъ на высокій помостъ и глянулъ поверхъ кишѣвшей толпы, но палачъ ударилъ его кулакомъ по шеѣ, и голова его упала на грудь. А прямо передъ нимъ, у столба на краю помоста, прихлопывая въ ладоши, плясала растерзанная съ оборванной петлей на шеѣ полунагая женщина: измученное лицо ея въ слезахъ надрывалось, отъ боли глаза то на лобъ выскакивали, то вваливались, какъ у похолодѣвшаго трупа,—Таня плясала...

Но тутъ видѣнія, въ мигъ пронесшіяся въ душѣ, сожгли ему всю душу и темная пелена упала на его глаза.

Выгорѣвшая свѣчка вздыхала, голубой огонекъ чуть жилъ.

Закусивъ конецъ половика, лежалъ Николай въ обморочномъ снѣ на полу у Таниной кровати, а по стѣнѣ, какъ разбитыя мельничныя крылья, шарахаясь, ходили наливающіяся ночныя тѣни. Съ открытыми остановившимися глазами лежала Таня, не шелохнулась.

И была долгая ночь, запретила она, безотвѣтная, всѣмъ беззвѣзднымъ шорохамъ и одинокимъ стукамъ врываться, гулять по дому, караулила она окно, поруганное сердце и другое сердце, изстуженное отъ жажды и отчаянія.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Мертвая петля.

На другой день Таня уѣхала отъ Николая. Куда? Зачѣмъ уѣхала? Домой? Къ Александру? Ни слова она ему не сказала, не простилась, не взглянула на него—такъ и уѣхала. Лучше бы ему и не просыпаться и зачѣмъ онъ проснулся послѣ своей непоправимой ночи.

Падали послѣдніе, красные листья. Сгорали осеннія красныя зори. Туманы, кутая берегъ, какъ стѣна, подымались надъ рѣкою. Въ послѣдній разъ отплывая, ревѣли пароходы, прощальный ихъ голосъ разрѣзалъ холодный воздухъ. И прошла осень. Вѣтренно—шумно хлопьями полетѣлъ снѣгъ на землю. Въ долгія ночи металась подъ крышами вьюга, ковала стужу. И въ дымъ ходила по звѣздамъ костлявая луна, улыбалась скорбной улыбкой.

По временамъ казалось Николаю, онъ просто съ ума сходитъ.

Обычно, какъ только смеркалось, выходилъ Николай на улицу и, пробираясь среди старыхъ домовъ, шелъ на безлюдье, въ поле. Если случалось встрѣтить кого изъ това-

рицей, онъ сжимался весь, будто жестокий ударъ готовился на его голову. Такими страшными стали казаться ему самые безобидные люди.

По улицамъ въ часъ его скитаній зажигали фонари. И онъ, встрѣчая сѣдое хилое пламя, всматривался, какъ въ пылающую свѣчку своей непоправимой ночи.

„Ты помнишь?... Ты помнишь ту ночь, ее не вернуть!“—гудѣлъ вѣтеръ.

А тамъ, въ бѣломъ полѣ, среди пушистыхъ раскинутыхъ снѣговъ и во мракѣ и среди зелени,—и темною ночью, и въ лунную ночь Николай съ стиснутыми зубами не покорно просилъ, а требовалъ, настаивалъ еще разъ увидѣть ее.

И казалось, совершалось чудо.

Не разъ, проходя по бульвару, онъ будто видѣлъ Таню: она была такой неподдѣльной, лицо ея, тѣло ея—все въ ней являлось ярко, рѣзко. И онъ пускался бѣжать за ней, но она далеко мелькала по дорожкамъ. Выбившись изъ силъ, онъ садился, и она садилась на скамейкѣ противъ, но стоило ему подняться, какъ она подымалась и уходила.

Въ поздній часъ возвращался Николай къ себѣ домой, запиралъ дверь, задергивалъ занавѣски, и сидѣлъ безъ огня. Ему даже свѣтъ страшенъ сталъ.

А когда среди давящей почной тишины онъ забывался, снились ему изводящіе сны.

То казалось ему, будто кто-то входитъ къ нему въ комнату, раздѣваетъ его до нага, уноситъ одежду и, оставивъ его нагишемъ, выходитъ изъ комнаты, и ужъ снова возвращается и медленно, не спѣша, принимается выносить одну вещь за другой, а вещей будто полна комната. И онъ лежитъ на голомъ полу голый, видитъ все, а сдѣлать ничего не можетъ, и подняться съ пола не можетъ. Онъ тогда только подымется, когда воръ перетаскаетъ всѣ вещи, а когда этотъ воръ перетаскаетъ..?

И такъ до разсвѣта.

Или представлялось ему, будто сидить онъ въ своей комнатѣ и вотъ пріотворяется дверь, и въ какомъ-то странномъ стрекочущемъ свѣтѣ заглядываетъ къ нему съ лѣстницы старая, престарая старуха. Синія губы ея вздрагиваютъ, слезятся гноящіеся глаза, и трясущаяся рука, привычно корчась, тянется за милостыней. И онъ будто вынимаетъ изъ кошелька деньги, потряхиваетъ ими, но давать ничего не даетъ. Загнанная безпріютная нищенка опускаетъ пустую руку и, постоявъ минуту, опять протягиваетъ.

И такъ до разсвѣта.

Наступалъ день, мучилъ нестерпимыми тягучими часами и въ какихъ-то мучительныхъ потугахъ превращался въ ночь.

Для Николая ужъ не было на свѣтѣ ни одного лица, ни одного предмета, на чемъ бы глазъ ему успокоить. Даже дѣти, эти единственно милыя и чистыя незабудки, даже дѣти, дѣтскія личики казались ему въ песыихъ стальныхъ намордникахъ, и скалили на него изъ-за проволоки свои молочные острые зубки.

По временамъ казалось Николаю, онъ просто съ ума сходитъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Гарь.

За городомъ по большой Веснеборогской дорогѣ, прикрытая частымъ лѣскомъ, раскинулась цѣлая усадьба съ огромнымъ каменнымъ домомъ—желтый домъ.

Окна съ желѣзной рѣшеткой, окна, униженные истощенно-ободранными полускелетами, полутѣлами, понуря лица бритыхъ головъ, сдавленный смѣхъ, и дьявольская улыбка, обвивающаяся змѣей вокругъ смертельно бѣлыхъ губъ, остановившійся долгій, изнуряющій взоръ, и такая открытость, такая беззаботная увѣренность, какъ у ребятъ малыхъ. Сапъ, уличная брань, тихая молитва и горькій стонъ. А тамъ за дверью въ палатахъ увязающій въ нерасходящейся мглѣ, измученный желтоватый свѣтъ, пробитыя ступени каменныхъ лѣстницъ, и жуткая темь угловъ, куда уходятъ и гдѣ таятся такія слова сердца, такія думы, загадки и разгадки—сама судьба съ ея долею и не-долей.

Шорникъ Калачевъ, когда-то жившій съ Николаемъ у одной квартирной хозяйки, отправленный въ ссылку въ уѣздъ, сошелъ съ ума. Утромъ въ Рождественскій сочельникъ

Николай получилъ извѣщеніе о Калачевѣ и отправился за городъ въ больницу повидать своего сосѣда.

Вьюжный день свистѣлъ за дверью и засыпалъ окна.

Въ переполненной пріемной жутко горѣла неяркая лампочка.

Николаю долго пришлось ждать въ пріемной. Наконецъ привезли Калачева.

Мѣста живого не было на больномъ: перерѣзанныя веревками руки, красно-водянистыя ленишки отмороженныхъ ушей, багровые подтеки и ссадины на лбу, перегрызенныя запекшіяся губы, клочья длинной рыжей бороды, примерзшей къ тулупу. Мелкими мурашками разбѣгался ознобъ по его тѣлу и, собираясь въ огромный муравейникъ, словно кулакомъ ударялъ по шеѣ и подкашивалъ ему ноги. А налитые кровью глаза его съ черными подглазницами выпирались неумолимымъ безотвѣтнымъ вопросомъ.

Николай всматривался въ Калачева и казалось, это въ Калачевѣ, не за дверью, выла вьюга. Трудно было узнать Калачева.

Пришелъ докторъ, и публику изъ пріемной удалили. Вышелъ и Николай и толкался у дверей, ждалъ, когда поведутъ Калачева.

Чуть внятно доносились изъ пріемной распоряженія и опросы, да въ валенкахъ служитель шмыгалъ со связкою ключей, какъ тюремный надзиратель. Вдругъ нечеловѣческій крикъ прорѣзалъ стѣну и въ пріемной поднялся шумъ и возня.

Трое служителей, шмыгая валенками, пробѣжали мимо Николая. Сгорбившись, вышли изъ пріемной два городовыхъ.

— Не полагается!—сказалъ городской Николаю,— не полагается тутъ: уходите!

Дѣлать нечего, Николай хотѣлъ было итти, но въ это время веснущатый плюгавый человѣчекъ въ огромной ушан-

къ съ болтающимися концами пронирыливо выглянулъ изъ чуть пріотворенной двери, и униженно закивалъ головой.

„Господи, да это Павлушкинъ!“—обрадовался Николай и вспомнилось ему, какъ однажды онъ выпшвырнулъ за дверь это жалкое тѣлице наблюдающаго.

Павлушкинъ охотно принялся рассказывать Николаю о Калачевѣ. Калачева везли изъ уѣзда безъ передышки пять сутокъ, больше тысячи верстъ отмахали въ метель. перекидывали съ санокъ на санки,—торопились поспѣть къ, празднику.

— Очень велъ себя безпокойно, бунтовался, двѣ рубахи на себѣ разодралъ, уряднику самоваромъ голову прошибъ. А чѣмъ же мы-то виноваты?—Павлушкинъ виновато сѣменилъ около Николая.

Дверь распахнулась, и все притихло.

Въ длинной бѣлой рубахѣ, какъ въ саванѣ, пронесли Калачева. Ни лица, ни глазъ не было видно, только надъ бровями мертвѣлъ черный упорный шрамъ.

Гдѣ-то наверху гнусаво пропѣлъ тяжелый замокъ. И слышно было, какъ волокли по лѣстницѣ затихшую, грузную ношу.

А кругъ безумныхъ тѣней, увязая въ желтоватой мглѣ, трепеталъ: вотъ займется, вспыхнетъ искрами, бросится на стѣны и дальше полемъ къ городу, обойметъ, вопьется въ городъ, взорветъ всѣ камни, обуглитъ зданія и дальше, пока не разлетится земля. Но безумный кругъ безумныхъ тѣней располося въ желтоватой мглѣ, незамѣтно вышли люди и затаились больные въ палатахъ и одиночныхъ кельяхъ.

Николай вышелъ изъ желтаго дома и пошелъ по полю въ городъ.

Бѣлый сыпучій снѣгъ столбы крутилъ, въ бѣлыхъ сыпучихъ столбахъ вѣтеръ пѣлъ.

Николай прокладывалъ нуть по сугробамъ, а сзади налетала вьюга, осыпала снѣгомъ. Такъ бы и итти ему все по полю, никогда не возвращаться домой. И пусть метель придушить его! Онъ не властенъ перевернуть по-своему, въ немъ самомъ все перевертывается.

— Пусть бы сразу конецъ!—шепталъ онъ, и хотѣлъ не думать, забыть и знать всю бессмыслицу желаній своихъ: развѣ могъ онъ забыть и не думать?

Бѣлый сыпучій снѣгъ столбы крутилъ, въ бѣлыхъ сыпучихъ столбахъ вѣтеръ пѣлъ.

Перебралъ онъ все старое, въ каждый прошлый уголокъ заглянулъ. И кончилось поле, вошелъ онъ въ городъ.

По случаю наступающаго праздника по улицамъ было большое движеніе. Подлетая и бухая объ ухабы, катили санки. Толкаясь и перегоняя другъ друга, неслись пѣшеходы по тротуарамъ. Въ магазинахъ зажигали огни.

И ясно вспомнился Николаю шорникъ Калачевъ и вся жизнь его и все разказы его, и вспоминая Калачева, Николай невольно къ себѣ переходилъ, къ своимъ мыслямъ о своей жизни.

Видѣлъ онъ предпраздничные огоньки, и ни одинъ изъ нихъ, казалось ему, не хотѣлъ пріютить его.

„Жилъ себѣ человѣкъ,—думалъ Николай—жилъ тихо, смирно: что велятъ, радъ радехонекъ, все исполнить. И вдругъ ударила его вся эта толкотня и сутолка, хлеснулъ по глазамъ тотъ вонъ свѣтъ въ каменномъ домѣ, рванулъ за живое какой-то хозяйскій упрекъ. „А чѣмъ я хуже? Не мразь я какая, которую, кому не лѣнь, топтать волею, не кобыла, которую лупи, сколько влѣзетъ, все стерпеть. Я гну для тебя, подлеца, спину, потому что жрать хочу, но гнуть себя не позволю. А если лебезить задумаешь, обѣщаніями глотку заткнуть, рай свой, солнце свое, свѣтъ свой посулишь, не вѣрю тебѣ не вѣрю!“ И пошло: сначала грубое слово, слово за слово, а потомъ въ тюрьму посадили. Жилъ себѣ человѣкъ. Зачать безже-

лаинный, на свѣтъ появился обузой. Кѣмъ посѣянъ? Зачѣмъ свѣтъ увидѣлъ? На что выросъ? Любилъ.. все отдалъ бы за одну минуту, только бы одну минуту быть съ нею. Вѣ-рилъ... и какъ надругался надъ своей вѣрою. Мечталъ о какой-то огромной жизни, которая непременно должна была наступить, и вотъ она: буря и вой, нѣтъ покоя. Братья мои, сестры мои!“

— Гей! сторонись!—заоралъ кучеръ.

Николай шарахнулся въ сторону: мимо него промчались санки,—тьма колкихъ, грязныхъ снѣжинокъ ударила ему прямо въ лицо.

И шелъ онъ сгорбившись. Забравшіяся за воротъ снѣ-жинки морозили спину. Толкались прохожіе, всѣ куда-то спѣшили, перегоняли другъ друга. Въ магазинахъ ярко огни горѣли.

— Братья мои, сестры мои!—шепталъ онъ.

А небо было чернымъ, крутился дикій, бѣшенный столбъ разсыпался сверкающими снѣжинками и вновь вырасталъ и крутился. И гудѣла телеграфная проволока.

— Братья мои, сестры мои! — шепталъ онъ и тоска упала на сердце, тоска росла.

„Надѣтъ бы ему шапку-невидимку, мигомъ перелетѣть туда въ свой родной городъ, стать на порогъ и дожидаться: скоро ко всенощной ударятъ, Таня выйдетъ изъ дому ко всенощной, нарядная! Да не достать ему шапки-невидимки: такимъ, какъ онъ, она не дастся, вѣдь онъ сгорбился, смирился и не уйти ему отсюда, дальше жел-таго дома никуда не уйти, дальше ужъ страшно станетъ. Катиневъ не согнулся, Катиневъ убѣждалъ изъ ссылки, а съ нимъ и другіе ушли, а съ ними и другіе уйдутъ, а онъ тутъ такъ и захряснетъ. Катиневъ тогда ударилъ его, а онъ ничего не отвѣтилъ. А почему не отвѣтилъ? Вѣдь вовсе не потому, что хотѣлъ этимъ свое какое-то высшее презрѣніе показать, неправда это, а просто побоялся. И Ка-

тиновъ былъ правъ, и Катиновъ въ правѣ былъ и не одинъ разъ ударить его. Нѣтъ, теперь и шапка-невидимка ему не поможетъ. Ну, если бы даже онъ и досталъ ее, что толку! Увидитъ онъ Таню. Да какъ онъ посмотреть-то на нее? Послѣ всего, что было, какъ онъ встрѣтитъ ее?"

— Братья мои, сестры мои!

Николай шелъ сгорбившись. Душа его изнывала въ тоскѣ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Дѣва днесъ.

Быль поздній вечеръ, темно и снѣжно, едва пролѣзъ Николай къ двери своего дома. Зажегъ лампу. Пусто было въ комнатѣ и невыносимо постыло. Грубо сжимали облѣзлыя стѣны, давилъ низкій съ отставшей прокопченной бумагой паутинный потолокъ и щурилось обидчиво, издѣвалось пестрое пятно на абажурѣ—старая почтовая марка.

Въ церквахъ ударили ко всенощной.

И слышалъ Николай, будто запѣлъ кто-то рождественскую пѣсню,—ясно зазвучалъ далекій родной голосъ:

Дѣва днесъ Пресущественнаго рождаетъ
И земля вертепъ Неприступному приносить...

И увидѣлъ онъ изъ окна Таню: вся въ огняхъ, въ свѣчкахъ мелькнула она передъ нимъ, какъ зажженная елка, и вдругъ стала искоркой и отодвинулась, и, отодвинувшись, превратилась въ горящую кровинку, и, ставъ горячей кровинкой, поплыла, разсѣкла страшную даль, а все плыла и, кажется, приходила минута, когда должна была погаснуть, но жила,

видѣлась, раздвигала новыя дали надъ гранями и поясами надъ моремъ, вѣтромъ и зноемъ, надъ свѣтилами, солнцемъ и звѣздами, надъ землей высоко, вездѣсущая, всенаполняющая.

Второй звонъ зазвонили.

Погасло за окномъ. И одна чернота вьюжнаго вечера гладѣла въ окно.

Николай прислонился къ печкѣ: откуда-то изъ угловъ шло бормотанье. Но кто это тамъ бормоталъ, что бормотало, онъ не могъ различить, и весь напрягался,—все въ немъ тянулось понять этотъ шумъ.

А оно ползло, сновало, тоненькими-тоненькими голосками пѣло, подлетало, дразнило, жалило.

Вдругъ острой судорогой передернуло лицо его: кто-то будто холодными пальцами провелъ по спинѣ.

„И никому ты не нуженъ, никому нѣтъ дѣла до тебя, слышишь, нѣтъ никакого дѣла!—стонали въ клубокъ спутанныя мысли,—и умрешь такъ же, какъ умираетъ отставшая заблудившаяся собака, безъ крова, безъ крова, безнадежно. Будетъ изо дня въ день, ночь и день ускользать земля съ тобой, съ твоимъ трупомъ по безмѣрнымъ пространствамъ, будутъ матери дѣтей рожать, пойдутъ, разбредутся сыны по всѣмъ вѣтрамъ, покроютъ землю до послѣдняго уголка. И тѣ, кто заревомъ пройдетъ по землѣ, и тѣ, кто зарею наполнить дали, они напоятъ землю своимъ горячимъ сердцемъ. Смѣется ли кто надъ горемъ, и надъ тѣмъ, что проползаетъ въ сердце грѣхомъ, надъ сердцемъ, надъ догадками человѣка о судьбѣ своей, или тяжелой скорбью перевиваетъ свое великое божеское сердце,—тебѣ все равно. И вотъ солнце померкнетъ, звѣзды чернѣе ночи выглянутъ съ чернаго неба. Изъ звѣздныхъ очей заструится алый свѣтъ,—кровь дѣтей, кровь мучениковъ, кровь всѣхъ, кто одиноко, забившись въ четыре стѣны, этимъ голымъ стѣнамъ, свою скорбь отдаетъ, глухимъ стѣнамъ исповѣдается, бьется безотвѣтно, молить без-

отвѣтно. Радуйся! Радуйся! И твои желанія замерѣвшія, забытыя, развернутся тогда своимъ цвѣтомъ, ты возстанешь, ты пойдешь по землѣ и будетъ тебѣ, какъ во снѣ: отдаленности приблизятся, близь уйдетъ въ даль, предстанутъ сонмы существъ, тьмы жизней, все знаніе, синія, златогрудыя грезы раскроютъ небо и высоко надъ землею, надъ моремъ, вѣтромъ и зноемъ, надъ свѣтилами, солнцемъ и звѣздами, надъ гранями и полосами, надъ землею высоко станетъ она вся въ огняхъ, въ свѣчечкахъ, какъ зажженная елка, вездѣсущая, всенаполняющая“.

Дѣва лнесь Пресущественнаго рождаетъ
И земля вертепъ Неприступному приноситъ...

Застылъ Николай, не смѣлъ оглянуться: чувствовалъ, будто стоялъ кто-то за спиною и дышалъ изсушающимъ холодомъ:

„Не бойся, это я, я спасу тебя!“

Внизу у хозяйки пробила полночь. Метель на волѣ перебѣсилась. Всему покой пришелъ. И Николай заснулъ.

И во снѣ въ эту ночь Николай долго вертѣлся волчкомъ, вертѣлся въ чернотѣ и дымѣ, пока не сталъ пригрѣваться, а какъ согрѣлся, и успокоился. И представилось ему, будто совсѣмъ онъ маленькій, всакиваетъ онъ будто съ горячей постели, накидываетъ на плечи одѣяло, да и къ окошку. А въ окнѣ чуть маленькій свѣтикъ: еще очень рано. И, кутаясь въ одѣяло, онъ таращитъ глаза: не просмотрѣтъ бы волковъ, какъ пойдутъ волки по пруду со звѣздой путешествовать? А по пруду не волки, по пруду Арсеній Огорѣлышевъ идетъ и такъ медленно, едва передвигаетъ ноги, и такой мохнатый, какъ волкъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Орануль.

У полузамершаго окна просидѣлъ Николай сумеречные зимніе дни, какъ приговоренный, день казни котораго откладывается.

И только когда смеркалось, выходилъ Николай на улицу и ходилъ безъ цѣли, неглядя: ждать нечего было. И также медленно возвращался онъ домой, затаивъ въ себѣ, въ сердцѣ своемъ, какое-то тяжкое оскорбленіе. Обломки воспоминаній, обломки мыслей, такіе острые и горькіе,—кто-то словно бухомъ ударялъ его по тѣмени, а не убивалъ. И до глубокой ночи Николай оставался одинъ въ темнотѣ. Тянулись часы, будто въ часахъ какія-то насѣкомыя гнѣздо себѣ свили, плодились тамъ, засоряли механизмъ. Въ душѣ его разверзалась пропасть, а онъ, какъ птица, виселъ въ тяжелой тучѣ, и безнадежность хватала и тащила его въ эту пропасть: ждать нечего было.

Мучительно проходили дни.

И вотъ стала зима увядать. Пожелтѣли дороги, почернѣли дома: оттаивая, вглядывались дома въ зашумѣвшія

улицы. Стѣны комнаты еще больше сузились, еще тѣснѣе стало въ комнатѣ. И вотъ рамы вонъ и все ожило: вотъ распахнется дверь, придетъ кто-то такой желанный и выведетъ на волю въ вольное поле. Дымилось малиново-морозное солнце, по утрамъ лежалъ жесткій снѣгъ, да на долго ль? Весенняя черная туча съѣдала снѣгъ. Увядала зима.

Николай чувствовалъ, какъ и въ немъ, словно таетъ что-то, а растетъ другое и тянетъ куда-то.

Въ Благовѣщеніе забрелъ Николай на вокзалъ. На вокзалѣ не былъ онъ съ осени, съ отъѣзда Тани.

Все ему припомнилось, какъ Таня въ вагонъ вошла, какъ онъ насильно обнялъ ее, и поцѣлуй его былъ такой, какъ къ покойнику въ послѣдній разъ, когда ужъ крышку принесли и вотъ сейчасъ закроютъ гробъ. Огоньки послѣдняго вагона потухали, а видѣлись другіе огоньки... и платформа опустѣла, а все видѣлись огоньки.

И когда капля за каплей собралось все бывшее въ его памяти и ледяной корой сдавило сердце, вдругъ надежда поднялась въ душѣ: непременно еще разъ увидѣть ее и рассказать ей обо всемъ. И въ сердцѣ рѣшилось безповоротное: завтра же онъ уйдетъ изъ Веснеболога, все сдѣлаетъ, а будетъ тамъ, дома.

Свистѣли паровозы. Свистки, будто скрываясь и дразня, звали его. А передъ глазами убѣгали рельсы.

Огоньки послѣдняго вагона потухли, опустѣла платформа и Николай ушелъ.

И всю дорогу онъ ужъ объ одномъ думалъ, какъ завтра уйдетъ онъ изъ Веснеболога, а послѣзавтра будетъ дома. И всю ночь до разсвѣта думалъ, пока чья-то тяжелая ладонь не прихлопнула вѣки ему.

Съ болью продралъ Николай глаза.

Золотое, прощальное зимнее утро горѣло.

Страшно ему было вспомнить весь свой сонъ до конца, слишкомъ ужъ ярко.

А снилось ему, будто вошелъ царь Соломонъ и Мартынъ Задека, такіе, какъ рисуются въ оракулахъ, и подаетъ будто ему Мартынъ Задека замуслеванный воцаной катушекъ: этотъ катушекъ надъ кружками надо подбрасывать, чтобы по цифрѣ, на которую упадетъ катушекъ, судьбу узнать. Подаетъ ему будто Мартынъ Задека катушекъ, царь Соломонъ оракулъ раскрылъ. Взялъ онъ у Задеки катушекъ, сталъ подбрасывать, и вдругъ видить, не катушекъ воцаной онъ подбрасываетъ, и не простой шарикъ, а теплый розовый шарикъ. И гдѣ-то въ душѣ сознаеть, что это живое что-то... Танино, а самъ все подбрасываетъ, такъ подбрасываетъ, отъ крови пальцы слипаются.

Поднялся Николай проворно, одѣлся, попросилъ чаю.

Былъ онъ какимъ-то желтымъ и кволымъ, чувствовать все свое тѣло, а руки, какъ обузу.

И когда хозяйка принесла чаю, забыть онъ о чаѣ, сталъ собираться. Хорошенько не зналъ онъ, какъ все это выйdetъ, зналъ одно—сегодня же непременно уйdetъ.

Снялъ Николай со стѣнки фотографію. На фотографіи изображень былъ Огорѣлышевскій прудъ зимнимъ полднемъ: за деревьями едва виднѣлся красный флигель, все было въ инеѣ, ледаколы, коловніе ледъ на пруду, покинувъ лошадей, ушли въ трактиръ, къ лошадинымъ мордамъ привѣшены мѣшки съ овсомъ, сани съ наколотымъ льдомъ, по льду слѣды. Спряталъ Николай фотографію въ карманъ, сталъ шарить въ шкапу, — пальцы бѣгали между книгъ, книги валились,—остановился на полотенцѣ: Варенька вышивала. Крестикомъ красной ниткой тянулся рядъ взъерошенныхъ красныхъ пѣтуховъ по краямъ полотенца. И полотенцо сунулъ Николай въ карманъ.

Больше ему ничего не надо, больше онъ ничего не возьметъ.

— Ну, прощай, комната, прощай, окно, прощайте!

Послѣ обѣда Николай ушелъ изъ дому, будто погулять, и ужъ больше не вернулся.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Д о м а.

Поѣздъ опоздалъ. И извозчикъ попался скверный. А Николаю хотѣлось какъ можно скорѣе. Везъ извозчикъ утомительно долго.

Шли дома и церкви, шли, встрѣчая и провожая, будто кладбище съ стертыми, но еще живыми надписями на крестахъ и памятникахъ. И сумракъ, сливая крыши, растягивалъ ихъ въ одну сѣрую надгробную плиту.

Падалъ снѣгъ, падалъ синими гвоздиками на мостовую, таялъ на камняхъ.

И наперекоръ неукротимому шопоту, что по каплѣ вливался и возмущалъ его душу, наперекоръ невнятной тревогѣ, что собиралась гдѣ-то подъ сердцемъ, наперекоръ бѣдѣ, что слѣдила изъ-за cadaго угла, изъ каждаго воротъ, въ душѣ его рвалось что-то уцѣпиться за стойкое—за надежду свою, не покидавшую его.

„Не все еще пропало!“—плыли, какъ плыветъ воскъ, воркуныи мысли и огнистая полоска живой крови волной завивалась подъ сердцемъ.

Увидѣлъ Николай церковь Покрова такую старую, все ту же, только куполь какъ будто позолотили.

„Притти, какъ прежде, ко всенощной, стать на клирось!..“ — подумалъ Николай и зажмурился, представляя себѣ все, все какъ было прежде.

„Домъ Братъевъ Огорѣлышевыхъ“—мелькнула надворотная надпись.

Николай привскочилъ, острою горечью облилось его сердце и, съ болью всколыхнувшись, крѣпко впилося въ грудь: было оно какъ засыхающій комокъ крови, и жизнь его, изнывая, цѣплялась изъ темной пропасти за паутинную лѣстницу на волю.

— Скорѣй погоняй!—закричалъ Николай извозчику.

Но извозчикъ, какъ ни стегалъ лошадь, едва двигался.

Ужъ фонари зажигали, когда подъѣхалъ Николай къ дому Соколова, гдѣ жилъ Евгеній. Расплатившись съ извозчикомъ, минуту стоялъ онъ столбомъ, прежде чѣмъ рѣшился позвонить.

„А ну-какъ,—подумалъ онъ,—и тутъ не примутъ!“

Такъ загнали, такъ легли на него клеймомъ всѣ его прошлые каиновы дни веснебологскіе.

Евгеній только что вернулся изъ банка. Евгеній не ожидалъ гостя и какъ обрадовался!

— Эрихъ, накрывай на столъ,—суетился Евгеній,—ты ѣсть хочешь?

Арина Семеновна-Эрихъ съ очками на лбу поставила тарелки, принесла обѣдъ, потомъ Костю вынесла.

Костя оказался веселый, оттопыривалъ губки, и улыбался Николаю, какъ улыбаются только дѣти, для которыхъ страшное совсѣмъ не страшно.

Николай взялъ его на руки, дѣлалъ козу и сороку, животикъ грѣлъ...

Усѣлись за самоваръ. За чаемъ Евгеній рассказывалъ о своей службѣ—о банкѣ Огорѣлышевскомъ.

— Ну, а самъ-то какъ, Арсеній Николаевичъ? — перебилъ Николай.

— Попржежнему, все для острастки ругается.

— А ты?

— Я ничего.

— Ничего! — и показалось Николаю, будто хлеснулъ его кто-то больно по спинѣ, всталъ онъ изъ-за стола и пошелъ ходить по комнатѣ.

— Садись, — остановилъ Евгений, — еще уронишь чего!

„Вотъ до чего согнуться можно! — думалъ Николай, — нѣтъ, онъ не позволить, нѣтъ не позволить онъ такъ издѣваться!“

Евгеній зажегъ лампу, стало теплѣе. Николай пересталъ ходить, сѣлъ къ самовару.

— Нашъ домъ ломають, послѣ Пасхи и прудъ засыплютъ, — сказалъ Евгений.

— Какъ! И домъ ломають? — Николай не хотѣлъ вѣрить.

— Послѣ пожара домъ почернѣлъ, обуглился, сталъ разсыпаться, ну и рѣшили сломать, новый выстроить, безплатныя квартиры.

— Для насъ! — подмигнулъ Николай, и опять было всталъ, но въ эту минуту, надсаживаясь, задребезжалъ звонокъ.

Петръ и Алексѣй Алексѣевичъ вошли въ комнату.

— Удралъ? — Ловко!

— А насъ, словно гонить что-то, едва духъ переведимъ.

— Ну, какъ ты, какъ теперь?

Говорили сразу, долго не могли успокоиться.

Николай смотрѣлъ то на Петра, то на Алексѣя Алексѣевича: какъ они измѣнились! И стало ему стыдно за себя.

„Вотъ она бѣда-то у кого настоящая!“ — подумалъ онъ.

Появились на столѣ водка, пиво и красное вино.

— Это для тебя краснаго купилъ, ты любишь!—Евгений откупоривалъ бутылки.

И опять зашумѣли, даже Костя проснулся.

— Мѣста настоящаго нѣтъ,—говорилъ Петръ,—а впрочемъ, что мѣсто... Придетъ весна, уйду я изъ этого проклятаго города...

— О. Глѣба на покой уволили. Въ затворѣ старецъ и принимать ему никого не велѣно.

— Твою коробку съ эпитафіей отобрали, Каафа у себя поставилъ... въ кіотъ.

— Сломали качели.

— Все ломаютъ!—ударилъ Петръ кулакомъ объ столъ.

Николай мало говорилъ, больше слушалъ. Рассказывалъ Николай о себѣ, но ни словомъ не коснулся самаго главнаго, больше рассказывалъ такъ о ссылкѣ и товарищахъ-ссылныхъ, о томъ, какъ отупляетъ и калѣчитъ подневолье. Потомъ пошла философія.

Алексѣй Алексѣевичъ больше всѣхъ горячился:

— Мечтать устроить жизнь лучше и свободнѣе... А какую волю дать невольной душѣ?

Петръ свое говорилъ:

— Поступилъ я къ пріятелю въ театръ, милѣе онъ милаго, а то, что ты жрать хочешь и не жравши, играть не можешь, этого онъ никогда не пойметъ... не замѣтитъ, некогда ему, понимаешь... И сидишь такъ ночью послѣ спектакля и думаешь: какъ это онъ тамъ у себя ѣстъ, непременно почему-то думаешь, что ѣстъ, и кишки у тебя всѣ переворачиваются, а отъ холода и тупой злобы дрожь трясеть...

— Главное тутъ не борьба, не свобода, а во имя чего борятся, во имя чего борьба ведется?

— Хочешь я сію минуту,—наступалъ Петръ,—хочешь я влѣзу на шкапъ и внизъ головой и не расшибусь.

Вспоминали огорѣлышевскіе продѣлки, о. Гавріила,

Боголюбскаго старца. Старца рѣшили непременно провѣдать завтра же: Петръ пойдетъ съ Николаемъ.

— То-то старецъ обрадуется!

Въ бутылкахъ оставалось на донышкѣ. Шумъ стоялъ, какъ когда-то въ пивной у Г а р и б а л ь д и.

— Да провалится вся земля съ ея утробой!—Петръ влѣзъ на шкапъ и принаравливался продѣлать свой головоломный фокусъ: броситься внизъ головой и не расшибиться.

Евгеній сидѣлъ молчаливый и грустный.

Николай тоже молчалъ, Николай чувствовалъ, что трясеть его, чувствовалъ, какъ гдѣ-то въ сердцѣ ломають что-то...

Алексѣй Алексѣвичъ усѣлся за пьянино, сталъ играть.

Слушалъ Николай музыку. Ложились звуки на сердце, и былъ на сердцѣ живой костеръ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Мать сыра-земля.

Когда задули свѣтъ, и всѣ повалились, и сонъ плотно сомкнулъ отяжелѣвшія пьяныя вѣки, представилось Николаю, будто снова играетъ кто-то на пьянино.

И среди звуковъ, въ музыкѣ стала Она передъ нимъ пѣла Она свою пѣсню, пѣсню пѣсней.

„Земля обѣтованная! Крылья мои бѣлыя, тяжелыя въ въ слипшихся комкахъ кровавой грязи! Земля обѣтованная!“

И поднялась буря голосовъ, слетѣлись вихри звуковъ, зажурчали шопоты, покатались волны словъ, встали валы грозныхъ проклятій, выбилъ фонтанъ криковъ, попадали капли упрековъ, загудѣли, завыли водонады побѣдоносныхъ гимновъ, забарабанили боевые кличи, и схватилось причитанье—ропотъ съ разгульной пѣсней, и потонулъ въ плачѣ безсильный скрежетъ. Тамъ загорались голоса, какъ праздникъ,—кричали камни. Тамъ голосъ, какъ сухой ковыль, шумѣлъ просторомъ. Беззвучный плачъ на зарѣ пѣвучей! Воспоминаніе въ разгаръ желаннаго безпамятства! Глухой

укоръ въ мигъ наслажденія! Тамъ темный голосъ, совсѣмъ чужой, вылъ, какъ царь-колоколъ. Былъ голосъ—мать, и голосъ — братъ, и голосъ — другъ и голосъ — врагъ, и голосъ — не-другъ и голосъ — рабъ... Падали звѣзды.

И вдругъ трепеть взвившихся крыльевъ, разорванное небо, ужась метнувшихся звѣздъ...

А изъ разбитаго отчаявшагося сердца крестный вопль:
„Мать-сыра земля, я—сынъ твой, за что ты покинула меня!“

И видѣлъ Ее въ грязи, безпріютную заплеванную. Видѣлъ Ее, отдавалась Она на глазахъ толпы. Видѣлъ Ее нyanную и убогую. Раздутая, стоя, плыла Она по пруду. Посинѣвшая съ высунутымъ языкомъ висѣла Она на крюку. И визжала. Она, покрытая язвами, кричала Она ошпаренная. И плакала опозоренная. Глаза Ея, стонъ Ея о милости...

У нашего кабака
Была яма глубока...

—задралъ чей-то визгливый, рѣзкій, какъ красный кумачъ, бабій голосъ кабацкую пѣсню.

И схватились, слипаясь членами, уроды, чудовища — люди и звѣри, звѣри и люди, и понеслись въ ужасномъ хороводѣ. И поднялась свалка между людьми и звѣрями. Мѣсились тѣла, какъ тѣсто, хлюпало мясо, — они крутились, они выворачивались, они ползали, они заползали другъ въ друга, они разрывали, они истязали другъ друга и визжали и выли.

А изъ разбитаго отчаявшагося сердца крестный вопль:
„Мать-сыра земля, я—сынъ твой, за что ты покинула меня!“

А надъ воемъ, надъ воплемъ Ея пѣсня, пѣла Она свою пѣсню, пѣсню пѣсней.

„Земля обѣтованная! Крылья мои бѣлыя, тяжелыя въ слипшихся комкахъ кровавой грязи! Земля обѣтованная:

„Ой, Господи,—будто шепчетъ Евгеній,—дернемте, ребята, по послѣдней!“

Николай просыпается, сердце холодѣетъ. Въ комнатѣ тихо, всѣ спятъ, изъ дѣтской Арина Семеновна — Эрихъ похрапываетъ. И опять Николай засыпаетъ, но убитымъ безпамятнымъ сномъ.

А на волѣ весенняя почъ черными теплыми тучами кутала землю, таялъ снѣгъ.

Огорѣлышевскіе плотники разобрали верхъ краснаго Финогеновскаго флигеля и одна труба, облупленная съ высовывающимися закопченными кирпичами и какая-то длинная, торчала, какъ висѣлица-крестъ. А кругомъ у терасы и далеко по саду валялись отодранныя съ искривленными гвоздями доски и щепки, трухлявые столбы и стропила. И лежалъ мертвымъ лебедемъ бѣлый прудъ.

Засвистѣлъ на дворѣ фабричный свистокъ, долгій, словно со сна встрепенувшійся.

И вздохнула матово-зеленая лампа въ бѣломъ домѣ Огорѣлышевыхъ у Арсенія.

Вздрагивая, всталъ изъ-за стола Арсеній, пошелъ въ спальню, весь сгорбленный, и вдругъ схватившись отъ подкатившаго удущья за стулъ, злой на боль, на утомленіе, на краткость часовъ, пережидая боль, съ горечью думаетъ о ненужности дѣла.

Въ щелястыхъ баракахъ, несладко потягиваясь и озлобленно раздирая рты судорожной зѣвотой, молчкомъ и ругаясь, поднимаются фабричные. Осоловѣлыя недоспавшіе фабричные дѣти тычутся по угламъ, и отъ подзатыльниковъ и щипковъ хнычутъ. Распластавшіяся по нарамъ и койкамъ, женщины и дѣвушки, съ полуразинутыми ртами, борются съ одолеваяющимъ искушеніемъ почи и съ замеревшимъ сердцемъ опускаютъ горячія ноги на холодный, липкій, захарканный полъ, наскоро запахивая, и стягивая взбунтовавшуюся грудь.

Смѣняется ночной сторожъ Иванъ Даниловъ и, обезсиленный безсонной ночью, сквернословя и непотребствуя,

какъ Аверьянычъ, валится въ уголь сторожки, а на его мѣсто становится дворникъ Егоръ—Смѣхота.

И гудить Боголюбовскій колоколъ къ заутренѣ.

Тянутся къ монастырю вереницы порченныхъ, разслабленныхъ, помутившихся въ умѣ и бѣсноватыхъ съ мертвенно-изможденными лицами, измученные и голодные, у однихъ закушенные языки,—у другихъ губы растрескавшіяся, синія, безъ кровинки, съ застывшею странной улыбкой, и воютъ и бѣснуются безъ своего старца.

И блекнетъ красный огонекъ въ окнѣ бѣлой башенки у запрещенаго старца надъ каменной лягушкой.

Два худосочныхъ шпиона, переодѣтые рабочими, кисло озираясь, толкутся у красныхъ Огорѣлышевскихъ воротъ, поджидая работы. Какой-то деревенскій парень, повязанный краснымъ шерстянымъ шарфомъ, переминаясь, свертываетъ цыгарку, тоже наниматься пришелъ.

А по дорожкѣ, на той сторонѣ Огорѣлышевскаго сада, ходилъ кто-то въ драповомъ пальто, насмѣшливо улыбаясь тонкими птичьими губами, такой спокойный и равнодушный и ничему не удивляющійся.

Кто онъ—демонъ, одинъ-ли изъ бѣсовъ или просто бѣсенокъ, само Горе-Злосчастіе или Плямка? И демонъ, и бѣсъ, и бѣсенокъ, Плямка, онъ ходилъ по дорожкѣ, словно поджидалъ кого-то на свиданіе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Голышъ-камень.

Когда Арина Семеновна—Э р и х ъ разбудила Петра и Николая, Евгений ушелъ на службу. Собираться имъ было не долго: Николай выпилъ горячаго чаю, Петръ пива, и готово.

Въ Боголюбовомъ монастырѣ перезванивали къ средней обѣднѣ.

Шли они по нелюднымъ улицамъ съ низкими, при-
давленными домами, захватывали огороды и пустыри, свора-
чивали на бульвары по кривымъ переулкамъ.

Дворники подскребали тротуары.

Какіе-то оборванные гимназисты окружили лотокъ съ
грѣчниками и, цѣлясь широкимъ короткимъ ножомъ,
азартно разсѣкали румяные толкачики—грѣчники.

Гдѣ-то за вокзаломъ гудѣла роца весеннимъ гудомъ.

— Домъ ломаютъ?—спросилъ Николай.

— Да ужъ вѣрно сломали,—Петръ задыхался.

Проѣхалъ водовозъ на колесахъ.

— Водовозъ всегда первый на колесахъ. Бывало. какъ
ждешь водолаза!

Прогнали въ участокъ партію безпаспортныхъ изъ ночлежнаго дома. Сбоку шагаль городской съ книгой подъ мышкой.

— На такихъ книгахъ и переплеть паскудный: зеленые жиденькіе разводы.

— А тебѣ что жъ, сафьяновый надо?

Что въ голову приходило, то и говорилось: о самомъ главномъ Николай все не рѣшался спросить.

Черномазый мальчишка пронесъ огромный золотой калачъ—вывѣску.

Какая-то женщина въ одномъ платьѣ, едва держась на ногахъ, семенила по тротуару съ угрожающимъ въ пространство кулакомъ.

У разносчика разсыпалось мыло: ярко-желтые, какъ жиръ вареной осетрины, куски—кубики завалили весь туликъ—измазанную стѣну.

— Я, Петръ, словно въ первый разъ на міръ гляжу. все для меня ярко и ново, все вижу. Это оттого, что я взаперти просидѣлъ столько!

Поровнялись проститутки: шли онѣ на освидѣтельство-ваніе, шли своей отчаянной походкой, заразу несли, выгибали станъ.

— Посмотри, какъ онѣ ходять,—Петръ дернулъ Николая за руку,—одинъ пріятель рассказывалъ, будто всякій разъ мурашки у него по спинѣ бѣгаютъ, когда ихъ видятъ...

Вдругъ Николай остановился: то, что скрытно горѣло въ немъ, выбилось острымъ языкомъ:

— Гдѣ Таня?—спросилъ онъ шнотомъ.

А Петръ словно и не слышитъ.

— Гдѣ Таня, ты помнишь Таню?—повторилъ Николай.

— Таня отравилась... Говорять, какой-то подлець... По городу много слуховъ. Называли я Александра...—Петръ говорилъ какъ о чемъ-то очень извѣстномъ.

— Что ты, что ты?—Николай схватился за Петра.

— Называли Александра, будто Александръ...

— Неправда! неправда!—Николай задохнулся.

— Толковали о свадьбѣ, Александръ и мнѣ говорилъ, что женится. Осенью... въ октябрѣ назначена была свадьба и вдругъ... отравилась.

Николай чувствовалъ, какъ холодѣетъ сердце: такъ передъ смертью холодѣетъ сердце.

Въ это время поровнялся Сѣма юродивый, и, потряхивая головой своей барабаномъ съ бубенцами, пристально заглянулъ въ глаза и Николаю и Петру поочередно и, отплатившись, плюнулъ прямо въ лицо Николаю, плюнулъ и съ гоготомъ, съ площадною руганью, проклятіями бросился въ сторону.

Петръ бросился за Сѣмой.

— Оставь! оставь его!—закричалъ Николай, но Петръ не унимался.

Съ перекрестка, ускоряя шагъ, подходилъ городской держа на-готовѣ свистокъ.

Окна усеялись любопытными.

Няньки остановили колясочки. Высыпали изъ воротъ дворники и кухарки.

— Го, го, го...—звенѣлъ безумный хохотъ Сѣмы подъ звонъ бубенцовъ.

— Сѣма правъ, не надо!—угovarивалъ Николай Петра.

— Правъ?! — передразнилъ Петръ, и долго не могъ успокоиться.

Шли они молча, шли скорымъ шагомъ, словно топились не опоздать.

— У Александра такая улыбка огорѣлышевская, всеѣмъ Огорѣлышевъ. Арсеній старъ ужъ, путаетъ и хорохорится. Александръ правая рука, Александръ все...

— Я пойду къ Александру,—твердо сказалъ Николай.

— Забылъ онъ, какъ все мы вмѣстѣ жили. Вонъ Евге-

ній,—Петръ тряхнулъ трехрублевкой,—последнее отдалъ, а Александру... Александру некогда. Послѣ пожара закаменѣлъ весь. Ходить слухъ, что все это его рукъ дѣло, будто онъ и пожаръ устроилъ. Отъ него всего можно ждать. Въ одинъ прекрасный день Арсенія астма задушить...

— Кто задушить?—переспросилъ Николай.

— Астма... Боленъ старикъ, задыхается. Ну и скажутъ на астму и дѣло съ концомъ. Можетъ, изъ-за него и Таня отравилась.

— Я пойду къ Александру,—твердо сказалъ Николай.

Петръ ничего не отвѣтилъ, глядѣлъ куда-то поверхъ крышъ въ черную даль, словно дни считалъ, когда придетъ положенный ему срокъ...

— Только вотъ весна придетъ, уйду я изъ этого проклятаго города!

Молча входили въ монастырскія ворота.

— Реставрація,—Петръ скривилъ ротъ, указывая на стѣну.

И въ самомъ дѣлѣ, не было зеленого чорта съ хохочущими глазками, не было грѣшниковъ, тѣшущихъ чорта, какіе-то зеленые жиденькіе разводы, какъ на переплетѣ полицейской книги, заслоняли ликъ Князя міра сего.

Подымаясь по лѣстницѣ въ бѣлую башенку старца. Николай вдругъ почувствовалъ жуть, какъ тогда въ первый разъ.

У самой двери незнакомый монахъ загородилъ дорогу

— Не принимаютъ,—дерзко сказалъ монахъ.

— Не принимаютъ!—Петръ грубо толкнулъ монаха.

И они вошли въ келью.

Старецъ хотѣлъ приподняться, поздороваться, сказать что-то, и только крупныя слезы покатались изъ его багровыхъ ямъ по вналымъ щекамъ.

— Не принимаютъ!—ворчалъ Петръ, все еще не приходя въ себя.

— Колюшка! — сказалъ, наконецъ, старецъ, — вотъ и опять вижу тебя! — и шепталъ что-то, звалъ кого-то, должно быть послушника, звалъ какого-то о. Меѳодія, хотѣлъ, должно быть, гостей угостить, но никто не пришелъ, никто ему не отзывался.

Въ кельѣ было тихо, только каждую секунду пѣли часы на колокольнѣ.

— Пришелъ я къ вамъ, о. Глѣбъ, — началъ Николай и остановился, холодъ до самыхъ костей охватывалъ его, — прежде ничего подобнаго я не чувствовалъ, прежде все легко шло, легко сносилось, легко принималось.

Старецъ задумался. Скорбью дышало лицо его, и вдругъ улыбнулся.

— А помнишь, Коля, какъ ты въ табакъ бабушкѣ оделону подливалъ? Перецъ-то ей за духи сходилъ. Помнишь, ты мнѣ рассказывалъ?

— Чудось табакомъ! — попробовалъ было и Николай улыбнуться, но вмѣсто улыбки судорога скривила губы: нѣтъ, онъ не вѣритъ ни въ какое чудо, да и чудо ужъ никакое не поможетъ — изъ гробовъ покойники не встаютъ, Таня больше не встанетъ.

— Придетъ весна, унадутъ на могилахъ кресты, — снова заговорилъ старецъ, — кресты ужъ падаютъ, птицы летятъ, несутъ цвѣты и пѣсни, все обновляется, все возстаетъ изъ гробовъ, выходитъ на свѣтъ.

Сидѣлъ Петръ, какъ смерть, блѣдный, красныя пятна вспыхивали на щекахъ: никуда онъ не уйдетъ изъ этого города: дни его сочтены, съ весною кончится ему срокъ.

А старецъ говорилъ о вѣрѣ, по которой чудо совершается и творятся дѣла, о крови, черезъ которую перейти суждено, о заповѣди своей: вольно и кротко все принять, всю судьбу — всякую не долю и благословить ее всю до конца.

— Горе, горе тому, кто, перейдя черезъ кровь, не благословить судьбу свою, ибо много званыхъ, мало избранныхъ!

Николай незамѣтно для себя поднялся, походилъ по кельѣ и, стоя у окна, заглянулъ внизъ: между рамъ синѣло разбитое стекло и блестѣлъ острый голышъ.

И стала передъ нимъ та ночь, когда Александра въ тюрьму увезли, вспомнилась ночь со всѣми проклятіями, какими проклиналъ онъ тогда міръ, себя, всѣхъ людей, со всѣмъ отчаяніемъ, повернувшимъ руку бросить камень въ красный огонекъ лампадки, потушить огонекъ.

„Пропаль, — ясно подумалъ Николай, — все пропало!“ — и потянуло его пробить раму, да внизъ головой подъ обрывъ на каменную лягушку.

Старецъ вдругъ поднялся и, простирая къ Николаю руки, задрожалъ весь, готовый упасть на землю.

— Простите меня, — простоналъ старецъ и больше не сказалъ ни слова.

Видно было, что глубокое забытье нашло на него, сидѣлъ онъ неподвижно и дышалъ ровно.

Нѣсколько разъ заглядывавшій въ дверь монахъ, представленный надзирать за старцемъ, вошелъ въ келью и безцеремонно уѣлся къ столу.

Петръ и Николай, не прощаясь, потихоньку вышли. Вышелъ за ними и монахъ.

И когда замеръ послѣдній отстукъ послѣднихъ шаговъ, и каменная лѣстница помертвѣла, старецъ очнулся, проползъ къ окну, растворилъ окно и, нащупавъ голышъ, вынулъ камень, и, перебирая губами, горящими отъ слезъ, прижималъ этотъ камень къ своему сердцу, камень отчаянія, камень горя, камень перемучившагося, изстрадавшагося человѣческаго сердца.

Крупныя слезы катились изъ его багровыхъ, рыдаю-

щихъ ямъ, перегоравшихъ въ ясные, лучистые видяще глаза, и душа его, избранная изъ душъ человѣческихъ, разставаясь съ своимъ истерзаннымъ тѣломъ, тихо отходила отъ земли.

— Да будетъ воля Твоя!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Домъ ломають.

На колокольный часы пробили полдень, когда Петръ и Николай выходили изъ монастырскихъ воротъ.

Казалось, изъ проглянувшего солнца высѣкалъ бой свои теплые звуки. Такъ все горѣло на таломъ снѣгѣ.

Петру надо было на репетицію, и онъ повернулъ въ сторону къ театру.

И когда Николай остался одинъ, охватило его беспокойство, тѣмъ голосовъ на перебой заговорили въ душѣ.

Почему онъ на могилу къ Варенькѣ не зашелъ? Зачѣмъ Петръ оставилъ его одного. Почему онъ старцу всего не сказалъ, а вѣдь только одному старцу онъ и могъ бы все сказать? Почему у старца прощенья не попросилъ? Почему старецъ у нихъ прощенье просилъ? Почему Александра подозрѣваютъ въ томъ, въ чемъ Александръ совсѣмъ не виновенъ, въ томъ, что сдѣлалъ онъ, Николай? Таня отравилась! Таня отравилась? Гдѣ она? гдѣ Таня? Почему на него такъ смотрять? Зачѣмъ онъ еще ходить по землѣ? И куда онъ идетъ? Гдѣ Таня? Гдѣ Александръ?

„Домъ ломаютъ!“—вспомнилъ вдругъ Николай и повернулъ въ сторону, по направленію къ дому Огорѣль-шевыхъ.

Былъ яркій весенній день,—согрѣваясь, земля будто выперлась отъ тепла своего, отъ радости, что вотъ снова съ весною открыта жизнь: иди, куда хочешь, бери, чего хочешь.

Обогналъ Николай солдатъ съ музыкой: звуки мѣди подымали его надъ землей, вливались въ него, сдѣлали его самого звучащей мѣдью. И звеня, онъ побѣждалъ по улицѣ и летѣлъ, будто на крыльяхъ. И грохнулся бы о тумбу, если бы не чья-то рука, крѣпко впившаяся ему въ грудь.

Какой-то господинъ въ драповомъ пальто, насмѣшливо улыбаясь тонкими птичьими губами, пристально глядѣлъ Николаю въ глаза.

Николай рванулся, высвободился и, боясь оглянуться, пошелъ шагомъ.

Шелъ Николай такъ долго, кружилъ, не замѣчая улицъ, пока не поровнялся съ знакомымъ Бакаловскимъ домомъ, съ черной доской на воротахъ, сплошь измѣлованной фамиліями жильцовъ. Вошелъ во дворъ.

На дворѣ на солнышкѣ сидѣли въ кружокъ ребятишки — дѣвочки въ кумачныхъ платочкахъ. Взлохмаченный, безъ картуза, спившійся старикъ регентъ, размахивая руками, управлялъ хоромъ,

Какъ у нашихъ у порогъ
Стоитъ дѣвочъ хороводъ...

—пѣли дѣвочки тоненькими и какими-то обласканными голосами.

Вдругъ регентъ остановилъ хоръ, напыжилъ сѣдые усы и, скорчившись въ три погибели, какъ бы изображая страшнаго сыщика, зашипѣлъ перегорѣлой октавой:

— Откуда ни возмись ноздря... — и, выправившись, хватая Николая за грудь, закричалъ прямо ему въ лицо: — Ты жь убилъ человѣка!

Николай остоленѣлъ.

— Тебѣ Таньку? — зашепталъ регентъ, насмѣшливо улыбаясь, — нѣтъ твоей Таньки, Танька тютю!

Заглянувшій въ калитку Бакаловскій дворникъ Степанъ, вызывавшій когда-то Машку, сдѣлалъ скребкомъ какой-то ружейный пріемъ, будто отдавалъ Николаю честь.

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоить дѣвочъ хорождь...

— снова запѣли дѣвочки тоненькими и какими-то облаканными голосами.

Боясь оглянуться, Николай вышелъ изъ Бакаловскихъ воротъ и пошелъ, ускоря шагъ.

Мелькнулъ красный огорѣлышевскій заборъ, густо утыканный изогнутыми, ржавыми костылями, мелькнули красныя скрипучія ворота. Ровно сквозь сонъ, слышалъ Николай, какъ отдирали доски съ краснаго флигеля, какъ визжали непокорные гвозди, и что-то трещало и ломалось.

Да это въ сердцѣ у него ломали!

Вдругъ изъ переулка камнемъ пересѣкъ ему дорогу весь захыхавшійся золоторотецъ.

Прижимая руку къ груди, метался золоторотецъ, какъ ошпаренная крыса. Съ обезображеннаго лица его рвались глаза.

Видѣлъ Николай, какъ выворачивались глаза отъ ужаса и перекипали въ какомъ-то черномъ огнѣ неминуемой бѣды, рвались отъ бѣды.

Озвѣрѣлая толпа гналась за воромъ:

— Держи его! держи его! держи!

Къ конкѣ прицѣпили лошадей. Мальчики - фореиторы.

подпрыгивая, махая длинными рукавами, будто обрубками крыльевъ, свистѣли, а лошади изъ силъ выбивались, не могли тронуться.

Толпа запрудила все проходы. Надорванно заливался колокольчикъ конки. Кондукторъ, морща желтое лицо и, насѣдая грудью, вертѣлъ тормазъ, самъ заливался мелкимъ гаденькимъ смѣхомъ.

Небо ярко-синее надъ пестрой толпой куталось въ блестящую сѣть весенняго солнца и, казалось, спускалось все ниже, все ближе надъ улицей.

— Держи его! держи его! держи!—гикала озвѣрѣлая толпа,

Николай бросился черезъ проходной дворъ: едва духъ переводилъ, словно не золоторотца, а его ловили. Подкашивались ноги, сохъ ротъ.

„Домъ Братьевъ Огорѣлышевыхъ“, — мѣтко стрѣльнуло прямо ему въ глаза, и онъ, не раздумывая, повернулъ въ калитку, спустился къ бѣлому Огорѣлышевскому дому и прямо къ парадному ходу. Рванулъ за бронзовую пастъ—колокольчикъ, и слышалъ, какъ прокричалъ звонокъ за дубовой крѣпкой дверью.

Кузьма—бѣлый дворникъ открылъ ему дверь.

— Не принимаютъ!—нагло сказалъ Кузьма, не хуже монаха у старца, но, оглянувъ Николая, вдругъ просіялъ весь,—Николай Елисеевичъ, нешто это вы? Къ дяденькѣ навѣстить?

— Дома, не уѣхалъ еще?

— Дома-съ, дома-съ, пожалуйста... А у насъ, Николай Елисеевичъ, Трифонъ померъ! Пѣсню-то еще играть заставляли: „Сто усовъ,—сто носовъ...“ А дяденька хворые стали, бывалочи летаютъ...

Кузьма пошелъ доложить. Николай ходилъ по коридору. Приторно пахло цвѣтами.

Въ конторѣ скрипѣло перо, и на разные лады выше кивали счеты припѣвъ непристойной пѣсни:

Сто усовъ—
Сто носовъ...

На матовомъ стеклѣ двери конторы попрежнему стояла черная лѣпная надпись: ч о р т о р а в мѣсто к о н т о р ы,—давнішняя финогеновская пробѣлка.

Заглянуль Николай въ библіотеку. Завѣшанныя зелеными шторами стояли попрежнему полки и шкапы, биткомъ набитыя книгами. Отдернулъ было занавѣску, хотѣлъ посмотреть книги и отскочилъ.

— Держи, держи!—послышалось ему въ хрипѣ старыхъ часовъ.

— Пожалуйте, — Кузьма осклаблялся, — сердитые они, ужасть!

Медленно поднимался Николай по знакомой лѣстницѣ, такъ медленно, словно кто-то тянулъ его за ноги со ступенекъ внизъ къ двери. Задѣвалъ прутья ковра, цѣплялся за перила.

„Цѣпочки-то на лампахъ вовсе не золотыя,—подумалъ онъ,—а мѣдныя, и цѣна имъ грошъ!“

Сто усовъ—
Сто носовъ...

— выщелкивали ему вдогонку изъ конторы счеты припѣвъ непристойной пѣсни.

Приторно пахло цвѣтами. Весь залъ былъ въ живыхъ цвѣтахъ, словно былъ въ домѣ покойникъ. Запахъ мутилъ.

На площадкѣ лѣстницы забилося сердце: зачѣмъ онъ попалъ къ Огорѣлышевымъ, и на что ему видѣть Арсенія?

„Домъ ломаютъ!“ — вспомнилъ вдругъ Николай и ему

стало ясно, зачѣмъ ему понадобился Арсеній: сейчасъ онъ объяснится съ Арсеніемъ, вѣдь это же невозможно, чтобы ихъ домъ сломали!

А почему невозможно? Но это ужъ какъ-то само собою рѣшилось и Николай крѣпко дернулъ за ручку двери къ Арсенію въ кабинетъ, и вдругъ приподнялся на цыпочки, оробѣлъ, какъ въ дѣтствѣ.

— Можно?—упавшимъ хриплымъ голосомъ спросилъ Николай.

Но отвѣта не было.

— Можно?—спросилъ Николай, зубъ на зубъ не попадалъ у него.

Но отвѣта опять не было.

— Можно?—спросилъ Николай въ третій разъ и, не дожидаясь отвѣта, грубо толкнулъ дверь.

Арсеній сидѣлъ у своего письменнаго стола, высоко по-американски задравъ на столъ ноги, нетерпѣливо покоился изъ-подъ пенснэ на гостя, и на желтой его морщинистой шеѣ задержался мускулъ.

— Тебѣ чего?—взвизгнулъ Арсеній, какъ оцетинившаяся кошка.

Отвратительный кошачій визгъ—огорѣлышевскій звенящій, уничтожающій звукъ на минуту остановилъ Николая.

И они напряженно смотрѣли другъ на друга.

Вдругъ Арсеній забеспокоился, рука его, какъ мышъ, проворно скользнула къ звонку.

— Вотъ эта самая фотография!—Николай вынулъ изъ кармана фотографію Огорѣлышевскаго пруда, ту самую, которую захватилъ съ собой изъ Веснеболога: прудъ въ зимній инеевый полдень,—и загородилъ звонокъ. А въ окно, прямо передъ Николаемъ, тянулся дворъ, и поверхъ нагихъ деревьевъ торчала облупленная черная труба флигеля.

И защемило у него на сердцѣ, будто всѣ эти черные кирпичи рухнули ему на сердце.

Старикъ нетерпѣливо вертѣлъ передъ собой фотографію: пенснэ то и дѣло спадало.

И защемило у Николая на сердцѣ отъ острѣйшей скорби: всѣ нити сердца расщепились и заострились, и стало сердце кровавымъ ежомъ. Дрожь ударила его съ головы до ногъ, онъ повернулся, хотѣлъ вырвать у Арсенія фотографію, протянулъ руки, и руки его сами собой опустились на плечи Арсенія, проворно обвились вокругъ шеи и, крѣпко сомкнувшись, стали душить, и крѣпкія мяли какое-то мясо, ломали какой-то упорный металлическій стержень, какой-то костлявый хрящъ...

Въ этомъ стержнѣ, въ этомъ хрящѣ,—надо сломать его!—вся боль хоронилась и скорбь—надо сломать его!—деревья больше не покроются листьями, бѣлый прудъ никогда не оттаеетъ, сѣдой теплый дымъ не поднимется изъ черной трубы—надо сломать его!—Таня не вернется, Таня никогда ужъ не вернется... безпросвѣтно!

— Безпросвѣтно!

Николай навалился всей грудью на старика и душилъ его ужъ задохнувагося.

Старикъ, изогнувъ длинную морщинистую шею, глядѣлъ, какъ тогда Розикъ глядѣлъ съ перебитой лапкой, словно спрашивалъ: „ну въ чемъ же я-то виновенъ?“—и сладкая толстая слюня съ кровью ползла изъ его разинутого прокопченнаго табакомъ рта.

Кто-то, не спѣша, прошелъ мимо двери, шаги прошмыгали спокойно.

Николай высвободилъ руки. Не оглядываясь, вышелъ онъ изъ комнаты, притворилъ за собой дверь и къ лѣстницѣ.

Приторно пахло цвѣтами.

„Кровью!“—подумалъ Николай и невольно посмотрѣлъ

себѣ на руки: руки его были чистыя, безъ пятнышка, только жилы напряжились.

На лѣстницѣ онъ никого не встрѣтилъ, и въ прихожей ни души не было—Кузьма лампы чистилъ и, должно быть, на верхъ пошелъ за лампами, и въ конторѣ было тихо, счета не щелкали.

Такъ незамѣтно Николай вышелъ на волю, не таясь, обогнулъ бѣлый Огоролышевскій домъ, сталъ подыматься къ бѣлымъ воротамъ.

Какой-то господинъ въ драповомъ пальто съ бѣлымъ сверткомъ въ рукахъ мѣшкалъ у калитки, словно поджидаль Николая.

„Въ конфетной коробкѣ огорѣлышевскую душу не сеть!“—мелькнуло у Николая, онъ прибавилъ шагу и, столкнувшись съ незнакомцемъ, узналъ въ немъ того самаго господина, котораго ужъ разъ встрѣтилъ на улицѣ.

Незнакомецъ вѣжливо приподнялъ шляпу, птичьи тонкія губы его насмѣшливо улыбались.

Въ другое бы время Николай просто бросился на него или толкнулъ бы его, но теперь ему было какъ-то все равно, какая-то непреоборимая лѣнь опускала ему руки.

И онъ шелъ такъ, ослабѣвая, съ остановившимся взглядомъ куда-то за дома, за фабрики, словно искалъ, гдѣ бы можно было лечь и заснуть крѣпко-крѣпко. Слышалъ онъ сзади себя шаги и зналъ, что тотъ господинъ въ драповомъ пальто идетъ за нимъ, не упускаетъ изъ глазъ, слѣдитъ за нимъ, но обернуться охоты не было, было все равно.

— Господинъ Финогеновъ!—покликалъ таинственный провожатый: тенористо-прожиженный голосъ его крючкомъ зацѣпилъ Николая.

Николай приостановился.

— Прошу извинить, мы съ вами немного знакомы, сосѣди,—господинъ въ драповомъ пальто изысканно приподнял шляпу,—Плямка, моя фамилія Плямка, у Бакалова

на пятомъ этажѣ комнату снималъ, номеръ сто двадцать первый, а вы, господинъ Финогенъ, въ сто двадцатомъ, конечно!

И Плямка пошелъ съ Николаемъ плечо въ плечо.

— Что вамъ отъ меня надо?—спросилъ Николай, не вытерпѣвъ: какъ не все равно ему было, а назойливость начинала и его выводить изъ терпѣнія.

— Вы, конечно, изъ газетъ знаете, нашего князя убили?

— Удушили?

— Нѣтъ-съ, что вы. Такую птицу голыми руками взять невозможно, это не старикъ, котораго комаръ затопчетъ. Я вотъ всю ночь поджидалъ васъ, кое-что передать имѣю... Вы, кажется, знавали Катинова?—Плямка прищурился.

— Катинова? Какъ же!

— Катиновъ и убилъ.

— Катиновъ?

— Вчера утромъ на площади. Конечно, зря убилъ. Катинова повѣсятъ!—Плямка тянулъ Николая по какимъ-то незнакомымъ улицамъ чрезъ проходные дворы,—сначала выборъ у нихъ палъ на вашего дядюшку, Арсенія Николаевича Огорѣлышева,—разсказывалъ Плямка,—потомъ рѣшили оставить его въ покоѣ: не стоитъ марать рукъ. Раньше это имѣло бы смыслъ, но теперь... вашъ братецъ Александръ Елисеевичъ и тотъ поважнѣе. Впрочемъ, и князя зря и совсѣмъ даже зря на тотъ свѣтъ отправили. Если что и дѣлалъ князь, такъ все подъ дудочку того же Арсенія Николаевича. Лично я цѣню только крупное, а пустяки эти—ерунда. Въ древности пророки огонь низводили съ неба, ну насъ на это не хватить, мы измелъчали, огня намъ не свести... не только тамъ на кого-нибудь, а такъ, ну хоть на папирску. Для такихъ вещей, кромѣ великой вѣры, надобно и еще кое-что, а у насъ ни вѣры, ни твердости, ничего, такъ червячки... воробьесвъ пугать!

— Какіе червячки?

— Да обыкновенные, крохотные, навозные черви... такъ и кишать... безпросвѣтно...

— Безпросвѣтно! — повторилъ Николай, — безпросвѣтно! — и услышалъ, какъ ударили въ Боголюбовомъ монастырѣ въ большой колоколъ, помолчали и опять ударили, помолчали и опять ударили. Такъ звонять въ церквахъ, когда помретъ священникъ.

— Старецъ померъ! — сказалъ Плямка: птичьи тонкія губы его улыбались.

И словно мгла разсѣялась передъ Николаемъ. Кругомъ на улицѣ накрикъ кричали, неугомонно шумѣли, немилосердно стучали, и каждый звукъ былъ отдѣльнымъ, каждый звукъ выходилъ, какъ въ рупоръ, съ того свѣта. И хотѣлось бѣжать, вернуться, поправить, спасти. А куда бѣжать? Куда вернуться? Что поправить? Кого спасти?

Николай рванулся отъ Плямки и побѣжалъ, куда глаза глядятъ.

Мимо мчался легковой извозчикъ, Николай бросился за извозчикомъ, летѣлъ сломя голову. Ужъ схватился онъ за спинку санокъ, занесъ было ногу... но извозчикъ съ остервененіемъ хлестнулъ лошадь и пропалъ изъ глазъ.

И снова ударили въ Боголюбовомъ монастырѣ. Пѣлъ колоколъ о великой скорби и словно рвался похоронный звонъ отъ давившихъ слезъ, колокола перезванивали.

„Боже мой! Боже мой, по что Ты меня оставилъ!“

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Много званыхъ, мало избранныхъ.

Вся монастырская площадь была биткомъ набита.

Вѣсть о кончинѣ Боголюбовскаго старца о. Глѣба въ мигъ облетѣла весь городъ. Народъ валомъ валилъ: обступили ограду, унижали стѣны.

Красный огонекъ въ бѣлой башенкѣ не свѣтилъ больше.

Съ гиканьемъ, упиваясь, издѣвались богомольцы надъ огромной каменной лягушкой—дьяволомъ у подножія башенки: топтали ее, плевали въ закатившіеся каменные бѣлки непроницаемыхъ глазъ, и ревнуя, тутъ же и непотребствовали на нее.

Монахи, какъ стража, охраняли входъ: не велѣно было пускать въ ограду.

И полицейскіе, конные и пѣшіе, жандармы, солдаты глухой стѣной застѣнили ворота.

А толпа росла и шумѣла, какъ на огромномъ пожарѣ, и выли, кликали, визжали бѣсноватые.

И подъ вырастающую тоску бѣсноватаго воя хотѣлось

сному выть и ломаться, биться о землю, ползти, грызть камни, царапать себѣ лицо, кусать руки...

Николай, пробравшійся къ самому входу, грудь-о-грудь съ лошадьми и шашками, чувствовалъ страшную пустоту: она залегла, какъ туча, между нимъ и шашками, между нимъ и лошадьми, между нимъ и всей этой толпой, и, сдавливаемый со всѣхъ сторонъ, онъ вертѣлся, какъ подколотый вьюнъ. Слышалъ онъ хлестъ нагайки за спиной, а все втирался въ толпу. И жгла жажда до неистовства, выворачивала ему всѣ внутренности.

Николай хотѣлъ бы остановиться, хотѣлъ бы схватить чью-нибудь руку и держаться, или грохнуться о-земь да такъ, чтобы ужъ навсегда. Но никого не было, ни одного живого лица, одна жуткая пустота, жуть.

Вотъ онъ убилъ старика, ну и что жъ? Черезъ кровь перешелъ, ну и что жъ? Прими теперь вольно судьбу свою, благослови ее всю до конца, и получишь власть надъ бѣсами! А на что она ему эта власть? И бѣсы не помогутъ ему!

— У-у! — вырвался его отчаянный вопль: огненный языкъ палилъ всѣ слова, и не было больше словъ на языкѣ.

Николая стали тѣснить и скоро онъ очутился на самомъ концѣ площади и ужъ не пошелъ назадъ, онъ пошелъ такъ, куда глаза глядятъ.

И пришелъ онъ къ Александру: вѣдь онъ съ утра собирався къ Александру!

Опоздай онъ на минуту, и не засталъ бы Александра: Александръ стоялъ на порогѣ, торопился куда-то изъ дому.

И они стояли молча, глядѣли другъ на друга.

Вдругъ Александръ обнялъ Николая и крѣпко поцѣловалъ:

— Ты убилъ? — спросилъ онъ шопотомъ.

— Не, ее!—отвѣтилъ Николай одними губами, не было у него больше словъ на языкѣ.

Но Александръ ужъ быстро по-огорѣлышевски шмыгалъ по лѣстницѣ внизъ изъ дому.

Бритый лакей провелъ Николая въ пріемную.

Николай усѣлся въ кресло и опять почувствовалъ, какъ непреоборимая лѣнь опускаетъ ему руки.

Смеркалось. Въ пріемной зажгли лампы.

Огромный писмоводитель съ бѣлымъ на глазу муслилъ языкомъ конверты, прихлопывалъ конверты широкой ладонью и что-то все приговаривалъ.

И на минуту представилось Николаю, будто лежитъ онъ въ гостиной на полу подъ диваномъ и смотритъ сквозь пустую звѣздочку, прожженную папирсой на оборкѣ дивана. И вдругъ совсѣмъ неслышно появилась Прасковья, несла старуха подносъ съ чаемъ.

— Прасковья!—поздоровался Николай, но не могъ подняться къ старухѣ.

Нянька попрежнему начала о Митѣ—о Прометѣѣ, какъ погибъ рабъ Митрій.

— Митя въ пруду потонулъ!—повторяла Прасковья и плакала сморщенными, добрыми исхлестанными глазами,— а когда вы, батюшка, были совсѣмъ маленькими встрѣтили мы на дворѣ дяденьку Арсенія Николаевича, и, такъ вы, батюшка, кулачки сжали на дяденьку...

И подъ разговоръ Прасковьи Николай на минуту забылся.

„Хочешь, я сію минуту влѣзу на шкапъ и оттуда внизъ головой брошусь, хочешь?“ — услышалъ въ забытій голосъ Петра. А Плямка свое будто тянетъ: „Пророки огонь низводили... ну, а мы и на папиросу искорки не достаемъ, червячки... воробьевъ пугаты!“.

— Да жить-то мнѣ не зачѣмъ, батюшка, закопытили...

будетъ ужъ, — плакала Прасковья сморщенными добрыми исхлестанными глазами.

— Плямка! Плямка! — затрещалъ телефонъ, и гдѣ-то на весь домъ зазвонили и захлопали...

Хлопали дверьми и шумѣли.

Николай вскочилъ съ кресла, насторожился.

Письмоводитель на цыпочкахъ вышелъ. Ушла съ подносомъ Прасковья.

Высунулся было въ дверь бритый лакей, посмотрѣлъ на Николая и снова плотно притворилъ дверь, нѣтъ, не притворилъ, а заперъ дверь на ключъ.

И настала тишина въ домѣ, только гдѣ-то за дверью, за стѣною, гдѣ-то въ коридорѣ шаги, только шаги: назадъ и впередъ, назадъ и впередъ... ходилъ кто-то, словно на часахъ по-солдатски.

„Сейчасъ арестуютъ!“ — понялъ Николай и твердо пошелъ прямо къ окну, растворилъ широкое окно, влѣзъ на подоконникъ и сталъ спускаться по карнизу, и спустившись до нижняго этажа, прыгнулъ на землю и пустился бѣжать.

И бѣжалъ онъ по улицѣ, самъ не зная, куда, не разбирая дороги. Одна была мысль: уйти, скрыться изъ глазъ.

И вдругъ его крѣпко ударило что-то по плечу, и онъ лицомъ упалъ на мостовую и, обороняясь, подобрался весь, но лошадиныя копыта съ трескомъ подбросили его подъ колеса, и онъ завертѣлся на мѣстѣ, какъ вьюнъ, какъ подколотый вьюнъ. И въ тотъ же мигъ, будто острый кусокъ льда со свистомъ лизнулъ его шею, и чернокрасный большой свѣтъ густыми брызгами взметнулся передъ глазами, и щемлящая сухая боль и что-то до приторности сладкое загрызло гдѣ-то въ глубинѣ рта — безпощадные клещи сдавили ему черепъ и поволокли его по гвоздямъ черезъ огонь и ледъ, черезъ ледъ и огонь, черезъ тьму...

Со сломанными ногами и пробитымъ черепомъ подняли Николая съ мостовой изъ-подъ кареты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Въ девятый часъ.

Бесенняя была ночь, звѣздная, шумно-весенняя.

Вокругъ Боголюбова монастыря, какъ одна свѣча, горѣли свѣчи—не расходился народъ. Какъ половодье, шелъ на родъ, гудѣлъ. Сбили полицейскихъ, сбили лошадей, разогнали монаховъ, проломили двери, ворвались въ ограду.

Ужась и отчаяніе рвались въ крикъ бѣсноватыхъ.

Бѣсноватые расползлись по кладбищу, унижали кресты, забирались въ склепы, разрывали могилы, бѣсноватые, порченныя съ закушенными отъ боли языками, въ разодранныхъ одеждахъ.

Какая-то женщина въ вѣнцѣ развѣвающихся русскихъ волосъ, полуобнаженная, крѣпко сомкнувъ опущенныя руки, кричала:

— Глѣбъ, Глѣбъ, не мучь меня! Выйду, выйду... А куда я изъ тебя выйду?

А съ кладбища надрывался вопль:

— Не пойду, не пойду...

Юродивый Сема, потряхивая головой барабаномъ, звенѣлъ бубенцами.

И кто-то, попирая каменную лягушку у бѣлой башенки старца, зывалъ:

— Пропаль я, пропаль... Онъ мучить, сжигаетъ меня! Выйду, выйду!

Каменная лягушка шевелила безобразными перепончатыми лапами, — вздувалось ея бѣлое каменное тѣло, размягчался камень, разбухалъ, слетала короста, разливалась сѣтъ тончайшихъ жилъ, алѣла, и выступали острые сине-грознаы измученныя вѣки измученнаго челоуѣка.

Каменщики разобрали стѣну Огорѣлышевскаго склепа. Улыбались въ гробахъ черепа своей костяной улыбкой, поджидали роднаго сына и брата. А изъ глуби оживающей земли ужъ ползли бѣлые черви, загребали мохнатыми цѣпкими ножками.

О. Іосифъ — Блоха начицалъ огорѣлышевскія лампадки.

Весенняя была ночь, звѣздная, шумно-весенняя.

На Огорѣлышевскомъ дворѣ не расходился народъ. Запрудили весь дворъ любопытные.

И трещалъ ломкій ледъ на пруду, притоштывался сапогами грунтъ сломаннаго краснаго флигеля и три длинныхъ облупленныхъ прокопченныхъ трубы съ высовывающимися кирпичами торчали, какъ три креста-висѣлицы.

Подъѣзжали кареты къ освѣщенному бѣлому дому.

Опущенныя бѣлыя занавѣсы въ освѣщенныхъ окнахъ вздувались.

Лежалъ Огорѣлышевъ въ крѣпкой дубовой колодѣ — въ золотомъ гробѣ, глаза были плотно сжаты, а губы нетерпѣливо скривились.

Приторно пахло цвѣтами.

И былъ вокругъ гомонъ, какъ на свадьбу.

Въ сводчатой тюремной мертвецкой костенѣлъ обезо-

браженный трупъ Финогенова: съ лица была содрана кожа—
чернѣло лицо и по-волчьи скалились зубы.

Жутко было въ тюремной мертвецкой.

Далеко отъ Камушка до Чугунно-литейнаго завода и
отъ Колобовскаго сада до Синички и отъ Синички черезъ
пустырь—огороды до Боголюбова монастыря и отъ монастыря
до новой тюрьмы и дальше за заставу разливалось зарево.

А надъ заревомъ глядѣли весеннія чистыя звѣзды.

А тамъ, за звѣздами, на небесахъ, устремляя къ Пре-
столу взоръ, полный слезъ. Матерь Божія сокрушалась и
просила Сына:

— Прости имъ!

А тамъ. на небесахъ, была великая тьма.

— Прости имъ!

А тамъ, на небесахъ, какъ нѣкогда въ девятый поки-
нутый часъ, висѣлъ Онъ, распятый, съ поникшей головой въ
терновомъ вѣнцѣ.

— Прости имъ.

К О Н Е Ц Ъ.

1902—1903 г.

1911 г.

Царяжъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая.

Глава	1	Домъ Братьевъ Огорѣлышевыхъ	13
„	2	Подъ диваномъ	28
„	3	Оглашенные	48
„	4	Духъ вонъ, лапы кверху	58
„	5	Олаборники	66
„	6	Семи-винтовое зеркальце	74
„	7	Мертвая грамота	83
„	8	Огорѣлышевы	88
„	9	Ангелы земные — небесные чело­вѣки	96
„	10	Хранитель Божьей правды	108
„	11	Ладанъ херувимскій	116
„	12	Прудъ посмотреѣть	123
„	13	Театръ	131
„	14	Прекрасная мати-пустыня	140
„	15	Монахъ	156
„	16	Бунтъ	163
„	17	На цвѣты	169
„	18	Маргаритка	180
„	19	Огорѣлышевское отродье	184
„	20	Деньги впередъ	190
„	21	Серебряная свадьба	194
„	22	Розикъ	202
„	23	Стопудовое яйцо	208
„	24	Плямка	218
„	25	Раненое сердце	225

Часть вторая

Глава	1	Бѣсы служатъ ему	235
„	2	Сто усовъ—сто носовъ	244
„	3	Придите ко мнѣ!	250
„	4	Морильня	255
„	5	Каменная лягушка	260
„	6	Рождественская звѣзда	264
„	7	Латникъ	268
„	8	Пожаръ	274
„	9	Сѣрый огонь	280
„	10	Котикъ бѣленькій—хвостикъ сѣренькій .	284
„	11	Эпитафія	289
„	12	Мара	295
„	13	Судъ	301
„	14	Расправа	310
„	15	Куда вѣтеръ гонить	314
„	16	Мертвая петля	319
„	17	Гарь	322
„	18	Дѣва днесъ	328
„	19	Оракулъ	331
„	20	Дѣма	334
„	21	Мать—сыра земля	339
„	22	Голышъ—камень	343
„	23	Домъ ломають	350
„	24	Мало званыхъ, много избранныхъ . . .	360
„	25	Въ девятый часъ	364

Сочиненія Алексѣя Ремизова.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Разсказы: Неуёмный бубень.—Царевна Мымра.—Чортикъ.—
Судъ Божій.—Жертва.—Занофа.—Слоненокъ. Ц. 1 р. 25 к.

ТОМЪ ВТОРОЙ:

Разсказы: Часы.—Въ плѣну.—Пожаръ. Ц. 1 р. 25 к.

ТОМЪ ТРЕТІЙ:

Разсказы: Крѣпость.—Святой вечеръ.—Безъ пяти минутъ
баринъ.—Придворный ювелирь.—Серебряныя ложки.—
Музыкантъ.—Опера.—Казенная дача.—Эмалиоль.—Но-
вый годъ.—Бибка.—Бѣдовая доля. Ц. 1 р. 25 к.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ:

Прудъ. Романъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

ТОМЪ ПЯТЫЙ:

Разсказы: Крестовыя сестры.—Галстукъ.—Чертыханецъ.—
Мака. — Тайнственный зайчикъ. Ц. 1 р. 25 к.

ТОМЪ ШЕСТОЙ:

Сказки: Посолонь.—Къ Морю-Океану.—Разныя сказки.
Ц. 1 р. 25 к.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ:

Повѣствованія: Лимонарь. Пьесы: Бѣсовское дѣйство. —
Трагедія о Іудѣ.—Дѣйство о Георгіи. Ц. 1 р. 25 к.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Должно быть:
13	7 сверху	веслами	ветлами
16	5 снизу	нѣкогда	некогда
78	1 сверху	тѣнистый	тинистый
115	15 »	и понялъ	, понялъ
161	11 »	и скрипнувъ	, скрипнувъ
163	4 »	будеть и завтра, успѣется!	будеть, и завтра успѣется!
167	14 »	въ омуты	въ омутѣ
168	7 снизу	это или	это ли
182	7 сверху	рублевого	нарядного
191	12 снизу	оговорка	отговорка
291	10 сверху	по крышѣ	по крышкѣ
291	11 »	булавки	буковки
305	3 снизу	вступила	выступила
306	8 сверху	токой	такой
307	3 »	выливались	вываливались
309	9 »	ударало	ударило
317	10 снизу	десять	девять
330	5 сверху	грезы	грозы
354	7 »	пробѣлка	продѣлка